п 472

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ
ЧЕТВЕРТИЧНОГО ПЕРИОДА

Т. XV

ПАЛЕОЛИТ СРЕДНЕГО ПРИДНЕСТРОВЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1959

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ
ЧЕТВЕРТИЧНОГО ПЕРИОДА
XV

ПАЛЕОЛИТ СРЕДНЕГО ПРИДНЕСТРОВЬЯ

А. П. Черныш

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ СРЕДНЕГО ПРИДНЕСТРОВЬЯ

И. К. Иванова

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ НАХОЖДЕНИЯ
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК
СРЕДНЕГО ПРИДНЕСТРОВЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1959

Ответственные редакторы:
В. И. ГРОМОВ, А. П. ОКЛАДНИКОВ

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий сборник содержит две работы, посвященные палеолитическим поселениям Среднего Приднестровья.

В работе А. П. Черныша обобщены результаты работ его предшественников и его собственных, осуществленных в 1946—1958 гг. В ходе исследований на Днестре Черныш открыл и обследовал большое количество разновременных памятников палеолитического возраста, в том числе многослойные поселения с культурными слоями, давшими комплексы различного времени и характера.

Исследования этих поселений дали богатый материал по хозяйству и культуре палеолитического населения: каменные и костяные изделия, остатки жилищ и бытовых комплексов, а также замечательные образцы верхнепалеолитического искусства. Найдены «жезлы начальников», один из которых украшен барельефным изображением человеческой фигуры, и даже две костяные «флейты», представляющие собой древнейшие на территории СССР свидетельства о появлении зачатков музыкальной культуры в столь отдаленные времена.

Для выяснения общего хода исторического процесса в палеолитическое время на территории СССР исключительно важное значение имеют результаты раскопок трех многослойных стоянок: Бабин I, Вороновица I и Молодова V, которые вместе с такими широко известными в литературе многослойными палеолитическими памятниками, как Костенки, впервые позволяют проследить процесс последовательной смены палеолитических культурных комплексов и увязать его с геологическими данными, рисующими одновременные изменения в природе.

А. П. Черныш дает в своей работе весьма тщательное и исчерпывающее описание этих культурных комплексов. Основной его вывод о развитии палеолитической культуры и общем ходе исторического процесса состоит в том, что эволюция культуры палеолитического человека в Приднестровье шла тем же путем, что и в соседних областях Западной, Центральной и Восточной Европы, и что изменения в культуре являются результатом постепенного прогрессивного развития культуры местного населения. При этом, однако, А. П. Черныш не отрицает наличия связей между различными позднепалеолитическими племенами и возможность передвижения этих племен в другие области.

Так, в частности, он соглашается с гипотезой о проникновении культуры лингби на север Европы из более южных областей. Подтверждение этого он видит в кирках из рогов северного оленя с коленчатыми рукоятками, найденных на территории Приднестровья и напоминающих известные топоры типа лингби.

Стратиграфические наблюдения и выводы А. П. Черныша представляют, несомненно, большой интерес для разработки такого важнейшего

вопроса древнейшей истории европейского континента, каким является вопрос о классификации и периодизации памятников верхнего палеолита и о путях развития верхнепалеолитической культуры в целом.

Нужно пожелать только, чтобы исследования многослойных стоянок Приднестровья, так успешно начатые работами А. П. Черныша и имеющие такое выдающееся значение, были продолжены в значительно более крупных масштабах; особенно необходимы широкие раскопки самых глубоких культурных горизонтов, залегающих на глубине 10—11 м от поверхности. Вряд ли следует говорить о том, что раскопки эти дадут не только первоклассный по ценности материал, но и откроют еще совершенно не известные, а может быть, и неожиданные в принципе, страницы древнейшей истории человека.

Публикуемая сводка А. П. Черныша по палеолиту Приднестровья, являющаяся результатом длительной и упорной работы на протяжении двенадцати лет, представляет большой и существенный вклад в изучение палеолита СССР.

Ценно, что в этом выпуске публикуется работа И. К. Ивановой, в которой приводится геологическое описание района многослойных палеолитических стоянок, исследованных А. П. Чернышом, и условий их нахождения. Эта работа имеет также большое самостоятельное научное значение, так как содержит новые детальные данные по геологии и геоморфологии слабо изученного отрезка долины Днестра и интересные выводы о стратиграфическом положении палеолитических стоянок. На примере этих двух работ подтверждается большая плодотворность совместных полевых исследований археолога и геолога, что на практике проводится, к сожалению, не всегда.

В. И. Громов, А. П. Окладников

А. П. Черныш

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ СРЕДНЕГО ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Глава I

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТА СРЕДНЕГО ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Исследования палеолита Среднего Приднестровья начались в 80-х годах XIX столетия, когда появились первые сведения о палеолитических памятниках левобережья Среднего Днестра.

В 1881 г. вышла из печати сводная работа А. Уварова «Каменный период», в которой сообщалось о палеолитических находках у г. Каменец-Подольский.

В 1886 г. в Трудах VI Археологического съезда была опубликована работа В. Б. Антоновича «О скальных пещерах на берегу Днестра в Подольской губернии». В этой работе описывались обследованные автором в 1883 г. пещеры Приднестровья, а также отмечались находки костей мамонта и оббивных кремневых орудий на левом берегу Днестра, возле местечка Студеница. Аналогичные материалы были обнаружены В. Б. Антоновичем и у с. Врублевцы.

В 1901 г. в Трудах XI Археологического съезда вышла работа Е. Сецинского «Археологическая карта Подольской губернии», в которой были собраны все известные в то время сведения об археологических находках, городищах, валах на территории нынешних Хмельницкой и Винницкой областей УССР.

В 1904 г. геолог Н. Ф. Криштафович, в свое время много внимания уделивший изучению палеолитических памятников, произвел осмотр местонахождения на Днестре у Студеницы и обнаружил кости древних животных и кремневые поделки в лёссовой стенке оврага возле Белой горы, на Белой горе и в находящихся рядом пещерах.

В 1915 г. была опубликована сводная работа одного из крупнейших русских археологов А. А. Спицына — «Русский палеолит», в которой были обобщены приведенные выше сведения о находках палеолитического времени на Днестре.

Этими сведениями исчерпываются данные о палеолитических местонахождениях левобережья Среднего Днестра, известных до Великой Октябрьской социалистической революции. На правом берегу Днестра в это время еще не было известно ни одного палеолитического местонахождения. В 20—30-х годах XX в. ряд палеолитических памятников был открыт на правобережье румынскими учеными — сотрудниками Кишиневского и Черновицкого музеев и Ясского университета.

Первой палеолитической стоянкой Среднего Приднестровья, ставшей известной на правобережье Днестра, является стоянка Оселивка (Кишла Неджимова), расположенная на территории Кельменецкого района Черновицкой области УССР. Эта стоянка была открыта в 1923 г. Ч. Амброжевичем (Ambrozewicz, 1926). В 1924—1926 гг. он произвел здесь разведочные раскопки, приведшие к выводу о наличии на стоянке Оселивка двух слоев: верхнего — «ориньякского» и нижнего — «микокского». В верхнем слое стоянки были обнаружены не только кремневые изделия, но и обломки костей ископаемых животных.

Второй палеолитической стоянкой правобережья Днестра, открытой Ч. Амброжевичем в 1923 г., является стоянка у с. Корман Секирянского района Черновицкой области. Находки костей мамонта здесь были известны еще с 1920 г. Стоянка Корман рассматривалась Ч. Амброжевичем как стоянка с «ашельско-микокскими» и «ориньякскими» остатками. «Ашельские» находки, по его мнению, были переотложены (Ambrozewicz, 1928).

Третьим местонахождением палеолита на правом берегу Днестра является с. Дарабаны Хотинского района: на открытом еще в 1913 г. трипольском поселении в годы исследований стоянки Оселивка, Ч. Амброжевич обнаружил кремневые изделия палеолитического облика (Ambrozewicz, 1928).

В те же годы им были зафиксированы находки четвертичной фауны в оврагах у с. Непоротово Секирянского района. В 1924—1926 гг. кишиневский геолог Н. Флоров собрал здесь, в овраге «Казенный Яр», кремневые поделки, относимые им к ориньякскому времени (Florow, 1930), и кости мамонта.

Продолжая в 1926—1928 гг. разведки на правом берегу Днестра, Амброжевич открыл целую группу палеолитических стоянок и местонахождений, и в том числе местонахождение у с. Прелипче Лука на территории современного Заставновского района Черновицкой области, а также стоянки: Вороновица I (Барвинская гора), Вороновица II (Над стенкой), Вороновица III (Вовкивца), Вороновица IV (На выгоне), в окрестностях с. Вороновица Кельменецкого района Черновицкой области; стоянки Бабин I (Яма), Бабин II (Антония), Бабин III (Магазия), Бабин IV (Цимбаловая говда), Бабин V (Хлопив), Бабин VI (Муравишко) у с. Бабин того же района; Корман I (Дильница), Корман II (Томина), Корман III (На крестах) у с. Корман Секирянского района Черновицкий области; Ожево I в урочище «Вид шляху до пасиешка» у с. Ожево того же района; Распопинцы I (Верховина), Распопинцы II (Одая), Распопинцы III (Глубокий яр) у с. Распопинцы того же района; Волошковое I (Секирянская гора), Волошковое II (Громовина), Волошковое III (Под совами), Волошковое IV (Гайдамацкий яр) того же района; Наславча I (Имаш), Наславча II (Поповое поле) у с. Наславча Атакского района Молдавской ССР и местонахождение у с. Балинцы Сорокского района Молдавской ССР (Ambrozewicz, 1930).

В 1928 г. Амброжевич произвел разведочные работы на стоянке Оселивка, а в 1929 г.— на стоянках Бабин III и Корман II. Материалы этих исследований не были опубликованы, имеется лишь указание на них (Ambrozewicz, 1930).

Всего за годы своих разведок на правобережье Днестра Амброжевич открыл 27 палеолитических стоянок и местонахождений. Он считал, что материалы почти всех этих памятников относятся к ориньякскому времени. Однако Амброжевичем не принимались во внимание ни различный состав фауны, установленный им на ряде памятников, ни сведения о различных условиях их залегания. Именно поэтому он не подвергал анализу комплексы кремневых орудий с открытых им отдельных памятников, а рассматривал орудия по категориям, со всех стоянок одновременно

(Ambrozewicz, 1930). Лишь для двух памятников он допускал наличие остатков иного времени — микокского, которое он синхронизировал с последним межледниковьем и рассматривал как промежуточное звено между мустье и ориньяком (Ambrozewicz, 1930).

Считая, что микок соответствует особой, низко развитой расе, существовавшей на территории Европы во время второго культурного круга, и что ориньяк соответствует третьему культурному кругу, синхронному последнему оледенению, Амброжевич рассматривал многочисленные ориньякские памятники Приднестровья как остатки временных обиталищ ориньякцев во время их миграции с востока на запад и юго-запад (Ambrozewicz, 1926, 1930).

Хронологическое определение микокской культуры Амброжевичем неоднократно вызывало критику его современников. Так, Н. Морошан доказывал, что Амброжевич, относя микок к послемустьерскому времени, совершает хронологическую ошибку. Он писал также, что опубликованные Амброжевичем «микокские» кремневые изделия со стоянок Приднестровья не имеют никакого отношения к настоящему микоку, т. е. позднему ашелю, а в лучшем случае являются малохарактерными поделками позднепалеолитического времени или даже просто отбросами производства (Moroşan, 1931).

В настоящее время эти выводы и общие построения Амброжевича полностью опровергнуты и имеют только историографический интерес.

Кроме Амброжевича, на правом берегу Днестра исследования палеолита производили и другие румынские ученые. Так, в 1928—1931 гг. на Днестре работал геолог И. Ботез, занимавшийся изучением четвертичных отложений Бессарабии и попутно археологических материалов палеолитического времени (Botez, 1930, 1933). И. Ботез открыл три палеолитические стоянки на правобережье Днестра, между селами Атаки и Корман. Первой из них является стоянка у с. Атаки Кельменецкого района Черновицкой области УССР, где в обрыве стенок первого от села оврага на глубине 3,5 м были обнаружены палеолитические кремневые находки, остатки фауны, остатки кострища, находившиеся в тонком культурном слое. Эти материалы И. Ботез датировал древнеориньякским-древнемадленским временем.

Второй открытой этим исследователем стоянкой является стоянка в с. Молодова Кельменецкого района Черновицкой области, где в стенках оврага Байлова рипа было открыто четыре культурных слоя, датировавшихся мустьерским (нижний слой) и ориньякским (три последующих слоя) временем.

Третьим открытым И. Ботезом памятником является стоянка у с. Корман Секирянского района Черновицкой области УССР. В одном из оврагов западнее деревни были обнаружены два культурных слоя. В нижнем слое, кроме кремневых находок и остатков фауны, был найден фрагмент плечевой кости человека, являющейся пока единственной антропологической находкой на Приднестровье. Оба слоя И. Ботез относил к ориньякскому времени (Botez, 1933).

На основании разведочных зачисток стенок оврагов И. Ботез сделал ряд общих заключений о позднем палеолите Днестра. Он считал, что поздний палеолит синхронен вюрму II, что для Восточной Европы является характерным длительное переживание ориньяка, что палеолитические стоянки Приднестровья свидетельствуют о миграционном движении ориньякцев с запада на восток (Botez, 1933).

Третьим румынским исследователем палеолита Днестра был геолог Н. Морошан. На основании стратиграфических, палеонтологических и археологических данных Морошан обобщил сведения о четвертичных отложениях и дал общий обзор следов палеолита в Приднестровье. Часть

работ Морошан провел совместно с И. Ботезом (Корман, Молодова). Итогом этих работ явилась монография, где автор подробно описывает стоянки этого района, привлекая широкие аналогии (Moroşan, 1939).

С 1928 по 1932 г. Морошаном были открыты следующие палеолитические местонахождения: у с. Наславча (Атакский район, Молдавская ССР, урочище Стинка); у м. Яноуцы (Иванивцы) в верховьях оврага Поливанов яр (5 км от Днестра), у с. Комарово (Кельменецкий район, Черновицкая область на урочище «Веприк», Moroşan, 1929), у с. Косоуцы Сорокского района Молдавской ССР; три местонахождения у с. Наславча (Наславча IV «Огород Музыканты», Наславча V «Огород Бужака», Наславча VI «Огород Петыкаря»), мустьерское местонахождение у с. Наславча (Наславча «Яр позаду будки»). Кроме этого, он собрал палеолитические находки у с. Атаки Атакского района Молдавской ССР; обследовал открытое М. Амброжевичем местонахождение Распопинцы — «Глубокий яр», собрал палеолитические находки на ранее известных пунктах у сел Непоротово и Корман Секирянского района Черновицкой области (Moroşan, 1938 b).

Возле с. Молодова (Кельменецкий район Черновицкой области) Морошан открыл позднепалеолитическое местонахождение в саду Сливки, мустьерское местонахождение в овраге за церковью. В эти же годы он обследовал все 6 палеолитических местонахождений у с. Бабин Кельменецкого района Черновицкой области, открыл новые палеолитические местонахождения у сел Атаки, Грушевцы и Нагоряне в том же районе (Moroşan, 1939).

Всего за годы своих работ на Днестре Морошан открыл 15 новых палеолитических местонахождений.

В отличие от предшествовавших исследователей, Морошан позднепалеолитические памятники Приднестровья рассматривал как разновременные, выделяя среди них 3 хронологические группы: позднеориньякскую, солютрейскую и мадленскую. Но все же среди памятников этого района, по его мнению, преобладали стоянки ориньякского времени.

Палеолитические памятники Приднестровья, по Морошану, были следами миграций палеолитических охотников, которые в ориньякское и солютрейское время мигрировали с запада на восток, а в мадленское — с востока на запад (Moroşan, 1938 b).Н.Морошан подчеркивал отставание в историческом развитии палеолитических общин на территории Приднестровья по сравнению с другими районами, преимущественно — с Западной Европой (Moroşan, 1938 b).

Н. Морошан, как и И. Ботез, относил мустье к вюрму I, а поздний палеолит — к межледниковью вюрм I — вюрм II, вюрму II и поствюрму (Moroşan, 1938b).

Перейдем теперь к исследованиям палеолита Среднего Приднестровья осуществленным советскими исследователями.

Первые сведения о палеолитических материалах с левого берега Днестра в послереволюционное время связаны с именем О. Кривицкого, учителя школы с. Озаринцы Могилев-Подольского района, отдавшего многие годы изучению истории Приднестровья.

В 1926 г. О. Кривицкий передал в Киевский исторический музей палеолитические кремневые изделия, собранные в овраге Борщевецкий яр (Щербаківський, 1927).

В 1927 г. издана работа Е. Сецинского «Нариси із історіі Поділля», в которой автор привел данные о палеолитической стоянке Студеница «Белая гора» на основании сообщений В. Б. Антоновича и Н. Ф. Криштафовича. Здесь же Сецинский опубликовал список палеолитических, по его мнению, стоянок Подолья, всего 33 пункта. Собранные в этих

пунктах кремневые находки в ействительности являлись кремневыми изделиями трипольского и более позднего времени.

В 1927 г. на левобережье Днестра начал работать один из крупнейших советских исследователей палеолита — М. Я. Рудинский. Он поставил перед собой цель — проверить старые указания на наличие в этом районе памятников палеолита, собрать новые материалы и провести дальнейшие разведки для выявления новых памятников на берегах Днестра (Рудинський, 1927, 1929).

В результате работ Рудинского, производившихся до 1932 г., был подтвержден палеолитический возраст местонахождений Врублевцы и Озаринцы, собран разнообразный инвентарь на стоянке Студеница «Белая гора», а также было открыто 10 новых позднепалеолитических местонахождений: Бакота, Старая Ушица, Калюс (1927 г.), Калачковцы I, Кужелево (1928 г.), Сокол, Баговица, Китайгород I, Китайгород II, Калачковцы II (1929—1931 гг.). Материалы из этих пунктов целиком являются подъемными, состоят из кремневых изделий, без остатков фауны.

На основании сравнения материалов стоянок Приднестровья с инвентарем некоторых стоянок Центральной и Средней Европы Рудинский все открытые ими обследованные памятники датировал поздним ориньяком (Рудинський, 1929). Всю территорию Приднестровья он считал периферией центральноевропейской провинции позднего ориньяка (Рудинський, 1931). Эти взгляды Рудинского отражали господствовавшую в те годы в Западной Европе тенденцию относить большинство позднепалеолитических памятников к ориньяку, хотя материалы часто противоречили этому [1].

К датировкам позднепалеолитических памятников Украины вообще и Приднестровья в частности в советской литературе впервые критически подошел П. П. Ефименко в своих работах 20—30-х годов, в которых он пришел к выводу, что ориньякские по мнению Рудинского и других археологов позднепалеолитические памятники в действительности являются разновременными памятниками позднего палеолита и даже частично относятся к эпипалеолитическому времени (Ефименко, 1928, 1934а, 1938). Так, например, Ефименко отнес к мадлену такие памятники Приднестровья, как Студеница I, Врублевцы, Оселивка, уточнив не только датировку Рудинского, но и Амброжевича (Ефименко, 1938).

Дальнейшие работы на Днестре были возобновлены в 40-х годах. Они связаны с именем С. Н. Бибикова, который собрал на левом берегу Днестра материалы палеолитического времени на стоянке Студеница I, а также открыл в этом районе новое местонахождение Студеница II (Бибиков, 1949а).

В 1945 г. Бибиков открыл на правом берегу Днестра стоянки Марьяновка I, Марьяновка II и Демшин, которые были так названы по населенным пунктам, находящимся против этих стоянок на левом берегу Днестра (Бибиков, 1949а).

Стоянки Студеница I и Марьяновка I Бибиков отнес к среднемадленскому времени, стоянку Студеница II — к позднемадленскому, а стоянки Марьяновка II и Демшин — к концу мадлена и началу азиля. Он также пришел к выводу, что на Среднем Приднестровье, по-видимому, нельзя ожидать типичных азильских и тарденуазских стоянок с микролитическим инвентарем и что эта территория была районом, где, очевидно, происходила быстрая трансформация охотничьего хозяйства в земледельческое и скотоводческое, с сохранением архаического кремневого инвентаря до самого конца палеолита (Бибиков, 1949а).

---

[1] По сообщению Г. Обермайера, примерно в те же годы А. Брейль относил к примитивному ориньяку типа шатель-перрон группу позднепалеолитических стоянок окрестностей Каменец-Подольска (Obermaier, 1929).

Таким образом, Среднее Приднестровье Бибиков рассматривал как район со специфическими особенностями в историческом развитии, характерными для ряда областей Центральной и Южной Европы, так как, по мнению этого исследователя, на правобережье Днепра, в бассейнах Буга и Днестра, а также в Центральной Европе позднепалеолитические традиции удерживались вплоть до неолита (Бибиков,1949 а, 1950 б).

В том же 1945 г. на Днестре снова работал Рудинский, который собрал дополнительные материалы на открытых им ранее стоянках у сел Сокол, Китайгород и Калачковцы. Характеристике материалов вновь обследованных им памятников Приднестровья, а также ряда других районов посвящено несколько работ этого исследователя, опубликованных в конце 40-х годов (Рудинський, 1947а-б, 1949, 1952).

В работах 1947 г. Рудинский по-прежнему рассматривает Приднестровье как широкую провинцию развитого и позднего ориньяка, как район, где, по его мнению, нет никаких проявлений ни солютрейской, ни мадленской техники (Рудинський, 1947 а-б). Палеолитические стоянки Приднестровья были разделены Рудинским на три группы: на группу местонахождений с наличием в инвентаре среднеориньякских черт, форм и традиций, группу с типичными для среднего ориньяка орудиями и группу, в которой ориньякские черты ясно не выступают (Рудинський, 1949). Вторая группа этих поселений датирована им более поздним временем, чем средний ориньяк, но не позже ориньяка вообще, так как наличие солютрейских памятников и памятников мадленского облика фактически отрицалось, несмотря на то, что даже среди собранных М. Я. Рудинским материалов были такие датирующие находки, как наконечники с двухсторонней обработкой плоской ретушью (Китайгород II), и еще более поздние материалы. Лишь материалы из Старой Ушицы и часть находок из Сокола этот исследователь считал возможным датировать более поздним временем палеолита, без дальнейших уточнений.

Небольшие разведки на Днестре осуществил в 1945 г. М. Ю. Брайчевский, который на правом берегу Днестра между селами Лука Врублевецкая и Марьяновка открыл новое позднепалеолитическое местонахождение [1].

В 1946 г. на Среднем Днестре начал свои исследования П. И. Борисковский. В результате трехлетних разведочных работ на обоих берегах Днестра им был обследован ряд ранее известных памятников, а также открыты новые местонахождения (Борисковский, 1947б, 1948, 1949 а-г, 1950а, 1953).

П. И. Борисковским совместно с С. Н. Бибиковым были обнаружены раннепалеолитическое местонахождение на бечевнике левого берега Днестра у с. Лука Врублевецкая и второе аналогичное местонахождение возле этого села; были открыты позднепалеолитическое местонахождение на левом берегу Днестра у с. Нагоряне Ярышевского района, позднепалеолитические местонахождения Лядава I, Лядава II, Ярышев (Гертопы) того же района, Яруга Могилев-Подольского района и мустьерское местонахождение у с. Субботовки Могилев-Подольского района Винницкой области УССР.

На правом берегу Днестра П. И. Борисковский открыл позднепалеолитические местонахождения у сел Атаки и Пригородок Хотинского района Черновицкой области, обнаружил мустьерское местонахождение у г. Хотин, два позднепалеолитических местонахождения у с. Атаки Кельменецкого района, а также обследовал ранее открытые Ч. Амброжевичем местонахождения у сел Оселивка, Вороновица и Бабин. На всех

---

[1] Сообщение М. Ю. Брайчевского.

этих пунктах им были собраны кремневые находки (подъемный материал), значительно дополняющие материалы предшествующих исследователей палеолита Приднестровья.

После работ П. И. Борисковского общее количество палеолитических памятников на левобережье Днестра возросло до 24, а на правобережье — до 54.

В своих работах П. И. Борисковский не только изложил материалы своих разведок, но также выдвинул ряд общих положений по проблеме периодизации палеолитических памятников Приднестровья. Им выделяется пять хронологических групп, или ступеней, которые характеризуют развитие позднепалеолитической культуры этого района: 1) ориньякская, 2) солютрейская, 3) раннемадленская, 4) среднемадленская, 5) позднемадленская. Для каждой из ступеней даются определенные признаки техники обработки кремня, на основании чего ряд памятников данной территории относится в ту или иную группу.

Так, к первой ступени относятся такие памятники, как Бабин I, Калачковцы I, Ганнусивка; ко второй — Городница, Незвиско, Конюшки; к третьей — Студеница I, Китайгород I—II, Марьяновка I; к четвертой — Сокол I, Вороновица, Оселивка, Марьяновка II, Бабин III, к пятой — стоянка Демшин.

П. И. Борисковский не разделял мнения С. Н. Бибикова о своеобразии палеолита Приднестровья. Он считал, что Среднее Приднестровье — один из районов приледниковой зоны, внутри которой наблюдается сходство хозяйства и техники, что позволяет для этой зоны применять западноевропейскую периодизацию позднего палеолита.

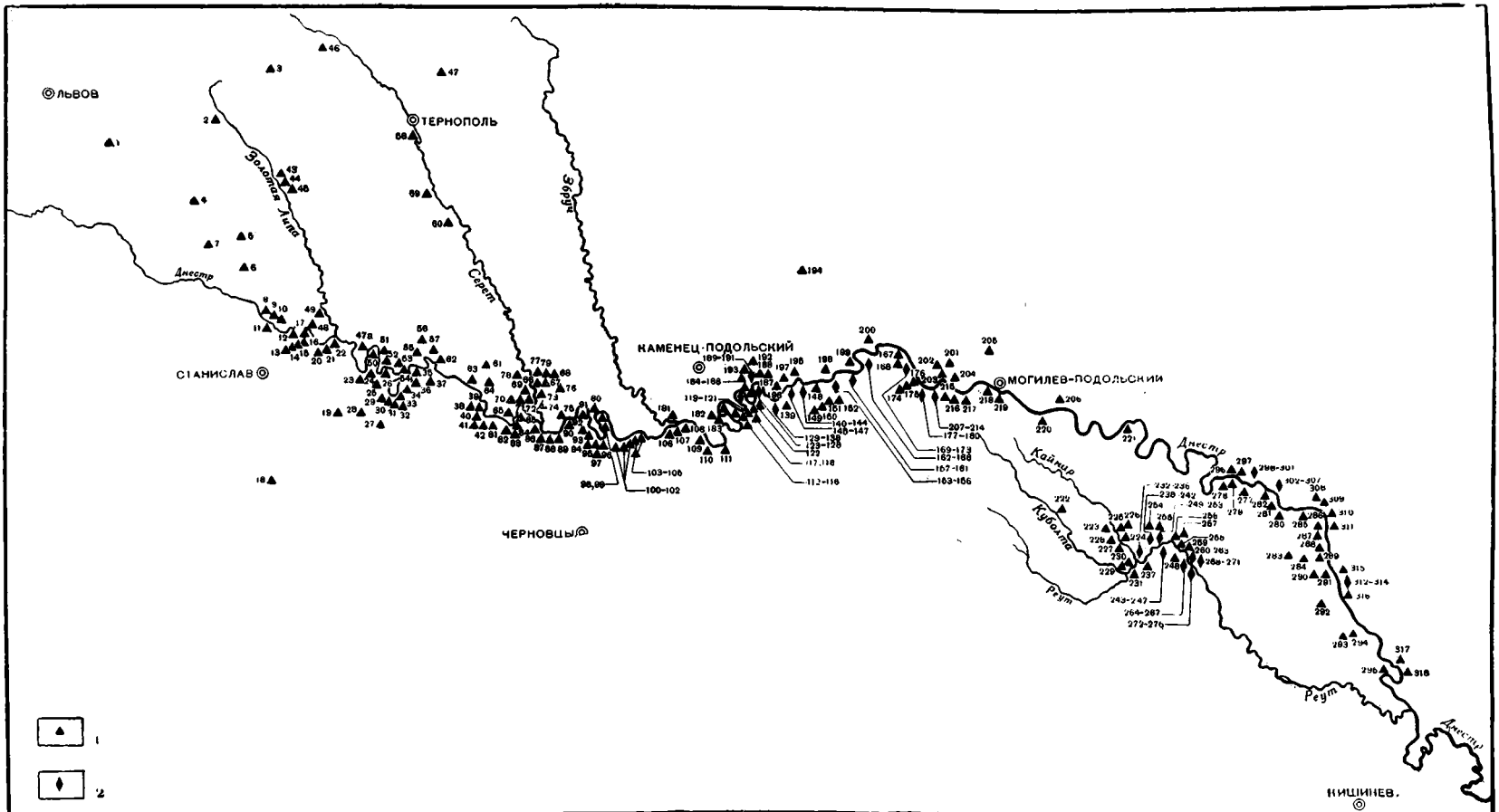
Выдвинутое П. И. Борисковским положение о наличии на Днестре нескольких разновременных групп позднепалеолитических памятников является очень ценным, но оно аргументируется лишь подъемным материалом. В дальнейшем не подтвердилось мнение этого исследователя, что подавляющее большинство памятников палеолита Приднестровья характеризуется отсутствием культурного слоя, так как он размыт и переотложен (Борисковский, 1949).

Кроме П. И. Борисковского, разведочные работы на Днестре проводил также сотрудник Черновицкого музея Б. А. Тимощук, который в 1948 г. открыл стоянку у с. Василев Заставновского района Черновицкой области, а в 1951 г.— стоянку у с. Баламутовка того же района (Тимощук, 1952).

Начиная с 1946 г., на Днестре начал работы по исследованию палеолита автор настоящей работы. Задачей этих работ являлось обследование ранее известных местонахождений, выявление памятников с хорошо сохранившимся культурным слоем и изучение этих памятников путем раскопок с целью всестороннего исследования хозяйства и культуры древних обитателей Приднестровья, и на основании стратиграфических данных выделение хронологических этапов позднего палеолита этой территории.

Работы по изучению палеолита Днестра производились автором в в 1946—1958 гг. в составе Молдавской экспедиции (1946—1947, 1952, 1956—1958 гг.), Трипольской экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР и Института археологии АН УССР (1948—1949 гг.), Днестровской экспедиции Львовского отдела Института археологии АН УССР (1950 г.) и Днестровской экспедиции Института общественных наук АН УССР (1951—1958 гг.).

Полевые работы осуществлялись автором на правом и левом берегах Днестра в Молдавской ССР, на правом берегу Днестра в Станиславской и Черновицкой областях УССР, а также частично в Тернопольской, Хмельницкой и Винницкой областях. Главным районом работ было правобережье



Фиг. 1. Схема расположения позднепалеолитических памятников Приднестровья

1 — отдельные стоянки и местонахождения; *2* — группы стоянок и местонахождений

Днестра в пределах Черновицкой области, которое во время разведок было сплошь обследовано.

Эти работы дали возможность не только обследовать большинство ранее известных стоянок и местонахождений, но и открыть более 150 новых разновременных стоянок и местонахождений, в результате чего количество палеолитических памятников на Днестре увеличилось до 318 (Черныш, 1949, 1950 а-в, 1952, 1953 а-в, д, 1954 а-б, 1955 а-б, 1956 а-д, 1957 а-б, 1958 [1]) (фиг. 1).

Во время разведок в Приднестровье был собран массовый материал на большом количестве разновременных памятников палеолита, были произведены геологические наблюдения. На ряде пунктов были собраны палеонтологические остатки и прослежен культурный слой.

В 1949—1958 гг. на четырех памятниках позднего палеолита Приднестровья были произведены раскопки, которые показали, что эти стоянки многослойны и могут дать стратиграфическую основу для периодизации позднего палеолита этой территории, а также разносторонние материалы для характеристики хозяйства и культуры позднего палеолита в Приднестровье.

Таким образом, осуществленные в советское время в Приднестровье работы охватили большую территорию, на которой в результате систематических и планомерных разведочных работ были выявлены и обследованы сотни разновременных памятников, находившихся в различных условиях залегания. Приднестровье стало известно как один из наиболее густо населенных в позднепалеолитическое время районов СССР.

В последующих главах настоящей работы изложены данные об отдельных памятниках позднего палеолита на этой территории, дающие представление о богатой и во многом оригинальной культуре позднего палеолита Среднего Приднестровья.

В заключение необходимо отметить, что настоящая работа могла быть выполнена только лишь благодаря помощи руководства Института общественных наук АН УССР, коллектива отдела археологии данного института, а также сектора палеолита Института истории материальной культуры АН СССР. Автор выражает им за это свою глубокую признательность. Кроме этого, автор выражает благодарность за ценные советы П. П. Ефименко, В. И. Громову, А. П. Окладникову, С. Н. Замятнину, П. И. Борисковскому, И. Г. Пидопличко, А. Н. Рогачеву и И. К. Ивановой, а также Л. И. Крушельницкой, которая выполнила рисунки кремневых и костяных изделий из палеолитических стоянок Приднестровья.

---

[1] Кроме этого, в 1952 г. пять новых позднепалеолитических местонахождений на Днестре были обнаружены разведочным отрядом Молдавской экспедиции, возглавлявшимся С. Н. Бибиковым.

Глава II

МНОГОСЛОЙНЫЕ СТОЯНКИ СРЕДНЕГО ПРИДНЕСТРОВЬЯ ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЙ 1949—1958 гг.

Прежде чем перейти к описанию многослойных палеолитических стоянок, следует привести некоторые общие данные о ландшафте и геологическом строении описываемой территории, так как рассматривать археологические памятники в отрыве от окружающей физико-географической среды при современном состоянии науки уже невозможно.

Геологические условия нахождения многослойных стоянок Приднестровья детально рассматриваются в работе И. К. Ивановой. Данные о палеогеографической обстановке, фауне и флоре времени существования позднепалеолитического человека приводятся в заключительном разделе данной работы.

Река Днестр делится обычно на верхнюю часть — до г. Галич, среднюю — от Галича до Могилева-Подольского и нижнюю — от Могилева до устья (БСЭ, т. XIV). Днестр имеет длину 1359 км и начинается в Карпатах. В верховьях, до района с. Нижнев, долина его имеет значительную ширину, а ниже река течет в глубоком каньонообразном ущелье, прорезанном в коренных породах, и выходит из него лишь в нижней части своего течения в области Причерноморской низменности.

Среднее Приднестровье, расположенное в юго-западной части УССР,— одна из живописнейших территорий Советского Союза. Здесь, в глубоком ущелье, протекает крупная река Украины и Восточной Европы — Днестр. Высота крутых обрывистых берегов Днестра достигает в его среднем течении 150 и более метров.

Долина Днестра отделяет Прикарпатскую возвышенность от Волыно-Подольской плиты; бассейн Днестра образуют притоки, стекающие с южного склона этой плиты, наиболее высокой частью которой является северный край. Наклоном плиты к югу объясняется наличие на левобережье Днестра большого количества притоков, текущих в меридиональном направлении.

В верхнем течении Днестр принимает справа значительное количество притоков с северных склонов Карпат; в среднем течении правые притоки незначительны, очень коротки, имеют характер оврагов с ручейками по дну. Тем не менее эти овраги достигают большой глубины и в части, прилегающей к Днестру, создают значительное расчленение рельефа.

Способствует этой расчлененности и наличие так называемой толтровой гряды, представленной южнее г. Каменец-Подольска отдельными возвышенностями, сложенными серпуло-мшанковыми известняками нижнего сармата (Королюк, 1952).

Сильная изрезанность территории, примыкающей к Днестру, наличие глубоких, идущих к реке, оврагов способствовали расселению

человека в этой местности, так как здесь в большом количестве встречались участки, защищенные со всех сторон оврагами, возвышенностями и лесами.

Благодаря значительной эрозионной расчлененности рельефа Среднего Приднестровья здесь обнажается в крутых обрывах к реке и в оврагах вся серия горных пород, слагающих этот район.

Древнейшие кристаллические породы (граниты), относящиеся к архейской эре, обнажаются только у с. Бернашевка и у г. Ямполь, около которого на Днестре имеются пороги. Залегающие на гранитах палеозойские отложения, представленные аркозовыми песчаниками, глинистыми сланцами, известняками, выходят в крутых склонах к реке на высоту до 60 м. В связи с наклоном палеозойских пород на запад, вверх по Днестру обнажаются все более и более молодые палеозойские горизонты. Следует отметить, что песчаники и глинистые сланцы палеозоя часто употреблялись обитателями палеолитических стоянок Приднестровья для изготовления различных поделок типа терочных камней.

Следующей мощной толщей на Приднестровье являются меловые отложения (сеноман), состоящие из зеленых глауконитовых песков, мергельных конгломератов, трепела, кремнистого мергеля с кремневыми конкрециями.

Средняя мощность отложений сеноманского моря на Среднем Приднестровье — около 50 м (Р. Виржиківський, 1933). Большое развитие сеноманского яруса на Днестре для нас имеет особое значение, так как в сеноманских отложениях на Днестре находятся отложения черного, серого и пестрого кремня.

Наличие многочисленных выходов кремня, отмечавшееся и ранее многими исследователями, является одним из основных факторов, способствовавших большой распространенности в этом районе палеолитических поселений, так как кремень являлся одним из главных видов сырья для изготовления орудий труда.

Выше сеноманских отложений на некоторых участках Среднего Приднестровья прослеживается так называемый подольский ярус, относящийся к третичному времени. Он состоит из глинистых песков и песчанистых глин.

Еще выше расположена широко развитая толща средне- и верхнемиоценовых отложений, представленных главным образом различными известняками, имеющими органогенное происхождение. Часть их относится к тортону, часть — к нижнему сармату.

Мощность известняков в Среднем Приднестровье достигает 40—45 м. Отложения меотическо-понтического бассейна прослежены лишь на Нижнем Днестре.

Водоносными горизонтами Среднего Приднестровья являются горизонты у основания подошвы сеноманских отложений, у подножья сарматских отложений и горизонты в среднесарматских песках (Р. Виржиківський, 1933). Это объясняет наличие палеолитических стоянок в ряде высоких точек рельефа, на склонах высоких берегов Днестра и многочисленных оврагов, близ выходов ключевой воды.

Миоценовые отложения Среднего Приднестровья прикрыты толщей четвертичных отложений, наиболее широко развитых на склонах речных долин. Четвертичные отложения состоят из речных песчано-глинистых и галечниковых отложений, глин, суглинков, щебнистых и лёссовидных пород. Четвертичное оледенение не захватывало территории Приднестровья, что, естественно, создавало благоприятные условия для непрерывного существования в этом районе как мира животных, так и человека. Наиболее близким к Приднестровью было оледенение Карпат.

но оно имело небольшую протяженность и Приднестровья не достигало. Эти оледенения как и оледенения Русской равнины все же оказывали большое влияние на размыв поверхности и аккумуляцию рыхлых отложений.

Периоды усиления размыва сменялись периодами аккумуляции, когда на образовавшихся в коренных породах террасовых поверхностях накапливались толщи четвертичных отложений. Дальнейшая эрозия вела к образованию уступов. Чередование более интенсивных периодов эрозии и аккумуляции привело к образованию нескольких уровней террас, которые соответствуют отдельным фазам оледенения. Более высокие террасовые уровни соответствуют более древним фазам, а более низкие — более поздним, что подтверждается палеонтологически.

По мнению ряда специалистов, изучавших террасы этого района, на Днестре, помимо поймы, имеются: высокая пойма высотой 5—7 м над уровнем реки; I надпойменная терраса высотой 12—13 м; II надпойменная терраса высотой 25—35 м; III терраса высотой 40—50 м; IV терраса высотой 90—100 м; V терраса высотой 140—150 м; VI терраса высотой 175—200 м (Виржиківський, 1933; Лунгерсгаузен, 1938; Moroşan, 1938 b; Иванова, 1958).

Аллювий I и II надпойменных террас Среднего Днестра залегает здесь на палеозойских отложениях, III — на верхней части палеозойских отложений, IV — на верхней части сеномана; V и VI — на сарматских известняках (Виржиківський, 1933).

В определении геологического возраста указанных террас Днестра у геологов имеются расхождения.

Для нас в данном случае важно то, что в покрывающих четвертичные террасы Днестра отложениях прослеживаются разновременные палеолитические стоянки, что позволяет связывать их с террасами различных уровней и тем самым ставить вопрос об их геологической датировке.

На Среднем Приднестровье в 1949—1957 гг. были осуществлены раскопки четырех позднепалеолитических стоянок [1]. Изложение материалов этих памятников мы начинаем со стоянки Бабин I.

1. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БАБИН I

Палеолитическая стоянка Бабин I была открыта в конце 20-х годов Ч. Амброжевичем (Nicolăescu-Plopşor, 1938).

Стоянка расположена на правом берегу Днестра в 500 м северо-восточнее с. Бабин Кельменецкого района Черновицкой области, на мысу высокой террасы, который местным населением именуется «Яма», так как мыс является более пониженным участком по сравнению с поверхностью толтровой гряды. Урочище Яма с двух сторон ограничивается подъемом к плато, а с двух других — обрывами крутых склонов оврага и Днестра. В стенках оврагов здесь выступают меловые отложения с кремнем, а также в ряде точек выходят ключевые воды. Склоны оврагов и берега Днестра покрыты лесом. Все это свидетельствует, что мыс был удобным для поселения, так как здесь находился кремень, имелась вода, а площадка мыса была хорошо защищена со всех сторон.

Стоянка Бабин I, как и другие стоянки Приднестровья, Ч. Амброжевичем была отнесена к ориньяку на основании таких «признаков», как пластины с ретушью и без ретуши (острия, сверла и резцы, по Ч. Амброжевичу), «пилочки», пластинки с притупленным краем, угловые, боко-

[1] В связи с тем, что на стоянке Фрумушика I в 1957 г. были произведены небольшие по объему работы, материалы этого памятника будут рассматриваться в следующей III главе настоящей работы.

вые, срединные и изогнутые резцы (часто с краевой ретушью), отщепы и обломки без ретуши; округлые и концевые скребки (часто с краевой ретушью), скребки высокой формы и скребки карене, и на основании отсутствия таких орудий, как выемчатые скребки, резцы бюске. Все эти поделки по Ч. Амброжевичу являлись типичными для позднего ориньяка (Ambrozewicz, 1930, стр. 23, 29).

Как мы видим, в число «характерных» признаков ориньяка были включены Ч. Амброжевичем даже пластины без ретуши и отбросы без обработки.

Работы последующих лет на Приднестровье показали, что позднеориньякские, по Амброжевичу, палеолитические стоянки оказались разновременными памятниками и что выделенные этим исследователем «ориньякские» черты в большинстве случаев не соответствуют материалам с этих стоянок.

Вторым исследователем стоянки Бабин I является Н. Морошан, который в конце 20-х и начале 30-х годов обследовал все открытые Амброжевичем в окрестностях с. Бабин стоянки. Морошан пришел к выводу, что палеолитические находки из бабинских пунктов имеют однообразный характер, а, учитывая находку 1932 г. у с. Бабин на урочище Антония лавролистного солютрейского наконечника, сопровождавшегося скребками, резцами и другими орудиями, этот исследователь склонялся к мнению, что Бабин и другие пункты относятся ко времени солютре. О последнем свидетельствует опубликованная Морошаном хронологическая таблица, где Бабин стоит в среднесолютрейской группе (Moroşan, 1938, стр. 102). Конкретных материалов со стоянки Бабин I Морошан не описал и не опубликовал в таблицах иллюстраций к своей монографии.

Среди советских исследователей первым изучал стоянку Бабин I (Яма) П. И. Борисковский, который в 1946—1947 гг. на этом пункте собрал значительную коллекцию кремневых находок, воспроизведенную в ряде работ.

Собранная Борисковским на стоянке Бабин I коллекция (Борисковский, 1948, 1949а, 1953), обычная для памятников ранней поры позднего палеолита, послужила основанием для датировки этой стоянки ориньяком, хотя фактически лишь одно орудие типа скошенного резца напоминало считающиеся характерными для этого периода формы.

С 1948 и по 1953 г. изучение стоянки Бабин I производил автор настоящей работы.

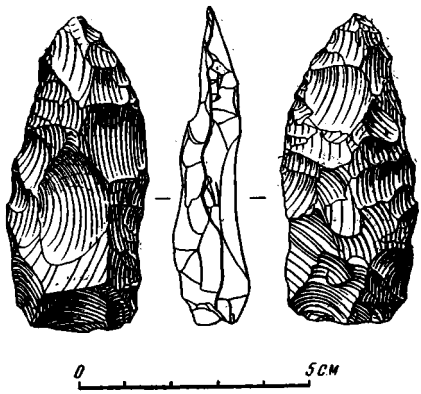
В 1948 г. были проведены разведочные работы, а в 1949—1951 и 1953 гг.— раскопки. Материалы подъемного характера нами были собраны главным образом в юго-восточной половине мыса, где было отобрано из большой массы находящихся на поверхности кремневых находок около 2000 экземпляров.

Собранный на поверхности мыса кремневый инвентарь состоит из 96 нуклеусов, 208 резцов, 34 пластин с краевой ретушью, 98 скребков, 26 пластинок с притупленным ретушью краем, орудий других типов, пластин и обломков (фиг. 2 и 3). Материалы эти оказалось возможным отнести в основном к солютрейскому времени, о чем свидетельствует наличие среди них листовидного наконечника с плоской ретушью, орудий на пластинах с плоской ретушью, наконечника с боковой выемкой. Встречены были также более поздние материалы: тонкие удлиненные пластины, округлые скребки, короткие скребки, небольшие резцы и т. д. Кроме этого, во время разведок здесь были обнаружены кости мамонта. Местное население на этом пункте неоднократно находило кости ископаемых животных.

С целью изучения стоянки Бабин I автором были произведены раскопки ее.

Перед началом работ был снят горизонтальный план местности, что позволило определить высоту площадки мыса, где расположена стоянка, над уровнем Днестра (105—130 м) и высоту поверхности толтрового хребта, прикрывающего с юга и запада мыс (165—170 м над уровнем Днестра).

На участке были заложены 20 шурфов площадью по 4 м² каждый и траншея размером в 45 м² (фиг. 4 — план). Разведочные работы дали возможность получить данные о наличии на мысу остатков от трех разновременных позднепалеолитических поселений



Фиг. 2. Кремневый наконечник. Бабин I

Для исследования остатков этих поселений на площадке мыса в пяти различных точках было заложено 11 раскопов общей площадью 695 м².

Первый позднепалеолитический слой. В 1951 г. в южной части мыса Яма у подножья толтра был разбит разведочный раскоп А площадью в 32 м² для выяснения характера культурных остатков позднепалеолитического времени, находившихся в этой части мыса. Раскоп А был ориентирован по сторонам света. Здесь на глубине 1,8—2,1 м в серо-коричневых суглинках был обнаружен первый позднепалеолитический культурный слой. Площадь раскопов 1953 г.— —57 м² (3 × 10 и 3 × 9 м). Между раскопами 1951 и 1953 гг. были оставлены контрольные перегородки.

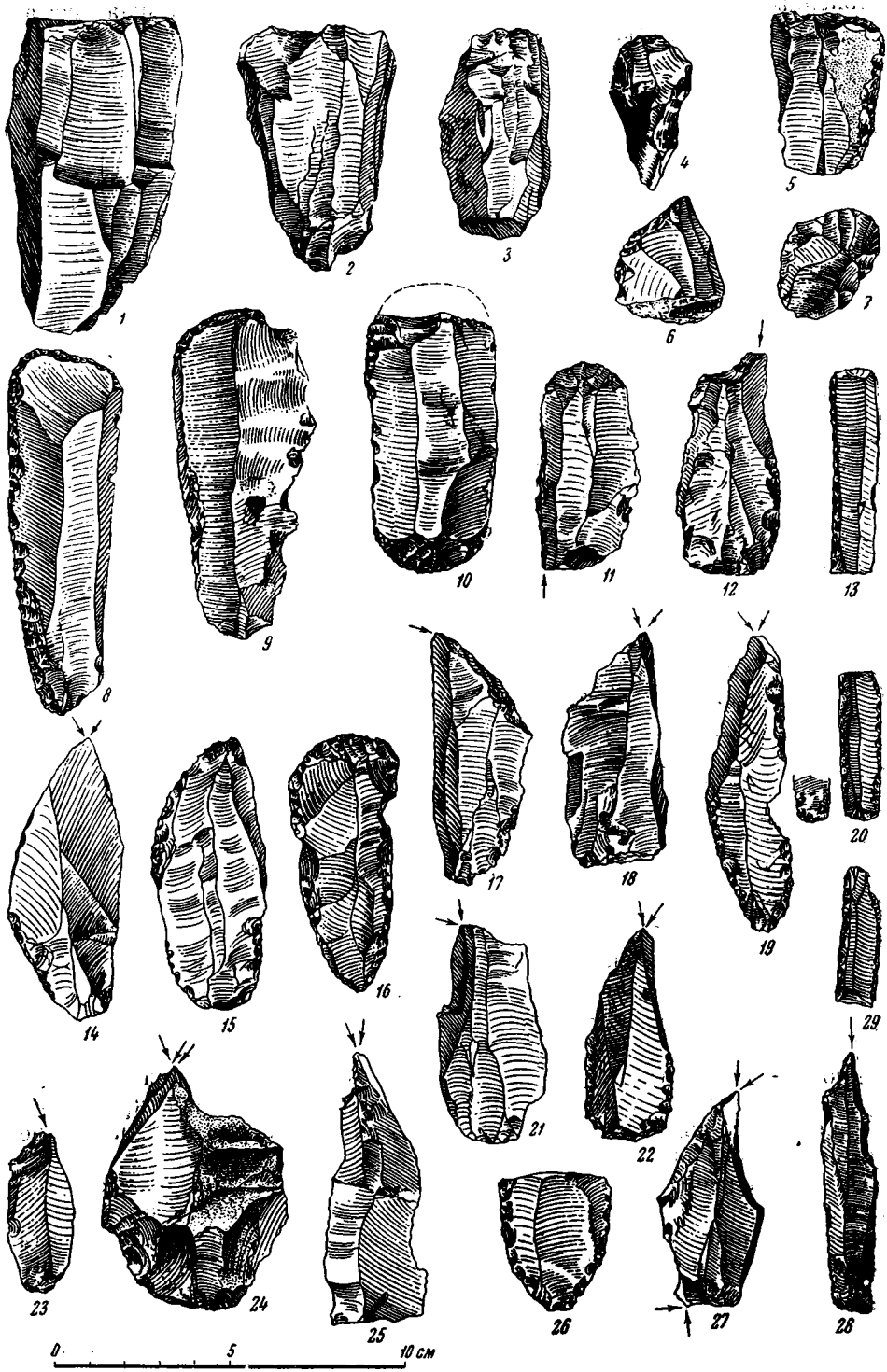
Таким образом, за два года исследований участка с остатками первого позднепалеолитического слоя была вскрыта площадь в 87 м² (фиг. 5).

В раскопках 1953 г. было прослежено то же чередование слоев, что и на площади раскопа 1951 г.: до 0,3—0,4 м залегал гумусированный слой, ниже — до глубины 1,4 м,— находилась бурая глина, а под ней залегал серо-коричневый суглинок. Бурая глина от серо-коричневого суглинка отделялась известняковым намывом, состоявшим из мелкого известнякового щебня и круглых галек известняка. На участках раскопов 1953 г. был более четко прослежен второй слой позднепалеолитического времени, находившийся в нижней части бурой глины, в котором были встречены отдельные кремневые находки и остатки краски (фиг. 6).

После снятия стерильной прослойки — известнякового намыва, в верхней части серо-коричневых суглинков,— как и в 1951 г., наблюдался первый слой культурных остатков мощностью в 30—35 см.

На участке раскопов 1951, 1953 гг. в первом слое культурных остатков были прослежены следы кострищ, обломки костей ископаемых животных (575 экз.), кремневые находки (1300 экз.), остатки краски, обломки камней, поделки из кости и рога, отбросы производства и другие материалы, связанные с обитанием позднепалеолитического человека на этом участке. Первый слой культурных остатков окраски не имел; культурные остатки залегали почти равномерно на исследованном участке, но возле кострищ их было больше. Размеры пятна залеганий культурных остатков первого слоя определить было нельзя, так как в пределах раскопок края пятна не прослеживались.

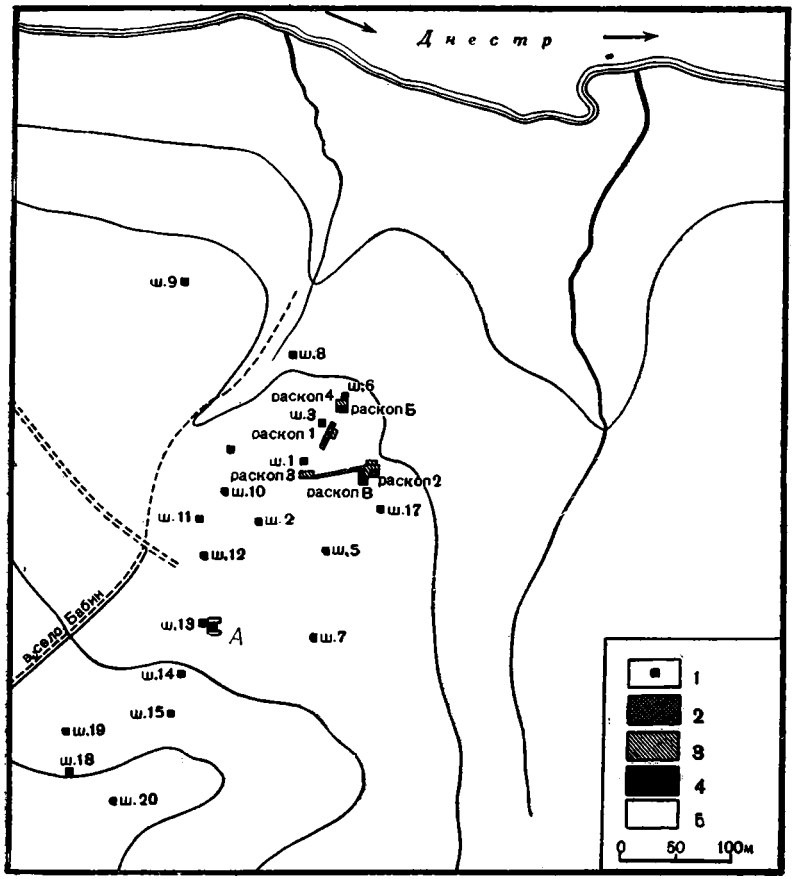
На исследованной в 1951 и 1953 гг. площади были открыты остатки шести очажных пятен небольших размеров с тонкой линзой, заполненной



Фиг. 3. Подъемные кремневые находки (1—28). Бабин I. 1948 г.

черной зольной массой. В неглубоких лунках кострищ прослеживались обожженные кости, мелкие остатки древесного угля и зольная масса. Края всех кострищ были пологими.

Небольшие размеры этих кострищ и тонкость заполняющей лунки кострищ зольной массы — показатели недолговременного существования



Фиг. 4. Схематический план урочища «Яма». Бабин I

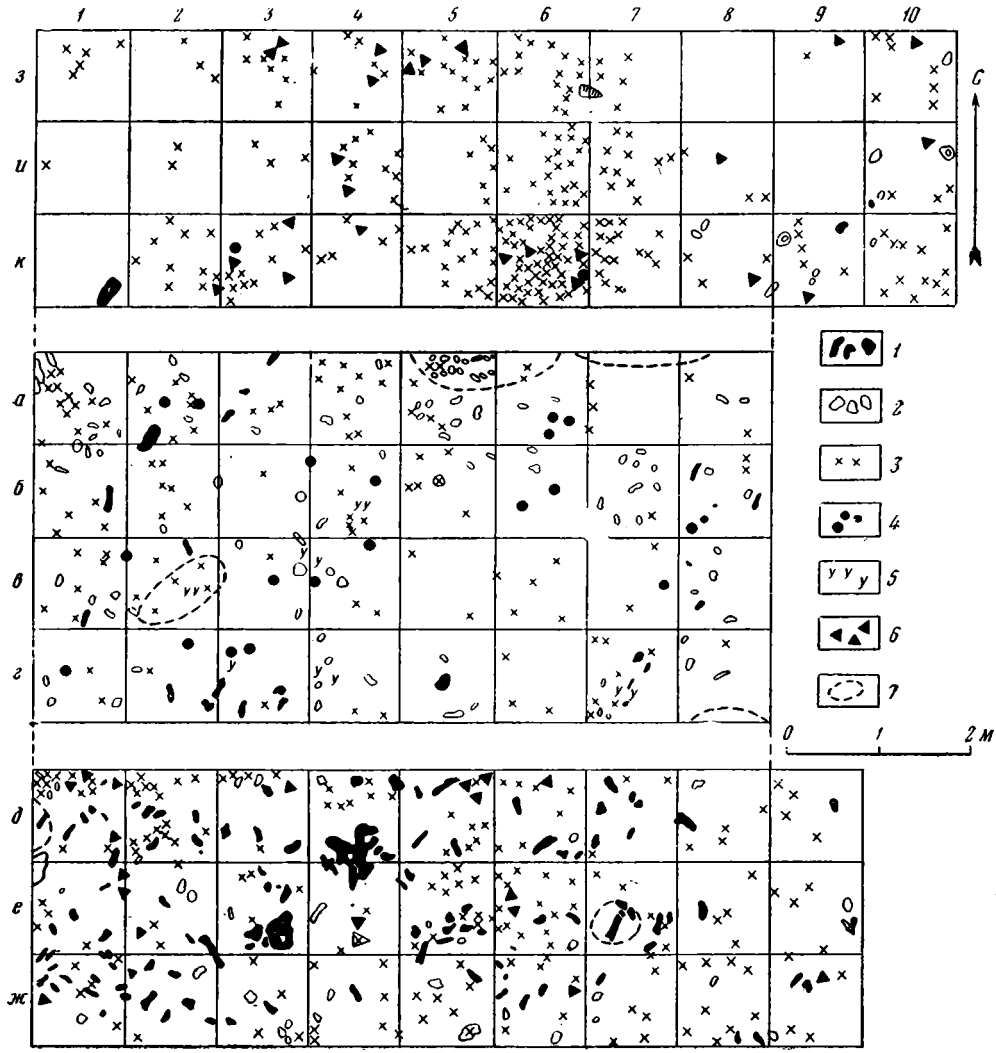
1 — шурфы (*1—9*, 1949 г.; *10—20*, 1950 г.); *2* — раскопы 1949 г.; *3* — раскопы 1950 г.; *4* — раскопы 1951 г.; *5* — раскопы 1953 г.

очажков. Встреченный в культурном слое инвентарь также количественно небольшой, находки концентрировались преимущественно вокруг очажных пятен. По-видимому, на исследованной площади находилось недолговременное поселение позднепалеолитических охотников.

Орудия первого слоя стоянки Бабин I изготовлялись из светло-коричневого, серого, темного, красно-коричневого, мелового и галечного кремня, а также изредка из кремнистого сланца, опоки и радиолярита. Цвет поверхности кремневых изделий синий, темно-синий, иногда белый и коричневый. Часть их слабо патинизирована. Во время раскопок было встречено около 1300 кремневых изделий, часть из них обожжена.

Кремневый инвентарь первого слоя состоит из 10 нуклеусов призматической и неправильно-призматической формы, отбросов производства, 318 пластин и фрагментов пластин, 187 орудий труда. Кремневые орудия изготовлялись как из крупных массивных, так и из тонких пластин. Преобладают крупные орудия длиной по 80—90 мм.

Среди орудий больше всего было встречено ножевидных пластин с краевой ретушью (иногда плоской) и пластин со следами употребления их в качестве ножевидных орудий. Таких ножевидных орудий было встречено 69 экз. Просмотр этой категории орудий при помощи бинокулярной лупы дал возможность определить, что часть из них употреблялась в качестве ножей для разрезывания мягких веществ, так как на них прослеживается легкая двусторонняя заполированность рабочих краев.

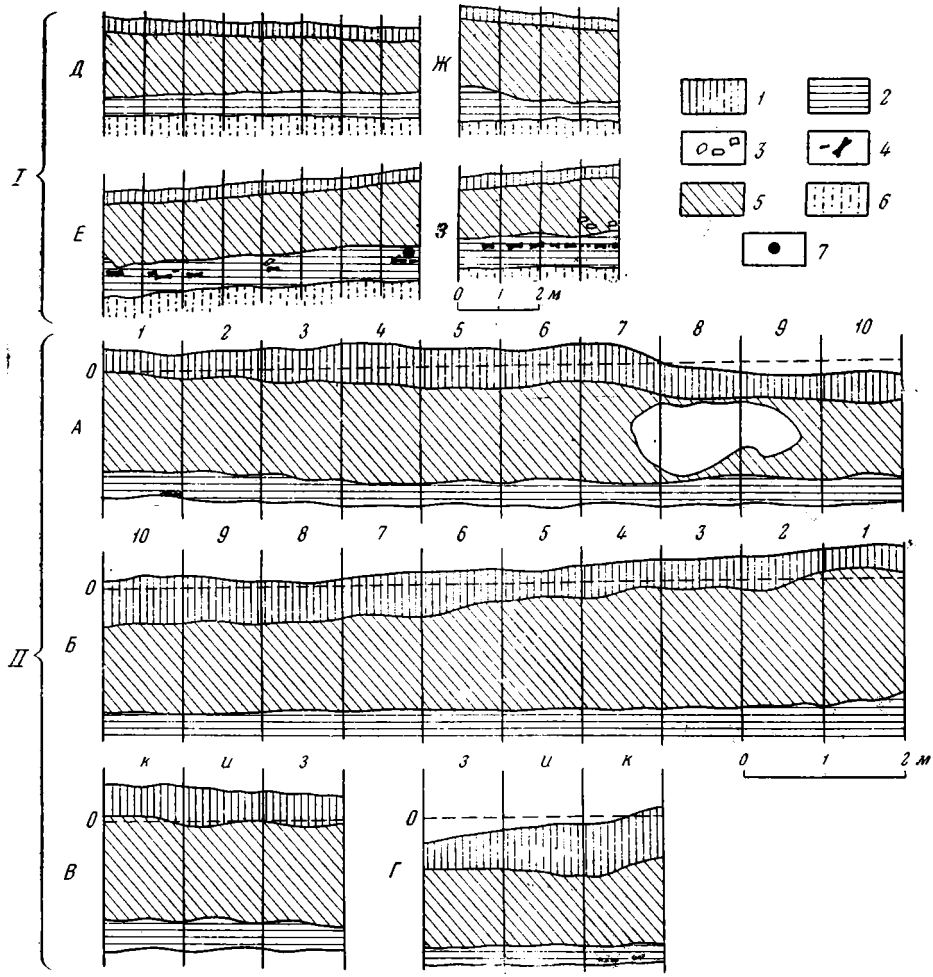


Фиг. 5. Бабин I, слой 1, план

1 — кость; *2* — камни; *3* — кремень; *4* — краска; *5* — уголь; *6* — орудия; *7* — кострища

Кроме ножевидных орудий, здесь были встречены 44 резца (5 двойных, 14 срединных, 13 угловых, 1 тройной, 4 билатеральных, т.е. двусторонних угловых, 3 — супоневского типа), 31 скребок (в том числе несколько килевидных, 3 двойных, 2 с выемчатым рабочим краем), 10 острий (в том числе одно двойное), 6 скребков — резцов, 12 пластин со следами боковых выемок (2 — с крупными боковыми выемками), 3 небольших острия (в том числе одно двойное), острия типа фон-ив,

скребок-острие, 3 пластинки с притупленным краем, 2 скребка, пластина со следами подтески по брюшку, 3 ножевидных орудия с ретушью по краю и на концах, 2 орудия типа остроконечника (фиг. 7, 8). Часть кремневых орудий — орудия на пластинах с краевой ретушью.

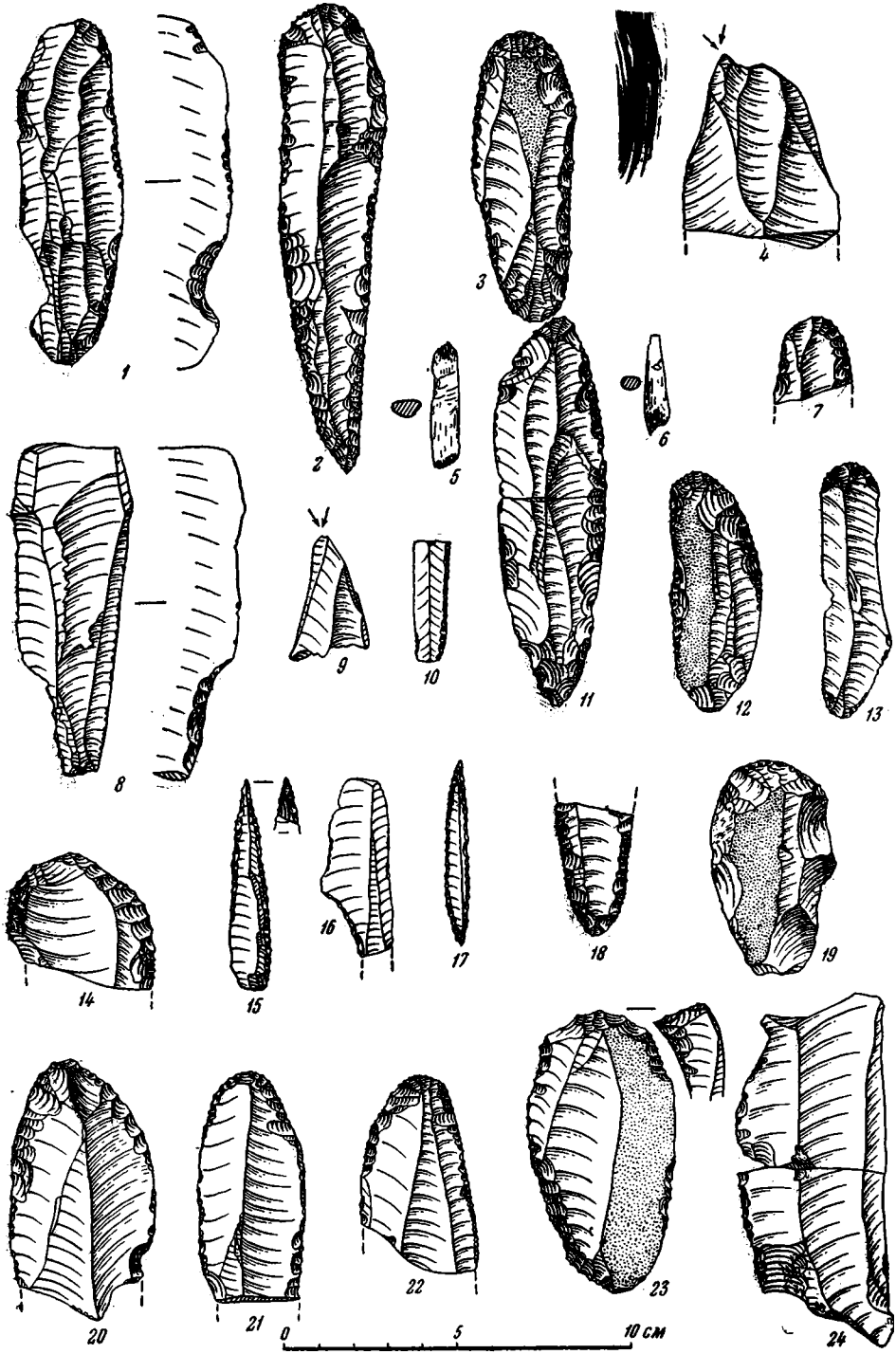


Фиг. 6. Разрезы стенок раскопов. Бабин I, слой 1

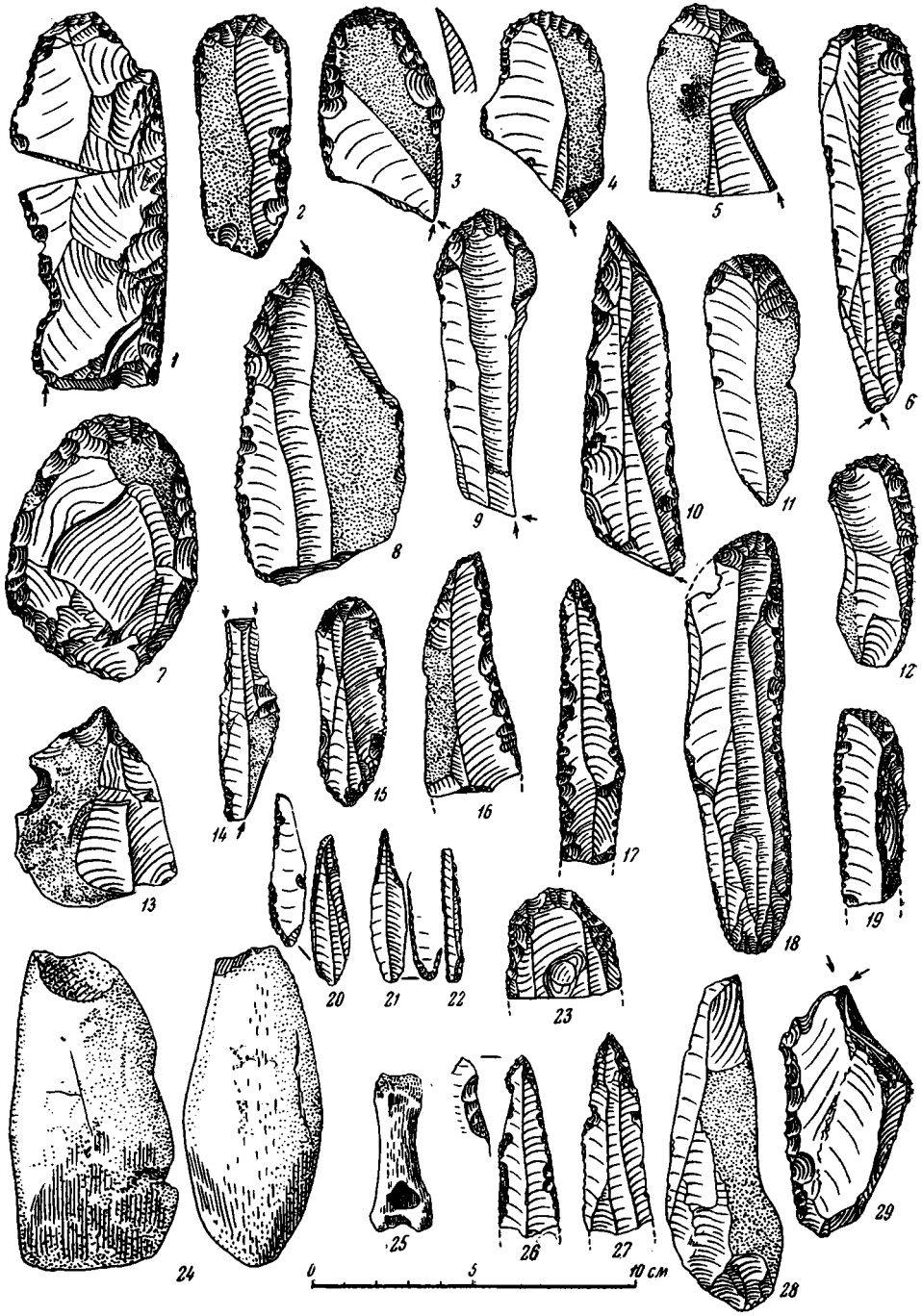
I — раскоп А 1951 г.: *Д* — северной стенки; *Е* — южной; *Ж* — западной; *З* — восточной; II — Северный раскоп 1953 г.: *А* — северной стенки; *Б* — южной; *В* — западной; *Г* — восточной *1* — гумус; *2* — серо-коричневый суглинок; *3* — камень; *4* — кости; *5* — бурая глина; *6* — темно-коричневый суглинок; *7* — краска

Необходимо отметить, что, кроме обычных концевых скребков, здесь были встречены овальные по форме скребки с ретушью по периметру, килевидные скребки и скребки с уплощенным рабочим краем. Эти скребки — характерный тип орудий первого стойбища.

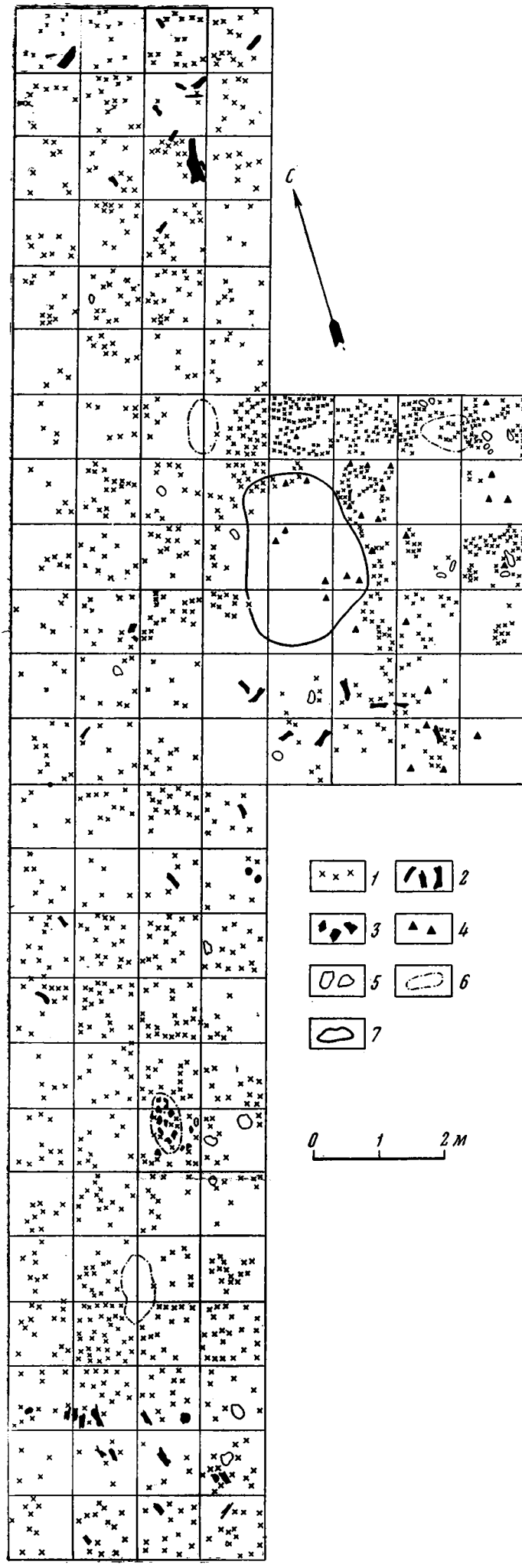
Прослеженные в первом слое стоянки Бабин I кремневые поделки состоят из разнообразных орудий, употреблявшихся главным образом для обработки охотничьей добычи. Так, кроме ножевидных орудий, о которых говорилось выше, резцы употреблялись для обработки кости, скребки — для обработки кож, различные острия — для прокалывания, вспарывания и т. д.



Фиг. 7. Орудия из кремня (*1—4, 7—24*) и кости (*5,6*). Бабин I, слой 1



Фиг.8.Орудия из кремня (*1—23, 26—29*), камня *(24)* и кости (*25*). Бабин I, слой 1



Фиг. 9. Бабин I, слой 2, план

1 — кремень; *2* — кость; *3* — уголь; *4* — орудие; *5* — плитки; *6* — граница кострища; *7* — граница трипольской землянки

О широком применении в качестве материала для изготовления орудий кости и рога свидетельствуют разнообразные изделия, которые были обнаружены на исследованной площади первого слоя. Они состоят из обломков шил, мотыгообразного орудия из трубчатой кости мамонта размерами 210 × 75 × 40 мм, обломка небольшого киркообразного орудия из рога оленя, нескольких поделок неизвестного назначения, а также рога со следами обрезывания кремневыми орудиями.

Кроме этого, на исследованном участке была встречена фаланга северного оленя с искусственным отверстием (свисток?). Размеры этой находки 40 × 12 × 10 мм, диаметр отверстия 10 × 8 мм (фиг. 8, *25*).

Весьма любопытной является также находка обломка трубчатой кости северного оленя с глубоко сидящей в ней мелкой кремневой пластиной.

Среди инвентаря были встречены также поделки из камня: терки из песчаника и два удлиненных топорообразных куска известняка. Наиболее обработанный среди этих поделок экземпляр имеет слегка пришлифованные с двух сторон концы и частичную прошлифовку граней. Размеры этой поделки 95 × 47 × 38 мм (фиг. 8, *24*). Эта поделка до известной степени аналогична удлиненным клинообразным поделкам из сланца, обнаруженным А. Н. Рогачевым в верхнем слое стоянки Костенки IV (Рогачев, 1940, 1955, табл. XV и XVI). На стоянке Буреть также были встречены поделки со следами шлифования, но из змеевика и нефрита.

Можно согласиться с А. Н. Рогачевым, что изделия подобного рода удостоверяют наличие в позднем палеолите зачатков техники шлифования камня, наряду со сверлением (Рогачев, 1955, стр. 100). С. А. Семенов также обратил внимание на это в одной из своих последних работ (Семенов, 1953).

Фауна первого слоя стоянки Бабин I, по определению И. Г. Пидопличко, состоит из следующих видов (см. табл. 1).

Таблица 1

Вид животного	Число обломков	Число особей
Северный олень *(Rangifer tarandus* L.)	535	11
Лошадь *(Equus caballus* L.)	38	4
Волк *(Canis lupus* L.)	1	1
Мамонт *(Elephas primigenius* Bl.)	1	1

Таким образом, среди охотничьей добычи преобладают остатки костей северного оленя и лошади.

Переходим к вопросу о датировке первого слоя.

Прежде всего отметим стратиграфическое залегание остатков первого слоя под горизонтом с находками времени солютре, что является определенным хронологическим показателем.

При описании материалов первого слоя мы видели, что для них характерно наличие ножевидных пластин с краевой ретушью, пластин с боковыми выемками, острий с узким рабочим краем, скребков и резцов на пластинах с краевой ретушью, отдельных орудий архаических форм, килевидных и овальных скребков, скребков с ретушью по периметру, острий типа фон-ив. Эти черты кремневого инвентаря позволяют сравнить материалы первого слоя с рядом памятников позднепалеолитического времени и определить время существования данного слоя.

Известно, что ранняя пора позднего палеолита на территории СССР была до последних лет слабо изучена. Лишь в недавнее время в результате раскопок ряда многослойных памятников Дона получены комплексы,

стратиграфически предшествующие солютре. Такими комплексами являются материалы нижних слоев Тельманской стоянки, Костенок IV и Костенок V. В верхних слоях этих памятников были встречены орудия с двусторонней обработкой плоской отжимной ретушью, типичные для солютре (Рогачев, 1940, 1951, 1952, 1955).

Для инвентаря нижних слоев указанных многослойных стоянок Дона характерно наличие пластин с выемками (нижний слой Костенок IV, второй слой Тельманской стоянки, нижний слой Костенок V), мелких острий и мелких пластинок с ретушью (второй слой Тельманской стоянки, нижний слой Костенок IV), острий (нижний слой Костенок IV, нижний слой Костенок V), орудий на пластинах с краевой ретушью. Этими чертами материалы нижних слоев указанных выше стоянок в некоторой степени сближаются с материалами первого слоя стоянки Бабин I, но среди материалов этих памятников отсутствуют такие орудия, как овальные скребки с ретушью по периметру, острия фон-ив, характерные для первого слоя стоянки Бабин I.

Указанные группы кремневых орудий, встреченные во время исследований первого слоя стоянки Бабин I, дают возможность проследить определенные аналогии с материалами ряда памятников Центральной и Западной Европы.

Так, например, аналогии материалам первого слоя стоянки Бабин I имеются среди материалов пятого слоя многослойной стоянки Зирген-штейн, датированного среднеориньякским временем (Schmidt, 1912). Близкие по характеру орудия встречены в слое *Б* грота Обсерватории у г. Монако и в среднем слое пещерной стоянки Трилобит (Breuil,1918).

Аналогичными первому слою стоянки Бабин I являются также такие памятники, как пещерная стоянка Понт-Неф (Favraud, 1907), грот ла Котт (Breuil, 1906b), гроты Рош о Лу и Гаргас (Breuil, 1911), стоянка Гундштейн в Австрии, все датированные ориньякским временем, а также соответствующие «ориньякские» слои Ябруда и Мугарет-эль-Вад.

Список памятников с материалами, аналогичными первому слою стоянки Бабин I, можно было бы еще увеличить за счет, например, соответствующих слоев многослойной стоянки ла Ферраси, а также таких памятников, как Кроманьон, Тарте, Брассемпуи и т. д., но и в этом нет необходимости, так как приведенные аналогии показывают, что материалы первого слоя стоянки Бабин I относятся к досолютрейской поре позднего палеолита, которая соответствует среднеориньякскому времени.

Раскопки первого слоя стоянки Бабин I, как мы видим, дали возможность изучить остатки одного из наиболее древних позднепалеолитических памятников, известных в настоящее время на территории СССР, так как памятников ранней поры позднего палеолита на этой территории мы знаем пока лишь несколько.

Встреченные на исследованной площади первого слоя стоянки Бабин I материалы свидетельствуют о занятиях охотой обитателей находившегося здесь, по-видимому недолговременного, поселения.

Второй позднепалеолитический слой. В настоящей главе мы уже отмечали идентичные основной массе подъемных находок со стоянки Бабин I изделия, залегавшие в нижней части бурой глины — верхний горизонт на участке первого слоя стоянки. Остатки позднепалеолитического слоя, соответствующего подъемным материалам, на стоянке были исследованы в 1949—1951 гг. Учитывая наличие первого слоя, о котором речь была выше, этот другой слой стоянки Бабин I мы обозначаем как второй позднепалеолитический слой, являющийся хронологически более поздним по сравнению с первым.

Этот слой находился на глубине 0,8—1,1 м от поверхности; он приурочен к бурой глине делювиального происхождения, перекрывающей серо-коричневые суглинки.

Эти данные свидетельствуют о более позднем времени существования второго слоя по сравнению с первым.

Второй слой стоянки Бабин I наиболее обширен, он изучен на трех участках в юго-восточной части мыса, на площади в 274 м².

Фиг. 9 представляет собой план расположения культурных остатков второго слоя на участке первого раскопа.

На площади пяти раскопов, заложенных в трех различных участках мыса, во втором позднепалеолитическом слое стоянки Бабин I были встречены кремневые изделия, остатки костей ископаемых животных, краски, угля, каменных терок, обломков камней и т. д.

Второй культурный слой окраски не имел. Выше уровня культурного слоя также встречались материалы, но они имели характер отдельных находок, переотложенных с более высоких участков мыса. Наличие этих находок выше уровня культурного слоя, относительно слабая насыщенность культурного слоя материалами, наличие большого количества подъемных находок на поверхности мыса — все это показатель того, что остатки этого слоя подвергались и подвергаются размывам. Наклон поверхности мыса к Днестру и оврагу содействует размывам и частичному переотложению культурных остатков с более высоких точек на более низкие.

Во втором слое не было встречено крупных скоплений костей и интенсивных участков скоплений кремневых находок. В среднем в культурном слое на 1 м² площади наблюдалось по 20—40 находок и лишь в отдельных местах, где, видимо, происходила обработка кремня,— 100 и даже 200 находок.

Остатки четырех небольших овальных кострищ были прослежены лишь на первом участке (раскопы I 1949 и I 1950 гг.).

Кремневые поделки из второго слоя стоянки Бабин I, которых было прослежено около 23 000 экз., состоят из 658 нуклеусов, более 3000 пластин и обломков пластин, отбросов производства (кремневые желваки, обломки, отщепы, сколы от оживления нуклеусов и т. д.) и 1048 кремневых орудий труда (фиг. 10,11; Черниш, 1954а).

Сырьем для изготовления кремневых орудий являлись меловые сеноманские конкреции, обнажающиеся в стенках оврагов, окаймляющих мыс. Употреблялся светло-серый, светло-коричневый и темный кремень.

Следует отметить крупные размеры нуклеусов из второго слоя стоянки Бабин I, что свидетельствует об употреблении для производства орудий крупных меловых конкреций.

По форме нуклеусы второго слоя стоянки Бабин I относятся к призматическим, неправильно-призматическим, округлым и даже к дисковидным. В значительной степени форма нуклеусов зависела от формы конкреций, которые употреблялись. Пластины второго слоя также крупные (по 80—100 мм в среднем в длину) и широкие (20—30 мм). Большинство орудий из кремня изготовлено на таких пластинах, но были также встречены орудия на отщепах и обломках.

Кремневые орудия второго слоя стоянки Бабин I состоят из 591 резца, 203 скребков, 93 пластин с краевой ретушью, 45 пластинок с притупленным краем, 27 комбинированных орудий, 14 нуклеобразных орудий, 17 пластин с подтеской по брюшку, 29 орудий отдельных форм, 16 орудий архаических форм, 14 острий.

Как и на большинстве позднепалеолитических стоянок, во втором слое стоянки Бабин I среди орудий преобладают резцы. По форме рабо-

чего края среди резцов больше всего было встречено угловых (197) и срединных (180). Кроме этого, были найдены резцы боковые (38), нуклеобразные (34), билатеральные (20), скошенные (10), двойные (71), резцы супоневского типа (5), полиэдрические, тройные, четверные и несколько плоских резцов. К последней подгруппе резцов относятся резцы с резцовыми сколами по брюшку. Угловые резцы по характеру рабочего края делятся на резцы с поперечной отретушированной выемкой или притупливающей ретушью на верхнем конце пластин и на резцы, у которых рабочий край сформирован двумя резцовыми сколами, нанесенными под прямым углом. Часть срединных резцов является многофасеточными, так как рабочее лезвие у них образовано серией резцовых сколов. Нуклеобразные резцы второго слоя — это орудия на массивных обломках нуклеусов или же на нуклеусах. Часть таких орудий относится к так называемым призматическим резцам.

Подгруппа скошенных резцов — орудия на массивных пластинах и обломках. Рабочие края этих орудий скошены, так как от небольшой площадки — пятки, образованной одним резцовым сколом, под углом нанесено несколько резцовых сколов в другую сторону. Эти орудия имеют дугообразную форму и приближаются к резцам типа бюске. Часть резцов второго слоя — орудия на пластинах с краевой ретушью.

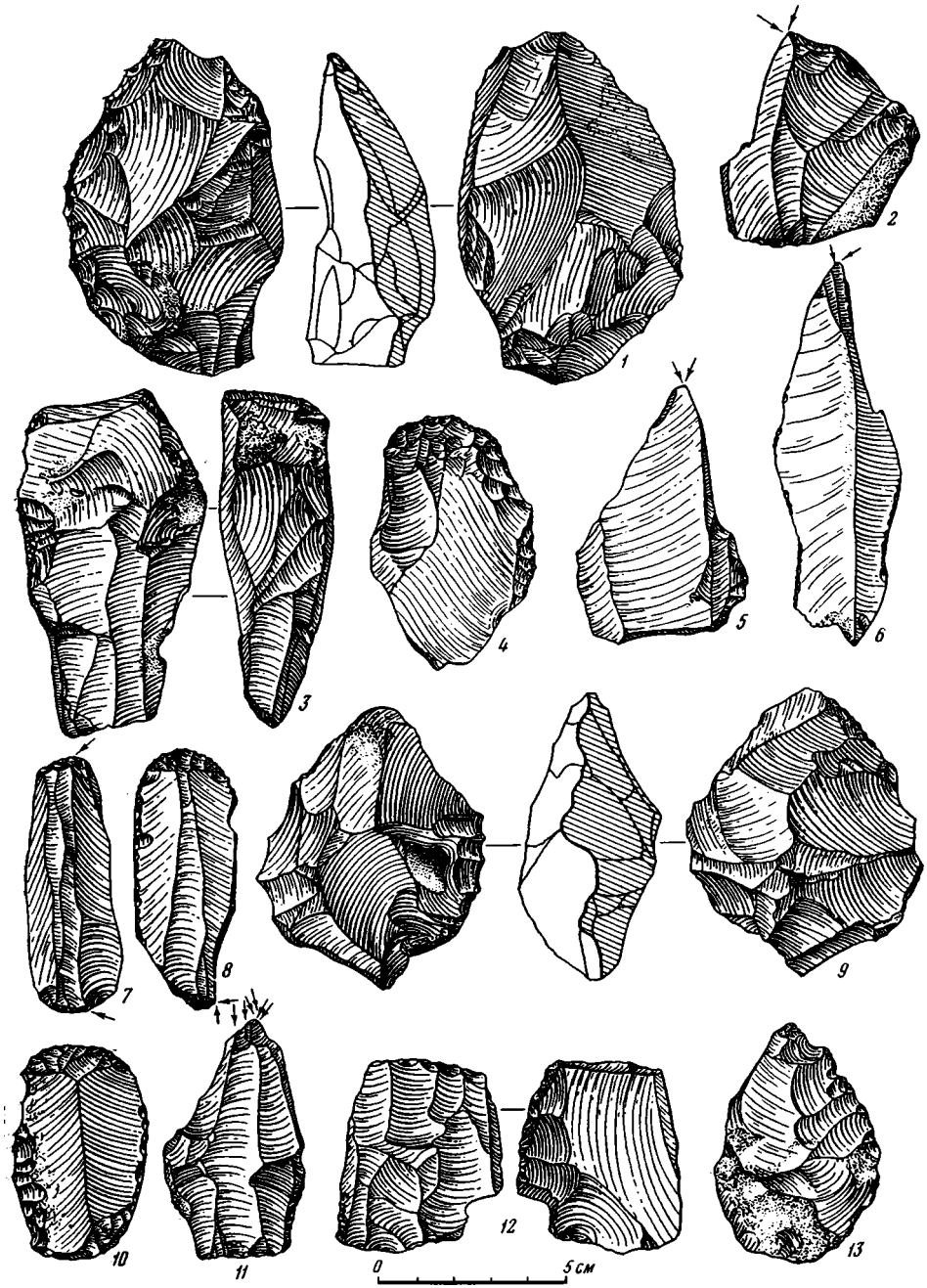
Особо необходимо отметить находки нескольких резцов, изготовленных на листовидных наконечниках. Первый из них—срединный резец на обломке лавролистного наконечника со сплошной двусторонней обработкой поверхности плоской ретушью, размерами 58×39 × 10 мм (фиг. 11, *15*). Второе орудие — резец на фрагменте листовидного наконечника с обработкой концов по брюшку плоской ретушью, размеры его 81 × × 42 × 12 мм (фиг. 11, *14*). Оба резца были встречены на третьем участке. Такие листовидные наконечники с резцовыми сколами известны среди материалов таких стоянок, как Костенки I, Авдеевка, Костенки IV (верхний слой) и других памятников солютре. По мнению А. Н. Рогачева, на поделках такого типа резцовые сколы служили для насадки этих поделок на рукоятки (Рогачев, 1955, стр. 48). Отметим еще угловой резец на обломке пластины с плоской ретушью на поверхности — обломке неоконченного лавролистного наконечника, который был обнаружен в раскопе I 1950 г.

Среди скребков второго слоя преобладают обычные концевые скребки с полукруглым рабочим концом. Были встречены 10 двойных скребков, 15 скребков спрямым рабочим краем, что является характерной особенностью инвентаря слоя. В раскопе I 1949 г. был обнаружен двойной скребок на пластине длиной в 101 мм, с одним полуокруглым и вторым прямым рабочим краем, с частичной краевой ретушью. Аналогичную поделку можно указать среди материалов стоянки Пушкари из раскопок М. Я. Рудинского (Рудинський, 1947).

Часть скребков второго слоя — орудия на пластинах с краевой ретушью. Кроме этого, необходимо отметить находку нескольких скребков с сужающимся рабочим краем и скребков высокой формы.

Третья группа орудий — пластины с краевой ретушью или со следами употребления на краях. Одна часть таких орудий обработана плоской краевой ретушью, а другая — крутой ретушью. Эти поделки употреблялись в качестве ножевидных орудий.

Четвертая группа орудий — пластинки с притупленным краем. Длина этих орудий — от 15 до 54 мм. Некоторые пластинки имеют добавочную обработку ретушью вторых краев и концов. Два таких орудия имеют следы незначительной выемки и следы расширения перед линией излома, что позволяет предположительно считать их обломками наконечников с боковой выемкой.



Фиг. 10. Кремневый инвентарь (*1—13*) из раскопа I 1949 г. Бабин I, слой 2

Комбинированные орудия состоят из 24 скребков-резцов, 2 скобелей-резцов и скребка-острия на пластине с краевой ретушью.

Среди изделий второго слоя стоянки Бабин I были встречены также орудия с подтеской по брюшку. Такими орудиями являются несколько резцов и скребков с подтеской, а также 17 пластин и отщепов. Эти находки до известной степени аналогичны поделкам нижнего слоя стоянки Костенки IV, что свидетельствует о существовании на Днестре, как и на Дону, долотовидных кремневых поделок для обработки дерева.

Любопытной особенностью кремневого инвентаря второго слоя является наличие орудий архаических форм. Они состоят из 2 рубилообразных поделок, 4 орудий типа остроконечников и 10 скребел.

Первое рубилообразное орудие было обнаружено в раскопе I 1949 г. на участке, где находилось скопление кремневых обломков и пластин. По форме эта поделка напоминает позднеашельские рубила, рабочим краем являются край и вершина «рубила». Орудие изготовлено на кремневом обломке; рабочий край с одной стороны сформирован ретушью, а с другой — использована поверхность от сколов на желваке. Размеры находки 90 × 37 × 35 мм. По форме рабочего края это орудие приспособлено для разрезывания. Цветом патины эта находка аналогична остальным материалам из второго слоя. Второе рубилообразное орудие имеет двустороннюю оббивку; форма этого орудия удлиненно-дискообразная, размеры 70 × 55 × 30 мм.

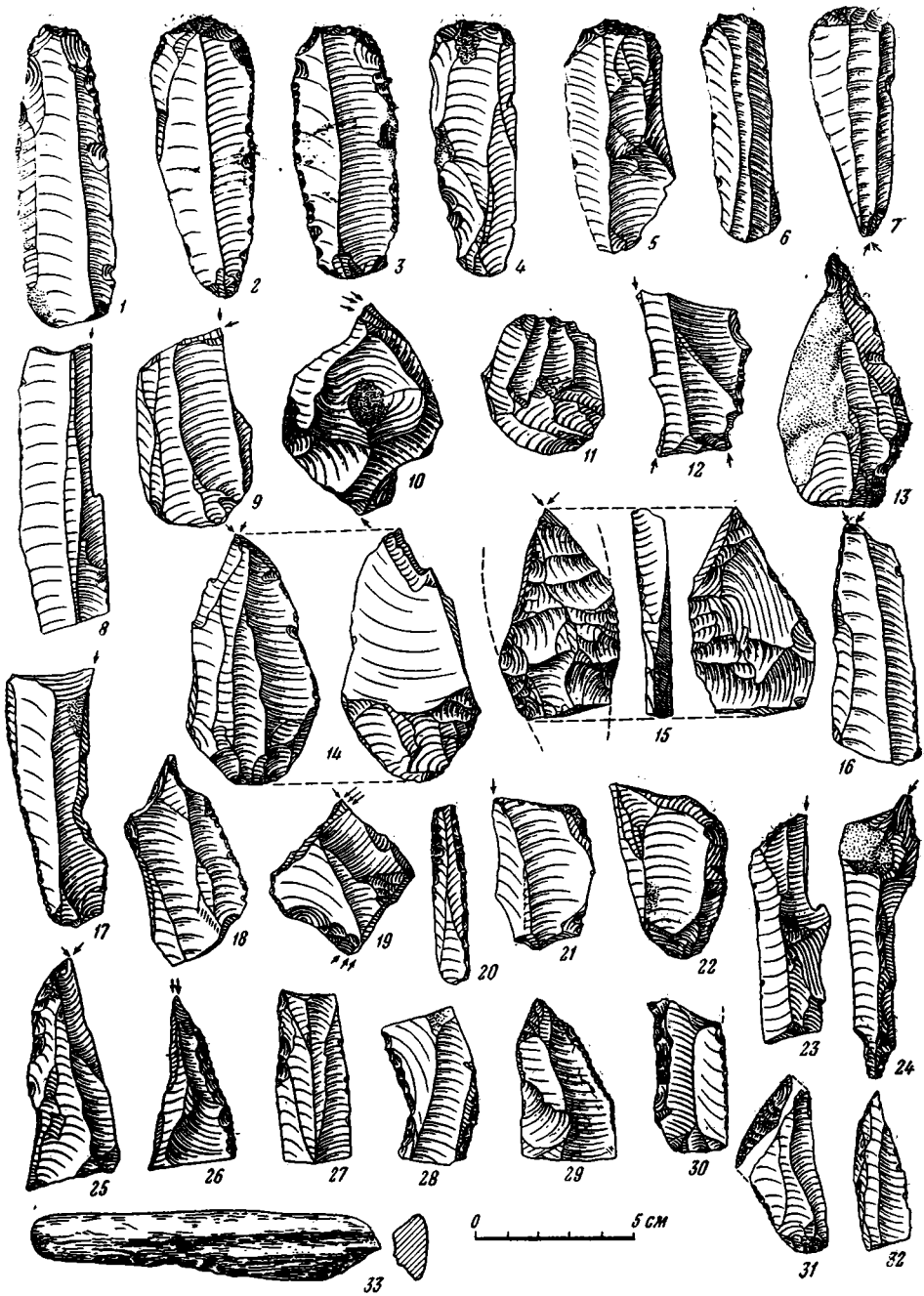
Остроконечники и скребла второго слоя стоянки Бабин I — орудия преимущественно на отщепах и сколах. По технике обработки они аналогичны остальным поделкам.

Среди нуклеобразных орудий второго слоя отметим уплощенный призматический нуклеус с подправленным ретушью нижним концом, плоский обломок нуклеуса с подправленным ретушью краем, нуклевидное дисковидное орудие со следами оббивки на крае, ромбовидное в сечении орудие с противолежащими рабочими концами, нуклеобразные резцы-скобели, несколько нуклеусов с подправленной ретушью площадкой, приспособленной для употребления в качестве скребка; долотообразное орудие с узким, двусторонне оббитым концом. Эти поделки свидетельствуют, что использованные для скалывания пластин нуклеусы путем добавочной обработки часто употреблялись как орудие для рубки, скобления. Для второго слоя стоянки Бабин I характерно также наличие симметричных острий — одной из типичных форм кремневых орудий ранней поры позднего палеолита.

Орудия отдельных форм второго слоя стоянки Бабин I состоят из 3 острий со скошенным краем, орудия с отретушированными зубчатыми выемками — «пилочки», 2 пластин с боковыми выемками, пластины с ретушью по краю и сужением у основания, 7 проколок со срединными и угловыми рабочими краями, 2 сверлообразных орудий, скобеля и треугольного орудия. Последнее орудие имеет ретушь на основании пластины и на правом крае. Близкие по форме орудия известны со стоянок Гримальди, Виллендорф (Cartailhac, 1910; Breuil, 1924). Кроме того, во время разведок автора на стоянке Корман II в 1949 г. было поднято аналогичное орудие треугольной формы.

Кроме этих орудий, необходимо отметить находки нескольких поделок типа так называемых наконечников с боковой выемкой, характерных для памятников ранней поры позднего палеолита, обломков черешков наконечников с подтеской по брюшку и боковыми выемками и отмеченных выше орудий, изготовленных на обломках наконечников.

Все это говорит о наличии среди инвентаря второго слоя Бабин I поделок типа наконечников с боковой выемкой, хотя типичных «классических» наконечников с боковой выемкой здесь и не было встречено.



Фиг. 11. Орудия из кремня (*1—32*) и кости (*33*) из раскопа Б 1951 г. Бабин I, слой 2

Как видно из краткой характеристики кремневых орудий, во втором слое были при раскопках встречены разнообразные поделки.

На исследованной площади было встречено лишь одно орудие из кости — лощило (фиг. 11, *33*).

Следующей категорией поделок являются обломки камней, которых найдено 71 экз. (песчаник и сланец).

Куски песчаника имели преимущественно округлую и овальную форму, а также следы стертости на боках, что свидетельствует об их употреблении в качестве терок. Преобладают округлые и овальные куски песчаника, употреблявшиеся в качестве верхних терочных камней, как видно по их стертым граням. Овальных и округлых камней-терок диаметром от 50 до 120 мм было найдено 22 экз. Другие камни с плоской плитчатой поверхностью могли употребляться в качестве нижних терочных камней.

Таких камней было обнаружено 7 экз. Крупнейшие терочные плиты достигали длины 160—180 мм.

Залегание таких камней в культурном слое показывает, что растирание различных корней, злаков и краски осуществлялось обитателями стоянки здесь же, на исследованной площади.

Кроме терок и обломков камней, во втором слое были прослежены куски красной и желтой краски — охры.

Фаунистические остатки во втором слое стоянки Бабин I встречены в небольшом количестве — всего обломки костей 30 особей. По определению В. И. Бибиковой (1949 г.) и И. Г. Пидопличко (1950—1951 гг.) они принадлежат таким видам животных (см. табл. 2).

Таблица 2

Вид животного	Число обломков	Число особей
Лошадь *(Equus caballus* L. *)*	81	10
Северный олень *(Rangifer tarandus* L.*)*	79	10
Зубр *(Bison priscus* L.*)*	30	5
Мамонт *(Elephas primigenius* Bl.*)*	12	3
Носорог *(Rhinoceros antiquitatis)*	3	1
Гигантский олень *(Megaceros giganteus)*	15	1

Кремневый инвентарь второго слоя стоянки Бабин 1 вцелом характеризуется следующим:

1) крупными размерами нуклеусов, пластин и орудий;

2) резцами на пластинах с краевой ретушью (часто с плоской ретушью), призматическими и полиэдрическими резцами, скошенными резцами, резцами типа конца флейты, крупными угловыми резцами с поперечной концевой прямой или выемчатой ретушью, многофасеточными резцами и т. д.;

3) скребками на пластинах с ретушью (часто плоской), скребками с прямым рабочим краем, с суживающимся рабочим краем, скребками высокой формы;

4) такими поделками, как симметричные острия, скребки-острия, пластины с подтеской и наконечники с боковой выемкой, орудиями на наконечниках с плоской ретушью;

5) дисковидными орудиями и орудиями архаических форм, нуклевидными орудиями, ножевидными орудиями-пластинами с ретушью (часто плоской), долотообразными орудиями и орудиями для рубки.

Эти черты кремневого инвентаря показывают, что второй слой стоянки, залегающий на 1 м выше первого, имеет не только много сходных черт с первым слоем, но и много новых, что свидетельствует о дальнейшем развитии и усовершенствовании техники производства. Так, например, во втором слое встречены уже поделки с двусторонней обработкой плоской ретушью.

Среди стоянок Приднестровья можно указать ряд аналогичных второму слою стоянки Бабин I памятников. Таковы, например, стоянки Незвиско I, Грушевцы I, Бабин II, Бабин III, Китайгород II, Городница I, Конюшки, Ганнусивка и т. д.

Правда, на этих пунктах не встречены поделки типа наконечников с боковой выемкой, но прослежены поделки с двусторонней обработкой плоской ретушью, орудия на пластинах с краевой ретушью, а на некоторых из них — и острия.

Кремневый инвентарь второго слоя стоянки можно сравнить с материалами таких памятников на территории Европейской части СССР, как Костенки I (верхний слой), Гагарино, Боршево I, Авдеевка, Бердыж, Пушкари I, а также с материалами таких стоянок Центральной и Западной Европы, как Рипичены (пятый слой), Замостье I, Виллендорф, Пшедмост, Павлов, Мораваны, Петржковицы, Дзерава скала (верхний слой), Рок, Лакост, Плакар (солютрейский слой) (Замятнин, 1929, 1935а; Руданьский, 1947; Борисковский, 1947, 1953; Гвоздовер, 1950; Воеводский, Алихова-Воеводская, 1950; Рогачев, 1953; Ефименко, 1953; Ambrojevici, Popovici, 1938; Moroşan, 1938; Ambrož, Ložek, Prošek, 1952; Klima, 1953, 1954; Prošek, 1950, 1951).

Естественно, что каждый из указанных памятников имеет свои особенности, отражающие местные особенности культуры палеолитических охотничьих общин. Поэтому между памятниками данной группы имеются определенные различия, так как в материалах некоторых из них преобладают те или иные типы орудий, наиболее употреблявшиеся в производственном процессе каждой конкретной позднепалеолитической общины, но в общих чертах все они определяются как памятники солютре.

Если проследить особенности кремневого инвентаря этих памятников, то их можно свести к следующим: среди орудий стоянки Пушкари I преобладают острия; в Авдеевке — орудия с подтеской; в Костенках I (верхний слой) — скребки и резцы; в Пшедмосте, Гагарине и во втором слое стоянки Бабин I — резцы и т. д.

Если отдельные категории орудий второго слоя сравнить с отдельными категориями орудий ряда указанных памятников, то видно, что скребки с прямым рабочим краем были встречены в Бабине I и Пушкарях I; острия — в Бабине I, Авдеевке, Пушкарях I, Боршево I, Петржковицах и т. д.; скребки с сужающимся лезвием — в Бабине I, Пушкарях I, Костенках I (верхний слой) и т. д.; поделки типа наконечников с боковой выемкой были встречены во всех этих пунктах; резцы на пластинах с краевой ретушью были встречены в Костенках I, Гагарине, Бабине I и др.; скребки на пластинах с краевой ретушью — в Гагарине, Костенках I, Боршево I, Бабин I, Моравanах, Петржковицах и т. д.; орудия мустьерских форм — в Бабине I, Бердыже, Костенках I, Пшедмосте, Петржковицах, Ондрадицах.

Среди указанной группы позднепалеолитических памятников можно в свою очередь выделить более поздние и более ранние. Критерием для этого в данном случае может, по-видимому, служить наличие таких поделок, как листовидные наконечники и наконечники с боковой выемкой. Сочетание подобных кремневых поделок было встречено на таких стоянках, как Костенки I (верхний слой), Авдеевка, Пшедмост, Рок, Брассемпуи (солютрейский слой), Пре-обер (Favraud, 1908; Bardon, Bouyssonié,

1929). Такое же сочетание характерно и для второго слоя стоянки Бабин I, где было встречено несколько наконечников с боковой выемкой, резцы на листовидных наконечниках. Лавролистный наконечник был встречен на стоянке среди подъемных находок 1948 г.

Наличие среди материалов второго слоя стоянки орудий с плоской ретушью, резцов на наконечниках со сплошной двусторонней обработкой поверхности плоской ретушью позволяет отнести материалы второго слоя стоянки Бабин I к наиболее древним среди памятников типа Костенки I — Авдеевка, и сближает его с такими более ранними солютрейскими стоянками, как Костенки IV (верхний слой), Тельманская (верхний слой) и Костенки I (нижний слой).

Таким образом, мы видим, что время существования второго слоя стоянки Бабин I не выходит за пределы солютре, так как этот слой является одним из наиболее древних памятников в группе стоянок костенковского типа.

Исследования второго слоя стоянки Бабин I позволили, таким образом, проследить остатки временного стойбища, относящегося к концу ранней поры позднего палеолита. Более поздним является третий позднепалеолитический слой этой стоянки.

Третий позднепалеолитический слой. Остатки третьего позднепалеолитического слоя на мысу Яма в основном концентрировались в юго-восточной половине мыса. Следует отметить, что кремневые изделия, характерные для этого слоя, встречались также и на некоторых участках, где исследовался второй слой, и перекрывали второй культурный слой, так как они наблюдались на глубине 0—0,3 м. Таким образом, вполне можно говорить о стратиграфическом перекрывании культурных остатков второго слоя инвентарем третьего слоя, хотя на участке, где было исследовано поселение времени третьего слоя, второй культурный слой не наблюдался.

Третий слой стоянки Бабин I исследовали в 1949—1951 гг. Было заложено три раскопа, которыми была вскрыта площадь размером в 206 м² (фиг. 12). Раскопы примыкали один к другому.

В разрезе этого участка прослежены (по данным из раскопа *2* 1950 г.):

	Глубина, м
1. Гумус	0,01—0,4
2. Бурая глина	0,4 —0,7
3. Известняковый щебень (намыв)	0,7 —1,1
4. Серо-коричневый суглинок, перекрывающий белый мергель	1,1 —1,3

Третий культурный слой мощностью в 5—10 см залегал в нижней части бурой глины на прослойке мелкого известнякового щебня.

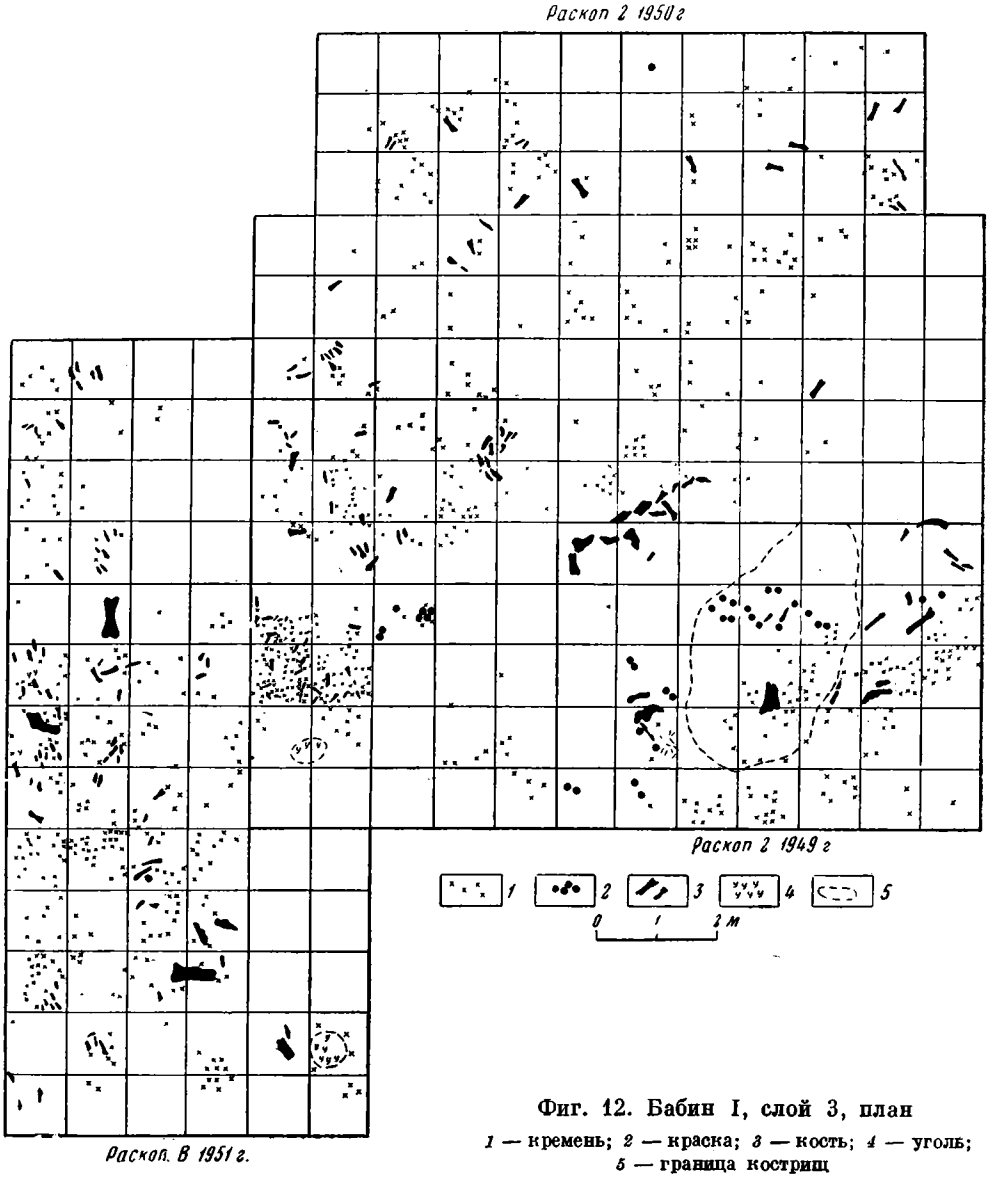
Соответственно падению поверхности щебня культурный слой снижался в северо-восточном направлении. Мощность бурой глины, в которой находился культурный слой, повышалась в западном направлении, вследствие чего глубина залегания культурного слоя в западных участках была меньше, чем в более восточных. По уровню северо-западного угла раскопа *2* 1949 г. культурный слой находился на глубине 0,50—0,70 м.

В третьем культурном слое на исследованной площади были встречены кремневые изделия, остатки раздробленных костей ископаемых животных, остатки охры, несколько камней, остатки кострищ. Культурные остатки не занимали всей территории исследованного участка, а прослеживались преимущественно в виде пятен находок. Такие пятна

занимали центральную часть раскопа 1951 г., юго-западную часть раскопа *2* 1950 г. и половину раскопа *2* 1949 г. (см. фиг. 12).

На остальных квадратах исследованного участка материалы встречались лишь в виде отдельных находок.

На изученной площади третьего слоя были встречены остатки трех очажных пятен.



Фиг. 12. Бабин I, слой 3, план

1 — кремень; *2* — краска; *3* — кость; *4* — уголь; *5* — граница кострищ

Первое из них размерами 3,5 × 4 м находилось в центральных квадратах раскопа *2* 1949 г. на поверхности известнякового щебня. В кострище и вокруг него были прослежены обожженные косточки и кусочки краски. Восточнее кострища находилось скопление кремневых изделий и обломков костей. Второе кострище овальной формы размерами 0,80 × × 0,40 м с толщиной линзы 3—4 см, с остатками пережженных костей и небольшим количеством угля, найдено в 1950 г. в естественном углублении

в известняковом щебне. Это кострище ограждалось со всех сторон выступами камней, возвышающихся над дном кострища на 20—30 см.

Третье кострище диаметром в 50 см находилось в раскопе В 1951 г. Кремневых поделок на исследованной площади третьего слоя было обнаружено около 4500 экз. Они состоят из 75 нуклеусов, 124 резцов, 60 скребков, 23 пластинок с притупленным краем, 19 пластин со следами ретуши, 6 пластин со следами подтески по брюшку, 4 пластин со скошенным ретушью краем, 2 скобелей, 4 скребков-резцов, проколок, 720 пластин и отбросов производства (фиг. 13).

Как и во втором слое стоянки, в третьем слое среди кремневых орудий преобладают резцы (55% всех кремневых орудий), на втором месте — скребки (27%).

Кремневый инвентарь третьего слоя отличается от кремневых изделий второго слоя цветом патины (преимущественно синяя) кремневых находок, размерами нуклеусов, пластин и орудий, а также техникой обработки. Средняя длина нуклеусов 60—70 мм, много нуклеусов длиной 40—50 мм. Нуклеусы третьего слоя по форме относятся к призматическим и неправильно-призматическим. Несколько нуклеусов имеют примитивно-коническую форму. С таких суживающихся к нижнему концу нуклеусов с округлой ударной площадки сбивались со всех сторон тонкие пластинки. Для третьего слоя характерно преобладание тонких, удлиненных, хорошо ограненных пластинок. Большинство орудий изготовлено на таких пластинках.

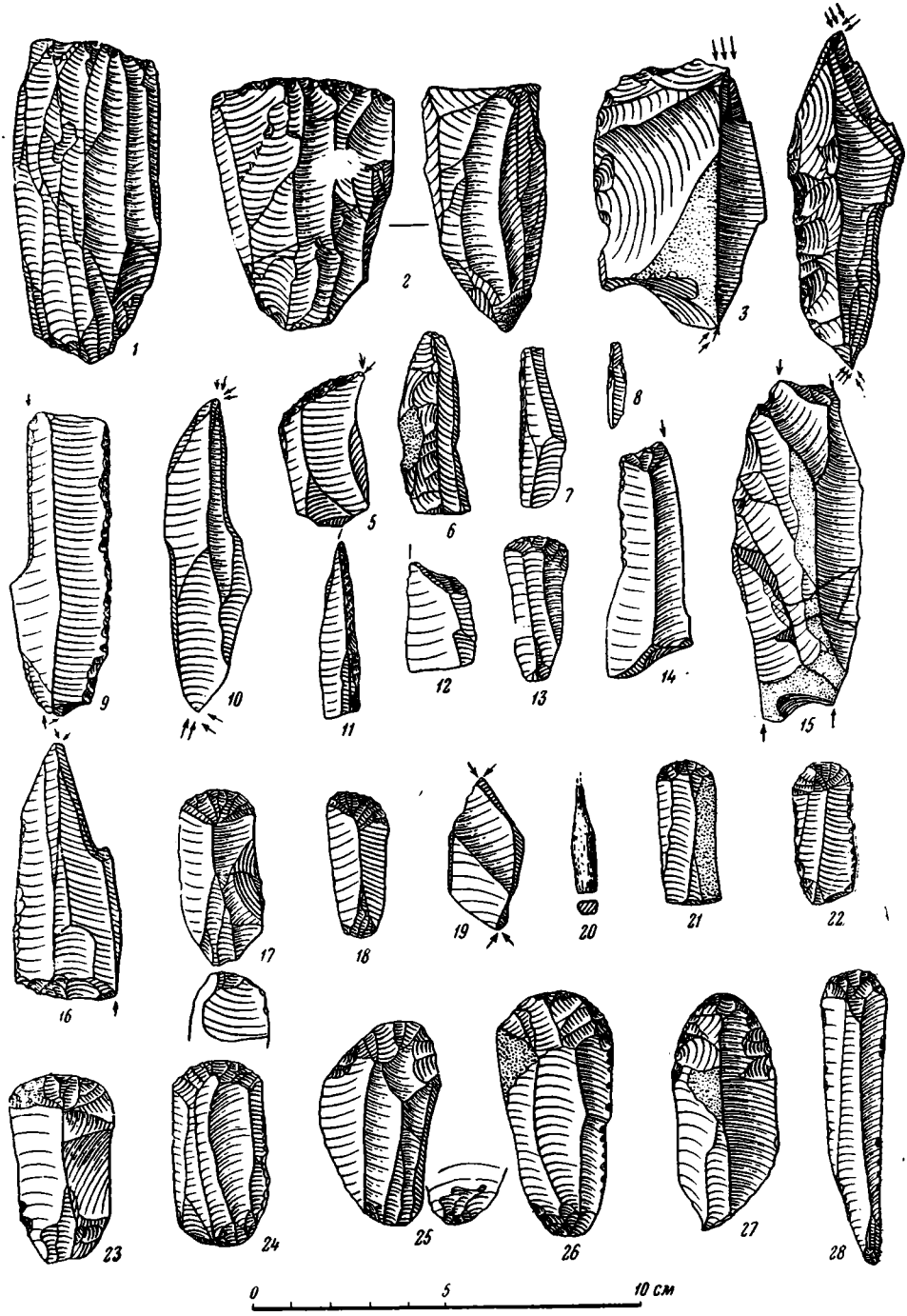
Наиболее многочисленная группа орудий третьего стойбища — резцы — состоит из 36 угловых, 25 срединных, 24 двойных, 13 боковых, 9 нуклевидных, 5 билатеральных, 3 тройных, 1 клювовидного, 1 четверного резцов. Были встречены 7 обломков резцов. Поднят 1 резец на крупной пластине с плоской ретушью, — по-видимому, обитатели находившегося здесь стойбища повторно использовали более древние орудия.

Большинство скребков — орудия на пластинах. Преобладают так называемые короткие скребки, характерные для памятников конца палеолита. Аналогичные скребки, например, известны среди материалов стоянок Гонцы, Боршево II, Владимировка и т. д., а также стоянок Мадлен, грот Мэрии (верхний слой), Меж, Сент-Мишель, Мюнцинген, Плакар (мадленские слои) и т. д. (Левицький, 1947; Замятнин, 1929; Борисковский, 1941 б; Черныш, 1953; Capitan, Peyroni, 1923; Capitan, Breuil, Peyroni, Bourrinet, 1908; Mascaraux, 1910; Padtberg, 1925).

Среди скребков необходимо отметить миниатюрный скребочек на пластинке с рабочим краем в виде носика. Это орудие является пережиточной формой орудий более ранних периодов позднего палеолита (размеры поделки 43 × 28 × 13 мм). Кроме того, в третьем слое было встречено несколько небольших скребков с прямым рабочим краем и несколько выемчатых скребков, а также двойной скребок.

Один из нуклеусов имел овально-подтесанный нижний конец, который можно было использовать для рубки. Размеры этого орудия 150 × 70 × × 38 мм. Любопытно крупное скребкообразное орудие килевидной формы на треугольном в разрезе обломке конкреции размерами 135 × 50 × × 55 мм. Два края и вершина его обработаны ретушью. Эта поделка аналогична «арковидным» орудиям, известным среди материалов некоторых стоянок мадленского времени с территории Франции (Мадлен — средний слой, Лимейль, Кулон), а также орудию со стоянки Корпач на Пруте (Capitan, Peyroni, 1923; Breuil 1908; Moroşan, 1938).

Кроме поделок из кремня, в третьем слое стоянки Бабин I были также обнаружены поделки из кости и рога, обломки костей со следами обработки.



Фиг. 13. Изделия из кремня (*1—19, 21—28*) и кости (*20*). Бабин I, слой 3

В 1949 г. был найден обломок молоткообразного орудия из рога северного оленя. Конец отростка рога имеет следы многочисленных ударов, свидетельствующих об употреблении этой поделки в качестве молотка. Размеры этого орудия 140 × 54 × 33 мм. На обеих сторонах молоткообразного орудия наблюдаются следы орнамента в виде вырезанных черточек. На одной стороне расположены следы четырех таких линий (две из них — под углом) и следы от рубки рога, а на другой стороне заметны две параллельные скошенные черточки. Аналогичные молоткообразные поделки из рогов северного оленя известны на ряде позднепалеолитических памятников. Они встречены, например, на стоянках Мезин, Чулатово I, Чулатово II, Костенки IV, Рипичены и др. (Рудинський, 1931; Підоплічко, 1947; Рогачев, 1940; Moroşan, 1938).

Среди других поделок из кости и рога отметим обломок шила, вырезанный из кости мамонта. Размеры его 28 × 6 × 5 мм (фиг. 13,*20*). Кроме этого, были встречены обломок рога северного оленя со следами обрезывания кремневыми орудиями и обломок рога оленя с обрезанным концом и следами срезанной поверхности. Других поделок из кости и рога не было прослежено.

Кроме того, в третьем слое были обнаружены три округлые терки из песчаника и краска красного (окись железа) и желтого (охра) цвета.

Состав фауны третьего слоя стоянки Бабин I (определение В. И. Бибиковой и И. Г. Пидопличко) показан в табл. 3.

Таблица 3

Вид животного	Число особей
Северный олень *(Rangifer tarandus* L.*)*	28
Зубр *(Bison priscus* L.*)*	6
Лошадь *(Equus caballus* L.*)*	5
Мамонт *(Elephas primigenius* Bl.*)*	6
Гигантский олень *(Megaceros giganteus)*	1

Всего в культурном слое было обнаружено около 6000 обломков костей от 46 особей животных. Из них 60% составляют кости северного оленя; по 13% — кости мамонта и зубра; 10% — лошади; 4% — гигантского оленя. Эти виды животных являлись охотничьей добычей, но среди них, как мы видим, значительно преобладают кости северного оленя — главного объекта охоты.

Переходим к определению возраста третьего слоя стоянки Бабин I.

При характеристике кремневого инвентаря этого слоя мы отмечали, что для него характерно наличие небольших нуклеусов, тонких пластинок, резцов и скребков на таких пластинках, коротких скребков, пластинок со скошенным ретушью краем, небольших угловых, срединных, двойных и боковых резцов. Эти, типичные для памятников конца палеолита, черты свойственны как ряду памятников Приднестровья, известных по подъемным находкам (Атаки V, Корман II — второй комплекс, Студеница II, Вороновица II, Вороновица III и др.), так и ряду позднепалеолитических памятников Европейской части СССР (Гонцы, Бугорок, Чулатово II, Боршево II, Владимировка и т. д.) и других территорий (например, Мадлен, Сент-Мишель, грот Мэрии, Мюнцинген, Сагвар, Нова Дратеничка, верхний слой Пекарны и т. д.).

Кроме кремневого инвентаря, определенные данные для уточнения датировки третьего слоя стоянки Бабин I дают также и палеонтологические остатки.

Преобладание в фаунистических остатках третьего слоя костей северного оленя, наличие небольшого количества костей мамонта позволяют еще больше уточнить датировку этого слоя путем сравнения с такими памятниками, как Сагвар (лёссовая стоянка Венгрии), Владимировка (имеются в виду нижние слои), где в фауне преобладал северный олень, но встречался также мамонт (Hillebrand, 1934; Черныш, 1953 г). На основании остеологических данных третий слой можно отнести к позднемадленскому времени, когда, по заключению советских палеонтологов, мамонт еще не исчез, но в составе фауны стал преобладать северный олень. Этому выводу не противоречит кремневый инвентарь слоя, для которого характерно преобладание типичных для позднемадленских памятников мелких кремневых орудий.

Таким образом, для третьего слоя стоянки Бабин I характерно наличие тонкого культурного слоя, нескольких незначительных по мощности кострищ, относительно небольшого количества культурных остатков в слое. Все это свидетельствует, что третий слой — остаток сезонного охотничьего поселения. Оно имело такой же сезонный характер, как и кратковременные позднепалеолитические многослойные стоянки порожистой части Днепра, как стоянка Боршево II, Владимировка и др.

Переход к временным сезонным поселениям, который, по мнению П. П. Ефименко, наблюдается на памятниках конца палеолита, является также характерным и для Днестра. Материалы третьего слоя стоянки Бабин I иллюстрируют общность черт исторического процесса в данную эпоху.

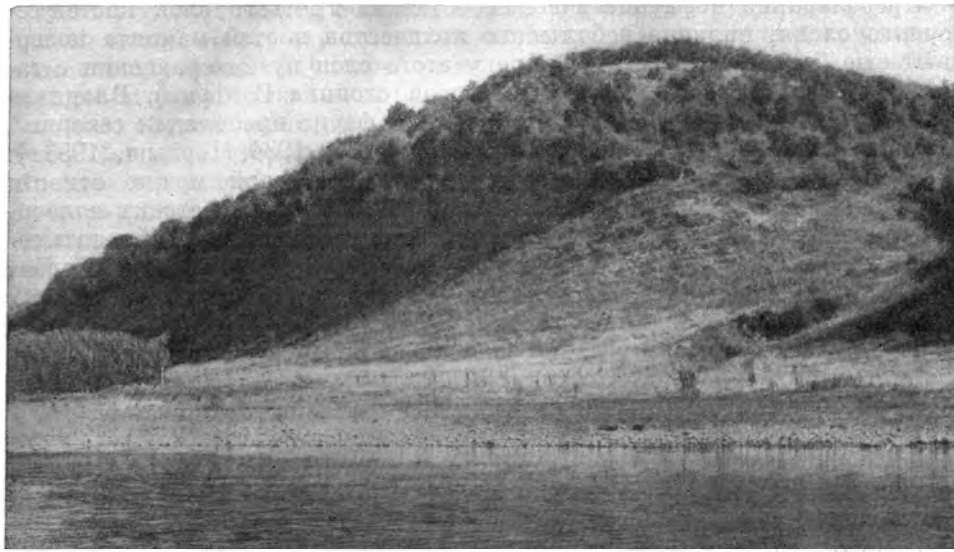
2. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ВОРОНОВИЦА I

Палеолитическая стоянка Вороновица I, одна из наиболее известных позднепалеолитических стоянок Приднестровья, была открыта во второй половине 20-х годов Ч. Амброжевичем, который, кроме сборов подъемного материала на этом памятнике, заложил несколько шурфов.

Стоянка Вороновица I расположена на правом берегу Днестра, на мысу Барвинская гора, между двумя оврагами (фиг. 14), в 3 км юго-восточнее с. Вороновица Кельменецкого района Черновицкой области.

В своих работах по палеолиту Приднестровья Ч. Амброжевич изредка упоминает Вороновицу I как памятник, где были встречены килевидные скребки, пластины с ретушью, скребки высокой формы и кеглеобразные скребки (Ambrozewicz, 1930). На опубликованных им таблицах кремневых изделий «ориньякских» памятников Приднестровья дано несколько рисунков предметов со стоянки Вороновица I (Барвинская гора). Так, на табл. II, приложенной к упомянутой выше работе, есть сверлообразное орудие на крупной пластине и крупная пластина с краевой ретушью — острие; на табл. III — фрагмент нижней части крупной пластины с краевой ретушью; на табл. VI — округлый скребок, 2 двойных скребка на небольших коротких пластинах с ретушью; на табл. VII — 2 мелкие пластинки, именуемые им «микролитическими», килевидный скребок и кеглевидный скребок (Ambrozewicz, 1930, табл. II, *1*, *5*; табл. III, *21*; табл. VI, *1*, *2*, *3*; табл. VII, *14*, *19*, *20*, *21*).

Следовательно, Ч. Амброжевич опубликовал в таблицах 10 предметов со стоянки Вороновица I, среди которых некоторые действительно давали определенное основание этому исследователю относить материалы стоянки к ориньякскому времени. Описания шурфов, заложенных на урочище Барвинская гора, Амброжевич не дает; один из них показан на фотографии, опубликованной в указанной работе. Кроме этого, Амброжевич приложил список фауны со стоянки Вороновица I, которая, как можно предположить, была получена им из шурфов. Этот список



Фиг. 14. Стоянка Вороновица I на мысу Барвинская гора. Вид со стороны Днестра

включает таких животных, как мамонт (*Elephas primigenius* Bl.)— много; ископаемая лошадь (*Equus caballus fossilis* L.) — много; благородный олень (*Cervus elaphus* L.) — много; байбак (*Arctomus bobac* Schonob.)— много; 5 разновидностей ракушек из рода *Helix* и несколько других видов (Ambrozewicz, 1930).

В 1946—1947 гг. большое внимание изучению данной стоянки уделил П. И. Борисковский, собравший во время своих разведок на Днестре значительную коллекцию на этом пункте. Им были собраны здесь нуклеусы небольших размеров, тонкие ножевидные пластины, 12 концевых скребков (среди них преобладали орудия на маленьких пластинах), 22 резца (половина из них — массивные нуклевидные, срединные, боковые, 2 скошенных), 3 острия в форме клинка перочинного ножа, 4 острия без затупливающей ретуши по краю; 3 тонкие пластинки с притупленным краем, несколько пластинок с ретушью по краю и несколько нуклевидных скребков (Борисковский, 1949в).

На основании наличия в подъемном материале коротких двойных скребков, острий в форме перочинного ножа, тонких пластинок, небольших нуклеусов материалы стоянки были включены П. И. Борисковским в определенную им вторую хронологическую группу памятников позднего палеолита Днестра, которая им датировалась позднемадленским временем. В то же время Борисковский отмечал, что среди памятников этой группы стоянка Вороновица I является одной из наиболее ранних (Борисковский, 1948). В своей последней монографии Борисковский стоянку Вороновица I включил в четвертую хронологическую группу памятников позднего палеолита Приднестровья (Борисковский, 1953).

Дальнейшие работы по изучению стоянки Вороновица I были осуществлены автором в 1948 и 1950—1953 гг. Эти работы заключались как в систематических сборах подъемного материала, так и в проведении раскопок. На поверхности мыса была собрана значительная коллекция кремневых изделий (около 500 экз.), состоящая из 63 нуклеусов, 25 резцов, 21 скребка, 3 острий, 3 пластинок с притупленным краем, 5 пластинок с краевой ретушью, орудий отдельных форм, пластинки типа лезвия

перочинного ножа, пластин и отщепов. Подъемный материал был сходен с материалами коллекции Борисковского, что дало основание для датировки стоянки тем же временем, к которому ее относил и Борисковский (Черныш, 1950а, 1953б), но находки с данной стоянки имели все же некоторые особенности. Они заключались в том, что были встречены такие орудия, как острия, пластины с краевой ретушью (некоторые — с плоской ретушью), орудия, близкие к скошенным резцам, орудия со следами плоской ретуши, скребки с прямым рабочим краем. Некоторые из таких орудий встречены также и Борисковским, что и явилось основанием для отнесения стоянки к наиболее ранним памятникам позднемадленской группы.

Наличие среди подъемного материала орудий более древнего облика вызывало особый интерес к данному памятнику, так как рядом на Днестре, как мы видели при описании материалов третьего слоя стоянки Бабин I, был исследован памятник конца позднего палеолита без «архаических» признаков в инвентаре.

На разных участках мыса Барвинская гора, имеющего высоту 60—75 м над Днестром, было прокопано 8 шурфов площадью по 4 м² каждый (фиг. 15). Позднепалеолитический культурный слой на мысу был прослежен в шурфах *1* и *6*, расположенных рядом с пересекающим мыс валом, а в других шурфах культурные остатки позднепалеолитического времени были встречены лишь в незначительном количестве (шурфы *3*, *4*, *5*, *7*) или совсем не были обнаружены (шурфы *2* и *8*).

Полученные данные показали, что стоянка не распространялась в южном направлении на более высокую часть мыса, а в основном располагалась в центральной части мыса, возле вала.

Рядом с шурфом *1* в 1951 г. был намечен раскоп площадью в 40 м²; в 1952 г. к этому раскопу был с южной стороны прирезан участок в 100 м², а в 1953 г. севернее раскопа 1951 г. был прирезан участок площадью в 90 м² (см. фиг. 15).

Таким образом, за 3 года раскопок стоянки Вороновица I была исследована площадь размером в 262 м² и изучены остатки двух разновременных позднепалеолитических поселений.

Прежде чем перейти к характеристике материалов стоянки Вороновица I, необходимо кратко отметить геологические условия нахождения культурных остатков.

По данным раскопа 1951 г. на мысу были прослежены в разрезе:

	Глубина, м
Чернозем	0—1,1
Темно-коричневый суглинок	1,1—1,6
Светло-коричневый тонкий лёссовидный суглинок	1,6—2,8
Светло-желтый лёссовидный песчанистый суглинок	2,8

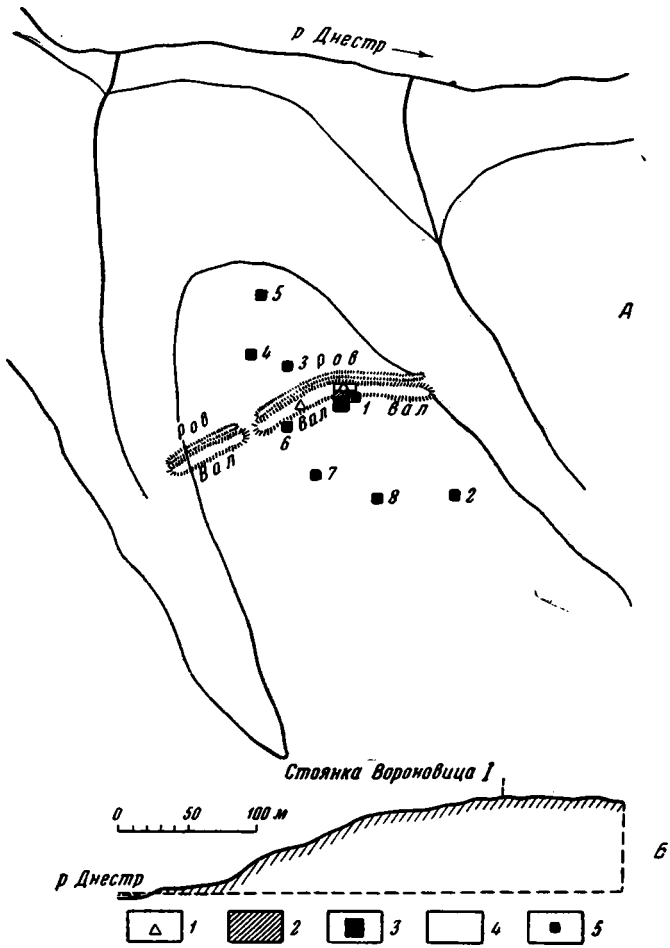
Позднепалеолитические культурные слои находились в светло-коричневом лёссовидном суглинке. Выше, в черноземе, были встречены отдельные находки скифского и трипольского времени.

Нижний слой стоянки Вороновица I был прослежен в лёссовидном суглинке на глубине 2,2—2,6 м. Между нижним и верхним слоями стерильной прослойки не было, так как в разделяющем их слое суглинка встречались отдельные экземпляры кремневых изделий. Вследствие того, что местность имела наклон на С и на В и материал в какой-то мере пере-

мещался на исследованной площади, наблюдалось залегание отдельных находок более древнего, нижнего слоя в верхнем слое.

В нижнем слое стоянки Вороновица I были прослежены два пятна скоплений находок (фиг. 16).

Первое пятно занимало западную половину раскопа 1953 г. и северо-западную часть раскопа 1951 г.; оно распространялось в западном



Фиг. 15. Схематический план (*А*) и профиль (*Б*) мыса Барвинская гора (стоянка Вороновица I)

1 — мамонтовые столбы; *2* — раскоп 1951 г.; *3* — раскоп 1952 г.; *4* — раскоп 1953 г.; *5* — шурфы

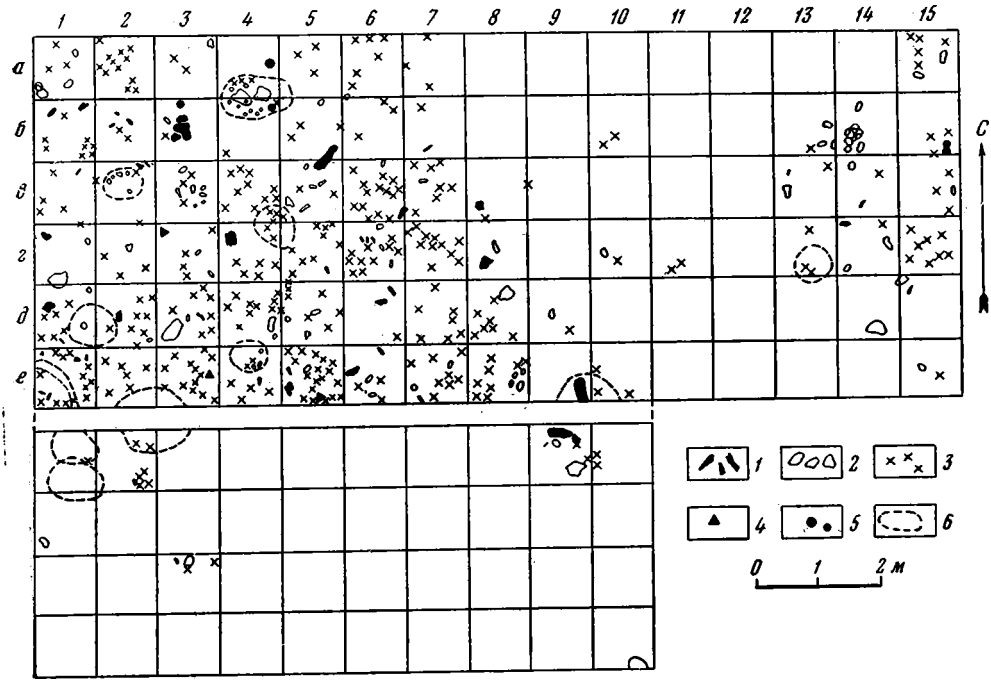
направлении в неисследованную часть стоянки. Второе пятно было обнаружено в восточных квадратах раскопа 1953 г. и распространялось в восточную неисследованную часть стоянки.

В пределах указанных скоплений находок были встречены остатки кострищ: 10 — в пределах первого пятна и 1 — в восточном пятне. Кострища первого пятна имели вид неглубоких лунок, заполненных черной зольной массой с остатками угольков, пережженными обломками костей.

В расположении остатков кострищ в пределах первого пятна наблюдалась определенная закономерность. Так, третье и четвертое, пятое и шестое, седьмое и восьмое очажные пятна располагались попарно, одно

против другого, в две линии, на расстоянии 1,8—1,0 м. Эти два ряда кострищ замыкались вторым очажным пятном, составлявшим верх цепочки кострищ, а кострище *1* находилось на краю пятна.

Такое расположение кострищ в пределах пятна, насыщенность пятна в определенных границах культурными остатками, наличие на краю пятна вкопанного вертикально бивня — все это дает основание предположить,



Фиг. 16. Вороновица I, нижний слой, план

1 — кость; *2* — камень; *3* — кремень; *4* — орудие; *5* — краска; *6* — границы кострищ

что пятно представляет собой остатки плохо сохранившегося наземного жилища прямоугольной формы. В пределах исследованного участка это пятно имело размеры 8 × 5 м.

В отличие от Пушкарей I, длинных жилищ Костенок IV, на площади первого пятна кострища располагались в два ряда. Любопытно отметить, что именно в центре, между третьим, четвертым, пятым и шестым кострищами был встречен листовидный наконечник.

Во втором пятне скоплений находок, восточном, было прослежено кострище на глубине 2,45—2,50 м. Размеры этого округлого по форме кострища 50 × 50 см. На площади восточного пятна были встречены обломки камней, остатки краски, кремневые находки и остатки фауны. Это пятно уходило на восток в неисследованную часть стоянки.

Исследования стоянки Вороновица I 1951—1953 гг. не позволили определить западную и северную границы первого, западного пятна, восточную границу восточного пятна, но на основании их можно сделать вывод, что центральная часть нижнего позднепалеолитического слоя стоянки Вороновица I располагалась севернее центральной части верхнего слоя. Об этом можно судить на основании того, что в южной части исследованного участка материалы нижнего слоя прослеживались лишь в виде отдельных экземпляров кремневых находок.

Кремневый инвентарь нижнего слоя стоянки Вороновица I (фиг. 17) состоит из 1700 экз. Здесь найдено 116 нуклеусов, обломков, отщепов, 444 пластины, 98 орудий. Из кремневых орудий в нижнем слое были встречены 2 отбойника, 8 острий, 52 резца, 23 пластины с краевой ретушью, 9 скребков, 2 скребка-резца, проколка и пластина с подтеской. Кремневый инвентарь нижнего слоя отличается от кремневого инвентаря верхнего слоя более крупными размерами; так, здесь преобладают крупные нуклеусы, крупные пластины и крупные орудия (80—90 мм длиной в среднем).

Орудия изготовлялись как из светло-коричневого и темного мелового кремня, так и из галечного кремня. Изредка употреблялся кварцит.

Характерной особенностью орудий нижнего слоя является наличие орудий на пластинах с краевой ретушью (часто плоской) и большое количество пластин с краевой ретушью. Собранные в нижнем слое резцы по форме рабочего края относятся к срединным (17), угловым (22), боковым (5), двойным (3), билатеральным (2) и скошенным (2).

Среди орудий с плоской ретушью необходимо отметить угловой резец на пластине с плоской ретушью по краям и на верхнем конце. Размеры этого орудия 89 × 32 × 10 мм (фиг. 17, *11*). Несколько крупных ножевидных орудий-пластин с краевой ретушью имели плоскую ретушь с двух сторон. Часть острий нижнего слоя имеет плоскую ретушь. В нескольких экземплярах в нижнем слое были встречены орудия с двусторонней обработкой.

Одной из наиболее интересных поделок является фрагмент овального наконечника с двусторонней обработкой плоской ретушью всей поверхности (фиг. 17, *13*). Наконечник лежал ребром, верхний конец был ориентирован на юг. Размеры этой поделки 65 × 40 × 8 мм. Цвет поверхности серо-синий.

Этот наконечник аналогичен наконечникам солютрейских памятников Венгрии, обычно имеющих закругленный овальный нижний конец. Эта особенность неоднократно отмечалась в литературе (см. например Hillebrand, 1927); она также свойственна солютрейским (селетским) стоянкам Чехословакии (Prošek, 1953c). В данном случае имеются в виду памятники времени развитого солютре.

Кроме кремневых изделий, в нижнем слое были встречены терки из песчаника (21), плитки и обломки камней (112), остатки краски и обломки костей животных, на которых охотились обитатели стойбища нижнего слоя.

По определению И. Г. Пидопличко, в нижнем слое стоянки Вороновица I были обнаружены кости таких видов животных (табл. 4):

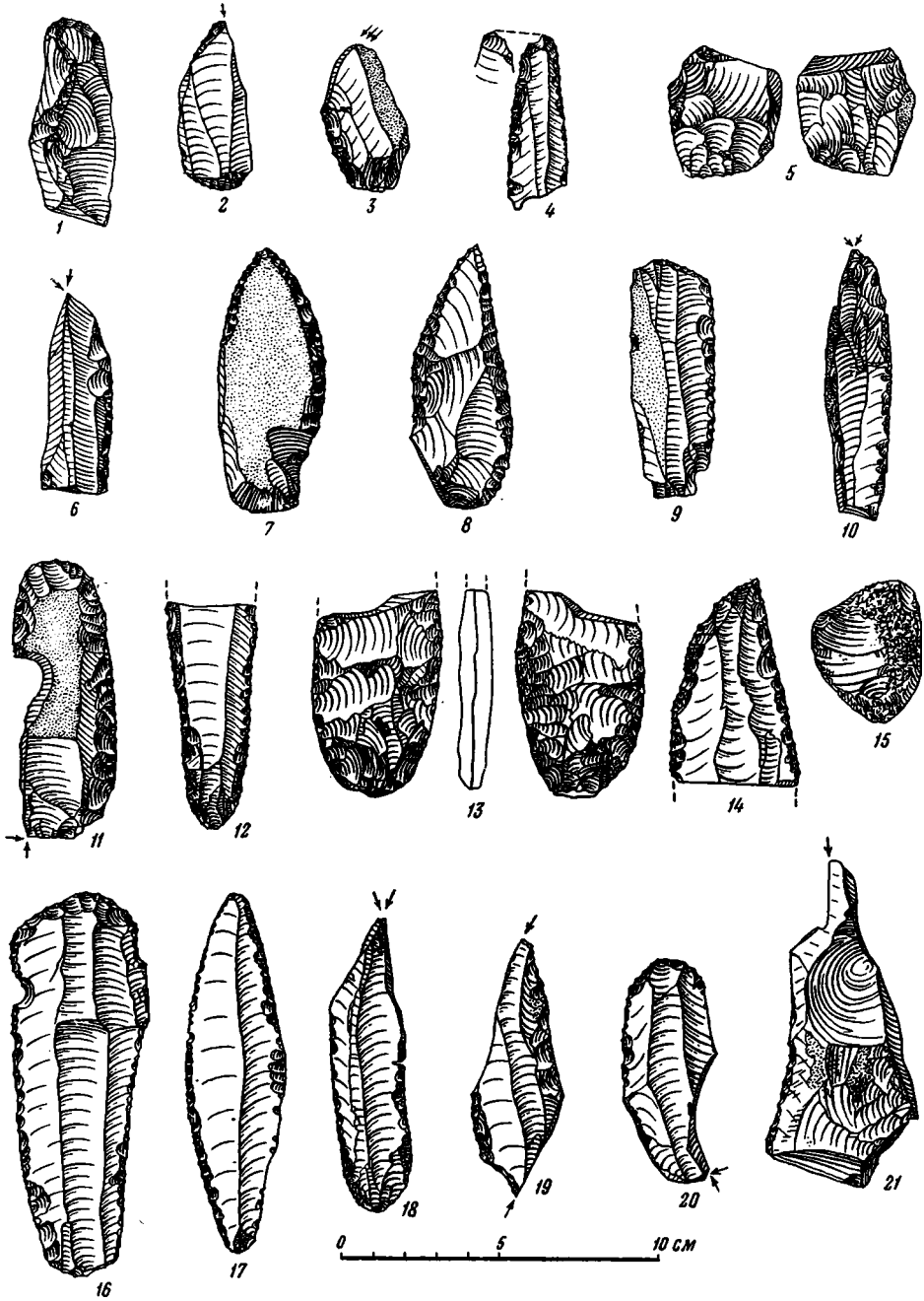
Таблица 4

Вид животного	Число обломков	Число особей
Лошадь *(Equus caballus* L.*)*	158	16
Мамонт *(Elephas primigenius* Bl.*)*	215	12
Северный олень *(Rangifer tarandus* L.*)*	61	9
Носорог *(Rhinoceros antiquitatis)*	12	2
Медведь *(Ursus arctos)*	1	1

Следовательно, в нижнем слое стоянки Вороновица I были прослежены остатки 40 особей животных, являвшихся охотничьей добычей.

Переходим к вопросу о возрасте нижнего слоя стоянки Вороновица I.

При описании кремневого инвентаря нижнего слоя мы видели, что



Фиг. 17. Кремневый инвентарь (*1—21*). Вороновица I, нижний слой

для этого слоя характерно: наличие крупных нуклеусов, крупных пластин, крупных орудий, орудий на пластинах с краевой ретушью; применение плоской ретуши как одного из приемов обработки орудий; наличие поделок с двусторонней обработкой плоской ретушью, симметричных острий и т. д. Эти черты кремневого инвентаря нижнего слоя позволяют сравнить этот памятник с такими стоянками Приднестровья, как Бабин I (второй слой), Незвиско I, Китайгород III, Городница и т. д., т. е. с памятниками солютре. Среди стоянок других районов Европейской части СССР аналогичные кремневые изделия были встречены на таких стоянках, как Костенки IV (верхний слой), Тельманская (верхний слой), Костенки I (нижний слой) и т. д., что дает полное основание для датировки нижнего слоя стоянки Вороновица I временем солютре. В нижнем слое стоянки Вороновица I не были встречены поделки типа наконечников с боковой выемкой, что свидетельствует о несколько более раннем времени этого слоя по сравнению со вторым слоем стоянки Бабин I. Кремневый инвентарь этого слоя типичен для памятников солютре.

Верхний слой стоянки Вороновица I был обнаружен в лёссовидном суглинке на глубине 1,5—2,15 м (фиг. 18 и 19).

На исследованной площади в верхнем культурном слое были встречены остатки небольшого по размерам постоянного жилища, разнообразные поделки из кремня, кости, остатки краски, фауны, кострищ и т. д.

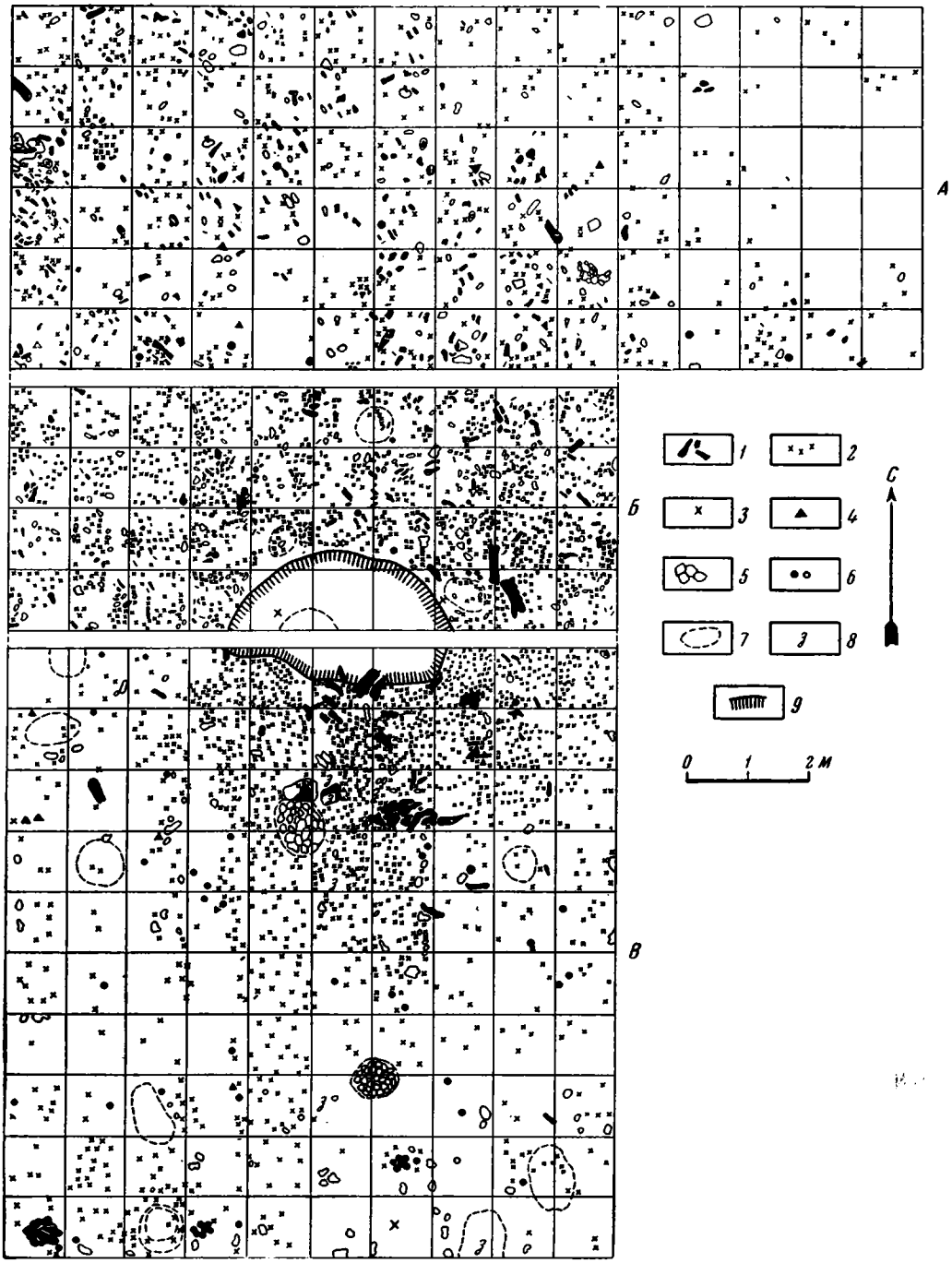
В первую очередь мы остановимся на остатках постоянного жилища. В 1951 г. в пределах раскопа была расчищена часть обширного углубления, которое при подходе ко дну культурного слоя выглядело большим пятном, продолжавшимся в сторону южной стенки раскопа. Оно было зафиксировано на глубине 2,05 — 2,10 м. Пятно имело черно-коричневый цвет, местами в нем наблюдались пятна красной краски и углистые пятна. Форма пятна полукруглая, его поперечник по южной стенке раскопа 1951 г. равнялся 3,5 м, а радиус от южной стенки в северном направлении — 1,4 м. Контуры пятна совпадали с границами углубления, глубина которого составляла 30—35 см; дно находилось на глубине 2,4 м. В северной части стенки углубления были почти отвесными. Углубление было интенсивно заполнено массой мелких костей животных, кремневыми отбросами и орудиями труда, кусками песчаника.

В 1952 г. при расчистке дна культурного слоя на глубине 2,05 м в северной части раскопа была прослежена южная часть пятна темно-коричневого цвета.

Длина верхней части пятна углубления по северной части раскопа 1952 г. равнялась 3,8 м; ширина в южном направлении — 75—50—10 см с В на З. В пятне было, как и в раскопе 1951 г., прослежено скопление кремневых находок, обломков раздробленных костей животных. Дно углубления в южной половине наблюдалось на глубине 2,45 м.

Разборка и расчистка скопления находок в углублении дали возможность определить характер стенок и дна углубления: дно углубления в направлении с В на З постепенно снижалось, а затем, достигнув наибольшей глубины, постепенно повышалось. В направлении с юга на север дно углубления сначала постепенно снижалось, а потом вертикально падало, слегка повышаясь к северному краю углубления, имевшему отвесную стенку (см. план и профили на фиг. 20).

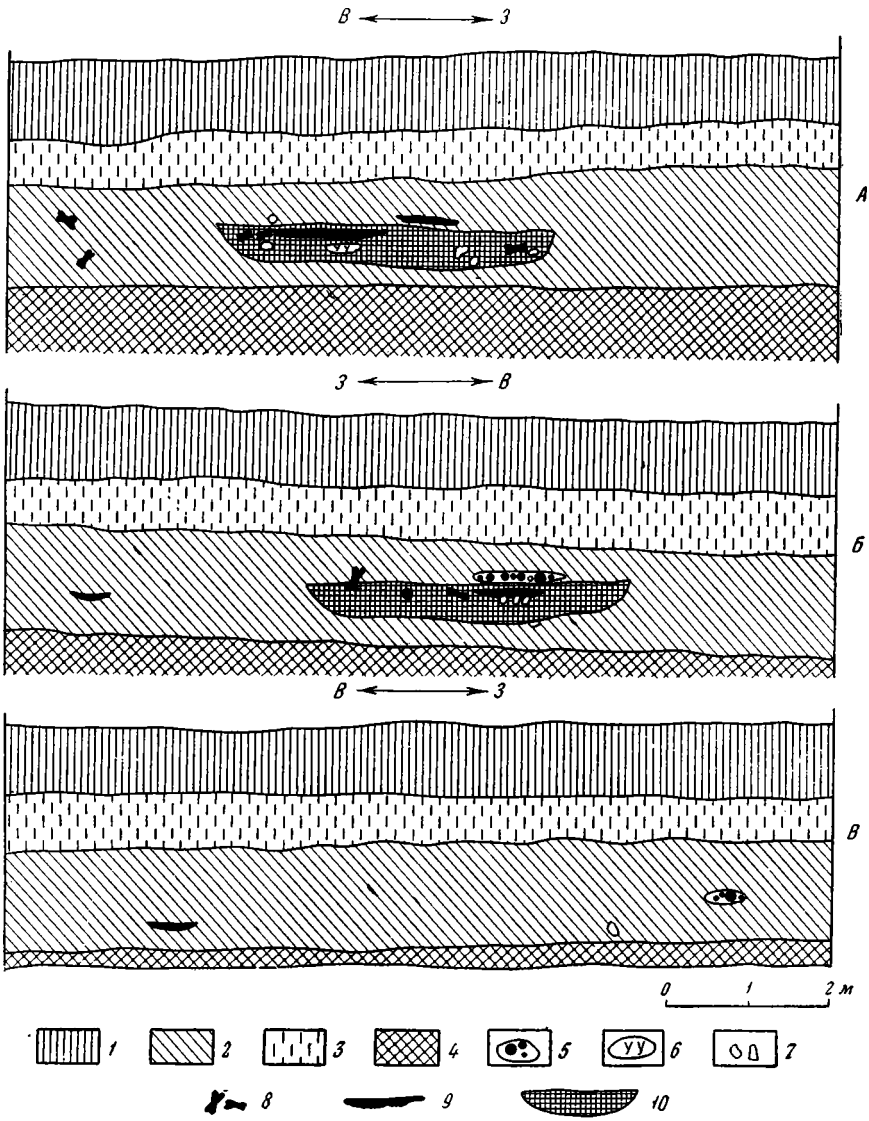
Исследования 1952 г. позволили определить: 1) что углубление являлось неправильным овалом грушевидной формы, ориентированным в направлении с З на В; 2) что наиболее узкой частью углубления являлась западная часть, суживающаяся с южной стороны. Суживающийся западный край углубления можно рассматривать как вход. Углубление имело: длину — 3,8 м, ширину центральной части — 2,45 м, а ширину в середине суживающегося западного края — 1 м (см. фиг. 20).



Фиг. 18. Вороновица I, верхний слой, план

1 — кость; *2* — кремень; *3* — место находки орудий из кости; *4* —кремневые орудия; *5* — камень; *6* — краска; *7* — границы кострищ; *8* — зубы мамонта; *9* — граница жилища

Если на стоянке Вороновица I на площади углубления не были прослежены бивни, расположенные в определенном порядке, как это было в землянке *А* стоянки Костенки I, или другие крупные кости, залегающие в определенном направлении, то все же можно сделать некоторые выводы о характере расположения костей в пределах углубления.



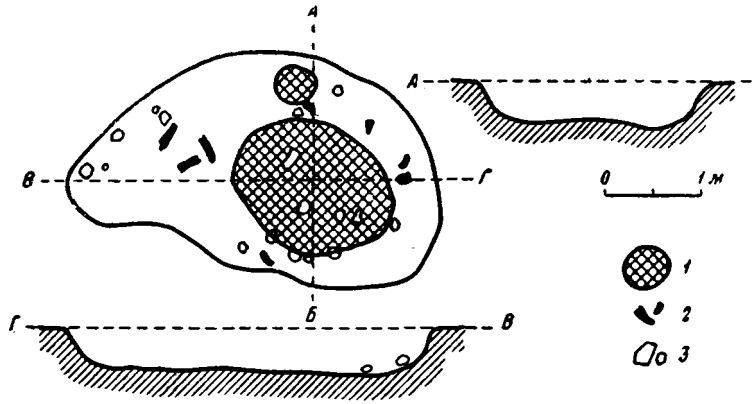
Фиг. 19. Вороновица I. Разрезы верхнего слоя

1 — почвенный горизонт; *2* — светло-коричневый лёссовидный суглинок; *3* — коричневый суглинок; *4* — светло-желтый песчанистый суглинок; *5* — краска; *6* — уголь; *7* — камни; *8* — кости; *9* — остатки кострищ; *10* — жилище

Так, например, в северной части раскопа *В* возле стенки углубления был обнаружен вертикально стоявший фрагмент ребра мамонта длиной в 29 см. Обломок ребра находился на глубине 2,05—2,34 м. В юго-западном углу соседнего квадрата возле края углубления находился обломок трубчатой кости мамонта размерами 37 × 15 см; кость была

ориентирована в направлении с ЮЗ на СВ вдоль края углубления; толстым концом она была направлена в юго-западный угол; кость находилась на глубине 1,95—2,05 м. Еще восточнее возле края юго-восточного угла углубления находился обломок бивня мамонта, ориентированный с ЮЗ на СВ; западнее, рядом с краем углубления, на глубине 1,92—2,02 м находился обломок бивня мамонта длиной в 25 см, ориентированный с ЮВ на СЗ. Кроме этого, западный конец углубления оканчивался на поверхности крупной костью мамонта, находящейся на глубине 2,7—2,17 м.

Эти обломки крупных костей и бивней можно рассматривать как остатки основания стен, замыкавших углубление, имевшее, по-видимому, коническое перекрытие из жердей, покрытых шкурами и ветками.



Фиг. 20. План и профили постоянного жилища. Вороновица I, верхний слой

1 — остатки кострища; *2* — кость; *3* — камень

Необходимо остановиться еще на остатках двух кострищ внутри углубления.

В восточной части пятна была прослежена красно-коричневая полоска толщиной в 2 см, а ниже — черное углистое пятно овальной формы — остатки кострища размерами 1,6 × 1,3 м. Кострище было заполнено пережженными косточками, остатками древесных угольков, кусочками краски, кремневыми обломками. В пределах кострища были встречены обломки песчаника со следами обжига, но эти камни не образовывали сплошной выкладки пола, как в кострищах *3* и *9*.

Второе очажное пятно, заполненное черной зольной массой с остатками угольков, наблюдалось в северной части углубления. Диаметр этого округлого по форме кострища — 40 см; на дне кострища, имевшего отвесные стенки, были найдены угольки и остатки красной краски.

Таким образом, два очажных пятна, которые были прослежены на площади углубления, находились на противоположной стороне от западной узкой части, где, по-видимому, был вход.

Мы выше отмечали, что углубление было заполнено кремневыми изделиями, обломками костей, орудиями из кости, здесь были встречены терки из песчаника и остатки краски. По-видимому, этот участок являлся не только местом изготовления кремневых орудий, но и местом, где эти орудия употреблялись. Наличие в искусственно сооруженном углублении большого количества материалов, связанных с долговременным пребыванием палеолитического человека на этом участке, остатки кострищ внутри углубления, а также обломки крупных костей над краем

углубления,— все это позволяет рассматривать данное углубление как нижнюю часть долговременного постоянного жилища (см. реконструкцию жилища фиг. 21).

В результате исследований советских ученых на ряде палеолитических стоянок были открыты остатки постоянных жилищ. Они были открыты в Костенках I (Ефименко, 1953), в Гагарине (Замятнин, 1935а), в Костенках IV (Рогачев, 1940, 1955), в Пушкарях I (Борисковский, 1940а, 1947а, 1953), на Тельманской стоянке, на стоянке Гонцы (Левицький, 1947), в Юдиново и Елисеевичах, в Мальте и Бурети (Герасимов, 1935;

Фиг. 21. Позднепалеолитическое жилище стоянки Вороновица I (реконструкция)

Окладников, 1941), в Авдеевке (Рогачев, 1953), Добраничевке (Шовкопляс, 1955), Супоневе (Шовкопляс, 1951), Мезине (Шовкопляс, 1956). Эти позднепалеолитические жилища различны по форме. П. П. Ефименко в одной из своих работ разделил позднепалеолитические жилища территории СССР на три типа: на жилища земляночного типа (Тельманская, Костенки I), на жилища из нескольких соединяющихся хижин с основанием, лишь немного углубленным в почву (Гагарино, Пушкари I, Костенки IV), и на большие жилища наземного типа с рядом очагов по длинной оси.

Такие жилища окружались ямами и землянками (например, Костенки I, Ефименко, 1953). В Костенках I наблюдались как первая, так и третья формы жилищ.

Открытое в верхнем слое стоянки Вороновица I постоянное жилище отличалось от трех указанных типов жилищ; наиболее близким к этому жилищу является постоянное жилище, остатки которого открыты С. Н. Замятниным на стоянке Гагарино, округлые жилища верхнего слоя Тельманской стоянки, округлые жилища Супонева и жилище слоя *К* стоянки Гонцы.

Любопытно отметить, что, как и на стоянке Вороновица I, внутри оснований округлых жилищ на стоянках Гонцы (слой *К*), Костенки IV (верхний слой), Супонево (жилище *1*), Петржковицы, Павлов и других были обнаружены остатки кострищ.

На ряде стоянок овальные постоянные жилища, как и в верхнем слое Вороновицы I, имели сужающиеся края — отростки, которые ис-

следователями рассматривались как входы в жилища (Ефименко, 1949, Шовкопляс, 1951).

Необходимо отметить еще один важный факт, в ряде случаев отмечающийся при описании остатков постоянных жилищ. Речь идет о так называемых наружных кострищах, которые иногда наблюдаются недалеко от остатков долговременных жилищ. В верхнем слое стоянки Вороновица I остатки постоянного жилища окружались несколькими наружными кострищами, как это видно по расположению очажных пятен на исследованной площади.

В верхнем слое было обнаружено 15 кострищ.

Среди этих кострищ некоторые существовали более долгое время, это кострища с подом, выложенным камнем, другие были более кратковременными. К последним кострищам относятся кострища с глубиной лунок в несколько сантиметров. Большинство кострищ как бы окружали с разных сторон остатки долговременного жилища.

Материалы исследований позволяют предположить, что поселение времени верхнего слоя стоянки Вороновица I представляло собой группы отдельных, углубленных, небольших постоянных жилищ, окружавшихся легкими сооружениями типа шалашей, существовавших в более теплые периоды и представляющих собой единый жилой комплекс небольшой группы позднепалеолитических охотников, обитавших в этих местах.

В литературе имеются определенные указания на наличие таких же, как и в верхнем слое Вороновицы I, наружных кострищ, находившихся на небольшом расстоянии от остатков долговременных жилищ. Так, например, в слое *К* стоянки Гонцы были встречены остатки наружного кострища, находившегося в 5 м от основания постоянного жилища (Левицький, 1947).

Но ни на одном из таких памятников остатки от постоянного жилища не окружались рядом кострищ, как в верхнем слое Вороновицы I, что свидетельствует о многообразии приемов домостроительства в позднепалеолитическое время.

Переходим к характеристике культурных остатков, прослеженных в верхнем слое стоянки. Среди этих материалов наиболее многочисленной категорией находок являются кремневые изделия, которых было встречено около 11000 экз. (фиг. 22 и 23).

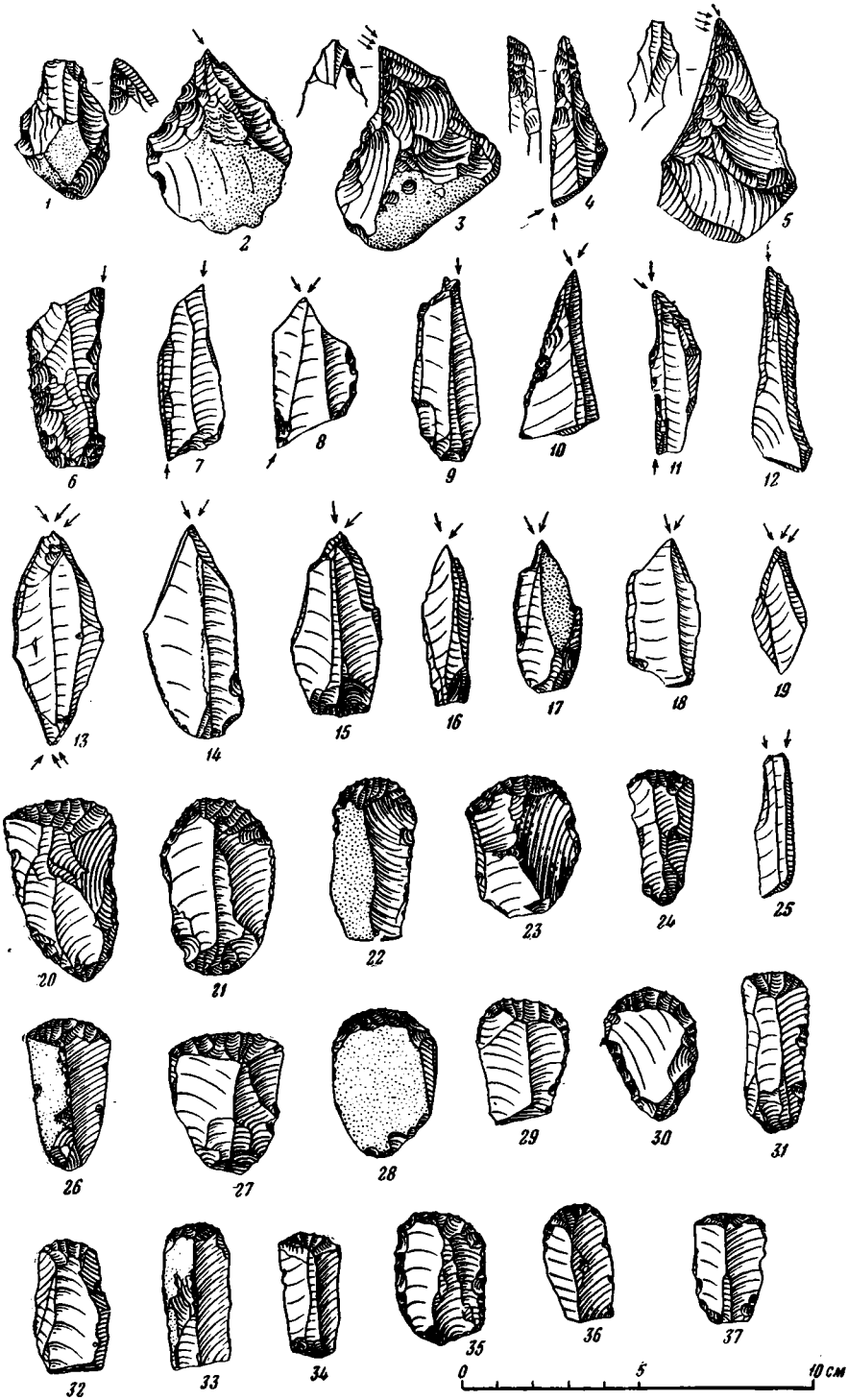
Кремневый инвентарь верхнего слоя стоянки Вороновица I состоит из 853 нуклеусов, отщепов и обломков, 2490 пластин и обломков пластин, 794 кремневых орудий. Последние в свою очередь состоят из 4 отбойников, 514 резцов, 136 скребков, 61 пластины с ретушью по краю, 22 скребков-резцов, 10 острий, 10 пластинок с притупленным краем, 8 проколок, 8 пластин с подтеской по брюшку, 5 нуклевидных орудий, 20 других орудий.

Орудия изготовлялись преимущественно из светло-коричневого галечного кремня (80% всех кремневых находок). Кроме этого, употреблялся меловой кремень светло-серого и темного цвета, изредка употреблялись кварцит и обсидиан. В культурном слое было встречено 2 отщепа из обсидиана[1].

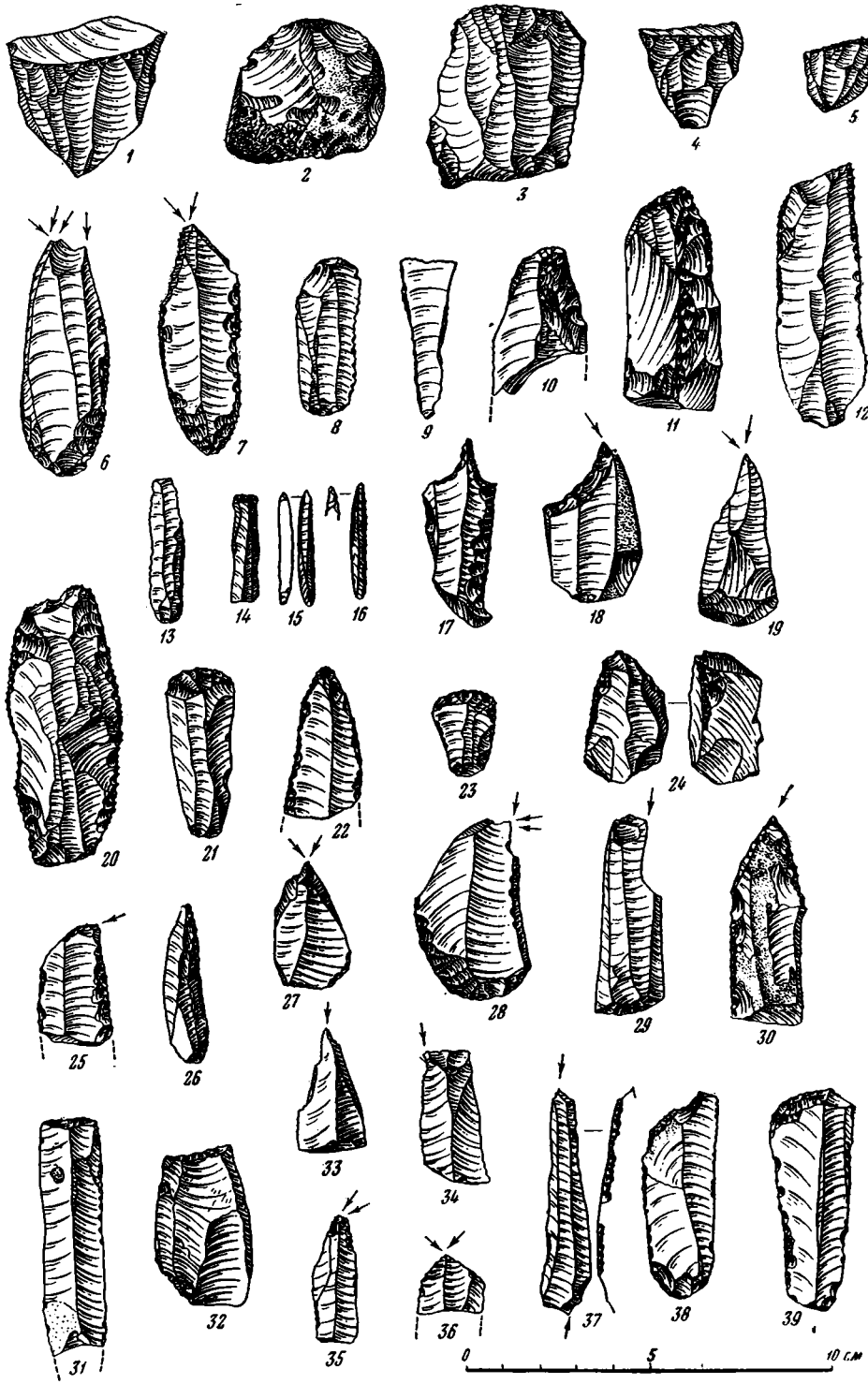
Известно, что на Приднестровье обсидиана нет, а ближайшей местностью, где встречается обсидиан, является Закарпатье, удаленное от места стоянки примерно на 300 км.

---

[1] Недавно в Кракове обсидиан был встречен на палеолитической стоянке, исследовавшейся Л. Савицким (Sawicki, 1949). Кроме этого, обсидиан известен также среди материалов некоторых позднепалеолитических стоянок Чехословакии (Prošek, 1953а).



Фиг. 22. Кремневый инвентарь (*1—37*). Вороновица I, верхний слой



Фиг. 23. Кремневый инвентарь (*1—39*). Вороновица I, верхний слой

В связи с этим любопытно вспомнить находки С. Н. Замятниным при раскопках стоянки Гагарино трех кремневых поделок из мелового кремня, занесенного туда из района с. Костенки, т. е. пункта, удаленного на 150—160 км (Замятнин, 1935а), а также неоднократно отмечавшиеся в литературе находки на ряде стоянок УССР черноморских ракушек (Мезин, Рогалик, Дубовая балка, Кайстровая балка, Амвросиевка). Аналогичным фактом является также находка на стоянке Добраничевка горного хрусталя, ближайшее местонахождение которого удалено от этого пункта на 150 км (Шовкопляс, 1955).

Эти факты свидетельствуют о существовавшем в позднепалеолитическое время обмене между племенами, а также о передвижениях палеолитических охотников на большие расстояния. В более позднее время (неолит и трипольская культура) обсидиан в Верхнем Приднестровье встречается уже в массовом количестве как один из главных видов сырья для изготовления орудий (особенно на поселениях линейно-ленточной культуры).

По цвету патины среди кремневого инвентаря верхнего слоя преобладают с синей, серо-синей, темно-синей патиной (80% находок), остальные поделки — с белой патиной.

Нуклеусы из верхнего слоя по форме относятся к призматическим, округлым, дисковидным, примитивно-коническим. Преобладают нуклеусы первых двух форм. Среди отбросов были встречены обломки галек и кремневые гальки без сколов, а также гальки с несколькими сколами — сырье для изготовления орудий. Нуклеусы верхнего слоя имеют среднюю длину в 40—50 мм, хотя были также встречены нуклеусы длиной в 20—30 мм. От таких нуклеусов скалывались небольшие пластинки, которые в дальнейшем употреблялись для изготовления орудий.

Самой многочисленной группой орудий, встреченной в культурном слое и на площади постоянного жилища, являются резцы, которые по форме рабочего края относятся к срединным резцам (149 экз.), к угловым (167), двойным (75), боковым (67), скошенным (17), двусторонним угловым-билатеральным (16), нуклевидным (11), резцам супоневского типа (8), т. е. резцам с продольной краевой ретушью и поперечным резцовым сколом, клювовидным резцам (2), тройным и четверным (по 1 экз.). Среди резцов преобладают орудия длиной в 40—60 мм. Любопытна группа скошенных резцов, т. е. резцов, близких к резцам бюске, считающимся одной из типичных форм ориньякского времени. Эти резцы изготовлялись на концах пластин, отщепов и обломков путем нанесения одного резцового скола, образующего пятку-площадку, с края которой наносилась серия дугообразных резцовых сколов в одном направлении. Некоторые из этих скошенных резцов имеют даже притупляющую ретушь на спинке. Часть этих резцов была обнаружена в границах постоянного жилища. Часть резцов из культурного слоя изготовлена на пластинках с ретушью по краям. Среди резцов необходимо отметить крупное массивное орудие с лезвием срединного резца, изготовленное из кремневого обломка размерами 60 × 60 × 40 мм. Аналогичное орудие было обнаружено автором в 1949 г. на стоянке мадленского времени у с. Ожево на правом берегу Днестра (Черныш, 1953б, 1954а). Преобладающими формами среди резцов являются, как мы видим, срединные, угловые, двойные и боковые резцы небольшого размера — орудия, типичные для памятников конца палеолита.

Вторая по численности группа кремневых орудий — скребки. По форме рабочего края среди них выделяются: 1 двойной скребок, 1 нуклевидный скребок, 2 — с прямым лезвием, 121 концевой скребок с полукруглым рабочим лезвием, 4 орудия, близкие к скребкам карене и 3 выемчатых скребка. Среди этих орудий преобладают скребки на концах коротких пластин и на концах тонких удлиненных пластин, т. е. орудия,

характерные для памятников позднемадленского времени. Встречено 8 скребков на пластинах с краевой ретушью. Среди скребков 3 экз. были сделаны на пластинах длиной от 95 до 145 мм. Часть из этих орудий, покрытых глубокой белой патиной, была встречена возле кострища, залегавшего наиболее глубоко.

Группа ножевидных орудий (61 экз.) состоит из пластин с краевой ретушью или со следами употребления по краям. Для изготовления ножевидных орудий употреблялись разнообразные пластины, среди которых несколько экземпляров очень крупных.

Одной из групп орудий стоянки Вороновица I являются острия (14 экз.). Эти орудия изготовлены из пластин, у которых ретушью обработана вершина. У некоторых орудий ретушь прослежена также и на краях. 5 острий обработаны плоской ретушью. По форме рабочего края среди этих орудий преобладают симметричные острия.

Группа комбинированных орудий состоит из 22 скребков-резцов на пластинах, скребка-скобеля и резца-острия. Последнее орудие является срединным резцом — острием на пластине с плоской ретушью, формующей рабочее лезвие острия. Аналогичное орудие было встречено в 1952 г. на стоянке среди подъемного материала. Кроме того, можно указать аналогичное орудие среди материалов нижнего слоя известной стоянки Мадлен, где это орудие, как и несколько других, рассматривалось как орудие с солютрейской техникой обработки (Capitan, Peyroni, 1923).

Пластины с подтеской по брюшку были встречены на стоянке в небольшом количестве (8 экз.). Вкладышевых орудий — пластинок с притупленным краем было обнаружено 10. Среди этих орудий необходимо отметить 3 небольшие пластинки — игольчатые острия с притупливающей ретушью на одном крае, с приостренными с двух сторон концами и приостряющей ретушью на левом крае. Эти 3 орудия, имеющие длину от 25 до 31 мм, были встречены там, где находились остатки постоянного жилища. Аналогии этим орудиям можно указать, например, среди материалов Амвросиевской стоянки, из второго слоя Тельманской стоянки.

В 8 экз. были встречены проколки на небольших пластинах. Две из них находились на площади остатков постоянного жилища. Одно из этих орудий является срединной проколкой на пластине длиной 52 мм. К отдельным формам орудий также относятся 2 пластины со скошенным ретушью краем, 6 пластинок с краевыми выемками и 1 пластинка-пилочка. Последняя изготовлена из пластины длиной 42 мм, правый край ее имеет мелкие отретушированные выемки-зубчики. Аналогичное орудие было поднято в 1952 г. на стоянке вместе с другим подъемным материалом.

Особо отметим орудия, которые, судя по форме рабочего края, можно определить как угловые острия (3 экз.). Рабочим краем у этих орудий является правый угол верхнего конца пластины, он обработан ретушью; форма рабочего края напоминает угловые резцы, у которых рабочее лезвие сформировано не резцовыми сколами, а ретушью. Длина этих орудий — от 41 до 77 мм (фиг. 23, *10—12*).

Наконец, мы отметим еще 3 орудия, приближающиеся по типу к так называемым наконечникам с боковой выемкой.

Первое из них — обломок черешковой части наконечника с боковой выемкой, изготовленного на пластине. Второе было встречено на глубине 2 м. У него отсутствует верхний конец, нижняя часть обработана плоской ретушью, отчетливо выделяется выемка на нижнем конце. Размеры этой поделки $50 \times 20 \times 6$ мм. Третье орудие — небольшая пластинка с отретушированной выемкой по левому краю на брюшке и подправленным ретушью по брюшку левым краем у вершины. Размеры этой поделки $56 \times 14 \times 3$ мм.

Среди изделий из кости отметим следующие:

В 1951 г. в северной части основания постоянного жилища был найден обломок шилообразного орудия из кости длиной в 109 мм; в квадрате 8в на глубине 2,1 м возле края углубления находился обломок нижней части мотыгообразного орудия из кости мамонта размерами $95 \times 86 \times 22$ мм; в квадрате 6в, также рядом с краем углубления, была встречена верхняя часть другого мотыгообразного орудия из кости мамонта размерами $112 \times 63 \times 20$ мм. Широкий острый полукруглый край первого из этих мотыгообразных орудий был изготовлен путем косых срезов краев кости мамонта кремневыми орудиями. Таким рабочим краем было удобно выкапывать различные углубления в почве. Нахождение этих поделок непосредственно возле углубления от постоянного жилища позволяет предположить, что эти мотыгообразные поделки были использованы для сооружения жилища.

В 1952 г. также были встречены поделки из кости: на площади углубления было обнаружено лощило из ребра мамонта с тонкими параллельными нарезными линиями на двух сторонах; кроме этого, были встречены 2 фрагмента ребер со следами употребления и обломок бивня мамонта размерами $95 \times 75 \times 75$ мм, являвшийся, по-видимому, обломком крупного пестообразного орудия. Последняя находка сделана возле кострища. Аналогией пестообразному орудию из бивня является опубликованное А. Брейлем орудие со стоянки Пшедмост, которое имеет 2 округлых вырезанных конца, в отличие от поделки из Вороновицы I, у которой второй конец не сохранился. По размерам оба орудия близки друг другу, так как длина орудия из Пшедмоста 10 см, а ширина — 7 см. По мнению А. Брейля, орудие из Пшедмоста употреблялось в качестве терки для растирания охры и для размешивания смазочных веществ (Breuil, 1924, стр. 536).

Кроме этого, аналогичные поделки из бивня мамонта были обнаружены на стоянке Афонтова гора (Ауэрбах, 1930, табл. 10).

В 1953 г. в верхнем слое были встречены 4 шилообразных орудия, клинообразная поделка размерами $290 \times 32 \times 18$ мм и несколько обломков костей со следами обработки.

Следующей категорией изделий из верхнего слоя являются поделки из различных пород камня (песчаник, мергель, сланец и реже известняк).

В верхнем слое было обнаружено около 600 камней и обломков камней. Часть из них была использована для сооружения пода кострищ; некоторые из них (80 экз.) являлись округлыми и овальными по форме терками. Терочные камни имели в поперечнике около 20 см, некоторые — 4—5 см. На площади постоянного жилища были найдены овальные терки размерами $44 \times 33 \times 6$ мм и несколько плиток.

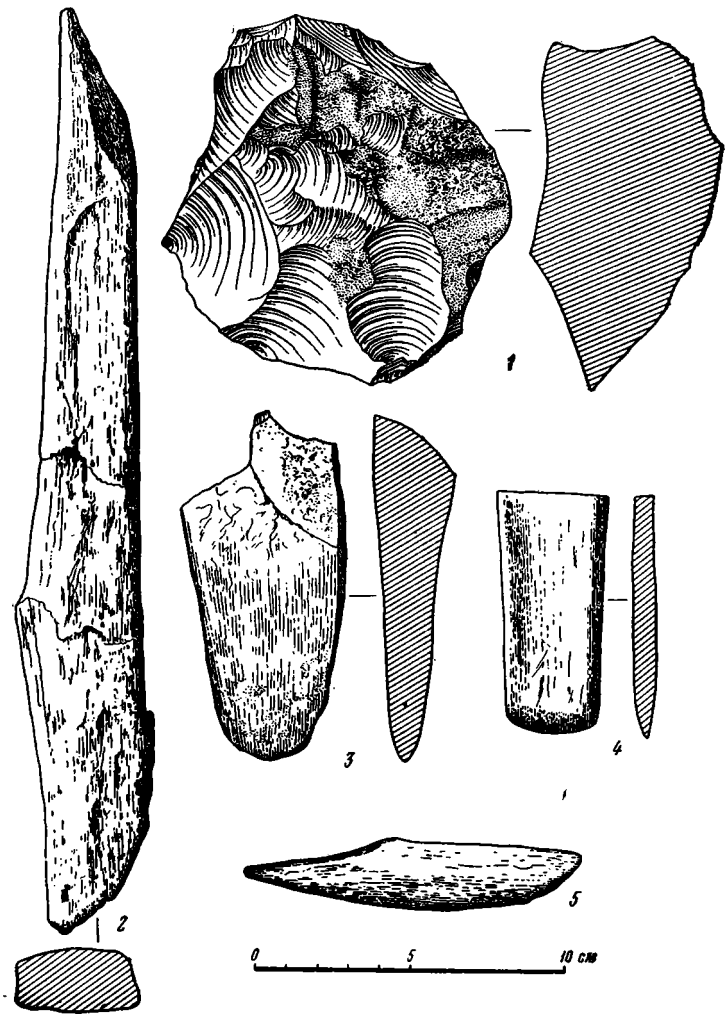
Кроме того, был прослежен обломок плоского диска из известняка размерами $44 \times 35 \times 6$ мм; аналогичные находки сделаны А. Н. Рогачевым в верхнем слое стоянки Костенки IV.

В верхнем слое были обнаружены также поделки из камня со следами шлифовки. Было найдено клинообразное орудие из мягкого камня красного матового цвета, с односторонней подшлифовкой лезвия по одному краю. Размеры этой поделки $77 \times 32 \times 7$ мм (фиг. 22, *4*). Второе орудие из камня имело размеры $110 \times 45 \times 20$ мм (фиг. 22, *3*). Нижний конец этой поделки более узкий, в разрезе орудие имеет коническую форму. На этом орудии также имелись следы шлифовки.

Следовательно, как и в первом слое стоянки Бабин I, в верхнем слое стоянки Вороновица I применялась техника шлифовки мягких пород камня (сланец, песчаник, известняк).

Кроме этих поделок, отметим также обломки сланца со следами оббивки.

О том, что часть терок употреблялась для растирания краски, можно судить не только на основании следов краски в порах этих терок, но и по находкам в верхнем слое остатков краски, которая встречалась преимущественно в виде мелких кусочков и отдельных пятен на исследованной площади.



Фиг. 24. Орудия из камня (*1*) и кости (*2—5*). Вороновица I, верхний слой

Состав фауны верхнего слоя стоянки Вороновица I см. в табл. 5 (определение И. Г. Пидопличко).

Наличие такого значительного числа кухонных остатков (от 193 особей животных) — показатель долговременного пребывания на этом участке обитателей стойбища верхнего слоя. Главными видами охотничьей добычи являлись такие животные, как лошадь, мамонт и северный олень.

Кроме костей млекопитающих, в верхнем слое были обнаружены остатки раковин *Unio*, что, по-видимому, указывает на собирательство как дополнительный вид хозяйственной деятельности. В настоящее время эти раковины известны в Европейской части СССР на стоянках Гонцы, Владимировка, Костенки IV, Молодова V и Вороновица I.

Таблица 5

Вид животного	Число обломков	Число особей
Лошадь *(Equus caballus* L.)	1639	67
Северный олень *(Rangifer tarandus* L.)	707	66
Мамонт *(Elephas primigenius* Bl.)	472	54
Зубр *(Bison priscus*). Boj	41	6
Всего	2859	193

Переходим к вопросу о датировке верхнего слоя стоянки Вороновица I. Можно выделить следующие характерные черты кремневого инвентаря верхнего слоя этой стоянки. Здесь преобладают небольшие нуклеусы, тонкие пластинки, небольшие срединные, угловые, боковые резцы, короткие скребки и другие орудия, типичные для памятников конца палеолита. Это позволяет материалы верхнего слоя сравнивать с материалами третьего позднепалеолитического слоя стоянки Бабин I, с материалами таких стоянок Приднестровья, как Атаки V, Корман II (второй комплекс), Студеница II, а среди позднепалеолитических памятников других районов СССР —с такими стоянками, как Гонцы, Чулатово II, Боршево II и т. д., т. е. памятниками, относящимися ко второй половине мадленского времени.

Среди материалов верхнего слоя, как мы выше указывали, были также в небольшом количестве встречены такие орудия, как резцы и скребки на пластинах с краевой ретушью, пластины с краевой ретушью, скошенные резцы и т. д., свойственные более ранней поре позднего палеолита. Эти «архаические» для верхнего слоя поделки не преобладают среди инвентаря, но все же они до некоторой степени свойственны верхнему слою. Это позволяет в какой-то мере сравнивать материалы верхнего слоя с материалами таких более древних позднепалеолитических стоянок, как Бабин I (второй слой), Пушкари I, Боршево I и др.

Наличие среди материалов верхнего слоя стоянки Вороновица I орудий, характерных для более ранних позднепалеолитических памятников, является особенностью этой стоянки.

В бассейне Десны, в результате работ Деснинской экспедиции, возглавлявшейся М. В. Воеводским, также был изучен памятник аналогичного характера. Им является стоянка Пушкари «Погон 5-й метр». П. И. Борисковский отмечает, что «ориньяко-солютрейские» типы кремневых поделок среди материалов стоянки «Погон 5-й метр» представлены значительным количеством орудий (острия, наконечники с боковой выемкой и т. д.), хотя также было встречено много орудий, типичных для мадленского времени (срединные, боковые резцы на небольших пластинках, короткие скребки и т. д.) (Борисковский, 1950в).

В отличие от указанной стоянки, верхний слой Вороновицы I является более поздним, так как в комплексе материалов преобладают типичные для конца палеолита черты, а поделки более раннего облика встречены в незначительном количестве.

Поэтому верхний слой с полным правом можно отнести ко второй половине мадлена.

Архаические черты в инвентаре верхнего слоя стоянки Вороновица I свидетельствуют о сохранении некоторыми позднепалеолитическими общинами старых традиций в обработке кремня.

Таким образом, проведенные в 1951—1953 гг. трехлетние исследования стоянки Вороновица I позволили обнаружить остатки двух разновременных позднепалеолитических поселений, из которых более древнее, солютрейское, залегало стратиграфически ниже более позднего, мадленского. На исследованной площади этих поселений встречены материалы, позволяющие всесторонне охарактеризовать их. На одном из них, верхнем, относящемся к мадленскому времени, были прослежены остатки небольшого постоянного жилища, что свидетельствует о существовании в Приднестровье, как и в других районах, в позднепалеолитическое время сооружений для долговременного обитания.

Стоянка не является ориньякским памятником, как это предполагалось ранее.

3. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА МОЛОДОВА I

В 1928—1931 гг. И. Ботез открыл и совместно с Н. Морошаном обследовал стоянку Молодова I, которая находится в овраге Байлова рипа, расположенном в центральной части с. Молодова, у кладбища, на правом берегу Днестра. Во время этих исследований было открыто четыре слоя находок палеолитического времени, из которых три верхних были отнесены к верхнему ориньяку, четвертый — к мустье. Культурные слои располагались в лёссовидных суглинках, разделенных тремя слоями кремневого щебня (Botez, 1933; Moroşan, 1938b).

По данным Ботеза, нижний позднепалеолитический (возможно, переотложенный) слой был зафиксирован на глубине 6,4 м в лёссе правой стенки оврага, над третьим тонким слоем «щебня». Он датировался Ботезом ориньякским временем.

Средний слой позднепалеолитического времени был прослежен на глубине 4—2 м в двух стенках оврага на протяжении около 50 м, под верхним слоем щебня; толщина слоя — 25—30 см. Здесь встречены остатки угля, много кремневых находок, терки из камня, нуклеусы, отбойники и остатки костей северного оленя, лошади, бизона, зубра, мускусного овцебыка, благородного оленя, козули, лося, зайца, байбака, лисицы, водяной крысы. Этот слой датировался верхним ориньяком.

Верхний слой позднего палеолита на стоянке Молодова I был встречен на глубине 1—1,5 м в зоне деградированного лёсса в левой стенке вершины оврага Байлова рипа над верхним слоем щебня. В этом слое, по данным Ботеза, были прослежены остатки кострища, кремневые находки, кости мамонта, лисицы, зубра, лошади, северного оленя, козули.

По заключению Ботеза, кремневые находки из верхнего слоя аналогичны находкам в среднем слое, но в верхнем слое было встречено больше скребков-резцов, пластинок с притупленным краем и угловых резцов. Этот слой также датировался им верхнеориньякским временем (Botez, 1933). Н. Морошан относил верхний слой стоянки Молодова I к мадлену (Moroşan, 1938b, стр. 99).

Во время наших разведок в овраге Байлова рипа в 1948—1951 гг., кроме нуклеуса и пластины, не было встречено никаких материалов. Лишь в 1954 г. геологу И. К. Ивановой при изучении оврага удалось проследить участки с сохранившимся культурным слоем. Поэтому в 1955 г. на правом склоне оврага, выше кладбища, нами был заложен раскоп площадью 56 м^2, чтобы проверить данные о многослойности этого памятника.

Культурный слой, соответствующий среднему слою И. Ботеза, был обнаружен в светло-желтом лёссовидном делювиальном суглинке на глубине 2,45—2,65 м от поверхности восточного края раскопа.

При расчистке культурного слоя были обнаружены раздробленные кости животных (ребра, челюсти, обломки трубчатых костей, рога и т. д.), кремневые отбросы и орудия, поделки из кости, остатки краски, терки из песчаника. Культурные остатки концентрировались вокруг шести кострищ (фиг. 25).

Здесь было обнаружено около 1900 кремневых изделий, состоящих из 99 нуклеусов, 538 пластин, обломков, отщепов и орудий.

Нуклеусы относятся к неправильно-призматическим, призматическим и округлым.

Кремневые орудия состоят из 53 резцов, 16 скребков, 11 пластинок со следами ретуши, 5 пластинок с притупленным краем, 2 пластин со скошенным ретушью краем, 2 комбинированных орудий, орудий отдельных форм. Среди орудий преобладают орудия на пластинах, но иногда изготовлялись орудия на отщепах (фиг. 26).

Раздробленные кости ископаемых животных принадлежат северному оленю (много), лошади, мамонту, лосю, быку, мелкой породе быка, волку (определение Э. А. Вангенгейм).

Как уже указывалось, данный слой соответствует среднему слою у Ботеза, располагающемуся под прослойкой кремневого щебня. Напомним, что Ботез датировал этот слой ориньякским временем.

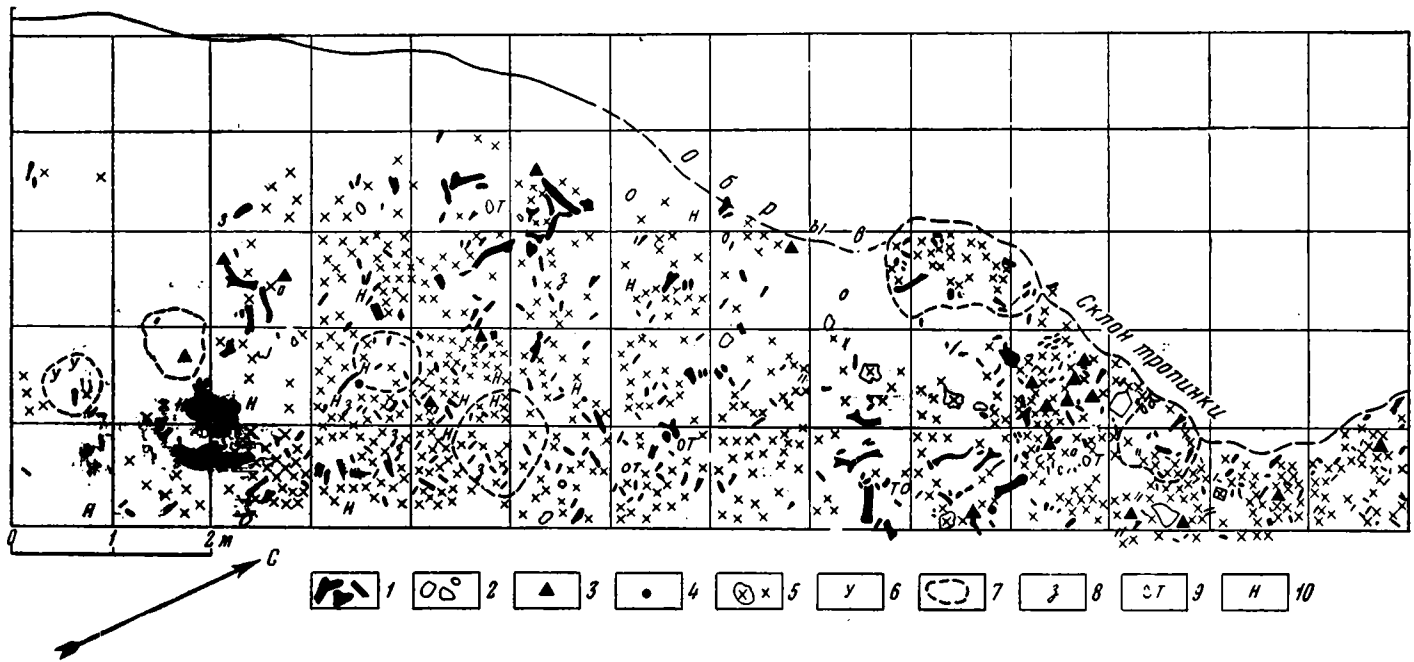
При наших раскопках были встречены кремневые изделия, характерные для памятников позднемадленского времени: небольшие нуклеусы и пластинки, небольшие кремневые орудия, короткие скребки, пластинки со скошенным краем, боковые резцы и т. д., т. е. инвентарь, типичный для стоянок конца палеолита. Таким образом, прежняя датировка среднего позднепалеолитического слоя стоянки Молодова I является неточной; слой этот может быть отнесен к памятникам времени третьего слоя Бабин I, верхнего слоя Вороновицы I, четвертого слоя Молодовы V и других памятников шестой хронологической группы.

В левой стенке оврага Байлова рипа, несколько выше по оврагу, в светло-желтых лёссовидных суглинках, на глубине 2,4 м от поверхности, над прослоем кремневого щебня, был обнаружен тонкий (3—5 см) культурный слой, содержащий обломки костей ископаемых животных и кремневые находки. Этот слой соответствовал верхнему позднепалеолитическому слою Ботеза.

Зачистка стенки оврага (высота стенок оврага на данном участке по отношению ко дну — около 20 м) позволила обнаружить 2 нуклеуса, 4 скола от оживления нуклеусов, 29 пластин и обломков пластин, кремневые обломки, 7 резцов, 4 скребка, 2 обломка пластин со следами ретуши по краю. Нуклеусы по форме относятся к призматическим и имеют по две ударные площадки. Орудия труда изготовлены на пластинах и отщепах.

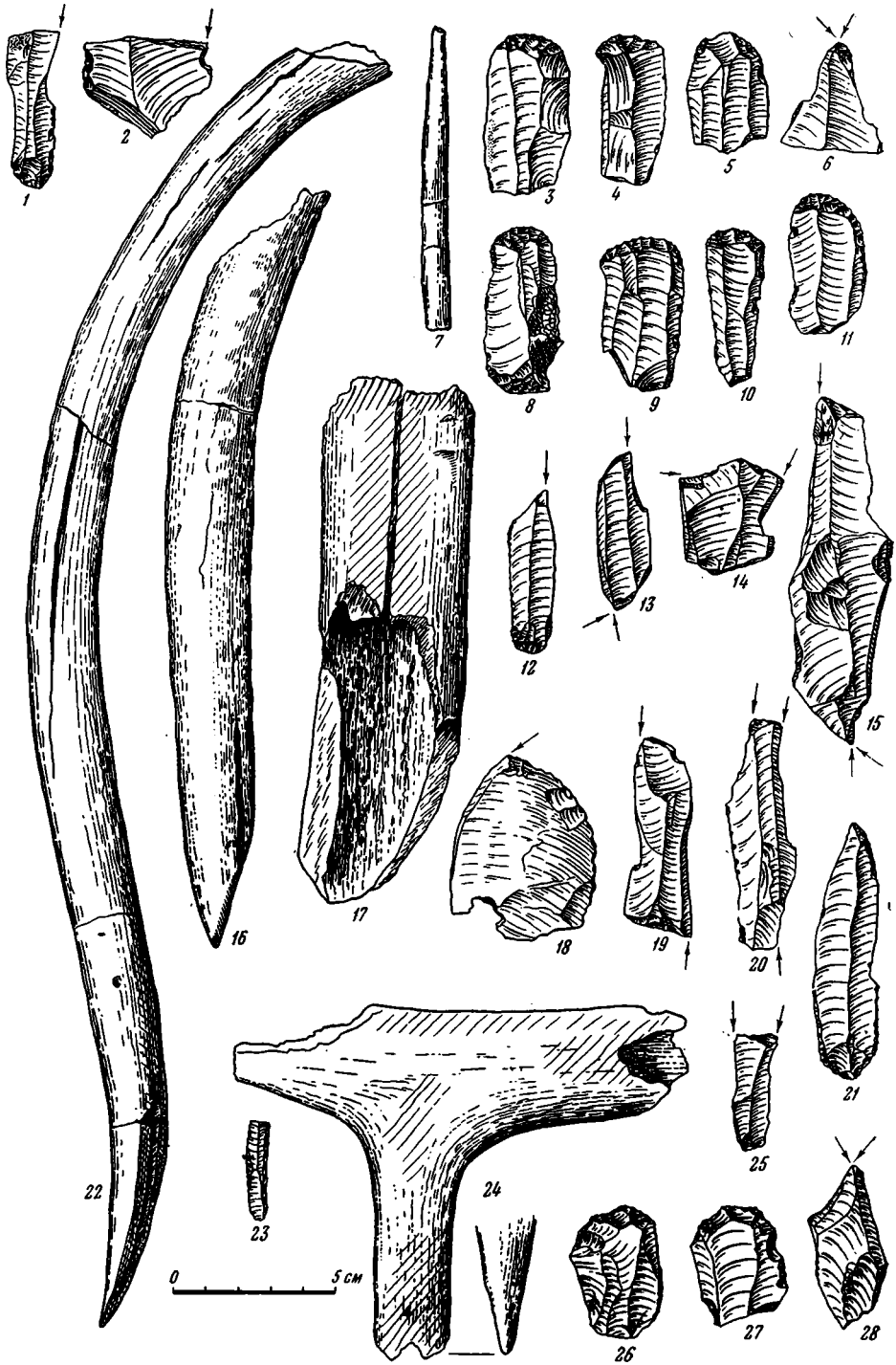
Более высокое положение данного слоя по отношению к верхнему слою кремневого щебня, довольно хорошо выдержанному по стенке оврага, является, как будто бы, показателем более позднего времени образования верхнего слоя по отношению к среднему. Однако в связи с тем, что прослой кремневого щебня на правой стенке раскопа среднего культурного слоя располагается очень высоко и связан с современным почвенным горизонтом, его вряд ли можно сопоставлять со слоем щебня левой стенки, расположенным значительно глубже. Тем не менее кремневый инвентарь верхнего слоя, хотя и представленный в небольшом количестве, дает некоторые основания для более поздней датировки этого слоя, так как здесь были встречены орудия на отщепах, и размеры их невелики. Возможно, что верхний слой следует сопоставлять со вторым слоем стоянки Молодова V, о котором будет идти речь ниже.

Таким образом, проведенные в 1955 г. на стоянке Молодова I работы



Фиг. 25. Молодова I. Раскоп 1955 г., средний позднепалеолитический слой, план

1 — кость; *2* — камень; *3* — орудия; *4* — краска; *5* — кремень; *6* — уголь; *7* — границы кострищ; *8* — зубы мамонта; *9*— терки; *10* — нуклеусы



Фиг. 26. Инвентарь из кремня (*1—6, 8—15, 18—21, 23, 25—28*) и рога (*7, 16, 17, 22, 24*). Молодова I. Раскопки 1955 г.

1—6 — верхний слой; *7—28* — средний слой

позволяют прийти к выводу, что два верхних слоя позднего палеолита относятся не к ориньяку, как предполагал Ботез, а к концу палеолита.

В 1956—1957 гг. исследования стоянки Молодова I были продолжены с целью изучения нижних культурных слоев. Участок раскопа 1955 г. был углублен на площади около 80 м² до глубины 10 м от поверхности, а в контрольном шурфе была достигнута глубина в 18 м.

В 1958 г. исследованная площадь была расширена до 200 м². При снятии суглинков на разных глубинах встречались отдельные редкие кремневые изделия позднепалеолитического облика и обломки костей ископаемых животных. На глубине 6,5 м встречено значительное скопление костей животных, но все же этот горизонт не имел характера культурного слоя. По-видимому, он является нижним позднепалеолитическим слоем Ботеза, который считал его переотложенным.

Лишь на глубинах 8,6—8,8 и 9,2—9,4 м от нулевой отметки в серых суглинках были прослежены культурные слои с остатками кострищ, обломками костей мамонта (бивни, зубы, лопатки, трубчатые кости), северного оленя, лошади, крупного оленя. Кроме этого, здесь были встречены кремневые изделия: нуклеусы дисковидные и дисковидно-пирамидальные; двухполюсные и одно полюсные плоские нуклеусы леваллуазского типа; треугольные и овальные по форме отщепы, грубые пластины, отщепы со следами ретуши, скреблообразное орудие и несколько крупных пластин со следами ретуши. Характер техники обработки кремневых изделий нижних слоев стоянки Молодова I свойственен памятникам мустьерско-леваллуазского времени. Об этом свидетельствует наличие дисковидных нуклеусов, нуклеусов леваллуазского типа, отщепов с крупными ударными бугорками и с подправленной изогнутой площадкой, расположение ударного бугорка наискось по отношению к оси отщепов и другие признаки.

Таким образом, исследованиями 1956—1958 гг. обнаружены на стоянке Молодова I остатки от нескольких мустьерско-леваллуазских поселений открытого типа, которые стратиграфически перекрывались позднепалеолитическими поселениями.

4. МНОГОСЛОЙНАЯ СТОЯНКА МОЛОДОВА V

Многослойная стоянка Молодова V была открыта автором в 1948 г. Стоянка расположена на правом берегу Днестра, западнее с. Молодова Кельменецкого района Черновицкой области, на расстоянии 1 км от стоянки Молодова I, на небольшом мысу, который с севера ограничивается крутым склоном к низкой террасе Днестра, а с востока — склоном к оврагу Воронов, впадающему в Днестр (фиг. 27).

Мыс, на котором расположена стоянка Молодова V, имеет площадку размерами 100 × 150 м. Он очень удобен для поселения, так как хорошо защищен. Рядом имеются выходы сырья для изготовления кремневых изделий — меловой кремень. Мыс имеет форму седловины, которая, постепенно повышаясь, прислоняется к высокому берегу Днестра — крутому цоколю V террасы, имеющей высоту 150—160 м. Высота мыса — 50—60 м над уровнем Днестра.

Ежегодные обильные сборы значительного количества кремневых изделий на поверхности мыса, находки в овраге возле стоянки остатков фауны (зубр, медведь, мамонт), а также разновременность подъемного материала — все это побуждало к проведению раскопок стоянки Молодова V.

Раскопки были осуществлены в 1951, 1953—1958 гг. Была исследована площадь размерами в 750 м² (см. план раскопок — фиг. 28), что позволило обнаружить 14 слоев культурных остатков, залегающих

Фиг. 27. Участок правого берега Днестра

в лёссовидных известковистых делювиальных суглинках на глубине от 0,4 до 9,8 м.

Исследования проводились путем постепенного вскрытия прилегающих один к другому участков, что позволяло прослеживать остатки разновременных стойбищ не только в плане, но и в ряде разрезов (фиг. 29).

Кратко опишем несколько разрезов, так как это необходимо для понимания геологических условий залегания остатков разновременных стойбищ.

Наиболее глубокий разрез был прослежен в южной контрольной траншее 1955 г., в которой была достигнута глубина 14 м. В юго-западном углу этой траншеи были прослежены:

	Глубина, м
1. Светло-желтый известковистый лёссовидный суглинок	0—4,2
2. Обогащенная гумусом прослойка	4,2—4,9
3. Светло-желтый известковистый лёссовидный суглинок	4,9—5,5
4. Обогащенная гумусом прослойка, разделенная светлой прослойкой	5,5—5,8
5. Светло-желтый лёссовидный суглинок	5,8—6,2
6. Обогащенный гумусом слой	6,2—7,2
7. Светло-желтый лёссовидный суглинок	7,2—8,0
8. Сажистая прослойка	8,0—8,1
9. Серо-коричневый суглинок с ржавыми пятнами	8,1—9,75
10. Коричневый суглинок	9,75—12,4
11. Коричневый суглинок с тонкими песчаными прослойками	12,4—13,2
12. Коричневый суглинок	13,2—14,0

В 25 м восточнее юго-западного угла южной контрольной траншеи (понижение на 4,2 м) был прослежен такой разрез:

в районе стоянки Молодова V (панорама)

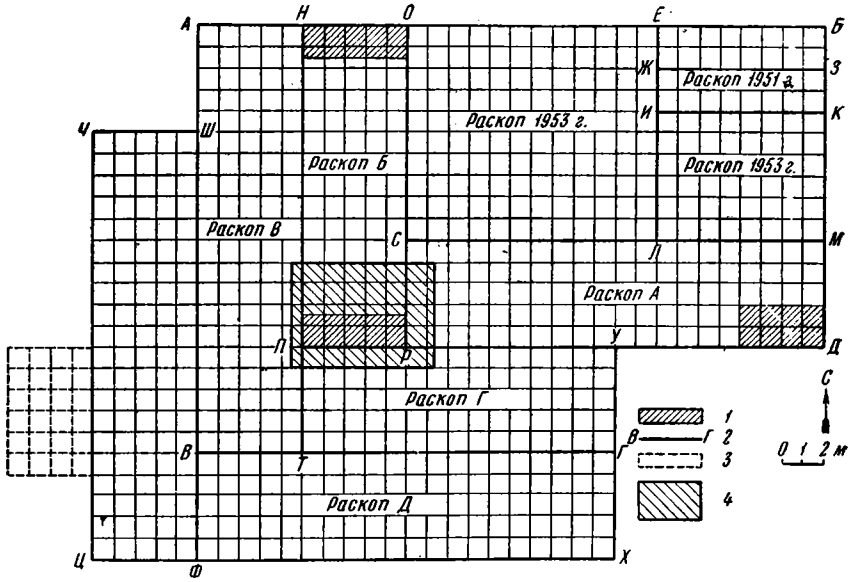
	Глубина, м
1. Гумусированный слой	0—0,1
2. Светло-желтый лёссовидный суглинок с горизонтом потемнения	0,1—1,5
3. Обогащенный гумусом слой	1,5—2,3
4. Светло-желтый лёссовидный суглинок	2,3—3,2
5. Две гумусированные прослойки, разделенные светлой прослойкой суглинка	3,2—3,4
6. Светло-желтый лёссовидный суглинок	3,4—4,0
7. Обогащенный гумусом слой	4,0—5,0
8. Светло-желтый суглинок	5,0—5,8
. Сажистая прослойка	5,8—5,82
10. Серо-коричневый суглинок с ржавыми пятнами	5,82—6,9
11. Коричневый суглинок	6,9—9,2

По этим разрезам видно, что на данном участке лёссовидные суглинки постепенно последовательно снижаются соответственно рельефу в северном, северо-восточном и восточном направлениях и что в этих суглинках не наблюдается никаких деформаций и переотложений[1]. В суглинках были прослежены специфичные для лёсса раковины *Clausilia*, *Succinea oblonga*, *Monacha rubinoasa*, а также раковины из рода *Helix* (*Helix lutescens*, *Helix vulgaris*), что свидетельствует о преобладании сухого климата в период отложения светло-желтых лёссовидных суглинков.

Наблюдающиеся в суглинках[2] более темные полосы — показатель

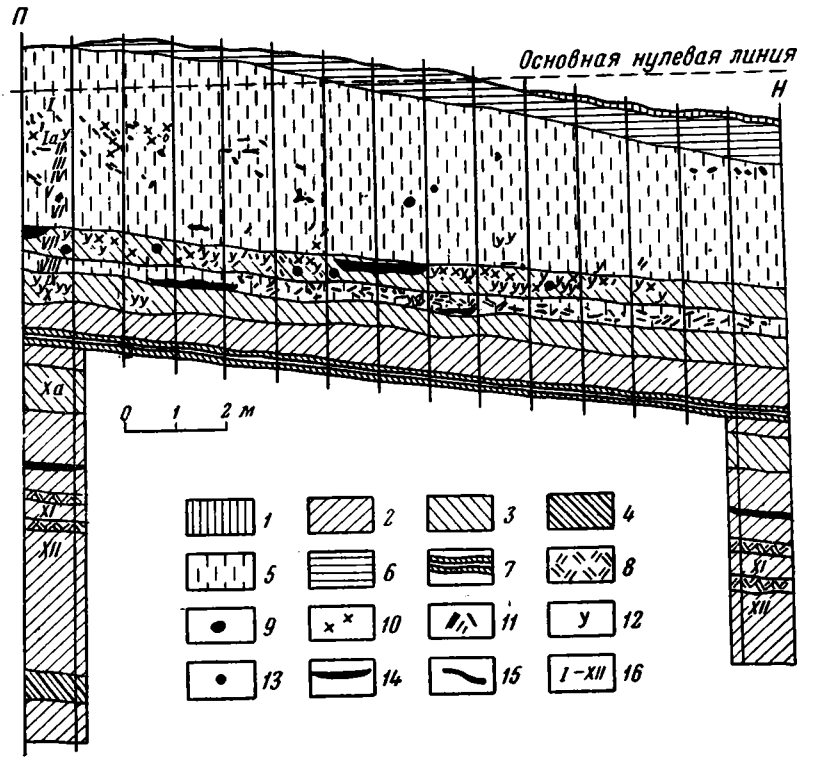
[1] К этому выводу также пришли изучавшие геологические условия стоянки геологи М. И. Прудников (1953) и И. К. Иванова (1954—1958).

[2] При определении образца данной породы по методу пластичности научный сотрудник Института геологии полезных ископаемых Львовского филиала АН УССР Т. В. Сиротина установила, что эта порода относится к суглинкам (пластичность 11,14%).



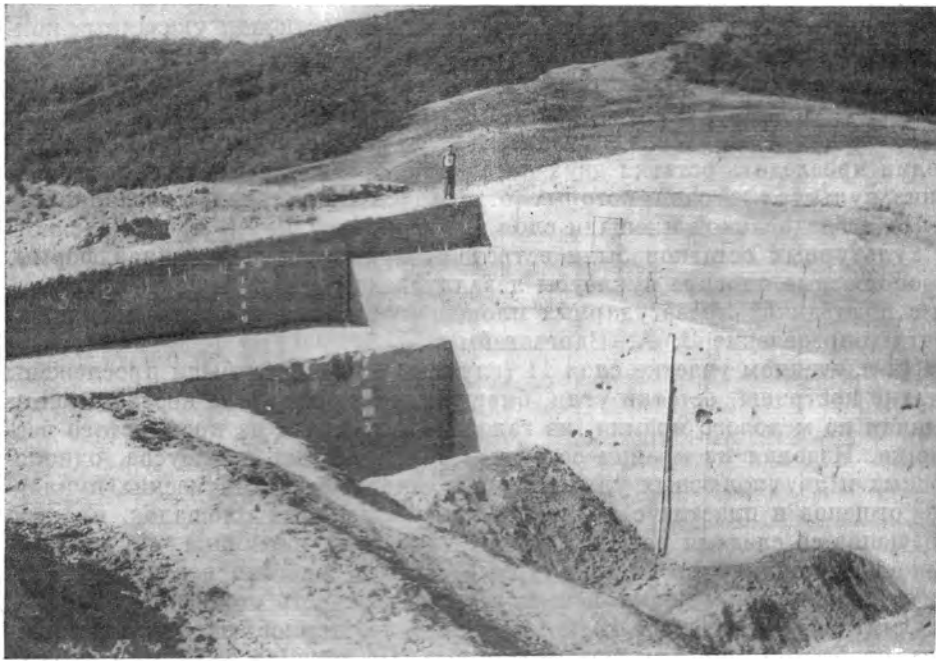
Фиг. 28. Сводный план раскопок стоянки Молодова V

1 — контрольные траншеи; *2* — разрезы; *3* — дополнительный раскоп; *4* — раскоп 1958 г.



Фиг. 29. Молодова V. Разрез по линии *П — Н*

1 — гумусированный слой; *2* — светлый желто-коричневый суглинок; *3* — темно-коричневый суглинок; *4* — коричневый суглинок с тонкими песчаными прослойками; *5* — светло-желтый лёссовидный суглинок; *6* — бурый суглинок; *7* — темно-коричневый суглинок, разделенный светлой прослойкой; *8* — серый суглинок; *9* — бивень мамонта; *10* — кремень; *11* — кости; *12* — уголь; *13* — краска; *14* — кострище; *15* — сажистая прослойка: *16* (I—XII)—слои культурных остатков



Фиг. 30. Участок раскопок стоянки Молодова V, 1955 г.
Цифры и буквы—номера квадратов раскопов и геологических слоев

существования более влажных периодов и процессов почвообразования. В лёссовидных известковистых суглинках и в обогащенных гумусом слоях этого участка было прослежено 12 позднепалеолитических культурных слоев, которые не всегда разделялись стерильными прослойками.

Стоянка исследовалась по такой методике: углубление производилось послойно с тщательной горизонтальной расчисткой культурных остатков; после описания, фотографирования, зачерчивания на планах с непрерывной нивелировкой основных категорий материалов, что было особенно необходимо в связи с отсутствием стерильных прослоек между слоями, производилось дальнейшее углубление к нижележащим слоям. Данные горизонтальных расчисток и наблюдения залегания материалов в плане постоянно контролировались по вертикали путем изучения разрезов, так как углубление производилось по секторам, что давало возможность получить добавочные разрезы на исследуемом участке (фиг. 30).

Среднепалеолитические слои стоянки

С л о и 12 и 11. Первые сведения о наличии на стоянке Молодова V слоев 12 и 11 культурных остатков были получены в 1955 и 1956 гг., когда на площади южной, северной и восточной контрольных траншей на глубинах 9,6—9,8 и 9,0—9,2 м в суглинках были прослежены обломки костей мамонта, остатки угля и кремневые изделия. О том, что эти материалы не являются отдельными случайными находками, а представляют остатки более древних, чем вышележащие слои, поселений, занимавших определенную часть площади мыса, свидетельствовало залегание этих материалов на одном и том же уровне, в одних и тех же геологических наслоениях,

но на удаленных один от другого участках, так как указанные контрольные траншеи были прокопаны в разных участках раскопа.

Окончательно данный вывод был подтвержден в 1958 г., когда на стоянке Молодова V возле южной траншеи 1955 г. был заложен раскоп для изучения нижних слоев стоянки. Этот раскоп площадью 7 × 5 м позволил проследить остатки двух поселений среднепалеолитического времени, культурные слои которых отделялись стерильной прослойкой.

На исследованной площади слоя 12 (глубина 9,6—9,8 м) при расчистке культурных остатков были встречены нуклеусы дисковидной формы, однополюсные плоские нуклеусы леваллуазского типа, отщепы и пластины с подправкой краев ударных площадок, а также обломки костей мамонта (определение Э. А. Вангенгейм).

На изученном участке слоя 11 (глубина 9,0—9,2 м) были прослежены остатки кострища, остатки угля, бивни, лопатки и другие кости мамонта, изделия из мелового кремня, из галечного кремня и из кремнистого песчаника. Изделия из кремня состоят из дисковидных нуклеусов, однополюсных и двухполюсных удлиненных и широких леваллуазских нуклеусов, отщепов и пластин с подправкой краев ударных площадок, пластин и отщепов со следами ретуши, орудия типа остроконечника. На исследованной площади слоя 11 культурные остатки залегали в виде двух пятен скоплений, уходящих в неисследованную часть стоянки.

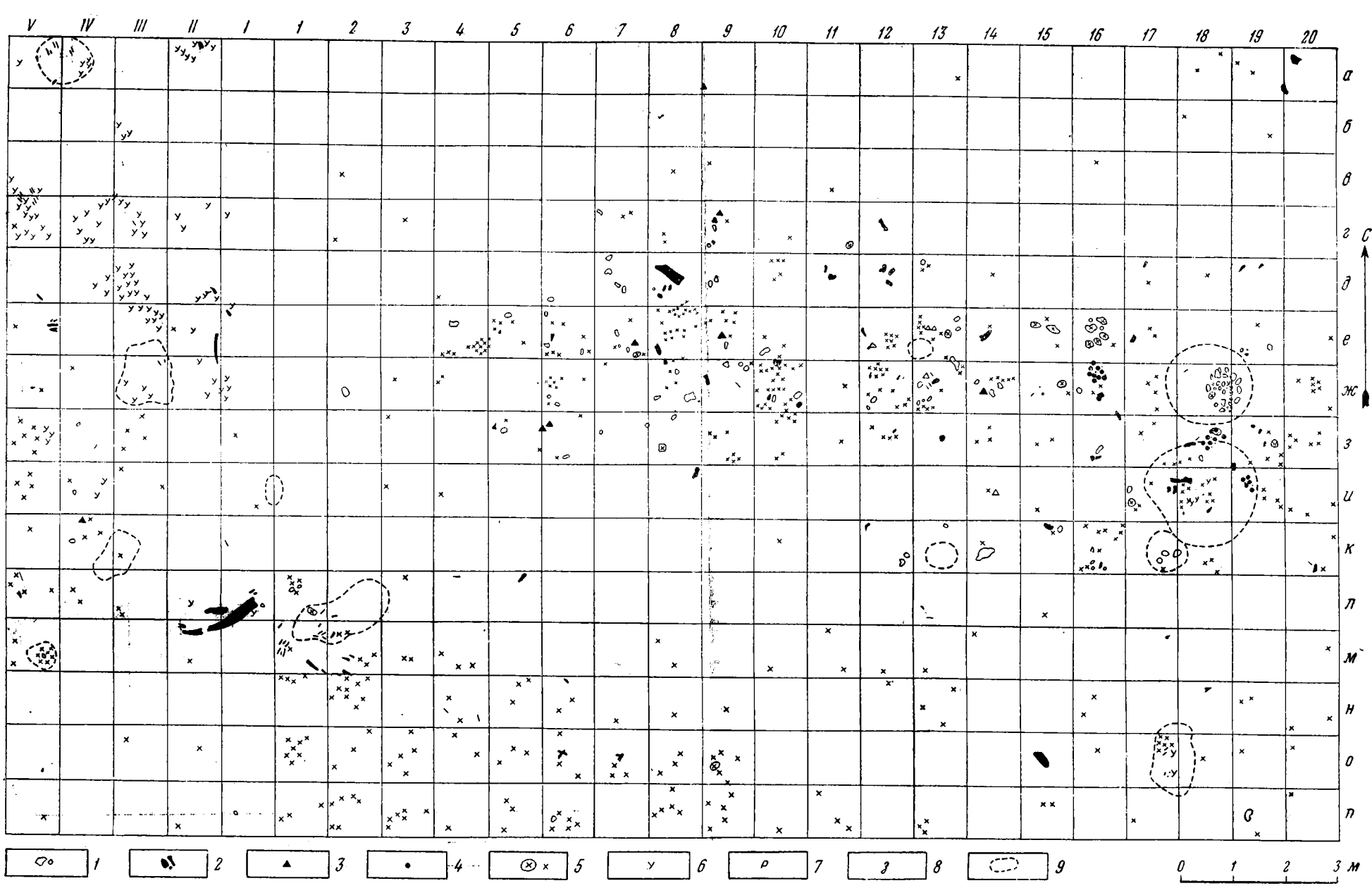
Остатки фауны слоев 12 и 11 своей более темной окраской отличались от фауны всех вышележащих слоев. По технике обработки кремня (дисковидные и уплощенные нуклеусы, изогнутость краев ударных площадок, наличие подправки на краях ударных площадок, расположение крупных ударных бугорков наискось по отношению к оси отщепов и т.д.) изделия этих слоев можно сравнить с материалами памятников мустьерско-леваллуазского облика и в первую очередь — с материалами нижнего слоя стоянки Молодова I. С последней стоянкой нижние слои стоянки Молодова V сходны также и по геологическим условиям залегания. Это дает основание отнести нижние слои стоянки Молодова V к мустьерско-леваллуазскому времени.

Нижние позднепалеолитические слои стоянки

Горизонт 10а. Выше слоев 12 и 11, на глубине 6,2—6,4 м от поверхности, в обогащенном гумусом слое, в 1958 г. было прослежено небольшое количество кремневых изделий с белой патиной, состоящих из крупного призматического нуклеуса, крупных пластин и отщепов с крупными ударными бугорками, нескольких пластин и отщепов с крутой ретушью. Здесь было встречено выемчатое орудие типа скобеля. Кроме кремневых изделий, в этом горизонте были обнаружены мелкие неопределимые обломки костей. Несмотря на незначительное количество культурных остатков в этом горизонте, по ним все же можно сделать вывод о наличии на стоянке Молодова V остатков поселения, относящегося к начальной поре позднего палеолита и соответствующего, по-видимому, ориньякскому времени. Расширение исследований на этом участке позволит окончательно уточнить вопрос о характере поселения горизонта 10а.

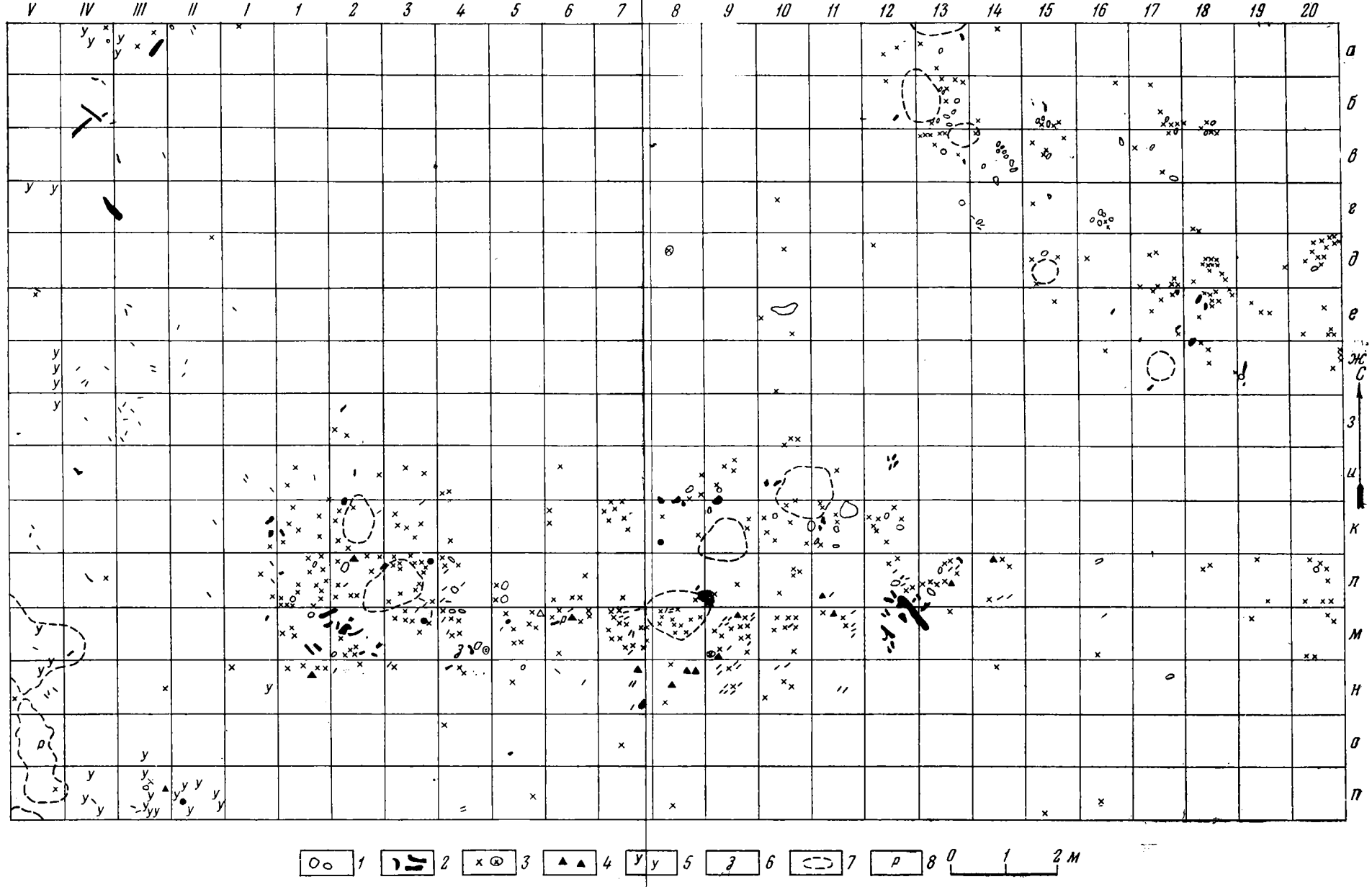
Слой 10 культурных остатков на исследованной площади был прослежен в обогащенном гумусом слое на глубине 4,4—4,9 м от поверхности. Здесь наблюдались остатки 12 кострищ, обломки костей ископаемых животных, кремневые орудия и отбросы, остатки краски, угля, обломки камней и терки.

Все эти материалы располагались преимущественно в центральной части раскопа 1953 г., вокруг обнаруженных здесь пяти кострищ, а на остальной площади исследованного участка найдены лишь отдельные от-



Фиг. 31. Молодова V, слой 10, план

1 — камень; *2* — кость; *3* — орудие; *4* — краска; *5* — кремень; *6* — уголь; *7* — раковины; *8* — зубы мамонта; *9* — границы кострища



Фиг. 32. Молодова V, слой 9, план

1 — камни; *2* — кости; *3* — кремень; *4* — орудия; *5* — уголь; *6* — зубы; *7* — границы кострища; *8* — раковины

щепы и несколько слабо выраженных очажных пятен. Пятно находок имело форму удлиненного прямоугольника, ориентированного с З на В, размерами 14 × 4 м (фиг. 31).

По устройству кострищ слоя 10 видно, что некоторые из них существовали более короткое время (очажки с небольшой глубиной лунок), а другие — более продолжительное время (очажки с более глубокой лункой и кострище с каменной выкладкой части пода). Кострища второго типа были прослежены на участке прямоугольного пятна находок.

На исследованной площади слоя 10 не было встречено скоплений крупных костей ископаемых животных, но в ряде квадратов наблюдались отдельные кости крупного размера.

Среди прослеженного здесь инвентаря количественно преобладают кремневые изделия (около 500 экз.).

Кремневые изделия состоят из 17 нуклеусов, 105 пластин и обломков пластин, отбросов производства и 38 орудий труда.

Для производства орудий употреблялся светло-коричневый, серый и темный меловой и галечный кремень. Цвет патины белый и синий, часть находок слабо патинизирована. В слое были встречены крупные обломки конкреций мелового кремня длиной по 18—16 см.

Нуклеусы по форме относятся к неправильно-призматическим, лишь в одном случае был обнаружен нуклеус дисковидной формы. Средняя длина нуклеусов 70—80 мм. Пластины имеют длину от 120—150 до 60—70 мм.

Орудия состоят из 14 резцов, 9 пластин с краевой ретушью, 2 отщепов со следами ретуши, 4 скребков, 3 острий, 3 пластинок с притупленным краем, игольчатого острия, резца — скребка и 3 пластин с боковыми выемками (фиг. 33). Орудия изготовлены преимущественно на пластинах.

Среди кремневых орудий преобладают резцы. По форме рабочего края они относятся к срединным, угловым, нуклевидным, скошенным. Часть резцов — орудия на пластинах с краевой ретушью. Некоторые скребки (3 из 4) также имеют такую особенность. Среди острий были встречены 2 двойных симметричных острия-наконечники. Одно из этих орудий — поделка на крупной пластине длиной в 173 мм. Эта поделка была встречена на глубине 4,52 м (фиг. 33, *13*).

Наиболее интересным кремневым орудием слоя 10 является овальный по форме наконечник дротика с черешком. Эта поделка с двух сторон обработана плоской ретушью; размеры наконечника 118 × 31 × 10 мм. Наконечник был встречен на глубине 4,62 м (фиг. 33, *20*). Эта поделка — орудие охоты. Прямых аналогий данному наконечнику среди памятников позднего палеолита нам не удалось найти [1], но по технике обработки эта поделка аналогична широко известным наконечникам солютрейского времени с двусторонней сплошной обработкой поверхности плоской ретушью.

Кроме кремневых находок, отметим 69 камней и обломков камней, 5 овальных по форме терок из песчаника, остатки красной краски (охры), а также обломки костей животных, на которых охотились обитатели стойбища слоя 10.

Состав фауны этого слоя см. в табл. 6 (определения И. Г. Пидопличко и Э. А. Вангенгейм).

Эти виды ископаемых животных являлись охотничьей добычей обитателей стойбища.

Переходим к датировке слоя 10.

---

[1] В настоящее время имеются сведения о находке в Венгрии наконечника с черешком (Vertеš, 1956, стр. 322). Кроме того, известны наконечники с черешком в Бельгии, Франции, Испании.

Таблица 6

Вид животного	Число обломков	Число особей
Лошадь (*Equus caballus* L.)	51	6
Северный олень (*Rangifer tarandus* L.)	111	3
Мамонт (*Elephas primigenius* Bl.)	8	2
Носорог (*Rhinoceros antiquitatis*)	5	1
Зубр (*Bison priscus* L.)	7	1

Кремневый инвентарь слоя характеризуется наличием крупных нуклеусов и пластин, крупных орудий, скребков и резцов на пластинах с краевой ретушью, двойных симметричных острий-наконечников, одинарных острий, наконечников со сплошной двусторонней обработкой поверхности плоской ретушью, применением плоской ретуши при обработке кремневых орудий.

Аналогичные характерные черты техники обработки кремня мы отмечали выше, при описании материалов нижнего слоя стоянки Вороновица I, а также второго слоя стоянки Бабин I. Среди памятников Приднестровья, известных по подъемным материалам, такие же черты техники производства кремневых орудий прослежены на стоянках Незвиско, Городница, Китайгород II, Конюшки, Бабин II и др., где были обнаружены наконечники с двусторонней обработкой плоской ретушью.

Аналогичные признаки обработки кремня свойственны таким памятникам солютрейского типа других районов СССР, как верхний слой Тельманской стоянки (Рогачев, 1951а), верхний слой Костенок IV (Рогачев, 1955), верхний слой Костенок V (Рогачев, 1951а), нижний слой Костенок I (Рогачев, 1950), т. е. памятникам, где были встречены наконечники с плоской ретушью.

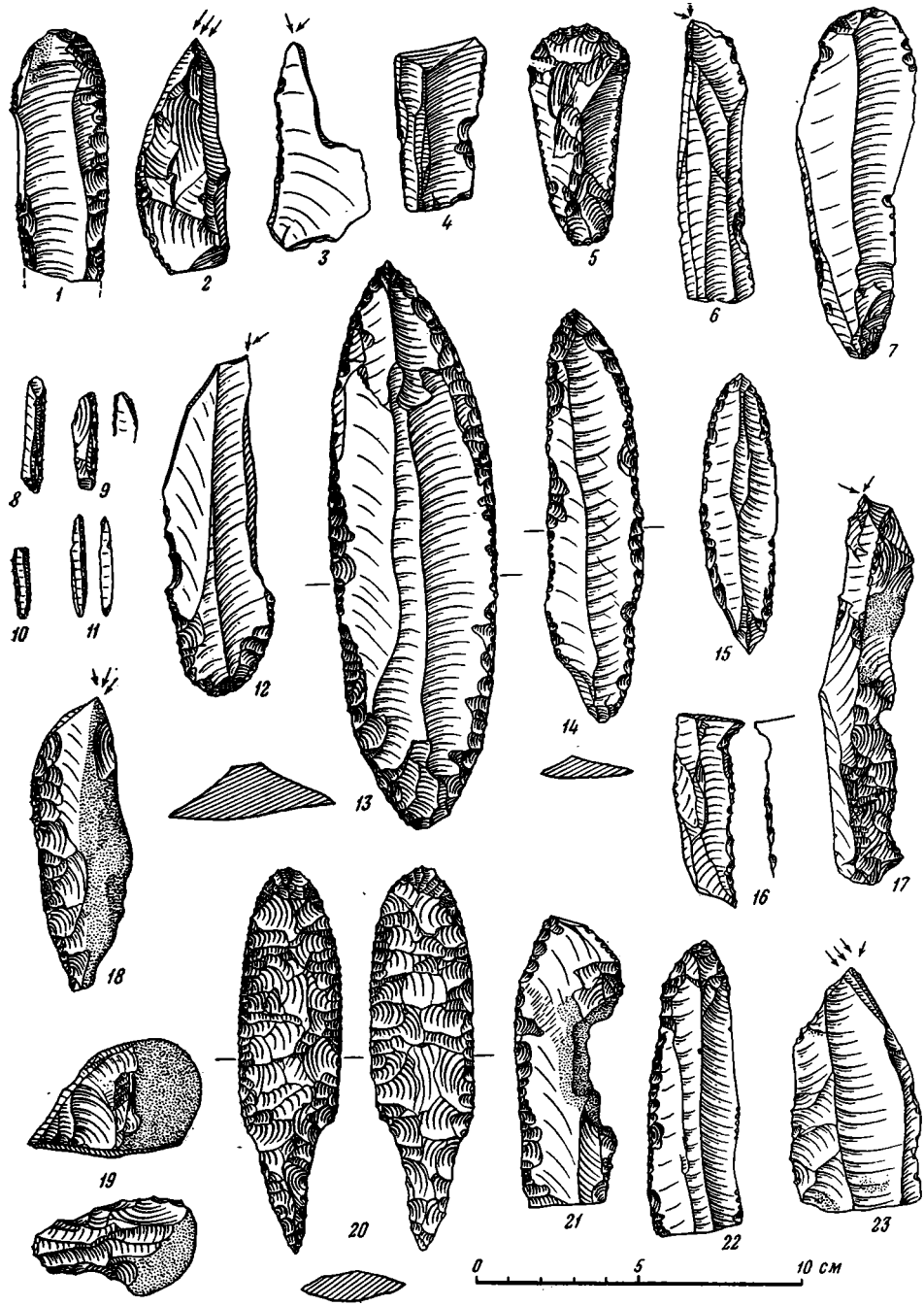
Среди стоянок Центральной и Западной Европы также можно указать серию аналогичных памятников. К ним, например, относятся такие стоянки Польши, как Ежмановская, Мамонтовая и Казярна (Kozlowski, 1924); пещеры Сцелета и Янковича в Венгрии (Breuil, 1925; Hillebrand, 1910, 1919, 1934, 1937); чехословацкие стоянки — Пшедмост (Breuil, 1925), нижний слой Дзеравы скалы (Prošek, 1951b, 1953b), Ивановцы (Prošek, 1953b), Мораваны. Аналогичные стоянки известны также на территории Франции, Испании и других стран.

Все это позволяет с полным правом отнести слой 10 стоянки Молодова V к солютре.

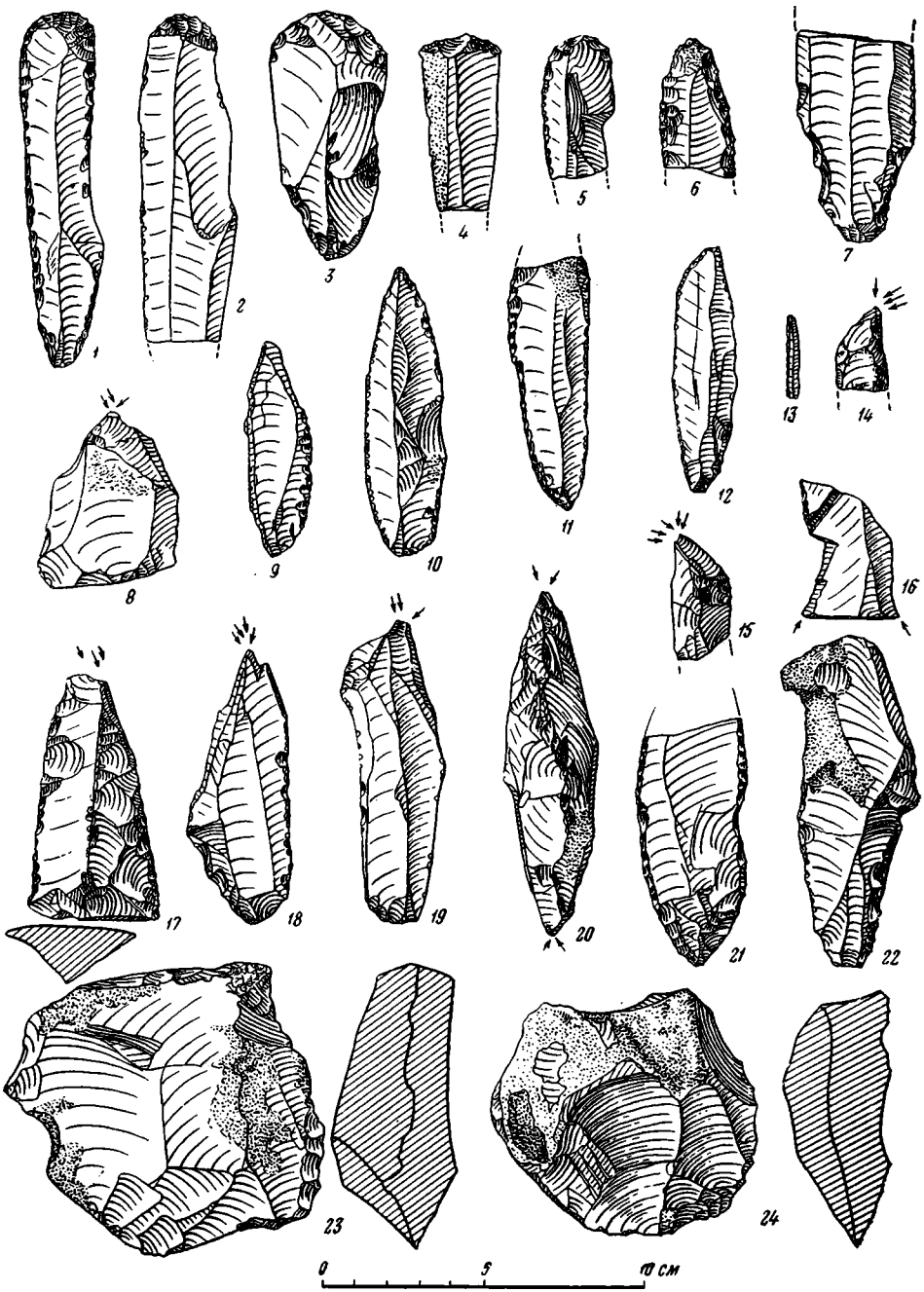
Слой 9 культурных остатков на стоянке Молодова V наблюдался на глубине 4,0—4,3 м в обогащенном гумусом слое.

На исследованной площади наблюдалось 3 слабо выраженных пятна скоплений находок вокруг остатков 9 очажных пятен (фиг. 32). Из этих скоплений находок более интенсивными были юго-западное и северо-восточное и менее четким — центральное. Эти пятна являются, по-видимому, следами легких наземных сооружений для жилья, типа шалашей. Было обнаружено около 1000 кремневых изделий. Среди них — 32 нуклеуса, 180 пластин, 19 пластин с краевой ретушью, 23 резца, 12 скребков, 5 симметричных острий, 2 пластинки с притупленным краем, 3 пластины с выемками, 4 отщепа со следами ретуши, 2 орудия для рубки и отбросы производства.

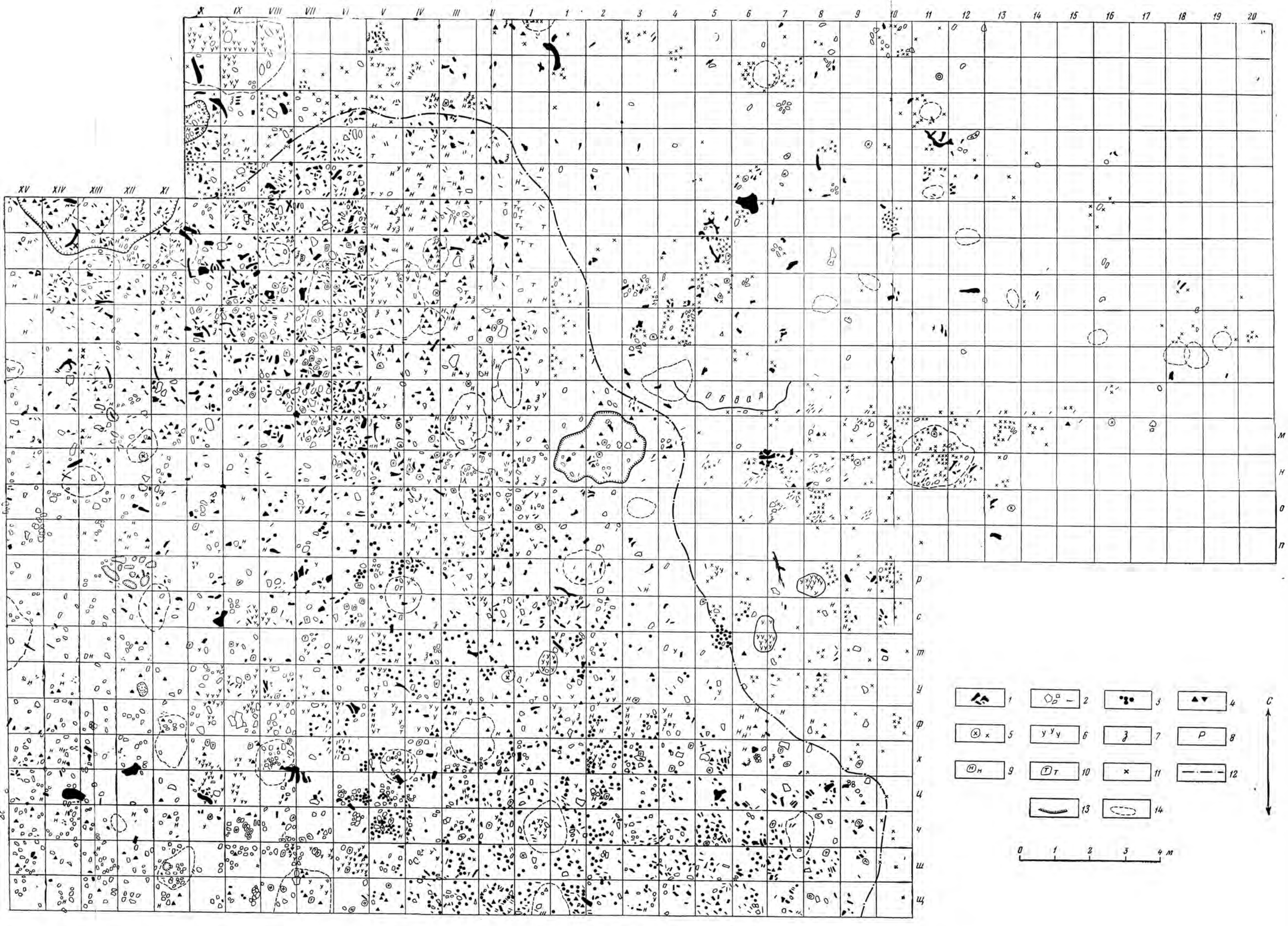
Орудия слоя 9 изготовлялись из светло-коричневого, серого и темного мелового и галечного кремня. Цвет патины кремневых находок белый, синий; часть изделий — без патины. Кроме крупных пластин и нуклеусов, которые преобладают в комплексе, были встречены также небольшие



Фиг. 33. Кремневый инвентарь (*1—23*). Молодова V, слой 10



Фиг. 34. Кремневый инвентарь (*1—24*). Молодова V, слой 9



Фиг. 36. Молодова V, слой 7, план

1 — кости; *2* — камни; *3* — остатки краски; *4* — кремневые орудия; *5* — кремневые находки; *6* — уголь; *7* — зубы; *8* — раковины; *9* — нуклеусы; *10* — терки; *11* — изделия из кости и рога; *12* — граница пятна скопления культурных остатков; *13* — углубления; *14* — границы кострищ

пластинки, сколотые с нуклеусов-галек, длиной по 50—60 мм. Среди орудий преобладают поделки на пластинках по 80—100 мм.

По форме рабочего края наиболее многочисленная группа орудий — резцы, состоящие из угловых (13), срединных (7), двойных (2), билатеральных (1). Среди скребков преобладают орудия с полуокруглым рабочим краем, но были обнаружены 2 скребка с сужающимся рабочим краем. Один скребок является двойным орудием. Часть скребков и резцов изготовлены на пластинах с краевой ретушью (фиг. 34).

Нуклеусы, пластины, орудия как по цвету кремня, так и по технике обработки аналогичны материалам нижележащего слоя 10, но здесь не встречено таких поделок, как наконечники с двусторонней сплошной обработкой плоской ретушью и двойные симметричные острия. Как и в слое 10, здесь прослежены крупные ножевидные орудия-пластины с краевой ретушью и орудия на таких пластинах.

Интересными поделками слоя являются 2 крупных дисковидных орудия размерами $70 \times 75 \times 30$ мм и 82×32 мм. Эти орудия изготовлены из кремневых обломков; рабочими краями у них являются широкие полукруглые нижние края, приспособленные к рубке, в то время как верхние части этих поделок путем оббивки приспособлены для захватывания рукой (фиг. 34, *23*, *24*).

Кроме кремневых изделий, в слое были встречены также овальные, прямоугольные и квадратные по форме терки из песчаника (11), обломки камней, гальки, остатки красной и желтой краски (охры), остатки смолы сосны, остатки угля сосны, а также раковины, из которых один вид типичен для тортонских отложений (*Pectunculus*). Последнее позволяет сделать вывод о том, что эти ископаемые раковины принесены в район стоянки из пункта, где находятся ближайшие отложения тортонского яруса.

Состав фаунистических остатков слоя см. в табл. 7 (определение И. Г. Пидопличко и Э. А. Вангенгейм).

Таблица 7

Вид животного	Число обломков	Число особей
Лошадь *(Equus caballus* L.)	124	5
Северный олень *(Rangifer tarandus* L.)	63	5
Мамонт *(Elephas primigenius* Bl.)	10	2
Носорог *(Rhinoceros antiquitatis)*	2	1
Зубр *(Bison priscus* L.)	3	2

Эти виды ископаемых животных являлись охотничьей добычей обитателей стойбища слоя 9.

Кремневый инвентарь слоя в основном аналогичен материалам слоя 10. Залегание слоя 9 над слоем 10 позволяет отнести материалы этого слоя к несколько более позднему времени по сравнению со слоем 10, но в пределах солютрейских памятников.

Слой 8 культурных остатков на стоянке Молодова V наблюдался на глубине 3,55—3,80 м от поверхности в светло-желтых суглинках (фиг. 35).

В этом слое раздробленные кости животных, кремневые обломки, орудия и другие материалы встречались в виде 3 пятен скоплений находок вокруг остатков от 10 кострищ.

Кроме этого, 3 очажных пятна были обнаружены на участке, где встречались лишь отдельные находки.

Здесь было обнаружено около 1200 кремневых изделий, из них 64 нуклеуса, 275 пластин и обломков пластин, 115 орудий и отбросов производства.

Как и в нижележащих слоях, кремневые орудия изготовлялись из серого, светло-коричневого и темного мелового и галечного кремня. Часть кремневых находок — без патины, остальные находки имеют белую, синюю и голубую патину. Любопытно отметить небольшое количество находок из полосчатого кремня.

Как и для нижележащих слоев, для слоя 8 характерны крупные размеры нуклеусов, пластин и орудий, хотя были встречены также отдельные находки небольшого размера.

Нуклеусы по форме относятся к призматическим и неправильно-призматическим с преобладанием последних. Средняя длина кремневых изделий — 70—80 мм.

Кремневые орудия состоят из 39 ножевидных орудий-пластин с краевой ретушью (среди них одно орудие длиной 148 мм, а второе имеет зубчики по краю, сформированные ретушью), 45 резцов, 13 скребков (среди скребков — один — с суживающимся рабочим краем, один двойной и один — типа карене), 4 скребков-резцов, скреблообразного орудия, орудия на поперечном сколе от оживления нуклеуса, небольшого орудия треугольной формы с отретушированными краем и основанием, 4 острий, 2 поделок типа наконечников с боковой выемкой, 4 пластин с краевой ретушью и небольшими выемками и 2 отбойников.

Наиболее многочисленная группа орудий — резцы, по форме рабочего края они относятся к угловым (14), срединным (17), двойным (5), боковым (5), билатеральным (3), нуклевидным (1). 8 резцов изготовлено на пластинах с краевой ретушью. Точно так же 5 скребков изготовлено на пластинах с краевой ретушью. Эта черта инвентаря свойственна лишь нижним слоям стоянки Молодова V.

Двойных симметричных острий в слое 8, как и в слое 9, не было обнаружено, но были встречены 1 одинарное острие и 3 острия типа так называемых острий оди и шательперрон. Это пластины с дугообразно отретушированным краем. При просмотре этих поделок при помощи бинокулярной лупы удалось обнаружить следы заполированности с двух сторон по краю; по-видимому, они использовались для разрезывания мяса. Размеры этих поделок $73 \times 33 \times 5$ мм, $41 \times 23 \times 8$ мм и $76 \times 26 \times 7$ мм. Первое из этих орудий добавочной обработкой было превращено в резец (фиг. 37, *9*).

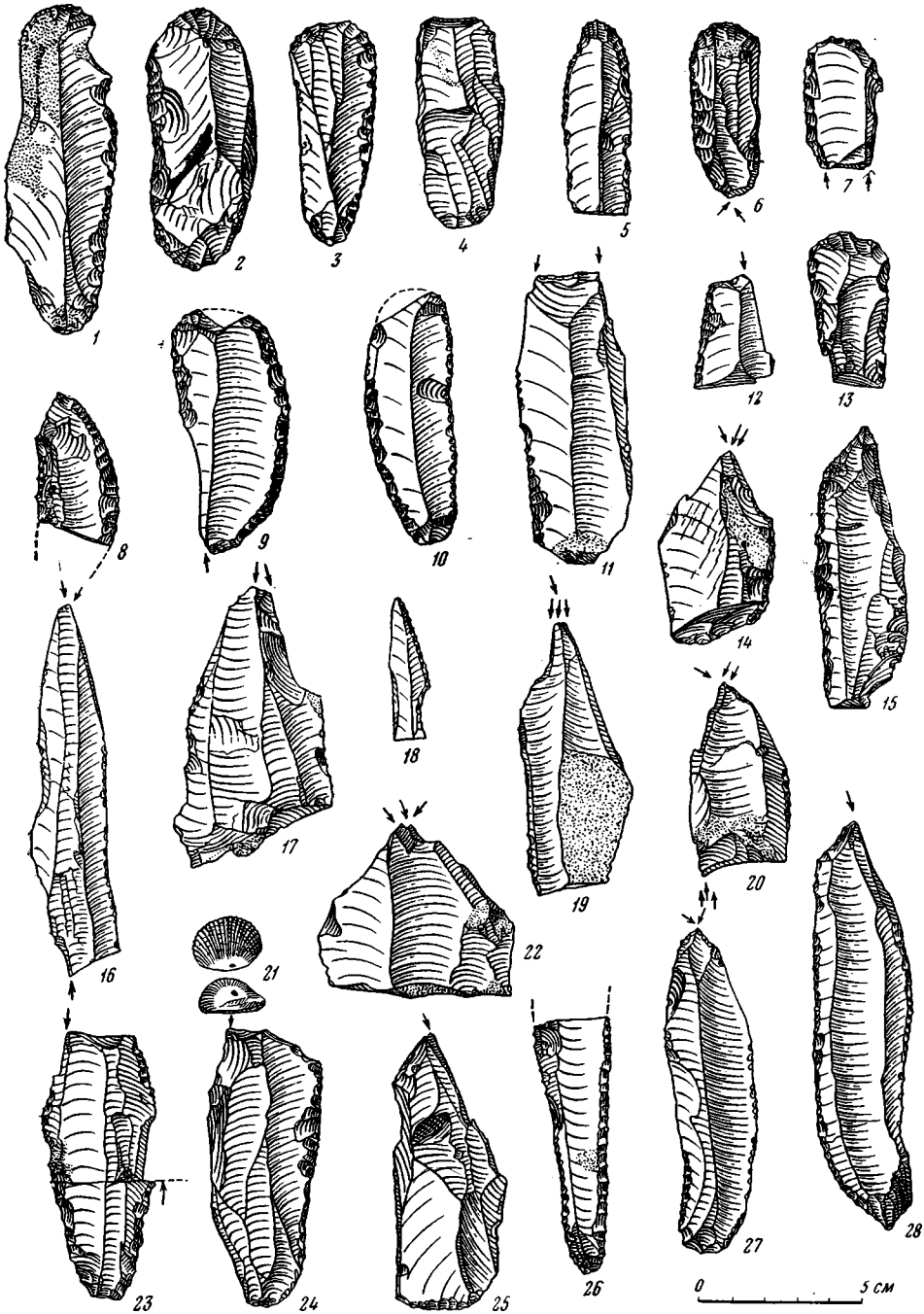
Кроме этого, в слое 8 была обнаружена поделка типа наконечника с боковой выемкой размерами $44 \times 15 \times 5$ мм и обломок черешка наконечника с боковой выемкой. Аналогии этим изделиям можно указать среди материалов таких памятников, как Гагарино, Виллендорф, Гримальди (Hoernes, 1903; Cartailhac, 1910; Breuil, 1912).

Как видно из краткой характеристики кремневого инвентаря, в этом слое были обнаружены в основном те же типы кремневых орудий, что и в предшествующих, но отсутствуют наконечники с двусторонней обработкой плоской ретушью и появились в небольшом количестве поделки типа наконечников с боковой выемкой.

На исследованной площади слоя были обнаружены также поделки из камня: 15 терок и обломков терок из песчаника, 5 плиток, 3 шаровидных по форме камня, которые, возможно, являлись метательными камнями.

Кроме этого, было найдено 149 обломков песчаника и сланца.

Интересным орудием является ретушер из сланца размерами $120 \times 36 \times 28$ см. Эта треугольная в разрезе поделка имеет на одном из концов следы многочисленных насечек, окаймляющих два края и вершину орудия,



Фиг. 37. Кремневый инвентарь (*1—20*, *22—28*) и раковина (*21*). Молодова V, слой 8

что позволяет судить о ее применении. Аналогичные позднепалеолитические ретушеры из камня уже отмечались в советской литературе (Семенов, 1953).

Кроме изделий из кремня и камня, в слое 8 были обнаружены поделки из кости.

В квадрате *1 м* на глубине в 3,59 м, на расстоянии 1 м от очажного пятна, была встречена подвеска из бивня мамонта с искусственным ушком. Размеры сохранившейся части подвески $15 \times 13 \times 12$ мм, диаметр ушка 3 мм. Подвеска имеет грушевидную форму, на поверхности наблюдается орнамент в виде тонких прочерченных линий.

По аналогии с некоторыми позднепалеолитическими скульптурными поделками-амулетами (Петерсфельс, Сирейль) эту находку можно рассматривать как амулет — миниатюрную схематизированную фигурку сидящей женщины. Подвеска из слоя 8 отличается от подвески-амулета из Петерсфельс (Peters u. Toepfer, 1932) отсутствием изображения нижних конечностей.

С другой стороны, подвеска из Молодовы V близка к имитирующим зубы животных подвескам из слоновой кости, которые были обнаружены, например, на таких стоянках, как Мезин (Рудиньский, 1931, табл. XXI; Ефименко, 1953, рис. 219), Гагарино (Замятнин, 1935а, рис. 20, *6* и *7*) и на других стоянках.

Среди других поделок из кости отметим обломок тонкой пластинки и обломок трубчатой кости мамонта со следами обработки.

Кроме того, здесь были встречены также небольшие куски красной и желтой краски (охры), а также остатки угля, раковина *Cardium* с искусственным отверстием, являвшаяся, по-видимому, подвеской.

В слое были обнаружены также остатки костей ископаемых животных (преимущественно раздробленные), на которых охотились обитатели стойбища.

Состав палеонтологических остатков слоя 8 (определение И. Г. Пидопличко и Э. А. Вангенгейм) см. в табл. 8.

Таблица 8

Вид животного	Число обломков	Число особей
Лошадь *(Equus caballus* L.*)*	141	3
Северный олень *(Rangifer tarandus* L.*)*	112	3
Мамонт *(Elephas primigenius* Bl.*)*	19	2
Благородный олень *(Cervus elaphus* L.*)*	2	1
Заяц *(Lepus* sp.*)*	1	1

Охотничьей добычей обитателей стойбища слоя 8 являлись главным образом лошадь и северный олень, а также мамонт и благородный олень.

Выше мы отмечали сходство кремневого инвентаря слоя 8 и нижележащих слоев, а также некоторое отличие, которое заключается в отсутствии поделок с двусторонней сплошной обработкой плоской ретушью и в появлении поделок типа наконечников с боковыми выемками. Последняя черта кремневого инвентаря позволяет отнести этот слой также к солютре, но к несколько более позднему времени — к позднему солютре.

Инвентарь слоя 8 имеет сходные черты с инвентарем второго слоя стоянки Бабин I, материалами таких стоянок, как Пушкари I, Замостье I, Авдеевка, Боршево I, Костенки I (верхний слой), Гагарино и т. д. На территории Центральной Европы сходные материалы были обнаружены на таких памятниках, как Мораваны-Подковыска, Виллендорф, Павлов, Петржковицы и др.

Слой 7 стоянки Молодова V является одним из наиболее интересных. Слой исследован на площади 750 м² — большей, чем площадь нижележащих слоев.

Слой 7 культурных остатков был прослежен в верхнем, обогащенном гумусом слое, на глубине 3,1—3,25 м от уровня поверхности. Поверхность залегания культурных остатков снижалась соответственно рельефу в северном, северо-восточном и восточном направлениях.

Исследование данного участка стоянки на уровне слоя 7 показало более сложную картину, чем в нижележащих слоях, так как здесь были прослежены не только пятна находок вокруг остатков кострищ, но было также обнаружено обширное интенсивное пятно культурных остатков, занимавшее значительную часть исследованной площади, заполненное обломками костей, кремневыми орудиями и отбросами, поделками из камня, кости, рога, остатками краски и т. д. (фиг. 36).

Вне пределов интенсивного пятна скоплений находок, в северо-восточной и восточной частях исследованной площади, было обнаружено 16 очажных пятен — небольших лунок, заполненных черной зольной массой с остатками угольков, пережженных костей и кремневых находок.

Основная масса обнаруженных в слое культурных остатков находилась на площади обширного пятна скопления находок, которое наблюдалось в юго-западной и западной части исследованной площади (фиг. 37).

Расчистка пятна показала, что оно распространяется в неисследованную часть стоянки в западном и южном направлениях и что в границах исследованной площади оно имеет форму неправильного овала. По данным раскопок можно считать, что общая длина вскрытой части пятна в направлении Ю — С 23 м, а в направлении З — В — 18 м.

В пределах этого обширного пятна были прослежены 31 кострище, найдено больше 38000 кремневых изделий, значительное количество обломков костей ископаемых животных, остатки краски и т. д. Пятно скоплений было весьма интенсивно заполнено перечисленными выше находками. В наиболее насыщенных квадратах количество находок было по 250—300 экз. и даже по 600—700.

В пределах пятна не было обнаружено никаких конструктивных деталей, которые можно было бы рассматривать в качестве остатков от каркаса постоянного жилища.

На площади пятна залегали в основном мелкие кости животных, а крупные кости встречались изредка.

Наличие в пределах указанного пятна большого количества разнообразных изделий из кремня, кости, остатков кострищ, резкая очерченность границ линзы пятна — все это позволяет сравнивать обширное пятно скоплений культурных остатков слоя 7 с так называемыми «жилыми площадками» позднепалеолитического времени, о которых писал Ефименко (Ефименко, 1953, стр. 360—363). Известно, что такие «жилые площадки» обычно рассматриваются как остатки крупных наземных долговременных жилищ (Ефименко, Борисковский, Рогачев и др.).

Обширное пятно скоплений культурных остатков слоя 7, однако, несколько отличается от крупных жилищ типа верхнего слоя Костенок I, нижнего слоя Костенок IV, Авдеевки. Так, в частности, здесь, на площади обширного пятна, не было прослежено никакой планомерности в расположении кострищ; кострища имеют различные размеры. Кроме того, в пределах пятна были обнаружены в свою очередь небольшие пятна-углубления, отличающиеся по окраске от остальной площади обширного пятна.

Так, первое из таких пятен, восточное, наблюдалось в квадратах *1 — 2н*, *3н—м*, *2н*, *1 м*. Размеры этого овального по форме углубления 2,6 × 2,1 м. Дно углубления находилось на 10 см ниже дна обширного пятна.

Углубление было заполнено темно-серой почвой с кремневыми изделиями, обломками костей, остатками угля.

Второе углубление овальной формы размерами 4,0 × 1,6 м наблюдалось в квадратах *XI—XVe*, *XII—XVIж*. В центре этого углубления находились остатки обширного кострища.

Эти углубления были наиболее насыщенными участками в границах обширного пятна скопления культурных остатков. Они сходны с остатками постоянного жилища верхнего слоя стоянки Вороновица I, что позволяет рассматривать их как основания небольших постоянных жилищ.

На основании всего этого обширное пятно скоплений культурных остатков слоя 7 можно рассматривать как центральную часть позднепалеолитического поселения, состоявшего из расположенных рядом небольших постоянных жилищ типа чумов. Наиболее сохранившиеся из этих жилищ прослеживаются в виде заполненных культурными остатками небольших углублений в пределах обширного пятна[1].

В слое 7 было обнаружено около 41 500 кремневых изделий, из них 1475 нуклеусов, 10 710 пластин, 1949 орудий труда. Остальные кремневые находки состоят из отбросов производства (отщепы, обломки, осколки и т. д.).

Для изготовления орудий употреблялся тот же кремень, что и в нижележащих слоях. Около 10% кремневых изделий имеют синюю патину, небольшая часть — белую патину, а остальные находки — почти без патины.

Нуклеусы имеют длину от 30 до 170 мм. По форме они относятся к неправильно-призматическим (преобладают), призматическим, округлым, пирамидальным. Много нуклеусов с двумя ударными площадками. В небольшом количестве были встречены нуклеусы с боковой подтеской, напоминающие нуклеусы липского типа. Средняя длина нуклеусов 80—120 мм. Пластины этого слоя преимущественно крупные. Средняя длина пластин 80—100 мм. В небольшом количестве были встречены пластины длиной по 220—180 мм, а также мелкие пластинки, сколотые с небольших нуклеусов. Большинство кремневых орудий изготовлено из крупных пластин длиной по 80—100 мм.

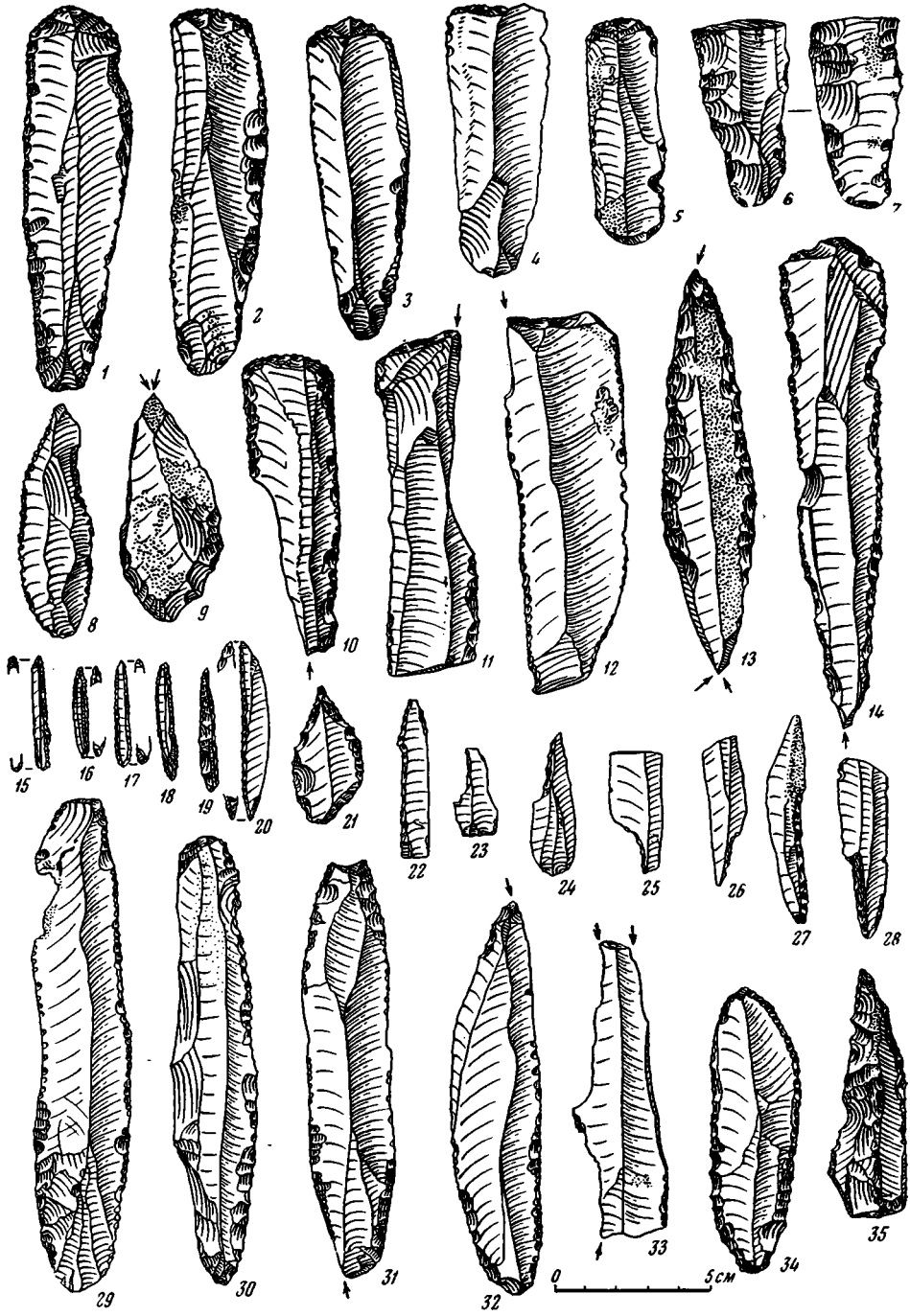
Кремневые орудия слоя 7 (фиг. 38) состоят из 7 отбойников, 504 резцов, 225 скребков, 150 ножевидных орудий-пластин с краевой ретушью, 60 игольчатых острий, 114 пластинок с притупленным краем, 37 острий, 22 изделий типа наконечников с боковой выемкой, 20 острий с притупленным краем, 14 пластин с выемкой вверху, 13 резцов-скребков, 12 пластин с боковыми выемками, 9 скреблообразных орудий, 6 пластин с выемкой у основания, 9 пластинок-«пилочек», 5 проколок, 7 дискообразных орудий, 5 нуклевидных орудий, 7 пластин и отщепов со скошенным ретушью краем, 29 орудий отдельных форм.

Наиболее многочисленная группа орудий — резцы. По форме рабочего края они делятся на угловые (186), срединные (130), билатеральные (14), нуклевидные (34), боковые (47), двойные (59), тройные (4), супоневские (14), многофасеточные (4), скошенные (4), плоские (8).

Большинство резцов изготовлено на пластинах, лишь нуклевидные резцы-орудия — на массивных сколах или крупных отщепах. Угловые резцы, как и во втором слое стоянки Бабин I, состоят из орудий на углах сломанных пластин без поперечной ретуши и из резцов с поперечной подретушевкой верхних концов пластин. Часть резцов — орудия на пластинах с краевой ретушью.

---

[1] В советской литературе в настоящее время некоторые исследователи отрицают наличие в позднепалеолитическое время крупных жилищ типа жилищ верхнего слоя Костенок I и Авдеевки (Крайнов, 1956; Формозов, 1954а; Шовкопляс, 1956).



Фиг. 38. Кремневый инвентарь (*1—35*). Молодова V, слой 7. Раскопки 1955 г.

Вторая по численности группа орудий — скребки. Эти орудия изготовлены на пластинах. Лишь несколько нуклеобразных скребков — орудия на сколах. Длина скребков — от 40 до 143 мм. По форме рабочего края преобладают скребки с полуокруглым рабочим краем. Было обнаружено 19 скребков с прямым рабочим краем, 2 — поделки типа карене; были обнаружены также 1 двойной скребок с полукруглым и скошенным рабочими краями, 1 скребок с сужающимся рабочим лезвием. Среди скребков с полукруглым рабочим краем — 9 двойных орудий. Часть скребков — орудия на пластинах с краевой ретушью. К скребкам также примыкают 6 массивных отщепов и сколов с полукруглым рабочим скребкообразным краем.

Третья группа орудий — ножевидные пластины, употреблявшиеся в качестве ножевидных орудий. 121 такая пластина имеет по краям ретушь, а 27 носят на краях следы употребления. Преобладают длинные пластины. Так, например, в квадрате *11н* была обнаружена пластина с краевой ретушью размерами 170 × 35 × 7 мм. Наиболее крупные пластины были встречены в квадратах *1в* и *11ж* (длина 22 и 18 см). Некоторые пластины с краевой ретушью имеют следы двусторонней заполированности, что свидетельствует о применении этих поделок для разрезания мяса и шкур.

Среди ножевидных орудий особо необходимо отметить 2 орудия с ретушью по краю и с поперечно-скошенными ретушью концами. Размеры этих поделок 153 × 30 × 10 мм и 115 × 24 × 7 мм (фиг. 38, *30*).

Четвертая группа орудий — пластинки с притупленным краем (114 экз.). Это небольшие по размерам вкладышевые орудия (длина в среднем от 21 до 45 мм). Часть из них имеет приостренный ретушью второй край и притупленный конец, что свидетельствует о применении этих поделок в качестве концевых вкладышей.

Пятая по численности группа орудий — это орудия микролитических размеров, получившие в литературе наименование игольчатых острий. Они имеют притупленные ретушью края и приостренные с двух или одной стороны концы. Длина этих поделок от 20 до 45 мм, лишь одно орудие имеет длину 56 мм. Некоторые орудия имеют на концах по брюшку плоскую ретушь. Они аналогичны игольчатым остриям Амвросиевки (Борисковский, 1951а), второго слоя Тельманской стоянки (Рогачев, 1951), Костенок IV (Рогачев, 1955). Как в нижележащих слоях, так и в вышележащих эти орудия встречаются лишь в единичных случаях, а в слое 7 была прослежена серия их — 60 экз. Назначение этих поделок пока точно не раскрыто, так как существуют различные мнения об их применении. А. Н. Рогачев при характеристике таких поделок из верхнего слоя Костенок IV склонялся к тому, что эти орудия были остриями составных рыболовных крючков (Рогачев, 1955, стр. 46).

Шестая группа кремневых поделок — острия, одна из характерных форм кремневых поделок памятников ранней поры позднего палеолита. Лишь в одном случае среди них было встречено двойное острие на пластине. Рабочий край острий несколько варьировал: у одних он был узким, а у других — более широким, приближая их к скребкам с сужающимся рабочим краем, что свидетельствует о их различном функциональном назначении. Острия с узким краем могли применяться для прокалывания.

Следующей группой кремневых изделий являются поделки типа наконечников с боковой выемкой. Их было обнаружено 22. Длина этих наконечников — от 20 до 65 мм. Сюда же примыкают два более крупных орудия-пластины со слабо выраженным черешком. Ряд наконечников оформлен по брюшку плоской ретушью.

К этой категории изделий близки пластинки с боковой выемкой вверху, что позволяло их употреблять в качестве проколок. Выемка в этом случае служила для упора пальца.

Обнаруженные в слое 7 атипические наконечники с боковой выемкой аналогичны наконечникам гагаринского типа, наконечникам со стоянок Чехословакии — Павлов, Петржковице (Klima, 1954b, рис. 326; 1955a). Любопытно отметить, что на стоянках Павлов, Гагарино и Петржковице также были встречены пластинки с боковой выемкой в верхней части пластин (Замятнин, 1935a, рис. 15, *12*; Klima, 1954b, фиг. 326; 1955b, фиг. 13, 36 и 37).

Мы не будем останавливаться на орудиях типа скребков-резцов, так как эти орудия часто встречаются на позднепалеолитических стоянках. Отметим прослеженные в пятне скоплений культурных остатков поделки типа «пилочек» — пластинки с отретушированными зубчиками по краю. Таких изделий было обнаружено 9. Наименьший экземпляр среди этих орудий имеет длину 17 мм; были встречены также изделия длиной по 72 мм. Эти орудия могли употребляться для обработки мелких костяных стержней, для изготовления игл.

Нуклевидные орудия состоят из двух орудий типа рабо и трех орудий для рубки. Одно из орудий последнего типа аналогично известному топорику из верхнего слоя стоянки Костенки I.

Группа острий с притупленным краем состоит из орудий типа граветт, мелких острий с подправкой конца по брюшку и мелких острий с обработкой нижних концов по брюшку плоской ретушью. Некоторые из этих изделий имеют стесанный с двух сторон край.

Наконец, отметим изготовленное из крупной кремневой конкреции массивное полуокруглое по форме орудие для рубки, с рабочим краем, сформированным путем двусторонней подтески. Размеры этого изделия 73 × 90 × 91 мм.

Кроме того, были встречены 2 массивных скола со следами обработки, 3 дисковидных орудия, 2 отщепа с ретушью, скобель, орудие типа остроконечника и нуклеус со следами двусторонней оббивки на нижнем конце.

Особо остановимся на обломке нижней части пластины со следами двусторонней обработки плоской ретушью по краям. Возможно, что данное изделие является черешковой частью наконечника типа наконечников верхнего слоя Тельманской стоянки. Размеры этого изделия 59 × 26 × 9 мм.

К орудиям отдельных форм также относятся 3 резца-скобеля, резец-проколка, трапециевидное острие. Последнее изделие в известной степени аналогично поделкам из нижнего слоя Тельманской стоянки (Рогачев, 1951a, рис. 7, *10*), со стоянки Петржковице (Klima, 1955b, фиг. 13, *33*; 1954b, фиг. 326, *10*) и верхнего слоя Дзерава скала (Prošek, 1951b). К орудиям отдельных форм также относятся 3 сверла, 4 резца-острия, угловое острие, стамескообразное орудие с подтеской, резец на обломке наконечника с черешком, скребок-пластина с двумя отретушированными концами, резец-орудие с подтеской и обломок пластины с двусторонней обработкой плоской ретушью.

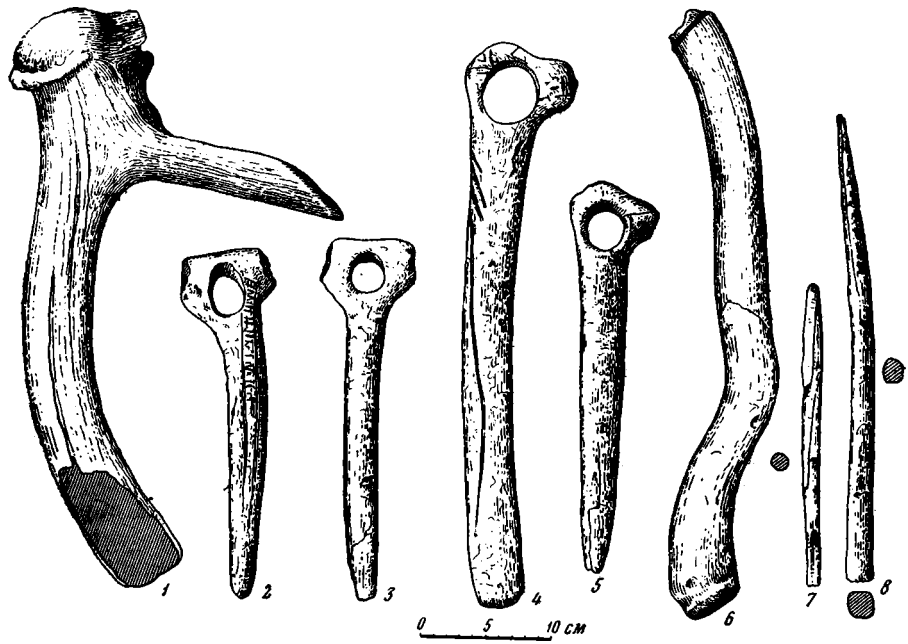
Как мы отмечали выше, среди разнообразных кремневых орудий слоя 7 количественно преобладают резцы-орудия для обработки кости и рога. Это не случайно, так как в слое 7 на площади обширного пятна скоплений культурных остатков было встречено значительное количество разнообразных изделий из кости и рога (фиг. 39).

Основным материалом для изготовления поделок из кости и рога являлись рога северного оленя, а также кости и бивни мамонта. Реже применялись кости других животных (благородного оленя и т. д.).

Говоря о поделках из кости и рога, которые были обнаружены на исследованной площади слоя 7, мы не будем останавливаться на находках обломков костей со следами обработки и на орудиях типа проколок (обнаружено 18 таких изделий), часто встречающихся среди материалов позд-

непалеолитических памятников, но отметим более редко встречающиеся изделия.

В первую очередь необходимо отметить уникальное изделие из ребра мамонта размерами 223 × 40 × 25 мм. В ребре мамонта кремневыми орудиями был прорезан глубокий желобок шириной в 8—10 мм, глубиной в 35 мм от верхнего края ребра. Этот паз, по-видимому, употреблялся для вставки крупных кремневых пластин. Изделие является продольной рукояткой, оправой крупного составного режущего орудия.



Фиг. 39. Поделки из бивня и рога. Молодова V, слой 7

1 — киркообразное орудие; *2—5* — «жезлы»; *6* — рог оленя с поперечными надрезами; *7, 8* — наконечники дротика

До последнего времени это изделие не имело аналогий среди материалов позднепалеолитических стоянок, так как были известны лишь рукоятки, у которых кремневые орудия вставлялись с конца. Такие концевые рукоятки нам известны, например, из стоянок Мальта, Мезин, Елисеевичи, Афонтова гора и др. (Семенов, 1950б).

В настоящее время продольная рукоятка из ребра, аналогичная нашей находке, известна со стоянки Павлов. Это изделие, а также продольные рукоятки из вышележащих слоев Молодовы V открывают нам новую черту производственной деятельности позднепалеолитического человека — технику изготовления продольных рукояток для крупных кремневых вкладышей. До настоящего времени считалось, что самыми древними в пределах Европы продольными рукоятками ножей являются изделия мезолитического времени. Вне пределов Европы сходную рукоятку из ребра с прорезью можно указать среди материалов стоянки Мехта (Алжир), но это изделие относится к позднекаспийскому или даже к неолитическому времени (Mercier, Debruge, 1913, табл. 9, *X*).

В слое 7 была обнаружена серия обломков наконечников копий и дротиков из бивня мамонта.

Наиболее крупный наконечник имеет длину сохранившейся части в 360 мм, толщину центральной части 18 × 15 мм. В сечении это изделие

овально-прямоугольное, а верхний конец острый. Нижняя часть наконечника не сохранилась (фиг. 39, *8*).

Второй наконечник имеет длину в 230 мм, толщина центральной части наконечника — 12 мм, в сечении этот наконечник округлый.

Третий и четвертый наконечники имеют веретенообразную форму, они округлые в сечении, сохранились лишь в фрагментарном состоянии. Длина обломков этих наконечников 75 и 58 мм, толщина в разрезе 13 и 11 мм. Аналогии этим изделиям можно указать, например, среди материалов таких стоянок, как Амвросиевка, Афонтова гора. Кроме этого, отметим небольшой, расширяющийся к центру, уплощенный в разрезе, наконечник дротика ромбовидной формы, изготовленный из рога оленя, и обломок округлого в сечении изогнутого наконечника дротика из бивня мамонта с острым верхним концом, а также 2 обломка стержней из рога.

Обитателями стойбища слоя 7 для изготовления разнообразных изделий широко использовались рога оленя. Из рогов изготовлялись как орудия, так и предметы другого назначения.

Среди этих поделок исключительный интерес вызывают находки 6 предметов загадочного назначения из рогов северного оленя, которые в литературе имеют условное название «жезлы начальников». Все эти «жезлы» залегали горизонтально в пределах обширного пятна скопления находок (фиг. 39, *2—5*).

Самый крупный «жезл» размерами 425 × 37 × 36 мм концом с отверстием был ориентирован на ЮЗ. Диаметр отверстия 41 мм. На «жезле» прослеживаются следы орнамента: нарезные линии, имитирующие гриву и хребет животного, а также детали головы (волосы, пасть). Следовательно, этот «жезл» зооморфно оформлен, хотя это оформление не достигло степени скульптуры (фиг. 39, *4*).

Второй «жезл», размерами 270 × 26 × 22 мм, с диаметром отверстия 24 мм, встречен на глубине 3,88 м. Отверстие этого «жезла» было расположено непосредственно западнее отверстия первого; нижним концом данный «жезл» был ориентирован на ЮЗ. Следов орнамента на этом «жезле» нет, отверстие в нем расположено горизонтально.

Наиболее интересной поделкой является третий «жезл», имеющий на поверхности не только следы орнамента в виде нескольких тонких параллельных нарезных линий, но и рельефное изображение человеческой фигуры[1]. Концом с отверстием эта поделка была ориентирована на СВ. Размеры этого «жезла» 305 × 32 × 25 мм, диаметр отверстия 25 мм. Изображение человеческой фигуры расположено на внешней поверхности верхней стороны рога, размеры изображения 135 × 27 мм. Человеческий образ на «жезле» передан техникой низкого рельефа в фас. Отчетливо прослеживаются очертания головы, шеи, туловища, правой ноги. Очертаний левой ноги нет, так как, по-видимому, эта поверхность рога отслоилась.

Любопытны некоторые детали: глаза переданы двумя небольшими углублениями, нос небольшим выступом, а в верхней части головы, где рельеф исчезает, наблюдаются небольшие вертикальные линии, возможно, изображающие волосы.

Таким образом, хотя очертания рук отсутствуют, на «жезле» со стоянки Молодова V дан абрис реальной человеческой фигуры. Это изображение значительно расширяет пока еще небольшое количество образов людей в изобразительном творчестве позднепалеолитического времени, так как человеческих изображений на «жезлах» вообще пока известно лишь несколько: из грота Меж, где передан образ замаскированного под животное человека (Peyroni, 1927, стр. 97, фиг. 55, *2*), изображение сидящей человеческой фигуры на «жезле» из пещеры Мадлен (Capitan, Breuil,

[1] Рисунок этого «жезла» см. в КСИИМК, 1957, № 67.

Peyroni, 1924, фиг. 92, *3*), изображение человека на «жезле» из грота Гурдан (там же, фиг. 98, *2*).

Все эти изображения датируются мадленским временем. Первое и третье изображения переданы техникой гравюры, а второе — низким рельефом. Кроме этого, можно указать также «жезл» из пещеры Плакар с концом, оформленным в виде антропоморфной головы. Этот «жезл» был обнаружен в раннемадленском слое (Capitan, Breuil, Peyroni, 1924, фиг. 94, *2*).

Интересно отметить, что изображение на «жезле» со стоянки Молодова V — наиболее древнее из них, так как слой 7 древнее, чем указанные памятники с изображениями людей на «жезлах».

Четвертый «жезл» размерами 260 × 30 × 22 мм имел овальное отверстие, был ориентирован концом с отверстием на В. На нем наблюдались две продольные нарезные линии и следы орнамента в виде нарезных параллельных черточек.

Расположение этих четырех «жезлов» небольшой группой в одном квадрате на незначительном расстоянии друг от друга, а также характер расположения отверстий этих «жезлов» по отношению одного к другому позволяют предположить, что «жезлы» были связаны, возможно, ремнем.

Пятый «жезл» был обнаружен на стыке квадратов *III—IV* на глубине в 3,85—3,87 м. Отверстием он был ориентирован на ЮВ. Размеры этого «жезла» 290 × 32 × 28 мм, диаметр отверстия 31 мм. Пятый «жезл» находился на 30 см юго-западнее нижнего конца третьего «жезла», отверстие этого «жезла» было направлено вверх.

Наконец шестой «жезл» был встречен в квадрате *XIV е*. Концом с отверстием «жезл» был ориентирован на ЮВ. Размеры изделия 230 × 25 × 20 мм, диаметр отверстия 15 мм.

Возникает вопрос о назначении этих изделий. В литературе известно много гипотез, объясняющих назначение таких «жезлов». Отметим наиболее распространенные. Так, данные изделия рассматриваются как «жезлы начальников», предметы религиозной магии, застежки меховой одежды, дубины, приспособления для метания стрел, приспособления для поддерживания палаток, рукоятки пращей, охотничьи трофеи, магические трещетки и наконец как выпрямители древков копий и орудия для разминания ремней.

Встреченные в слое 7 стоянки Молодова V «жезлы» позволяют до некоторой степени ответить на вопрос о назначении этих изделий. Судя по форме отверстий некоторых «жезлов» слоя, особенно четвертого, можно предположить, что это были орудия для протягивания ремней с целью их разминания. О последнем свидетельствует сильная сработанность отверстия четвертого «жезла» на противолежащих краях, где края отверстия овальной формы доходили почти до внешнего края поверхности рога. Другие изделия также имеют сработанные края, но несколько менее выраженные.

Кроме этого, возможно, что данные поделки употреблялись для протягивания плетеной тесьмы или веревок с целью их выглаживания. Это также возможно, ибо в настоящее время имеются данные о зачатках техники изготовления веревок в позднем палеолите (Glory, 1956).

Все эти «жезлы» в слое 7 были окружены кремневыми орудиями и отбросами, кухонными остатками.

Другой, исключительно интересной, серией изделий из рогов оленя, не имеющей себе пока прямых аналогий среди материалов памятников позднего палеолита СССР, являются мотыгообразные орудия с коленчатыми рукоятками и поперечным рабочим лезвием.

Наиболее крупное из этих киркообразных изделий, напоминающих топоры типа лингби, было встречено в квадрате *Vм* (фиг. 39, *1*). Размеры

этого изделия, изготовленного из рога благородного оленя, следующие: длина 440 мм, толщина рукоятки 48 × 45 мм, длина коленчатого отростка рога с рабочим краем 160 мм. Это орудие имеет поперечное по отношению к рукояточной части рабочее лезвие в виде срезанного наискось конца рога. Массивность поделки позволяла наносить орудием сильные удары с целью выдалбливания в почве различных углублений.

Три других аналогичных орудия из рогов имеют менее крупные размеры. Они были прослежены при раскопках 1956 г.

Аналогии этим орудиям можно указать среди материалов таких стоянок, как Пшедмост (Breuil, 1925, табл. 20, *6*), Виллендорф, Павлов, Дольни Вестонице (Klima, 1954b, фиг. 328; 1955c, фиг. 10), а также слоя 5 стоянки Рипичены (Moroşan, 1938a, табл. III, *3*) [1].

Единственной аналогией этим изделиям на территории СССР, возможно, является рог с коленчатой рукояткой со стоянки Чулатово I, который И. Г. Пидопличко рассматривает как молоткообразное орудие (Пидопличко, 1940, рис. 8, *2*).

В позднем палеолите Западной Европы такие поделки из рога не известны, а на севере Европы они появляются лишь в мезолитическое время.

Находка своеобразной поделки с коленчатой рукояткой в Молодове V, аналогичных поделок в Румынии, Чехословакии и Австрии позволяет сделать вывод, что этот тип орудий впервые появляется в Восточной и Центральной Европе в памятниках конца солютре и что в дальнейшем эта категория орудий распространяется в северо-западном направлении, становясь затем особенно типичной для так называемой культуры лингби.

В связи с этим интересно отметить, что исследователь культуры лингби Г. Швантес много лет назад, на основании изучения распространения на территории этой культуры топорообразных и киркообразных поделок из рогов северного оленя, пришел к выводу о юго-восточном происхождении этой культуры (Schwantes, 1923).

Среди изделий из кости и рога отметим также пластинку со следами орнамента в виде трех тонких параллельных нарезных линий, астрагал оленя с искусственным отверстием, пластинку со следами загадочного изображения, 2 лощилообразных орудия из ребер мамонта, концевую рукоятку из рога, аналогичную известной рукоятке из Мальты; 3 обломка рогов оленя со следами поперечного обрезывания, обломок рога с надрезами на поверхности. Кроме того, на обломке рога молодого оленя имеются следы нарезных линий.

Следующей категорией материалов, прослеженных в слое 7, являются поделки из камня. Обитатели стойбища слоя 7 употребляли главным образом такие породы, как песчаник и сланец, а также известняк.

В слое 7 было обнаружено 1936 обломков камней, среди них 150 терок и обломков терок, 183 плитки и обломки плиток глинистых сланцев.

Преобладают овальные и округлые по форме терки диаметром по 60—80 мм; толщина таких терок обычно 30—40 мм. На некоторых терках в порах сохранились следы краски, что говорит о их применении, по-видимому, для растирания краски.

Особо необходимо отметить 3 плоских кружочка песчаника неизвестного назначения. Размеры этих поделок 56 × 58 × 6 мм, 75 × 66 × 5 мм, 77 × 72 × 6 мм. Все эти тонкие плиточки имеют следы шлифования на поверхности, а третья в центре имеет отверстие диаметром в 4 мм.

Эти поделки аналогичны находкам А. Н. Рогачева на стоянке Костенки IV (Рогачев, 1940, 1955), диску из нефрита со стоянки Буреть, а также

[1] Б. Клима считает, что такие кайлообразные поделки могли также употребляться при собирательстве для выкапывания корней и являлись прототипом будущих мотыг—орудий земледелия (B. Klima, 1955c.).

находкам на ряде стоянок Западной Европы. Так, например, такие поделки были обнаружены на стоянках Нижнее Ложери (Peyroni, Maury, 1914), Мадлен (Capitan, Peyroni, 1923, фиг. 18), Андернах и Вильдшейер (Schmidt, 1912) и др.

Назначение кружочков с отверстием пока остается неизвестным. А. Н. Рогачев считает, что лишь наиболее мелкие из них могли употребляться в качестве подвесок. Часть «дисков» со стоянки Костенки IV С. А. Семенов в последнее время определил как ретушеры (Семенов, 1953). К этому мнению также склоняется А. Н. Рогачев (1955).

В слое 7 найден шаровидный камень размерами 65 × 72 × 56 мм со стертой со всех сторон поверхностью, по-видимому, являвшийся метательным камнем, и овальный обломок камня размерами 95 × 60 × 40 мм со следами неглубоких нарезных линий.

Среди тонких плиток отметим прямоугольную и треугольную по форме плитки сланца со следами насечек на противоположных концах, что позволяет считать их ретушерами. Кроме этого, в слое 7 были найдены обломки плиток сланца со следами продольного разрезывания и шлифования.

Кроме поделок из камня были встречены остатки краски красного и желтого цвета (охра, окись железа), причем встречались даже куски красной краски весом по 200—300 г. Кроме того, здесь были встречены подвески из раковин.

Остатки древесного угля слоя по определению Г. В. Козия принадлежат сосне (*Pinus silvestris*).

Выше мы отмечали, что в пределах пятна скоплений находок преобладали преимущественно кухонные остатки: мелкие раздробленные обломки ребер, трубчатых костей, челюсти, обломки конечностей и т. д. Крупные кости были встречены в небольшом количестве возле остатков кострищ.

Состав фауны слоя 7 (определение И. Г Пидопличко—1953 и Э. А. Вангенгейм — 1954—1957 гг.) дан в табл. 9.

Таблица 9

Вид животного	Число обломков	Число особей
Мамонт (*Elephas primigenius* Bl.)	95	6
Северный олень (*Rangifer tarandus* L.)	476	12
Лошадь (*Equus caballus* L.)	659	10
Благородный олень (*Cervus elaphus* L.)	10	1
Лось (*Alces alces* L.)	7	1
Заяц (*Lepus* sp.)	4	1
Птица (*Aves* sp.)	12	1
Носорог (*Rhinoceros antiquitatis* Bl.)	4	1
Песец (*Vulpes lagopus* L.)	3	1
Лисица (*Vulpes* sp.)	2	1
Олень (*Cervus* sp.)	11	1
Зубр (*Bison priscus* Boj.)	2	1
Бизон (*Bos primigenius* Boj)	2	1
Волк (*Canis lupus* L)	1	1
Хищник неуточненного вида	6	1
Грызун » »	1	1
Всего	1295	41

Из табл. 9 видно, что обитатели слоя больше всего охотились на северного оленя, лошадь и мамонта. Слой 7—один из наиболее богатых остатками слоев стоянки Молодова V.

Кремневый инвентарь слоя (симметричные острия, поделки типа наконечников с боковой выемкой, отдельные орудия с плоской ретушью на пластинках с краевой ретушью и т. д.) позволяет отнести его к группе памятников конца солютре.

Аналогии слою 7 прослеживаются среди материалов второго слоя Бабин I, Замостье I, Гагарино, Пушкари I, Боршево I, т. е. памятников, которые советсткими исследователями датируются поздним солютре.

На территории Центральной Европы наиболее близки слою 7 Молодовы V материалы стоянок Петржковицы, Павлов (Klima, 1954b, 1955a— c). Любопытно отметить, что стоянка Павлов сходна со слоем 7 даже по таким поделкам, как мотыгообразные орудия из рога с коленчатыми рукоятками.

Чешскими и словацкими исследователями стоянки Павлов и Петржковицы относятся к памятникам типа граветт.

Стратиграфическое положение слоя 7, материалы которого имеют много общего с нижележащими слоями, а также с вышележащими, не позволяет выделять этот слой в какую-то особую культуру граветт. Появление в слое 7 некоторых новых категорий поделок из кремня (серия поделок типа наконечников с боковыми выемками, игольчатые острия) — закономерное следствие дальнейшего развития производительных сил, когда при сохранении ряда старых черт возникают новые элементы техники производства орудий. Новой чертой, которая в дальнейшем развивается, является также широкое распространение техники обработки кости и рога.

Седьмой слой замыкает круг нижних слоев стоянки Молодова V, которые соответствуют по времени памятникам солютрейского типа.

При характеристике нижних позднепалеолитических слоев стоянки мы установили, что они имеют много сходных черт в технике производства орудий: применяется как крутая «ориньякская» ретушь, так и плоская «солютрейская»; встречаются двойные и одинарные острия; среди инвентаря преобладают крупные нуклеусы, пластины и орудия; много орудий на пластинах с краевой ретушью. Кроме того, для этих слоев характерна охота на таких животных, как мамонт, носорог, лошадь, зубр, северный олень. Все это говорит о том, что эти слои представляют один этап позднепалеолитического времени.

Изменения в технике производства стали заметными в слое 7, когда появились новые типы поделок из кости и рога и серии таких поделок, как наконечники с боковой выемкой и игольчатые острия. Но в то же время остальной инвентарь был сходен во всем другом с инвентарем нижележащих слоев. Материалы исследований стоянки также позволяют считать, что, начиная со слоя 7, на стоянке значительно увеличивается количество остатков северного оленя среди охотничьей добычи. Последнее является характерной особенностью всех вышележащих слоев.

Средние позднепалеолитические слои

Слой 6. Комплекс культурных остатков этого слоя был встречен на глубине 2,6—2,8 м от уровня поверхности, в светло-желтых суглинках. Как и в предшествующем слое, древняя поверхность, на которой залегали культурные остатки, снижалась в северном и восточном направлениях.

Слой 6 являлся одним из наиболее насыщенных. Так, здесь было обнаружено около 4800 кремневых находок, а также были встречены обломки костей, остатки краски, остатки 25 кострищ, терки и т. д. (фиг. 40).

Прослеженные в слое материалы концентрировались в виде пятен находок вокруг центральной, северо-восточной и северо-западной групп кострищ. За пределами этих пятен встречались лишь отдельные находки (в пределах пятен — по 150—200 экз., а вне пятен — по 10—20).

Кострища были окружены скоплениями кремневых находок, обломками костей, остатками краски. Остатки очажных пятен прослеживались в виде блюдцеобразных лунок овальной или округлой формы, заполненных почвой углистого цвета с остатками угольков, пережженных косточек и кремневых находок.

Прослеженные пятна скоплений находок, по-видимому, являются остатками нескольких групп наземных шалашеобразных сооружений.

Более четкие остатки жилища наблюдались в квадратах *XII—XIII—XIV—XV и-к-л*, где находилось темное пятно неправильно-овальной формы размерами 4×5 м. В пределах пятна при разборке были встречены остатки двух кострищ. Кроме того, на площади пятна было обнаружено 5 ямок от нижних концов жердей, применявшихся при сооружении каркаса жилища. Площадь пятна была интенсивно заполнена кремневыми изделиями (по 700—800 на 1 м^2), кухонными остатками, остатками угля. В южной части пятна был прослежен череп мамонта. Разборка этого пятна показала, что культурные остатки находились в углублении, на 40 см ниже дна слоя в центральной части и на 5—10 см по краям.

Это углубление аналогично остаткам постоянного жилища верхнего слоя стоянки Вороновица I, о котором была речь выше. Пятно скоплений культурных остатков слоя 6, где наблюдалось углубление, можно рассматривать как основание небольшого жилища.

Основная масса культурных остатков наблюдалась на площади указанного жилища, а также в границах других пятен скоплений. На остальной площади наблюдались лишь отдельные изделия.

Кремневый инвентарь состоит из 61 нуклеуса, 420 пластин и обломков пластин, отбросов производства и 132 кремневых орудий (фиг. 42).

Как и в нижележащих слоях, кремневые орудия изготовлялись из серого, светло-коричневого и темного мелового кремня, а также из галечного кремня. Часть кремневых находок — без патины, другая часть имеет легкий налет белой и синей патины.

Нуклеусы имеют длину от 30 до 100 мм. Был обнаружен один нуклеус длиной в 160 мм, преобладают нуклеусы по 60—70 мм. По форме нуклеусы относятся к неправильно-призматическим и призматическим, преобладают нуклеусы с двумя ударными площадками, встречено 3 нуклеуса дисковидной формы. Пластины имеют длину от 120—130 до 60—70 мм (последние преобладают).

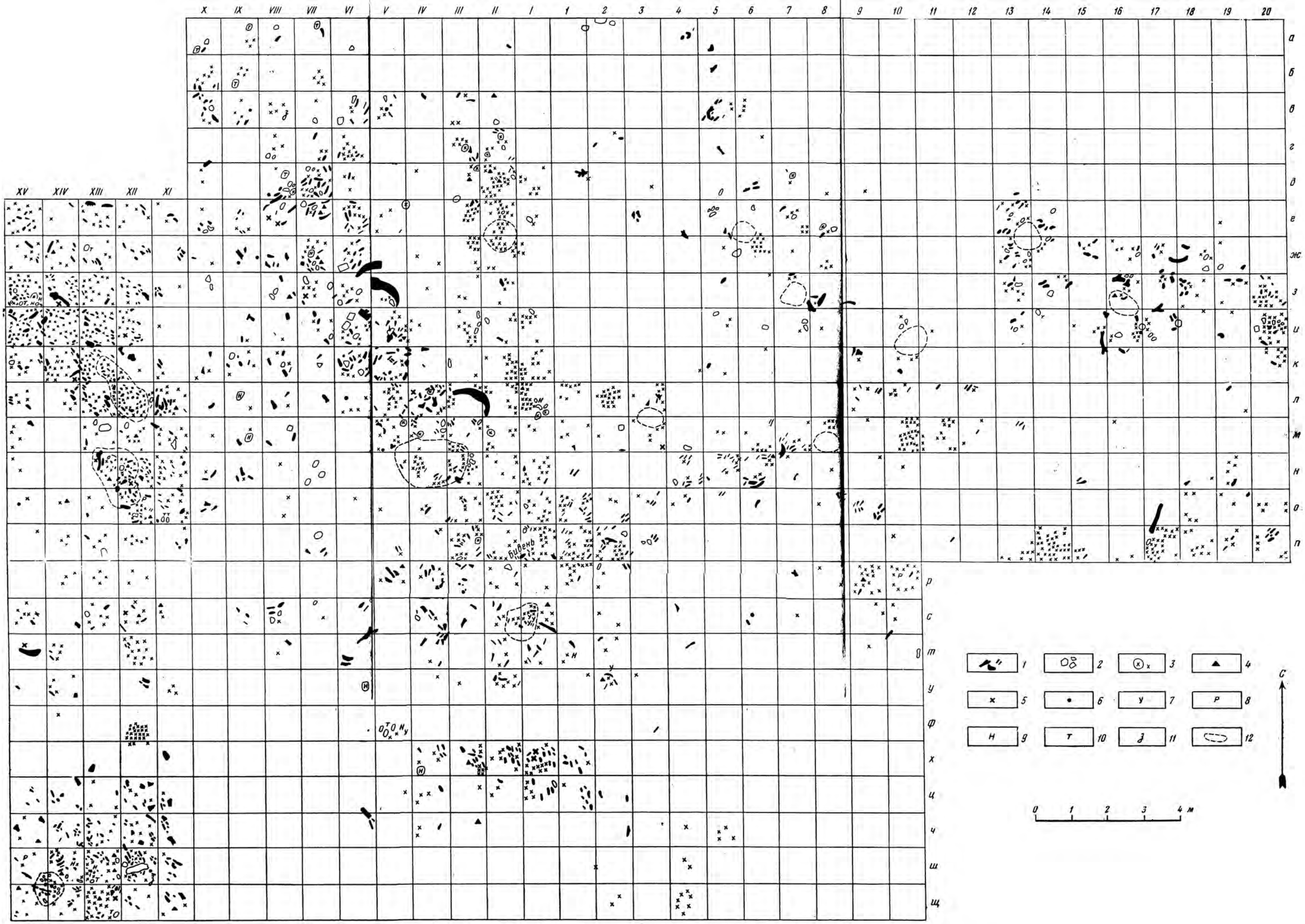
Большинство кремневых орудий изготовлено на пластинах, но были обнаружены также орудия на сколах и отщепах.

Кремневые орудия состоят из резцов (3 билатеральных, 11 супоневского типа, 26 двойных, 57 срединных, 10 боковых, 43 угловых, 2 многофасеточных, 2 скошенных, 1 нуклевидного, 2 плоских и 1 тройного), 20 концевых скребков (среди них несколько скребков с краевой ретушью, 2— с сужающимся рабочим краем, 1—нуклевидный), скребка-резца, 29 пластин со следами краевой ретуши, 6 дисковидных орудий, 3 пластинок со скошенным ретушью краем, проколки, 3 массивных орудий для рубки, скобеля, 2 отщепов с дугообразно отретушированным краем, углового острия, резца-острия. Преобладают орудия длиной в 60—70 мм.

Среди двойных резцов одной из распространенных форм являются двойные срединные резцы. Массивные орудия для рубки имеют боковую подтеску на нижних концах. Размеры этих изделий 145×100 мм, 107×61 мм и $200 \times 90 \times 45$ мм.

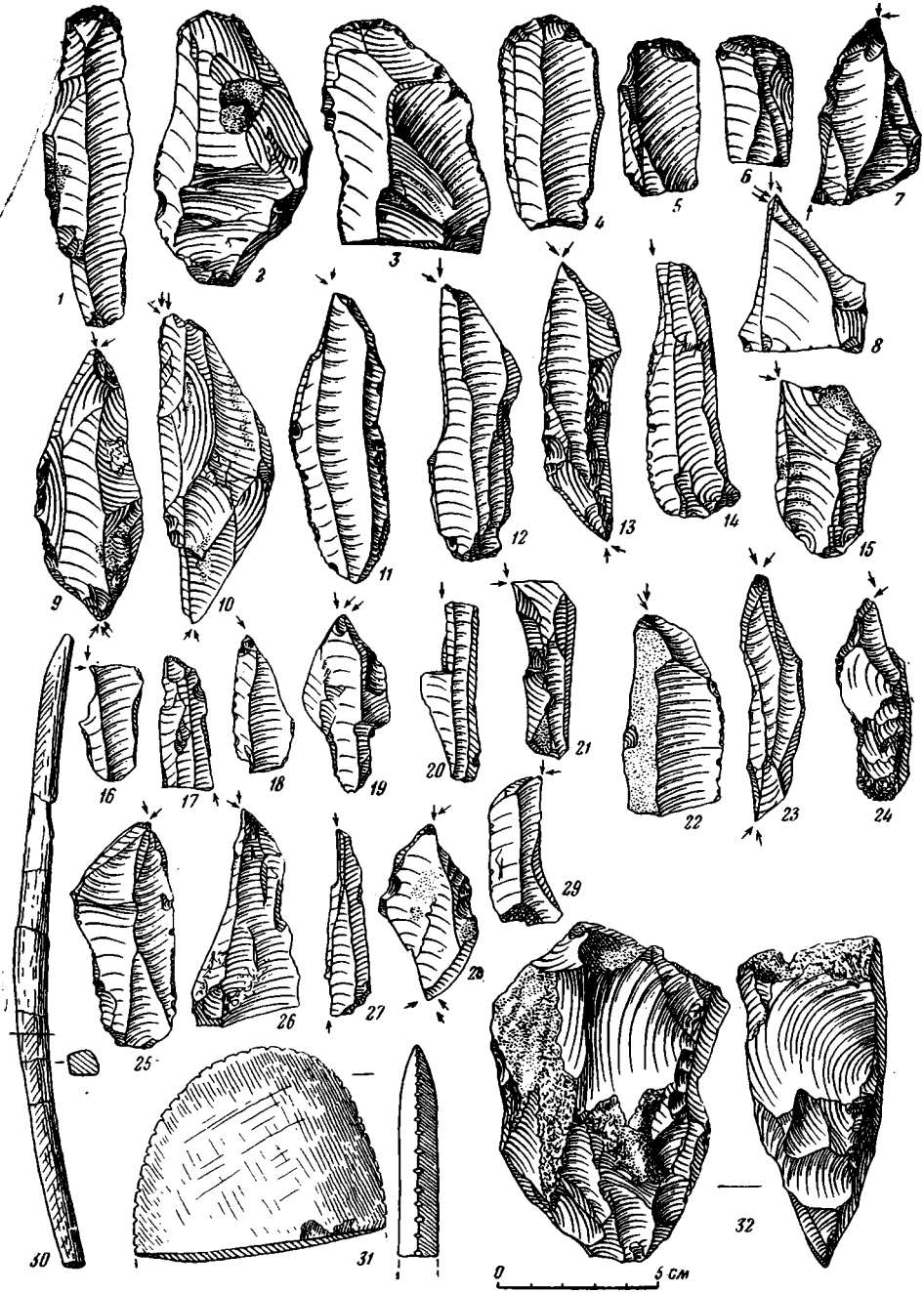
Фиг. 40. Молодова V, слой 6, план

1 — кости; *2* — камни; *3* — кремневые находки; *4* — кремневые орудия; *5* — остатки краски; *6* — изделия из кости и рога; *7* — нуклеусы; *8* — раковины; *9* — терки; *10* — уголь; *11* — зубы; *12* — границы кострищ; *13* — углубления



Фиг. 41. Молодова V, слой 5, план

1 — кости; *2* — камни; *3* — кремень; *4* — кремневые орудия; *5* — изделия из кости и рога; *6* — краска; *7* — уголь; *8* — раковины; *9* — нуклеусы; *10* — терки; *11* — зубы; *12* — границы кострищ



Фиг. 42. Кремневый инвентарь (*1—29, 32*) и поделки из рога (*30*) и сланца (*31*). Молодова V, слой 6

Кроме кремневых изделий, были обнаружены изделия из кости и рога: 2 проколки, 3 обломка веретенообразных наконечников, киркообразное орудие с коленчатой рукояткой, обломок проколки, а также обломок квадратного в разрезе удлиненного стержня из рога размерами 200 × 9 × 8 мм. Этот стержень имеет следы обрезывания и оструживания кремневыми орудиями (фиг. 42, *30*).

Исключительный интерес вызывает ребро мамонта с прорезью для крупного кремневого вкладыша. Размеры этого ребра 270 × 34 × 10 мм, длина прорези 115 мм, ширина прорези 5—6 мм, глубина 7—10 мм. Судя по этим размерам, в такую продольную рукоятку могли вставлять пластину длиной в 10—11 см. Аналогией данному изделию является ребро мамонта с прорезью, которое было встречено в нижележащем слое.

В слое 6, как и в нижележащих слоях, были обнаружены овальные и округлые терки из песчаника (40 экз.), плитки и обломки плиток, обожженные камни, метательный камень шаровидной формы из известняка.

Среди других изделий следует отметить уникальный предмет — полукруглую плоскую плиточку сланца с нарезными зубцами по краю (фиг. 42, *31*). Размеры этого загадочного предмета, впервые найденного на позднепалеолитической стоянке, 66 × 70 × 11 мм.

Кроме этого, в слое 6 были обнаружены остатки красной и желтой краски (охра и окись железа), кусочки смолы сосны (*Pinus silvestris*), ископаемые раковины (*Pectunculus*) и мелкие наземные раковины, свидетельствующие о наличии на этом участке в палеолитическое время кустарников (*Clausilia*, *Succinea*, *Monacha*).

Состав охотничьей добычи обитателей стойбища слоя 6 приводим в табл. 10.

Таблица 10

Вид животного	Число обломков	Число особей
Северный олень *(Rangifer tarandus* L.)	900	14
Лошадь *(Equus caballus* L.)	79	6
Мамонт *(Elephas primigenius* Bl.)	161	4
Благородный олень *(Cervus elaphus* L.)	9	2
Носорог *(Rhinoceros antiquitatis* Bl.)	1	1
Лось *(Alces alces* L.)	59	2
Олень *(Cervus* sp.)	4	1
Зубр *(Bison priscus* Boj.)	13	1
Птица *(Aves* sp.)	1	1
Заяц *(Lepus* sp.)	1	1
Всего	1228	33

Эти данные говорят, что главными видами охотничьей добычи являлись северный олень, лошадь и мамонт. Остатки северного оленя составляют 42% всех костных остатков по количеству особей.

При описании кремневых изделий слоя 6 мы видели, что «архаические» черты, т. е. особенности, свойственные памятникам ранней поры позднего палеолита, наблюдавшиеся в нижележащих слоях стоянки, среди материалов слоя 6 почти не прослеживаются. Здесь не встречаются орудия с плоской ретушью, наконечники с боковой выемкой; орудий на

пластинах с краевой ретушью здесь мало, острия встречаются лишь в единичных экземплярах.

Кроме того, кремневые изделия этого слоя несколько меньше по размерам, чем в нижележащих слоях.

Все это, а также более высокое стратиграфическое положение слоя позволяют отнести слой 6 к несколько более позднему времени в пределах позднего палеолита, которое, учитывая позднесолютрейскую датировку слоя 7, соответствует раннемадленскому времени.

Аналогии материалам слоя 6 можно указать среди памятников Приднестровья, известных по подъемным материалам. Это — Студеница «Белая гора» (Ефименко, 1938, стр. 545; Борисковский, 1953, стр. 125), Калачковцы I (Рудинський, 1949). На Пруте аналогичным памятником является слой 7 стоянки Рашичены. В других районах СССР сходство кремневого инвентаря с инвентарем шестого слоя Молодовы V наблюдается на таких стоянках, как Костенки II, Костенки III (Ефименко, 1953), Кирилловская — нижний горизонт (Борисковский, 1941а, 1953), Костенки XVII — нижний горизонт (Борисковский, 1953), Тимоновка (Воеводський, 1949; Городцов, 1935), Новгород-Северск (Підоплічко, 1947б).

Слой 5 культурных остатков на стоянке Молодова V был прослежен на глубине 2,20—2,40 м от поверхности в светло-желтых лёссовидных суглинках. В этом слое также наблюдался наклон древней поверхности соответственно рельефу в северном и восточном направлениях, а повышение прослеживалось в юго-западном направлении.

На исследованной площади слоя были встречены остатки 13 кострищ, вокруг которых концентрировались кремневые осколки, обломки костей. Очажные пятна имели характер неглубоких блюдцеобразных лунок, заполненных черной зольной массой (фиг. 41). Кострища располагались группами (восточная, центральная, юго-западная и северная группы).

В слое 5 встречено около 2900 кремневых изделий: 88 нуклеусов, 573 пластины и обломки пластин, 180 орудий; остальные находки состоят из отбросов производства. Орудия составляют 6% всех кремневых изделий слоя.

Сырьем для изготовления кремневых орудий был тот же меловой и галечный кремень, что и в предшествующих слоях. 30% кремневых изделий имеют синюю патину, остальные находки слабо патинизированы. Изредка встречались кремневые изделия с беловатой патиной.

Нуклеусы по форме относятся к неправильно-призматическим (преобладают) и призматическим. В нескольких экземплярах наблюдались дисковидные и плоские нуклеусы. Длина нуклеусов — от 35 до 150 мм, преобладают — длиной по 40—60 мм.

Пластины имеют среднюю длину в 40—60 мм (60% пластин), в меньшем количестве встречены как более крупные, так и более мелкие пластины. Кремневые орудия изготовлялись преимущественно на пластинках; небольшое количество орудий изготовлено из сколов и отщепов (фиг. 43).

Среди кремневых орудий больше всего встречено резцов (112 экз.). По форме рабочего края выделено 34 угловых, 19 боковых, 24 срединных, 23 двойных, 4 супоневского типа, 1 тройной, 1 четверной, 2 билатеральных, 4 нуклеобразных резца. В слое было обнаружено много резцовых сколов.

Из других кремневых орудий отметим 22 скребка (в том числе 1 двойной), 20 пластин со следами ретуши, обломок пластинки с выемкой, 8 пластинок с притупленным краем, 4 пластинки со скошенным ретушью краем, скол от оживления нуклеуса со следами ретуши, 2 скребкообразных орудия на отщепах, 4 скребка-резца, 6 орудий отдельных форм. Последние состоят из двух вкладышевых орудий типа прямоугольников,

дискообразного орудия, крупного орудия для рубки, острия и пластины с подтеской по брюшку.

Общие размеры кремневых изделий слоя 5 по сравнению с изделиями нижележащих слоев заметно уменьшились, увеличилось количество поделок с синей патиной.

Очень интересны изделия из кости и рога. Они состоят из 8 проколок, нескольких костяных пластинок со следами обрезывания, обломков веретенообразных и уплощенно-овальных наконечников из бивня мамонта, мотыгообразного орудия из рога, мотыгообразного орудия из трубчатой кости, мотыгообразного орудия из бивня, двух крупных молоткообразных орудий из рогов оленя, аналогичных мезинским молоткам, и тонкой удлиненной пластинки из бивня мамонта с выступом на конце. Последнее орудие могло употребляться для плетения.

Встречено много обломков камней (песчаник, сланец, известняк). Часть из них была использована в качестве терок (61 экз.)

Крупные камни использовались в качестве оснований, на которых растирали.

Из других материалов слоя 5 отметим красную и желтую краску, раковины *Terebralia lidentata* D. из тортонских отложений, кристалл кварца.

Состав кухонных остатков обитателей стойбища слоя 5 смотри в табл. 11.

Таблица 11

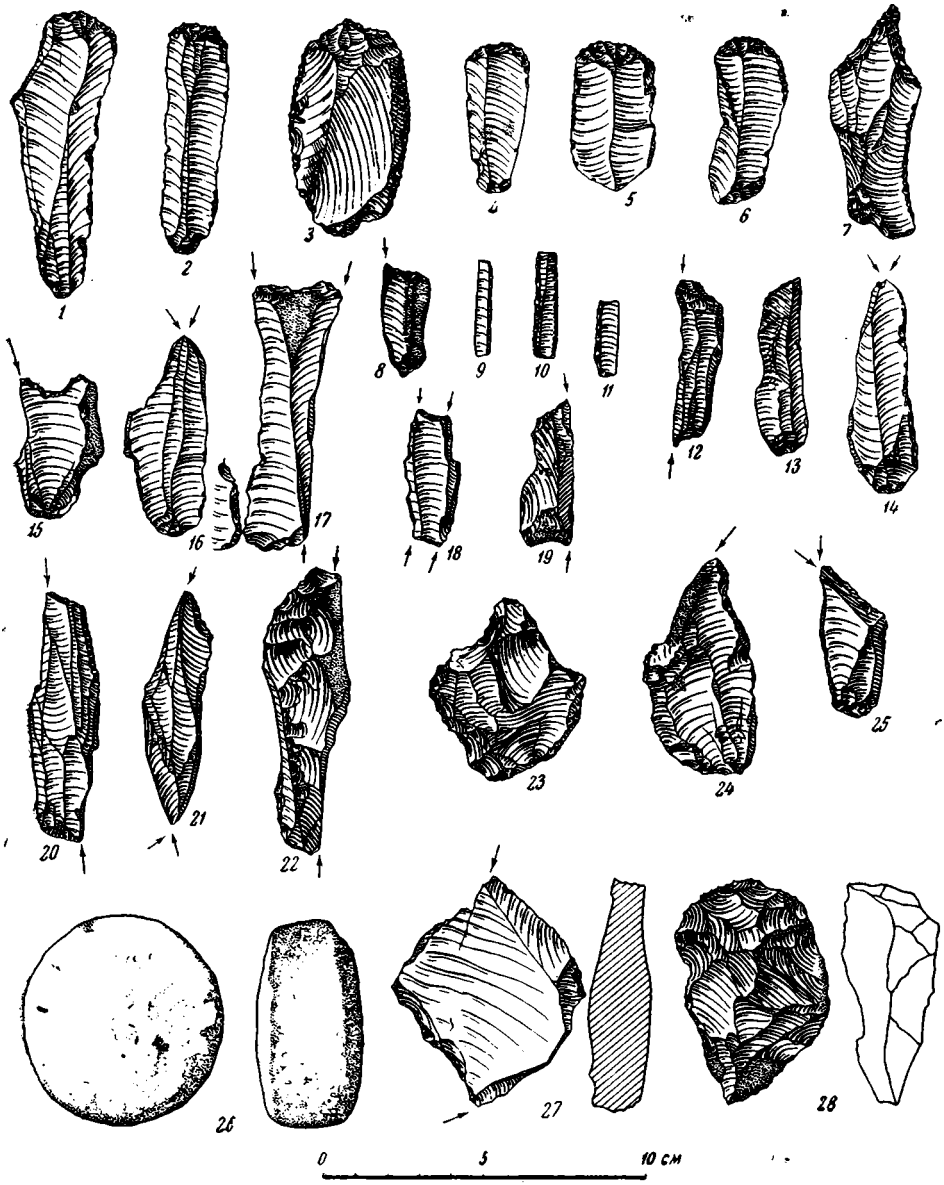
Вид животного	Число обломков	Число особей
Северный олень *(Rangifer tarandus* L.)	343	11
Лошадь *(Equus caballus* L.)	43	4
Мамонт *(Elephas primigenius* Bl.)	18	2
Лось *(Alces alces* L.)	1	1
Заяц *(Lepus* sp.)	4	1
Волк *(Canis lupus* L.)	2	1
Птица *(Aves* sp.)	3	1
Всего	414	21

Остатки северного оленя по количеству особей составляют 52% всех остатков, что говорит о преобладании его в охотничьей добыче.

Переходим к датировке слоя. Кремневый инвентарь характеризуется несколько более мелкими размерами нуклеусов, пластин и орудий по сравнению с нижележащими слоями. Здесь исчезают такие орудия, как острия, скребки и резцы на пластинах с краевой ретушью, скребки с сужающимся рабочим краем. Увеличивается число боковых резцов. Слой 5 относится, видимо, к несколько более позднему времени по сравнению с нижележащим, шестым слоем в пределах позднего палеолита — к среднемадленской поре.

На Приднестровье известна довольно большая группа памятников со сходным кремневым инвентарем: стоянки Врублевцы, Старая Ушица, Студеница II, Ломачинцы II и т. д.

Аналогичные материалы можно указать на таких стоянках Европейской части СССР, как Чулатово I (Пидопличко, 1940, 1947а; Воеводский, 1947), Боршево II — нижний слой (Борисковский, 1940б, 1941б), Супоневo, верхний слой Костенок XVII.



Фиг. 43. Поделки из кремня (*1—25*, *27*, *28*) и камня (*26*). Молодова V, слой 5

Слой 4 культурных остатков был обнаружен на глубине 1,90—2,05 м. Здесь культурные остатки наблюдались в виде нескольких пятен скоплений находок, преимущественно в центральной, юго-западной и южной частях исследованной площади (фиг. 44).

В слое было обнаружено около 3900 кремневых изделий, большое количество обломков костей ископаемых животных и другие следы пребывания человека.

Кремневый инвентарь слоя состоит из 128 нуклеусов, 726 пластин и обломков пластин, отбросов производства и 235 орудий.

Кремневые орудия изготовлялись как из мелового, так и из галечного кремня. Цвет патины кремневых находок преимущественно синий. Крем-

невые находки несколько меньше по сравнению с находками предшествующего слоя.

Нуклеусы, изготовленные главным образом из галек, по форме относятся к призматическим, неправильно-призматическим (преобладают), округлым и дисковидным. Средняя длина нуклеусов 40—50 мм, но были также обнаружены нуклеусы длиной в 20 мм и более мелкие. Пластины, как и в предшествующем слое, тонкие, удлиненные, но все же более мелкие. Кремневые орудия изготовлены преимущественно на таких небольших пластинах; в небольшом количестве были обнаружены орудия на отщепах и сколах (фиг. 45).

Среди орудий встречены резцы (145), скребки (34), скребки-резцы (7), пластинки со скошенным ретушью краем (6), проколки (1), отбойник, пластинки со следами выемок (3), обломок небольшого острия, скобель, пластинки и отщепы со следами краевой ретуши (35), скреблообразное орудие, резец-пластинка со скошенным ретушью краем.

Наибольшая группа орудий — резцы. Эти орудия по форме рабочего края относятся к нуклевидным (4), клювовидным (3), угловым (53), тройным (6), супоневским (10), срединным (24), боковым (23), двойным (19), билатеральным (3).

Здесь впервые появляются клювовидные резцы — одна из типичных форм памятников конца позднего палеолита. Кроме этого, значительно увеличилось количество боковых резцов.

Скребки являются орудиями на коротких пластинах (преобладают), отщепах и ребристых сколах. Некоторые из них — скребки с высоким рабочим краем, килевидным рабочим краем и один скребок — с прямым рабочим краем.

Поделки из кости и рога в четвертом слое также многочисленны (фиг. 46).

В первую очередь мы остановимся на поделке из рога северного оленя типа флейты. Это изделие было встречено на глубине 2,2 м. Оно имеет внутри искусственное горизонтальное отверстие диаметром 5—1 мм, просверленное в губчатой массе рога; на наиболее узком конце рога имеется 4 вертикальных отверстия размерами 5×2; 6×3; 2×2 и 4×2 мм. Эти отверстия расположены по одной линии через небольшие промежутки, а на противоположном конце с нижней стороны имеется 2 отверстия размерами 2,0 и 1,5 мм в диаметре. Горизонтальное отверстие в роге оканчивалось возле крайнего четвертого отверстия. Размеры этой поделки $210 \times 13 \times 12$ мм.

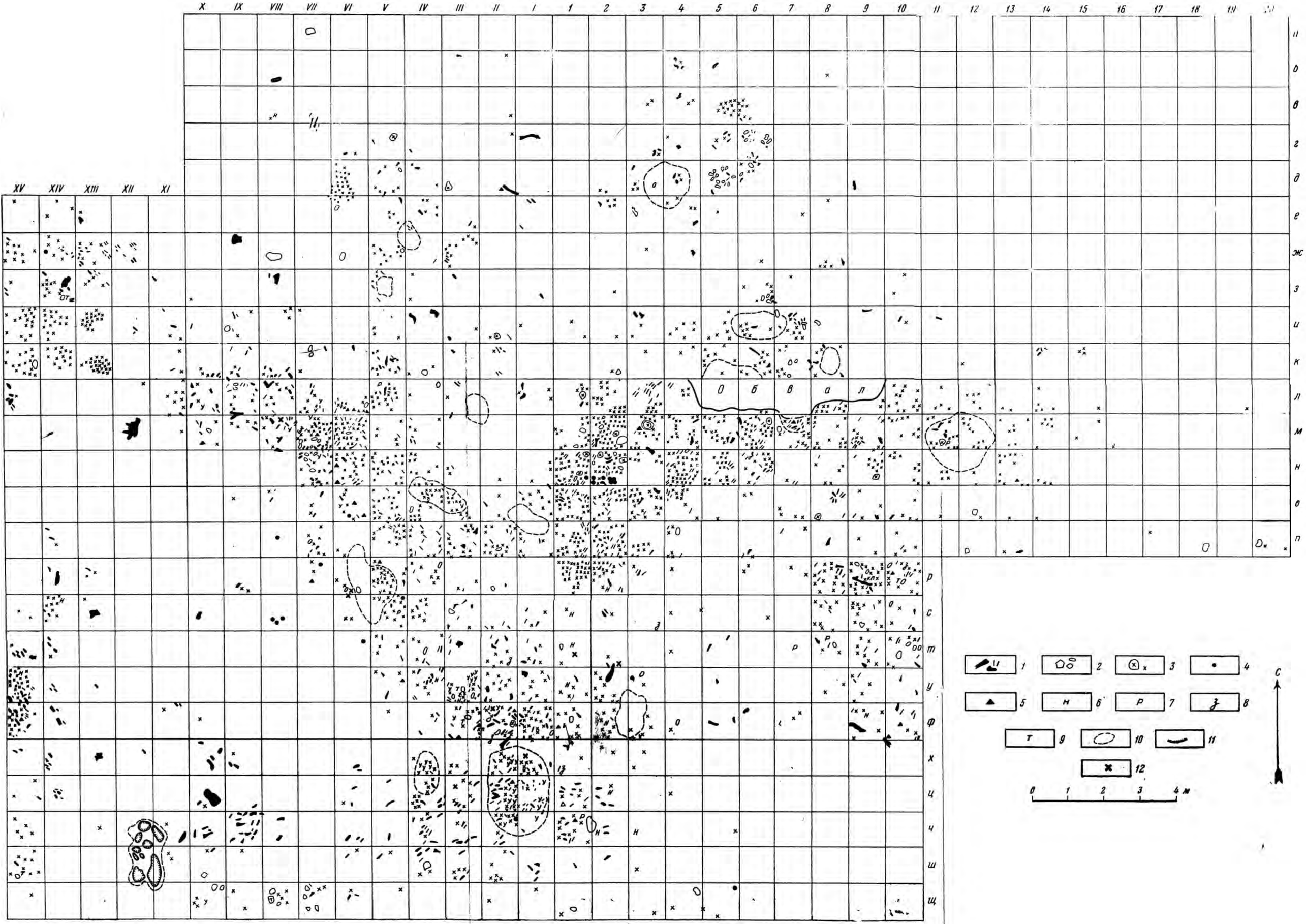
Наличие внутри описываемого предмета продольного отверстия, четырех поперечных отверстий, узкой, специально обработанной мундштучной части, имеющей следы поперечных углублений — полосок, и двух поперечных отверстий на нижнем конце — все это позволяет рассматривать эту поделку как примитивный музыкальный инструмент типа флейты, впервые встреченный на позднепалеолитической стоянке в СССР.

В литературе по палеолиту имеются указания на находки примитивных музыкальных инструментов типа свистков из фаланг животных, свирелей и флейт из трубчатых костей, но внутреннее отверстие в этих предметах всегда было естественным (Piette, 1907; Filip, 1948, стр. 76; Тэрр, 1955; Vertesch, 1955; Horusitzky, 1955; Brodar, 1938).

Среди этих всех предметов поделка четвертого слоя стоянки Молодова V наиболее совершенна.

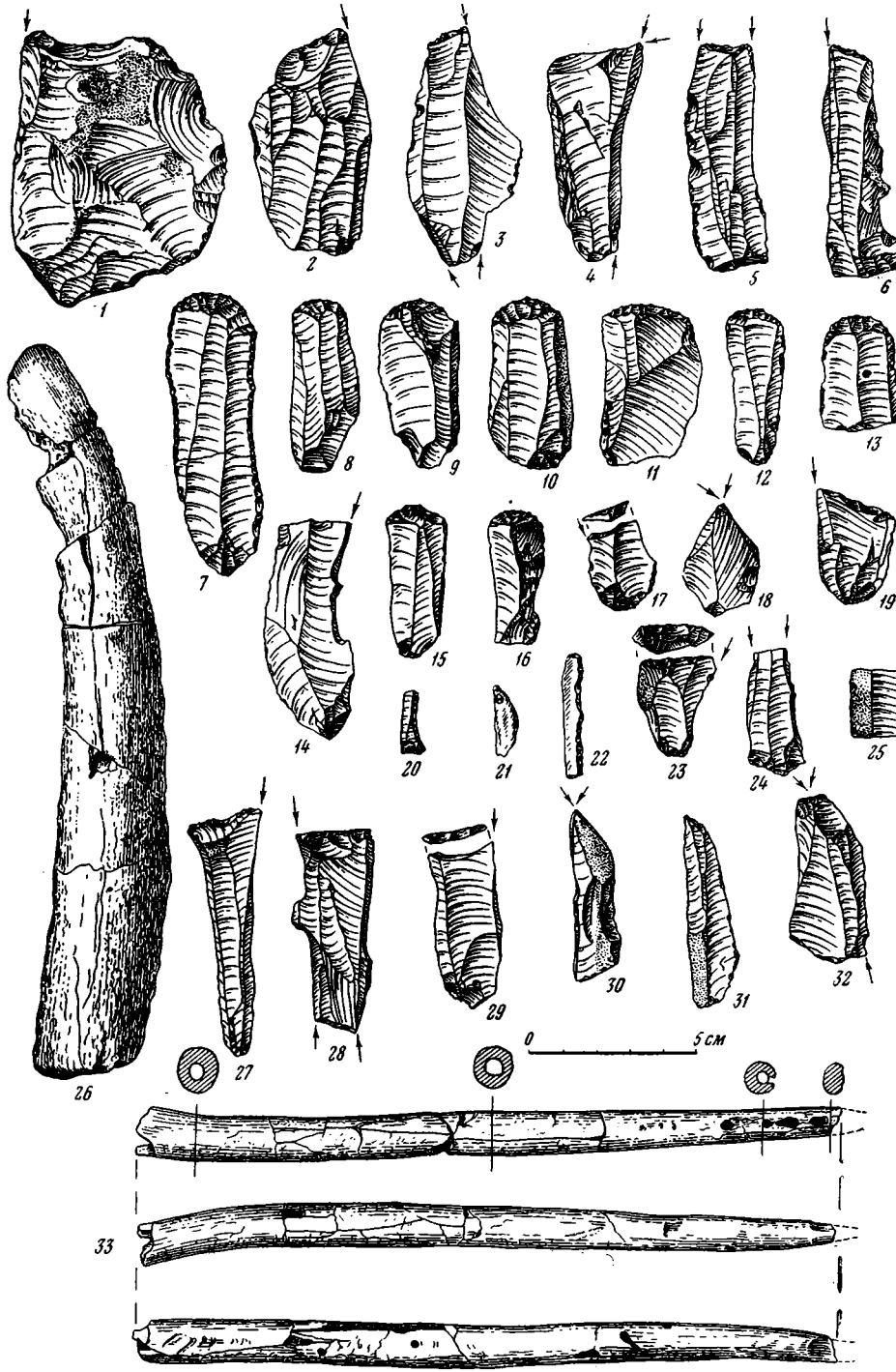
Подобные примитивные музыкальные инструменты типа свирелей с несколькими поперечными отверстиями существуют до настоящего времени почти у всех народов земного шара.

Из других изделий из кости и рога отметим 2 кинжалообразных орудия из рога оленя, подвеску из клыка песца, обломки веретенообразных



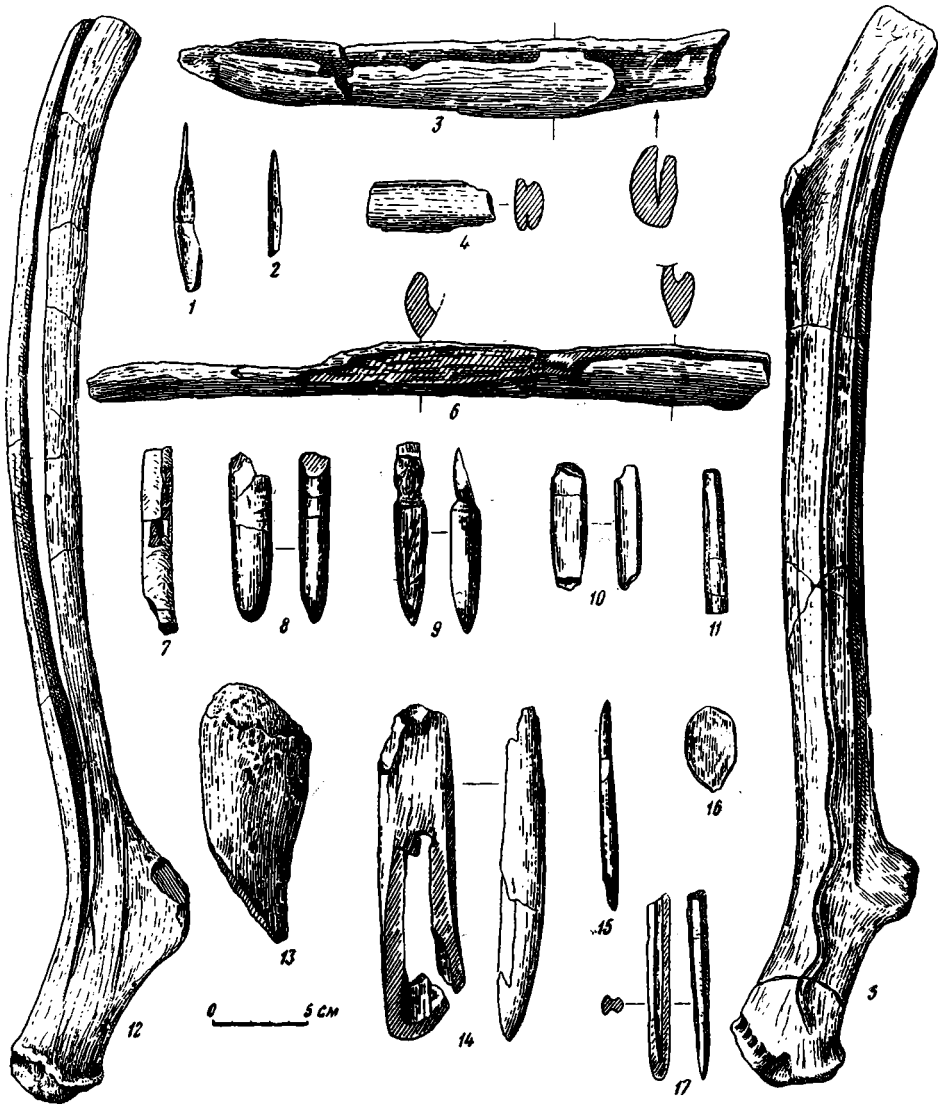
Фиг. 44. Молодова V, слой 4, план

1 — кости; *2* — камни; *3* — кремень; *4* — краска; *5* — орудия; *6* — нуклеусы; *7* — раковины; *8* — зубы; *9* — терки; *10* — границы кострищ; *11* — углубления; *12* — изделия из кости и рога



Фиг. 45. Поделки из кремня (*1—20*, *22—25*, *27—32*) и рога (*21*, *26*, *33*). Молодова V, слой 4

наконечников, рог с желобком от продольного разрезывания (фиг. 46,*5*), проколку и обломки проколок. Здесь также были обнаружены ребро с прорезью для вставки крупных вкладышей (фиг. 46, *3*), фрагмент такого ребра



Фиг. 46. Поделки из рога и кости. Молодова V.
1—5 — слой 4; *6—17* — слой 3

со следами двойной прорези (фиг. 46, *4*), обломки костей мамонта со следами срезов.

Находка в слое 4 обломков ребер с прорезями для вкладышей — крупных пластин — показывает дальнейшее развитие техники производства продольных рукояток, впервые прослеженной в слое 7.

Кроме того, в слое были обнаружены остатки краски (охра и окись железа) и угля, подвеска из раковины *Pectunculus*, остатки раковин *Pectunculus vibralis*.

Поделки из камня состоят из 30 терок округлой формы, обломков плиток песчаника и сланца.

Фиг. 47. Молодова V, слой 3, план

1 — кости; *2* — камни; *3* — кремневые изделия; *4* — остатки краски; *5* — кремневые орудия труда; *6* — раковины; *7* — нуклеусы; *8* — уголь; *9* — терки; *10* — зубы животных; *11* — границы кострищ; *12* — остатки постоянного жилища; *13* — углубления; *14* — контуры скоплений культурных остатков

Состав фауны слоя виден из табл. 12.

Таблица 12

Вид животного	Число обломков	Число особей
Северный олень *(Rangifer tarandus* L.)	746	15
Лошадь *(Equus caballus* L.)	92	7
Мамонт *(Elephas primigenius* Bl.)	76	4
Зубр *(Bison priscus* Boj.)	21	3
Лось *(Alces alces* L.)	8	2
Волк *(Canis lupus* L.)	3	1
Песец *(Vulpes lagopus* L.)	1	1
Всего	947	33

Остатки северного оленя по количеству особей составляют 45% всей фауны.

Кремневый инвентарь слоя является характерным для таких памятников позднемадленского времени, как стоянки Гонцы — нижний слой (Левицький, 1947; Брюсов, 1940), Боршево II — средний слой (Борисковский, 1940б; Ефименко, Борисковский, 1953), Чулатово II (Воеводский, 1952а), Карачарово (Замятнин, 1929), Вороновица I — верхний слой.

Слой 3 культурных остатков на стоянке был прослежен на глубине 1,6—1,8 м. В нем культурные остатки находились преимущественно в центральной части раскопа (фиг. 47). Здесь наблюдалась более сложная картина по сравнению с нижележащим слоем, так как встречено несколько скоплений пятен находок, из которых наиболее четкое являлось остатками постоянного жилища. Кроме того, обнаружено 16 очажных пятен, которые были окружены обломками костей, кремневыми находками, обломками камней.

Остатки постоянного жилища представляют собой овальное по форме пятно размерами 5,3 × 3 м, ориентированное с С на Ю. Пятно по цвету отличалось от остальной поверхности, так как в пределах пятна поверхность имела углистый и темно-коричневый цвет. На площади этого пятна находились обломки костей, остатки краски, кремневые орудия и отбросы. Поверхность пятна имела глубину от 1,85 м в южной половине до 2,11 м на севере. Пятно окаймлялось серией (64) небольших пятнышек — следов от оснований жердей, толщиной в 4—6 см. Ямки от жердей отличались от светло-коричневого суглинка несколько более темной окраской и имели глубину от 3—4 до 11—12 см. Несколько таких ямок было прослежено и на дне пятна. Большинство ямок от нижних концов жердей расположено попарно.

Необходимо отметить, что в настоящее время как на территории СССР, так и на других территориях известно достаточное количество памятников с остатками жилищ, где были встречены пятна от оснований опорных столбов или жердей, располагавшихся или в центре жилищ, или же их окаймлявших (Левицький, 1947, стр. 210; Prošek, 1953; Klima, 1952; Prošek, 1951b). Но ни на одном из описанных пунктов не было обнаружено целой серии ямок от жердей, как в третьем слое Молодовы V, данные раскопок которого дают новые сведения о технике домостроительства в позднем палеолите.

Расчистка и разборка пятна позволили определить, что пятно находится в небольшом углублении с отвесными стенками в северной половине

и пологими в южной части, а во входной части дно углубления переходит в древнюю поверхность. В центре овального пятна на глубине 1,95—2,08 м находилась яма от кострища размерами 1,3 × 1,3 м, а также 5 ямок другого назначения, располагавшихся возле краев углубления — основания небольшого наземного жилища. Возможно, что они служили местом хранения орудий. По характеру ямок от жердей, имевших небольшой наклон к центру, можно предположить, что жилище имело коническую форму: оно, по-видимому, перекрывалось шкурами животных, ветками деревьев (фиг. 48 и 49)[1].

Остатки овального постоянного жилища, по-видимому, как и в верхнем слое Вороновицы I, окружались несколькими наружными кострищами, располагавшимися восточнее, западнее и севернее жилища. Кроме овального жилища, о котором идет речь, были встречены другие пятна скоплений находок, возможно, также являвшиеся остатками наземных жилищ, но менее четко выраженными. Остатки нескольких кострищ были встречены также за пределами постоянного жилища и за пределами указанных пятен скоплений находок.

В слое было обнаружено 2910 кремневых изделий, остатки краски, обломки костей, поделки из кости и т. д.

Кремневый инвентарь слоя состоит из 73 нуклеусов, 648 пластин и обломков пластин, отбросов производства и 159 орудий труда (фиг. 50).

Орудия изготовлялись из того же кремня, что и в нижележащих слоях, 70% из них патинизировано.

Преобладают нуклеусы неправильно-призматической формы, но были встречены также нуклеусы призматической формы и несколько нуклеусов, близких к дисковидным.

Были найдены 4 низких и широких нуклеуса с округлой ударной площадкой, с которой пластины скалывались со всех сторон. Средняя длина нуклеусов 40 мм, но было обнаружено несколько нуклеусов длиной в 24 мм, а также 120 и 140 мм.

Пластины — тонкие и небольшие (по 40—50 мм длиной); лишь 4 пластины имеют длину 120—140 мм. Большинство кремневых орудий изготовлено на пластинах, но некоторые орудия — на отщепах.

Кремневые орудия состоят из 90 резцов, 29 скребков, 8 пластинок с притупленным краем, 20 пластинок и отщепов со следами краевой ретуши, 4 пластинок со скошенным краем, 5 скребков-резцов, резца-острия, 2 орудий отдельных форм.

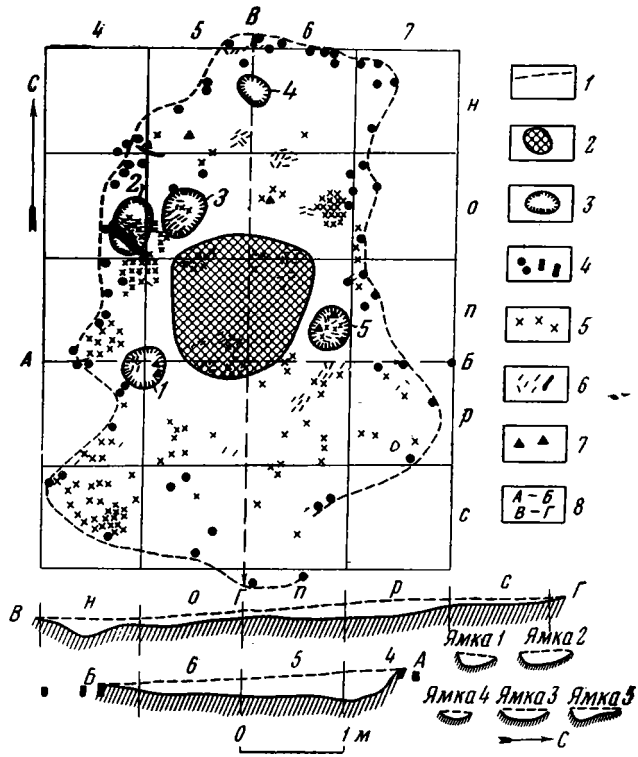
Самая крупная по количеству группа орудий — резцы. Они относятся к угловым (25), срединным (29), боковым (14), двойным (11), супоневским (7), тройным, плоским, нуклевидным и билатеральным (по 1 экз.). Наименьшим резцом в слое было орудие размерами 21 × 14 × 3 мм, а наиболее крупным — резец длиной в 155 мм; остальные резцы имеют длину в среднем по 40 мм.

Скребки имеют длину от 24 до 59 мм. Эта категория орудий изготовлена на коротких пластинах, лишь 2 скребка — орудия на отщепах. В одном экземпляре был встречен двойной скребок. Один скребок имеет прямой рабочий край. Орудия отдельных форм состоят из острия граветт и орудия для рубки.

Кроме кремневых орудий, была обнаружена также серия поделок из кости и рога.

---

[1] Жилище слоя 3 наиболее сходно с коническими зимними жилищами типа чумов, для сооружения которых употреблялись серии шестов, в дальнейшем покрывавшиеся шкурами оленей (Чернецов, 1936). В данном случае интересно, что обитатели слоя 3 были охотниками на оленей, а строители чумов, северные народности, — оленеводами.



Фиг. 48. Молодова V, слой 3. План и профили жилища

1 — границы жилища; *2* — кострище; *3* — ямки; *4* — ямки от оснований жердей; *5* — кремень; *6* — кость; *7* — орудие; *8* — линии профилей

Фиг. 49. Позднепалеолитическое жилище (реконструкция). Молодова V, слой 3

Самым крупным, залегавшим горизонтально изделием был фрагмент расщепленного бивня мамонта с тремя небольшими углублениями, вырезанными кремневыми орудиями, на одной стороне, и двумя аналогичными углублениями — с другой стороны. Размеры этой поделки 420×70×30 мм, диаметр углублений в среднем 25 мм. Углубления конической формы были расположены по одной линии на небольшом расстоянии одно от другого; точки расположения двух углублений нижней стороны совпадали с двумя углублениями верхней стороны, а третье было расположено дальше. По-видимому, в бивне было начато вырезывание отверстий, но оно не было закончено.

Вторым интересным изделием является обломок веретенообразного наконечника из бивня мамонта, длиной около 20 см, диаметром 10—12 мм. Этот наконечник имеет 2 продольные желобка для кремневых вкладышей (глубина желобков 2 мм) и 2 неглубоких «псевдожелобка». Аналогии данному наконечнику можно указать среди материалов стоянки Талицкого, где был встречен наконечник с двумя прорезями (Талицкий, 1940; Гвоздовер, 1952), Мезина (Рудинський, 1931б, табл. 27), а также со стоянки Амвросиевка (Борисковский, 1953, стр. 339). Отметим, что все эти памятники датируются одним и тем же мадленским временем.

Кроме указанных памятников, отметим также находки аналогичных наконечников, но с одной боковой прорезью, на таких стоянках, как Афонтова гора (Ауэрбах, 1930, табл. II), Каменный лог (Сосновский, 1935, стр. 190), Ошурково (Окладников, 1955б).

В более поздних стоянках, относящихся уже к мезолитическому времени, такие наконечники также известны, например, среди материалов Гварджилас-Клдэ (Замятнин, 1935б, стр. 119), Шан-Коба (Бибиков, 1949б, табл. 1), на Донце, возле Изюма (Сібільов, 1930, табл. 4, *12*).

В Центральной и Западной Европе такие наконечники известны из таких пунктов, как Пекарна (верхний слой), Новая Дратеничка, Гуденус, Таинген, Бокштейн, Проптсфельс, Плакар (шестой горизонт), Нижнее Ложери (Saad, 1927; Absolon, Czižek, 1926, 1927; Schmidt, 1912; Mortillet, 1907; Klima, 1957).

Такие наконечники весьма распространены в мезолитических памятниках Северной Европы (так называемые Vogelpfeile).

Из других поделок из кости и рога, которые были встречены в третьем слое, отметим обломок наконечника с прорезями (фиг. 46, *17*), фрагмент лощила, обломок проколки длиной в 115 мм, фрагменты трех стержней, возможно являвшихся наконечниками, фрагменты нескольких проколок.

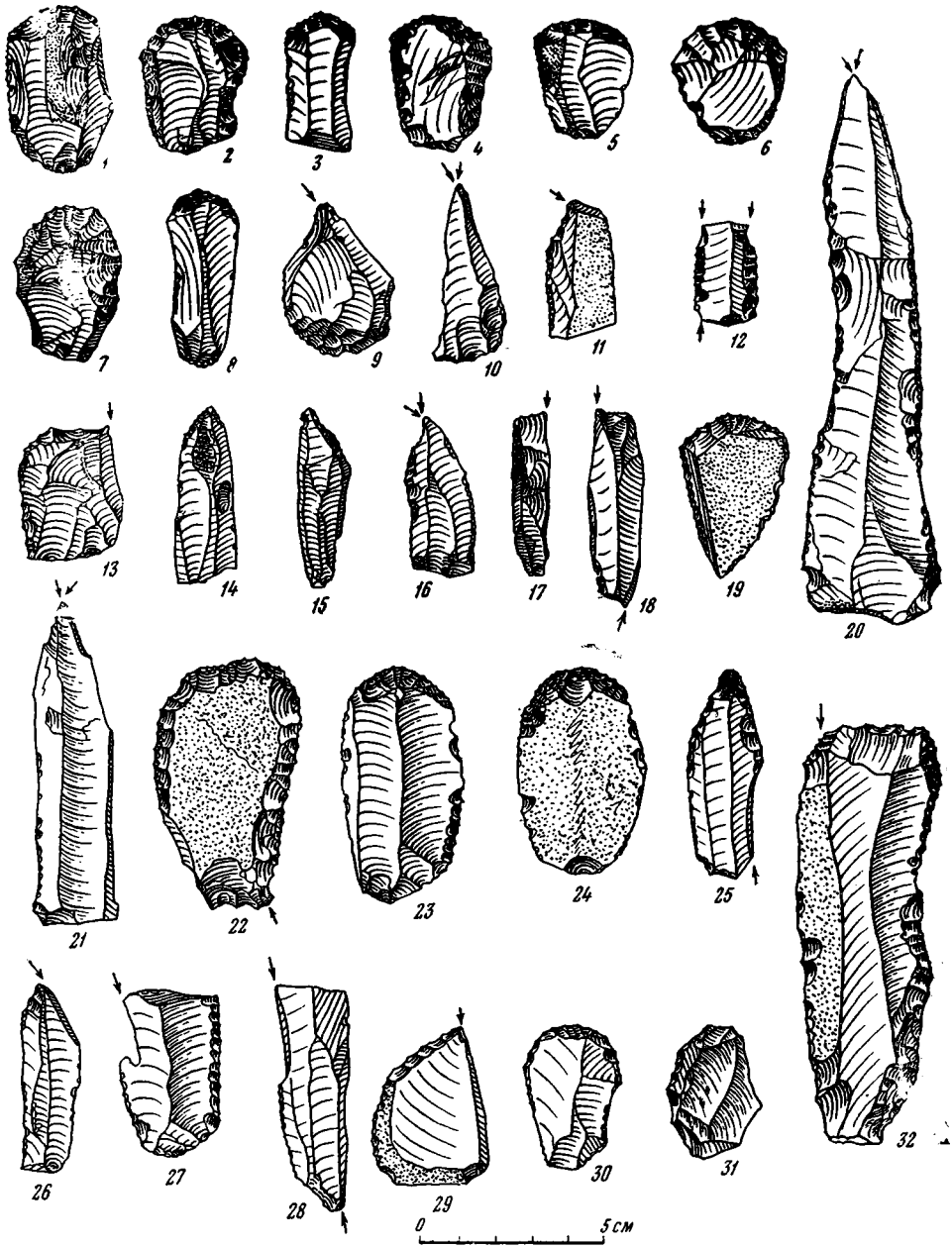
Одним из наиболее интересных изделий этого слоя является мотыгообразное орудие из рога оленя, имеющее размеры 175×40×18 мм. Рабочий край этого орудия сформирован путем косого среза плоскости рога. Рабочее лезвие орудия вылощено от употребления (фиг. 46, *14*).

Кроме этой поделки, в слое был обнаружен обломок рога оленя размерами 570×35 мм с вырезанным продольным желобком и полосами от разрезывания кремневыми орудиями.

Интерес представляет округлый в сечении стержень из бивня мамонта, имеющий овальный верхний конец и конусообразный нижний, размерами 95×15×15 мм. Форма этой поделки позволяет предполагать, что это схематизированная статуэтка (фиг. 46, *9*).

На площади постоянного жилища были также встречены ребро с прорезью для крупных вкладышей, сердцевидная по форме пластинка из кости, имеющая обрезанные края (фиг. 46, *16*), клинообразная поделка с острым нижним концом обломки костяных стержней, проколок, обломок кости с овальным нижним концом.

Все эти поделки свидетельствуют о широком развитии техники обработки кости и рога.



Фиг. 50. Кремневые орудия (*1—32*). Молодова V, слой 3

В слое встречены обломки плиток песчаника и сланца (60) и обломки терок из песчаника со следами стертых граней (31); форма терок преимущественно овальная, длина — от 45 до 145 мм.

Далее здесь были встречены остатки красной краски (окись железа), раковин (*Helix pomatia*) и обломки костей животных, являвшихся охотничьей добычей обитателей стойбища.

Состав фауны слоя 3 виден из табл. 13.

Таблица 13

Вид животного	Число обломков	Число особей
Северный олень (*Rangifer tarandus* L.)	369	11
Мамонт (*Elephas primigenius* Bl.)	22	2
Лошадь (*Equus caballus* L.)	47	4
Зубр (*Bison priscus* Boj.)	16	2
Лось (*Alces alces* L.)	6	2
Олень (*Cervus* sp.)	2	2
Бык (*Bos* sp.)	1	1
Благородный олень (*Cervus elaphus* L.)	1	1
Песец (*Vulpes lagopus* L.)	1	1
Заяц (*Lepus* sp.)	1	1
Всего	466	27

Остатки костей северного оленя составляют по количеству особей 40% всей фауны.

Кремневый инвентарь слоя характеризуется такими орудиями, как короткие скребки, небольшие угловые, боковые, срединные, двойные резцы, пластинки со скошенным краем и т. д., т. е. орудиями, типичными для стоянок конца позднемадленского времени, что позволяет отнести данный слой к группе памятников этого времени.

Материалы слоя 3 близки к материалам слоя 4, но несколько более высокое залегание их подтверждает правильность их более поздней датировки.

Среди памятников позднего палеолита СССР сходные с инвентарем слоя 3 материалы дают такие памятники, как Бабин I (третий слой), Молодова I (верхний слой), Атаки V, Корман II (второй комплекс), Владимировка, Бугорок (Гвоздовер, 1947; Воеводский, 1952б), Гонцы и т. д. Кремневый инвентарь стоянки Мезин также сходен с материалами третьего слоя Молодовы V, причем здесь имеется сходство также в поделках из кости (наконечники с двумя прорезями, схематизированные статуэтки), что позволяет уточнить датировку Мезинской стоянки, которая до последнего времени некоторыми исследователями относилась к более ранней поре позднего палеолита (Ефименко, 1953).

Среди зарубежных памятников аналогичны слою 3 стоянки Сагвар (Венгрия), Мюнцинген, Мадлен, Сент-Мишель, грот Мэрии и др.

Слой 2. Культурные остатки этого слоя были обнаружены на глубине 1,2—1,4 м, в светло-желтых лёссовидных суглинках. Поверхность залегания материалов в слое 2, как и в предшествующих, снижалась соответственно рельефу в северном и восточном направлениях (фиг. 51).

На исследованной площади второй слой был представлен отдельными разрозненными находками обломков костей животных, кремневых отбро-

сов и орудий, обломков рогов оленя, а также скоплениями культурных остатков вокруг 11 очажных пятен. Кроме этого, в центральной и западной частях исследованной площади были прослежены пятна скоплений культурных остатков.

В центральной части наблюдалась концентрация культурных остатков вокруг 5 кострищ, имевших характер небольших блюдцеобразных углублений, заполненных тонким слоем черной углистой массы, остатками угольков. Размеры этого пятна скоплений 12 × 6 м.

Второе, северо-западное пятно скоплений культурных остатков имело овальную форму (его размеры 5 × 8 м). Здесь были прослежены остатки одного кострища.

Наконец, в юго-западной части было зафиксировано скопление рогов молодых северных оленей на площади 20,8 м² (5,2 × 4,0 м). Это скопление рогов имело овальную форму. При разборке здесь были обнаружены остатки 275 рогов оленей со следами искусственного отделения от черепов. Характер расположения рогов в данном пятне позволяет рассматривать это скопление как остатки постоянного жилища, аналогичного жилищам Бурети, Мальты, Мезина, где при сооружении каркаса жилищ были широко использованы рога оленя.

Во втором слое обнаружено около 4000 кремневых изделий; много поделок из кости и рога, фаунистических остатков, остатков краски, камней и других материалов (фиг. 52).

Кремневые изделия состоят из 150 нуклеусов, 1059 пластин и обломков пластин, отбросов и 212 орудий. Орудия изготовлялись из того же мелового и галечного кремня светло-коричневого, серого и темного цвета, что и в нижележащих слоях. Около 80% кремневых изделий патинизировано.

Нуклеусы по форме относятся к призматическим, неправильно-призматическим, округлым и приближающимся к пирамидальным и дисковидным. Длина нуклеусов — от 25 до 100 мм; преобладают нуклеусы по 30—40 мм. Пластины тонкие удлиненные (ширина в среднем 10 мм, длина 30—50 мм). Орудия изготовлены преимущественно из таких небольших пластин, но были встречены орудия на отщепах и сколах.

Кремневые орудия состоят из 2 отбойников, 131 резца, 31 скребка, 8 пластин со скошенным ретушью краем, 20 пластинок с притупленным краем, 4 пластинок с боковыми выемками, 9 отщепов и пластинок со следами ретуши, 3 скребков-резцов, пластинки со следами ретуши и подтеской по брюшку, 2 пластинок со стесанным верхним концом и орудия типа острия граветт.

Резцы обнаружены срединные (28), двойные (26), угловые (32), тройные (4), билатеральные (5), супоневского типа (3), боковые (24), плоские (3). Любопытна находка двух резцовых сколов, сошедшихся по грани скола.

Кремневый инвентарь слоя по размерам и типам орудий близок к материалам нижележащих 3 и 4-го слоев, но все же в слое 2 изделия несколько мельче, увеличилось число вкладышевых орудий-пластинок с притупленным краем.

Изделия из кости и рога состоят из обломков проколок, изогнутого стержня из рога размерами 175 × 108 мм со следами прорезей для вкладышей и изделия типа флейты из рога северного оленя, описание которой было опубликовано автором (Черныш, 1955б). Кроме того, здесь были найдены молоток из рога оленя, обломок рабочей части топорообразного орудия из рога и стержень из рога со следами срезов.

Как и в нижних слоях, здесь встречены терки из песчаника овальной и округлой формы (13), обломки камней (песчаник, сланец), несколько обломков плиток со стертыми гранями и остатки краски (окись железа).

Состав фауны приводится в табл. 14.

Таблица 14

Вид животного	Число обломков	Число особей
Северный олень *(Rangifer tarandus* L.)	360	17
Лошадь *(Equus caballus* L.)	55	5
Зубр *(Bison priscus* Boj.)	10	2
Олень *(Cervus* sp.)	1	1
Бык мелкой породы *(Bos* sp.)	6	1
Лось *(Alces alces* L.)	1	1
Всего	433	27

Эти данные свидетельствуют об увеличении количества остатков северного оленя среди охотничьей добычи (62% всей фауны). Костей мамонта здесь не наблюдалось, что является определенным хронологическим показателем, так как, по мнению ряда советских палеонтологов, мамонт исчезает в конце палеолита в позднемадленское время (Громов, 1948, стр. 394).

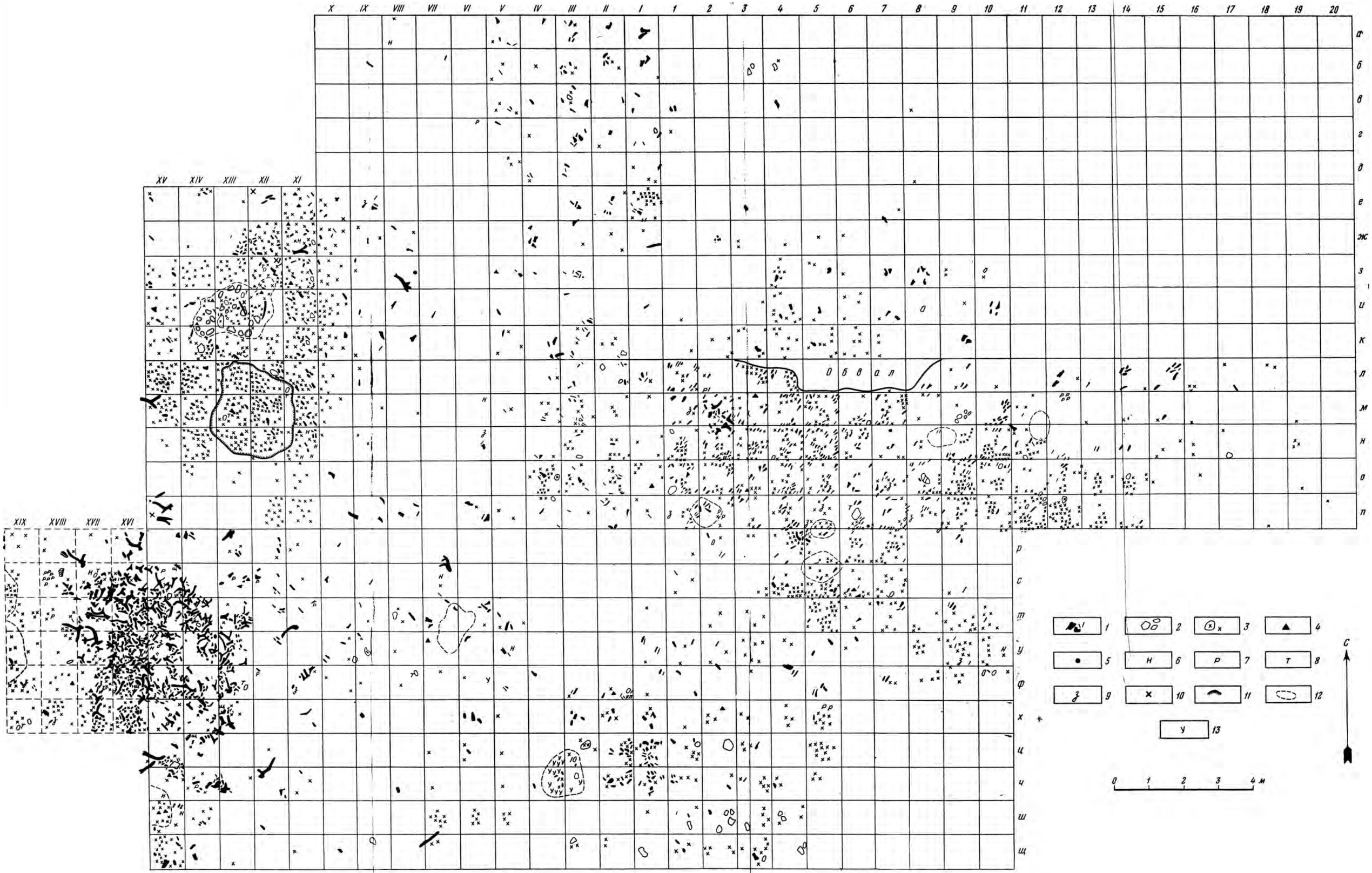
В кремневом инвентаре слоя наблюдается большая степень микролитизации по сравнению с нижележащими слоями, хотя по типам орудий второй слой близок к нижележащим слоям 3 и 4. Более высокое стратиграфическое положение второго слоя также подтверждает его более поздний возраст.

Все это позволяет отнести материалы второго слоя к концу палеолита (конец мадленского времени) и сопоставить их с материалами таких памятников, как Баламутовка I, II, III, Сокол I, Марьяновка II (Грушевцы III), Марьяновка III (Грушевцы IV), Грушевцы V на Днестре, верхние слои Боршево II, верхний слой Кирилловской стоянки, средние слои многослойной стоянки Владимировка (Борисковский, 1941; Черниш, 1953 г.).

При описании средних слоев стоянки Молодова V мы видели, что в наиболее древних из них еще встречаются некоторые признаки техники ранней поры позднего палеолита (наличие отдельных острий, пластин с краевой ретушью и орудий на таких пластинах); в дальнейшем эти признаки исчезают, кремневый инвентарь изменяется в сторону все большей и большей микролитизации, несколько упрощаясь. Одновременно совершенствуется и развивается техника изготовления вкладышевых орудий и метательного оружия, которое, по-видимому, было более эффективным по сравнению с кремневыми наконечниками, обработанными плоской ретушью.

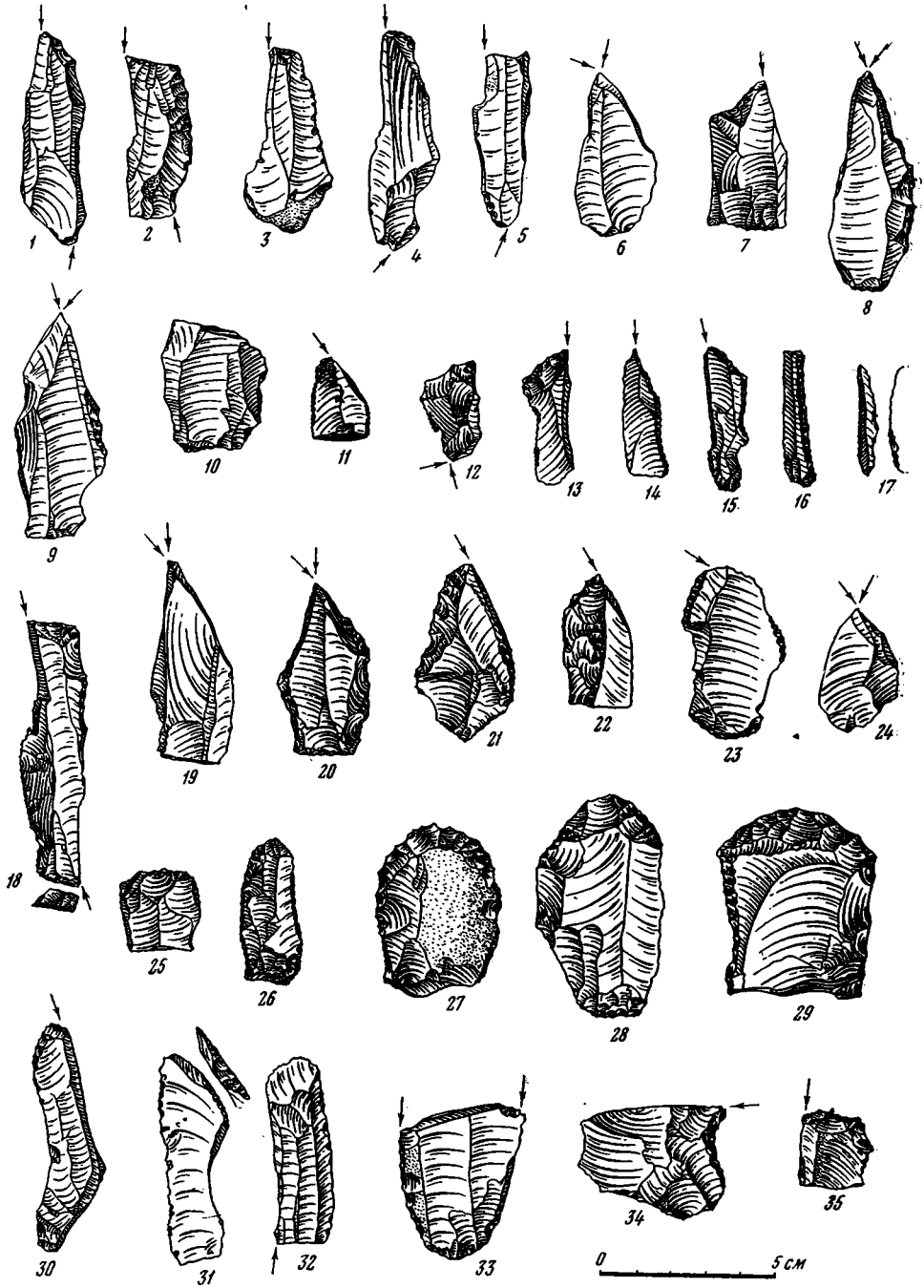
Материалы средних слоев стоянки Молодова V, как и материалы памятников этого времени других районов, показывают, что одновременно происходило также изменение животного мира, окружавшего человека. Так, к концу этого периода исчезли такие крупные животные, как мамонт, а главным видом охотничьей добычи стал северный олень.

Материалы средних слоев стоянки Молодова V также показывают, что в стойбищах этого времени имелись небольшие жилища типа овальных шалашевидных сооружений и что главной отраслью хозяйства являлась охота, иногда дополнявшаяся собирательством. О последнем говорят находки раковин.



Фиг. 51. Молодова V, слой 2, план

1 — кости; *2* — камни; *3*— кремень; *4* — кремневые орудия; *5* — краска; *6* — нуклеусы; *7* — раковины; *8* — терки; *9* — зубы животных; *10*— изделия из кости и рога; *11* — углубления; *12* — границы кострищ; *13*— уголь



Фиг. 52. Кремневые поделки (*1—35*). Молодова V, слой 2

Слой 1а. Слой культурных остатков, который получил обозначение 1а, был прослежен на глубине 0,9—1,1 м. Поверхность залегания материалов в этом слое снижалась в северном и восточном направлениях и повышалась на ЮЗ.

В слое было прослежено несколько пятен скоплений находок, которые наблюдались лишь в западной части изученного участка (фиг. 53).

На исследованной площади слоя, главным образом на участках пятен скоплений находок, было встречено около 6000 кремневых изделий, состоящих из 115 нуклеусов, 1573 пластин и обломков пластин, отбросов производства и 238 орудий.

Кремневые орудия изготовлялись из того же сырья, что и в предшествующих слоях. Нуклеусы по форме относятся преимущественно к неправильно-призматическим, но были встречены также призматические, округлые, дисковидные, плоские и ладьевидные. Длина нуклеусов колеблется от 20 до 140 мм, преобладают нуклеусы небольших размеров. Пластины — небольших размеров, тонкие; средняя длина их 30—40 мм.

Кремневые орудия состоят из 129 резцов, 38 скребков, 22 пластинок с притупленным краем, 10 острий со скошенным краем, 20 пластин и отщепов со следами ретуши, 3 комбинированных орудий, 2 скобелей, 4 проколок, 7 пластин и отщепов с выемками, нуклевидного орудия, сверла и трапецеобразного орудия (фиг. 55).

Орудия изготовлены как на пластинках, так и на отщепах и сколах. Это является особенностью кремневого инвентаря этого слоя, так как, по сравнению с нижележащими слоями, заметно увеличилось количество орудий на отщепах.

Наиболее многочисленная категория орудий—резцы. По форме рабочего края эти орудия относятся к угловым (48), срединным (25), боковым (24), двойным (17), нуклевидным (3), билатеральным (3), тройным (4), супоневским (1), плоским (1). Кроме этого, 3 резца являются массивными орудиями на крупных сколах. Длина резцов — от 30 до 90 мм; преобладают резцы длиной 40—50 мм. 50% резцов являются орудиями на отщепах. Кроме этого, для изготовления резцов использовались разнообразные обломки и отщепы с остатками корки. Большинство угловых резцов — орудия на углах сломанных пластин и отщепов. Один двойной резец изготовлен на пластине с дугообразно отретушированным краем.

Одна из распространенных форм орудий — скребки. Кроме одного скребка с двойным прямым рабочим краем, по форме напоминающим трапецию, остальные скребки имеют полукруглый рабочий край. Это орудия на пластинах и отщепах. Длина скребков — от 28 до 70 мм. Один из скребков изготовлен из горного хрусталя волынского происхождения.

В слое 1а, как и в предшествующем, по сравнению с нижележащими слоями значительно увеличилось количество вкладышевых орудий-пластинок с притупленным краем. Длина их — от 10 до 52 мм. Некоторые из этих изделий имеют следы поперечной ретуши на концах. Это позволяет считать, что они употреблялись в качестве концевых вкладышей.

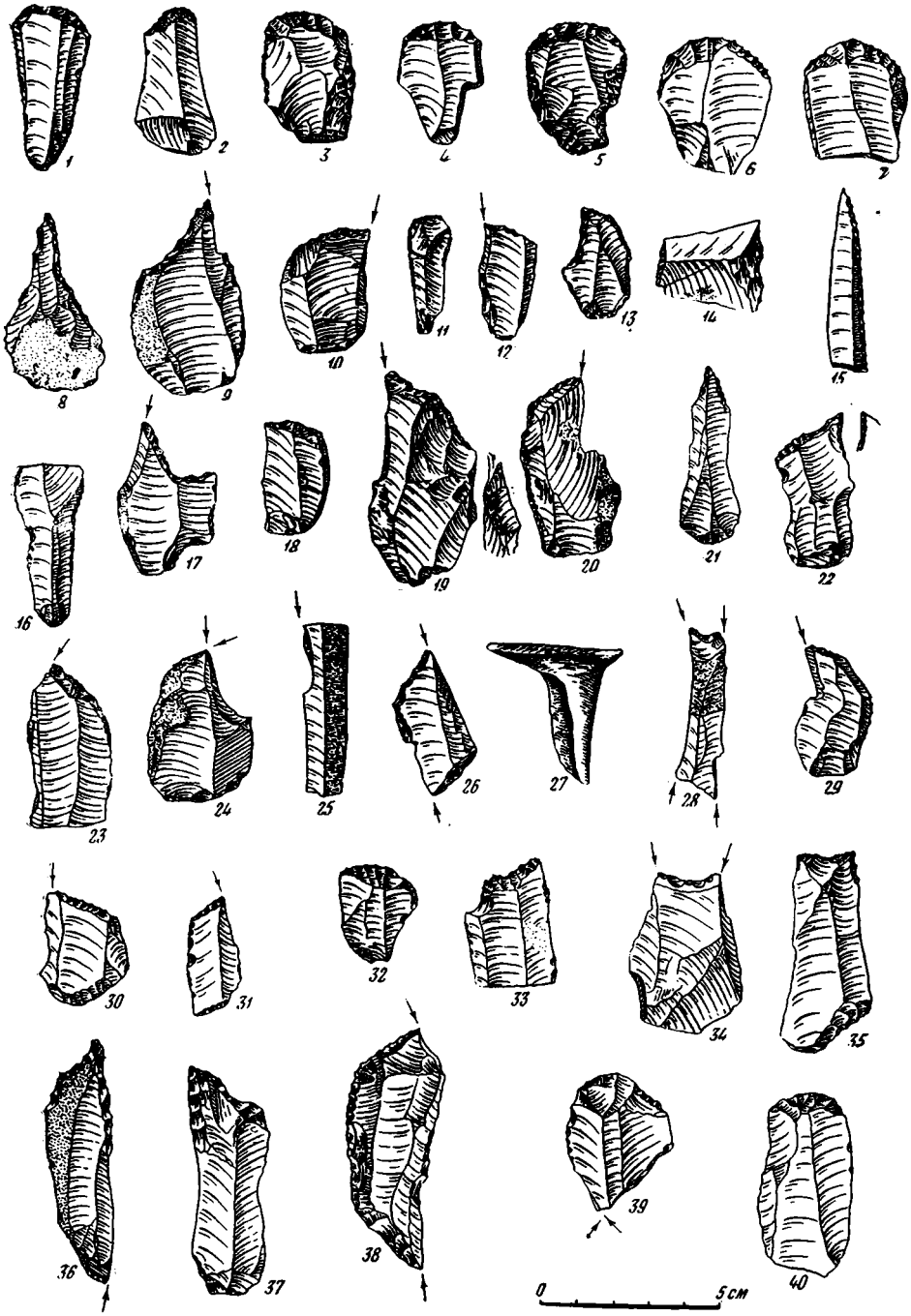
Пластины и отщепы со скошенным ретушью краем имеют длину от 32 до 63 мм. Среди пластинок со следами ретуши по краю отметим орудия с чередующейся двусторонней ретушью.

Комбинированные орудия состоят из двух скребков-резцов и скребка-проколки. Орудия типа скобелей являются обломками пластин с отретушированными выемками по краям, при помощи которых можно было обрабатывать стержни из кости и рога.

Кроме этих орудий, отметим дисковидное орудие размерами 45 × 43 × 6 мм, со следами ретуши на противоположных краях. Трапецеобразное

Фиг. 53. Молодова V, слой 1а, план

1 — кости; *2* — камни; *3*— кремневые орудия; *4* — краска; *5* — кремневые изделия; *6* — уголь; *7* — смола; *8* — зубы животных; *9* —раковины; *10* — нуклеусы; *11* — терки; *12*—границы кострищ; *13*—контуры скоплений культурных остатков

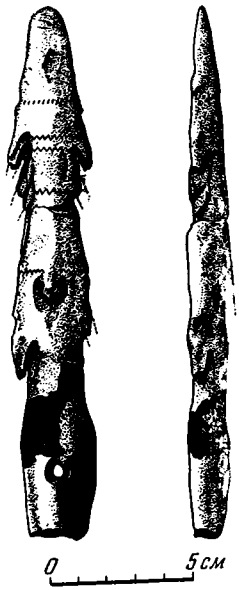


Фиг. 55. Поделки из кремня (*1—26*, *28—40*) и рога (*27*). Молодова V, слой 1а

орудие является орудием на пластине длиной в 52 мм, оно аналогично изделию из слоя 3 стоянки Осокоривка.

В слое 1а было встречено несколько изделий из рога и кости. Наиболее интересной поделкой из них является гарпун (фиг. 56).

Гарпун был встречен на глубине в 1,1 м, недалеко от кострища. Он изготовлен из специально расщепленного на две части рога благородного оленя, размеры его 184×24×12 мм. На гарпуне прослеживаются остатки трех пар зубьев, симметрично расположенных. Кроме того, один шип находится отдельно на внешней плоскости. Верхний конец гарпуна уплощен, имеет овальное, пришлифованное с двух сторон окончание. Зубья ограничиваются двумя симметрично расположенными бородками. У нижнего конца гарпуна нет конического, приспособленного для насаживания, окончания; он прямоугольный, имеет отверстие диаметром 6—10 мм.



Фиг. 56. Гарпун из рога благородного оленя. Молодова V, слой 1а

На поверхности гарпуна видны следы орнамента в виде 5 поясков параллельно расположенных зигзагообразных черточек и линий. Нижняя часть гарпуна ромбовидной формы, но с прямоугольным концом; отверстие находится в месте расширения нижней части. Эта форма нижней части гарпуна позволяла обойтись без специальных шипов-ограничителей, которые обычно встречаются на нижних концах гарпунов.

Находка гарпуна на стоянке Молодова V представляет исключительный интерес, так как на территории СССР в настоящее время известно небольшое количество таких находок.

Известны находки гарпунов с двойным рядом зубьев со стоянки Верхоленская гора, сопоставляемой П. П. Ефименко с группой стоянок Енисейского края, в которых уже начинает ощущаться приближение неолитической эпохи, из позднепалеолитического поселения Ошурково в Забайкалье, около г. Улан-Удэ (Окладников, 1955б).

На территории Европейской части СССР находки наиболее древних гарпунов с двойным рядом зубьев известны пока лишь со стоянки Мурзак-Коба и Гварджилас-Клдэ (Бибиков, 1949б; Замятнин, 1935б). Первая из этих стоянок датируется тарденаузским временем, а вторая относится к третьей хронологической группе позднепалеолитических стоянок Кавказа, соответствующей памятникам азильского времени[1].

Гарпун со стоянки Молодова V отличается от гарпунов из Верхоленской стоянки, Ошуркова, Мурзак-Кобы и Гварджилас-Клдэ отверстием на нижнем конце, а от трех гарпунов Мурзак-Кобы и гарпуна Гварджилас-Клдэ — также симметрично расположенными зубьями. Лишь четвертый гарпун Мурзак-Кобы имеет следы симметрично расположенных зубьев (Бибиков, 1949б, табл. 1, 7). Ни один из указанных гарпунов не имеет отверстия на нижнем конце, т. е. отверстия, которое обычно встречается на гарпунах с двойным рядом зубьев памятников азильского времени Западной Европы.

На стоянках Западной Европы наиболее близкими к гарпуну Молодовы V являются гарпуны из грота Мас д'Азиль и из азильского слоя Нижнего Ложери (Breuil, 1912, фиг. 36, *3*, *6*), а также гарпуны со стоянок

[1] В настоящее время в литературе появилось мнение, что стоянка Гварджилас-Клдэ относится к концу мадленского времени (Тушабрамишвили, 1955).

Турас, Ваш (G. Mortillet et A. Mortillet, 1903, табл. XXXIII, 289, 291). Но гарпуны из этих памятников, в свою очередь, не тождественны гарпуну Молодовы V, так как последний имеет шип на внешней поверхности и небольшие бородки над верхним и нижним рядами зубьев.

Несколько находок гарпунов позднепалеолитического времени известно на территории Чехословакии (стоянки Пекарна, Дзерава скала — Absolon, Czižek, 1927; Prošek, 1951b), Югославии (Brodar, 1938) и Венгрии (грот Пилиссанто, пещера Салим).

Гарпуны из Дзерава скала и Шпеговки менее сложны по устройству, по сравнению с гарпуном слоя 1а Молодовы V, так как они имеют один ряд шипов, но гарпун из Пекарны, имеющий 3 ряда зубьев, является оригинальным.

Находки гарпунов с двойным рядом зубьев и отверстием на нижнем конце в Подунавье отмечают Брейль и Обермайер (Breuil, 1923; Obermaier, 1925), которые видят в них развитие на данной территории азильского прототипа, но датировка этих беспаспортных находок из музея г. Софии мезолитическим временем вызвала возражения ряда специалистов (Skutil, 1928).

Сходство нашего гарпуна с гарпунами азильских стоянок позволяет датировать его мезолитическим временем. Наличие гарпунов в памятниках неолита на территории Болгарии, Румынии и Югославии позволяет считать, что этот тип поделок из рогов оленя существует здесь с мезолита.

Из других роговых поделок отметим обломки рога северного оленя со следами продольного распиливания, топор типа лингби с продольным рабочим лезвием и орнаментом на рукоятке.

Следующей категорией являются поделки из разных пород камня: овальные по форме терки из песчаника (15), обломки плиток и плитки (20).

В слое 1а были также обнаружены остатки краски и смолы. Фауна слоя видна из табл. 15.

Таблица 15

Вид животного	Число обломков	Число особей
Северный олень *(Rangifer tarandus* L.)	219	7
Лошадь *(Equus caballus* L.)	49	6
Зубр *(Bison priscus* Boj.)	1	1
Благородный олень *(Cervus elaphus* L.)	8	1
Олень *(Cervus* sp.)	3	1
Носорог *(Rhinoceros antiquitatis* Bl.)	4 зуба	1
Волк *(Canis lupus* L.)	1	1
Птица *(Aves sp.)*	1	1
Лось *(Alces alces* L.)	4	1
Всего	290	20

Остатки северного оленя составляют 35% всей фауны по количеству особей — это животное и лошадь являлись главными видами охотничьей добычи для обитателей стойбища слоя 1а.

Охота как главная отрасль хозяйства, по-видимому, дополнялась рыболовством. О последнем можно судить на основании находки гарпуна, плоская форма которого позволяла охотиться на крупную рыбу.

При характеристике кремневых изделий мы отмечали их небольшие размеры, значительное количество орудий на отщепах и сколах, что является новой чертой техники этого слоя по сравнению с нижележащими. В слое 1а увеличилось количество пластинок с боковыми выемками, пластин со скошенным ретушью краем, скребков на миниатюрных пластинках и отщепах, вкладышевых орудий-пластинок с притупленным краем; были встречены мелкие острия и трапеция архаической формы.

Все это, а также плоский гарпун с отверстием позволяют датировать слой раннемезолитическим временем, а точнее, тем периодом мезолита, который соответствует памятникам азильского типа.

Обнаруженные в данном слое изделия имеют аналогии как среди памятников Приднестровья, так и на стоянках других районов.

Так например, мелкие нуклеусы и орудия, скребки на отщепах, пластинки с выемками были встречены на исследованной С. Круковским стоянке Лисичники (средний слой), которая к тому же находилась низко по отношению к уровню р. Днестр, так как была встречена в отложениях первой надпойменной террасы (Krukowski, 1939; Борисковский, 1953). В остатках фауны этого слоя стоянки Лисичники не был обнаружен мамонт, кости мамонта использовались лишь в качестве материала для изготовления орудий. Северный олень составлял 95% всей фауны среднего слоя стоянки Лисичники.

Аналогичный кремневый инвентарь был также встречен среди подъемных находок на стоянках Нагоряне II, Бабин III (второй комплекс), Сокол II, Раковец I, а также Буран-Кая в Крыму (Бадер, 1957) и на стоянке Путим и Серед в Чехословакии (Mazalek, 1953; Barta, 1957).

Слой 1 культурных остатков на стоянке Молодова V был обнаружен в верхней части светло-желтых лёссовидных известковистых суглинков на глубине 0,5—0,80 м. Поверхность залегания культурных остатков в этом слое соответственно рельефу снижалась в восточном и северном направлениях (фиг. 54).

Первый слой был исследован на площади в 750 м^2.

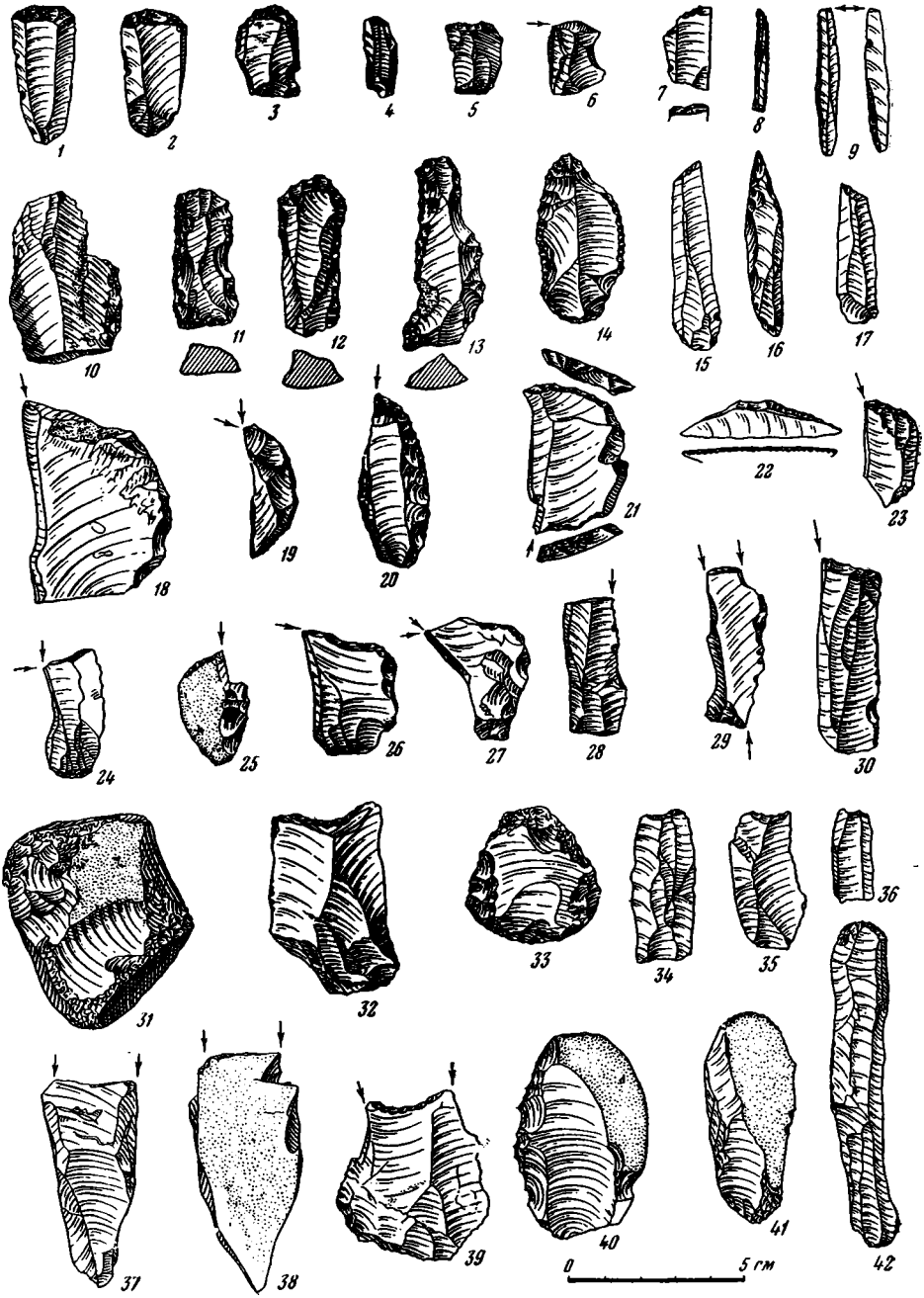
На исследованной площади были обнаружены как кремневые обломки и орудия, так и кухонные отбросы, камни, терки, остатки краски, раковины, орудия из кости и т. д. Находки концентрировались вокруг восьми кострищ, а также в виде нескольких слабо выраженных пятен скоплений находок: северо-восточного, центрального и южного.

Кремневых изделий обнаружено в слое около 4000. Они состоят из 179 нуклеусов, 905 пластин и обломков пластин, отбросов производства и 294 орудий (фиг. 57).

Кремневые орудия изготовлялись, как и в нижележащих слоях, из темного, серого и светло-коричневого мелового и галечного кремня[1]. Кремневых поделок с синей патиной встречено меньше (около 40%), чем в предшествующем слое. Преобладают кремни без патины или слабо патинизированные.

Нуклеусы по форме относятся к неправильно-призматическим (преобладают), призматическим, округлым, дисковидным, ладьевидным, плоским, близким к коническим и карандашевидным. Нуклеусов последних форм встречено несколько. Длина нуклеусов — от 23 до 105 мм, больше всего встречено нуклеусов длиной в 30—40 мм. Пластины тонкие (ширина 10—11 мм) и небольшие по длине (30—40—50 мм). В небольшом количестве были обнаружены пластины длиной 90—100 мм. Находка двух кремневых отбойников округлой формы вместе с большим количеством отбросов и нуклеусов показывает, что кремневые орудия изготовлялись здесь же.

[1] В одном экземпляре здесь было обнаружено изделие из горного хрусталя, происходящего с Волыни.



Фиг. 57. Кремневые поделки (*1—42*). Молодова V, слой 1

Характерной чертой кремневого инвентаря первого слоя является преобладание орудий на отщепах и обломках и меньшее количество — на пластинах.

По типам кремневые орудия состоят из 175 резцов, 44 скребков, 8 пластинок с притупленным краем, 12 пластинок со скошенным ретушью краем, 35 пластин на отщепах со следами ретуши по краю, 5 пластинок с боковыми выемками, 4 комбинированных орудий, 2 проколок, 2 пластинок типа лезвий перочинного ножа, 2 мелких острий, обломка двойного острия, обломка наконечника и сегментообразной поделки.

Самая многочисленная группа орудий — резцы. Эти орудия относятся к угловым (90), боковым (34), двойным (25), срединным (12), билатеральным (7), тройным (3), супоневским (3), клювовидным (2). Длина резцов — от 22 до 75 мм. Три резца-орудия с дугообразно отретушированным сегментовидным краем. Эта особенность — одна из характерных черт кремневого инвентаря первого слоя. Такие резцы были встречены среди подъемных находок на стоянке Бабин VI (второй комплекс). Среди резцов преобладают резцы на отщепах и различных обломках (75%), в то время как в предшествующем слое таких орудий и орудий на пластинах было примерно поровну. Скребки — орудия на пластинах и отщепах, длина их — от 20 до 77 мм. По форме рабочего края 4 скребка относятся к выемчатым, 4 — к нуклевидным, 2 — к двойным. Три скребка — орудия на узких массивных ребристых сколах с отретушированными крутой притупляющей ретушью краями. Эти скребки специфичны для данного слоя, так как в нижележащих слоях они не встречались. Кроме этого, встречен небольшой скребочек с сужающимся рабочим краем и ретушью по краю небольшой пластинки. Остальные скребки — обычные, с полукруглым рабочим лезвием на коротких пластинках и отщепах. Один из наиболее миниатюрных скребков был изготовлен на пластинке размерами $20 \times 13 \times 3$ мм.

Комбинированные орудия состоят из скребков—резцов. Особый интерес вызывает находка удлиненного сегментообразного вкладышевого орудия размерами $45 \times 11 \times 4$ мм, у которого ретушью обработан дугообразный край и, кроме того, часть противоположного края (фиг. 57, *22*).

Кроме кремневых поделок, в слое были также встречены изделия из кости и рога. Наиболее интересной поделкой из них является рог оленя, орнаментированный тонкими параллельными нарезными линиями. Эти кольцеобразные линии расположены как на основном отростке рога, так и на боковом. Размеры одной части рога $125 \times 27 \times 16$ мм, второй — $130 \times 26 \times 14$ мм.

Кроме этой поделки, отметим рог оленя с обрезанным концом размерами $210 \times 27 \times 30$ мм. Возможно, что этот рог являлся топорообразным орудием, аналогичным поделке из слоя 1а.

Среди других поделок укажем обломок «жезла начальника» из рога благородного оленя, обломок рога оленя с плоским топорообразным концом, искусственно обрезанным, обломок рога с одним вертикальным отверстием в корпусе («флейта»), шип от гарпуна, обломок рыболовного крючка (?). Размеры последней поделки $25 \times 18 \times 4$ мм.

Кроме поделок из рога и кости, встречены обломки сланца и песчаника, фрагменты плиток (11) и округлые по форме терки с обработанными гранями (11).

Фауна первого слоя представлена в табл. 16.

В составе охотничьей добычи обитателей стойбища первого слоя резко преобладают остатки северного оленя, составляющие 78% всей фауны по количеству особей.

О том, что охота как основной вид хозяйственной деятельности дополнялась собирательством, можно судить на основании находок в этом слое остатков раковин из рода *Helix*.

Таблица 16

Вид животного	Число обломков	Число особей
Северный олень (*Rangifer tarandus* L.)	1738	36
Лошадь (*Equus caballus* L.)	30	4
Зубр (*Bison priscus* Boj.)	5	2
Благородный олень (*Cervus elaphus* L.)	15	1
Заяц (*Lepus europeus* L.)	3	1
Корсак или лисица (*Vulpes* sp.)	2	1
Лось (*Alces alces* L.)	1	1
Олень (*Cervus* sp.)	9	1
Всего	1803	45

Рассматривая кремневый инвентарь, мы видели, что кремневые находки имеют небольшие размеры; в этом слое, по сравнению с нижележащими, увеличилось количество орудий на отщепах и обломках. Среди кремневых орудий встречены небольшие скребочки на отщепах и миниатюрных пластинках, выемчатые скребочки, мелкие острия со скошенным ретушью краем, мелкие острия, резцы на сегментообразных пластинках. Кроме того, были обнаружены узкие скребки с притупленными краями, ранее не встречавшиеся на стоянке, и сегментообразные поделки. В данном слое появились некоторые типы орудия, не встречавшиеся в нижележащем слое. Увеличилось также количество остатков северного оленя в составе охотничьей добычи.

Все это позволяет отнести материалы первого слоя к тому же периоду, что и нижележащий слой, но, естественно, к несколько более поздней его поре.

Аналогии материалам первого слоя имеются на стоянках Нагоряне II, Сокол II, Раковец I, Лисичники (средний слой), Поливанов яр, Бабин IV (второй комплекс), Бабин VII, Бабин V (второй комплекс) и т. д. В других районах Европейской части СССР первому слою Молодовы V соответствуют такие стоянки, как Владимировка (верхние слои) (Черныш, 1953 г), Сюрень II (Векилова, 1957а), нижние слои Шан-Коба (Бибиков, 1946), нижние слои Замиль-Коба I (Крайнов, 1938), Гварджилас-Клдэ (Замятнин, 1935б; Каландадзе, Тушабрамишвили, 1955).

Близкие по формам кремневые изделия встречены также на ряде стоянок мезолитического времени Чехословакии (M. Mazalek, 1955; Barta, 1957).

Для всех этих памятников характерны орудия на тонких узких пластинках и небольших отщепах, значительное количество мелких орудий и небольшое количество орудий геометрических форм. За исключением сегментовидного орудия, в первом слое стоянки Молодова V поделок геометрических форм не было встречено. Это, по-видимому, является характерной особенностью мезолита Среднего Приднестровья, так как до настоящего времени на всей этой территории было обнаружено лишь 4 поделки геометрических форм [1]. В данном случае мы имеем в виду находки С. Н. Бибиковым трапеций в Студенице и Негине (Бібіков, 1949а),

[1] В последнее время на территории Западной Европы также обнаружены территориальные варианты мезолитических культур, для которых геометрические формы не типичны, например: арудийская и монтадская культуры Южной Франции (Sonneville — Bordes, 1956; Laplas-Jauretche, 1953).

находку Ч. Амброжевичем обломка ромбовидного орудия в Дарабанах (Ambrozewicz, 1932) и нашу находку трапеции на левом берегу Днестра в Рашкове (Черныш, 1956 д).

Материалы верхних слоев стоянки Молодова V позволяют отметить следующие черты, свойственные памятникам раннего мезолита Днестра: 1) значительное количество орудий на отщепах и обломках; 2) мелкие острия и пластинки со скошенным краем, проколки с несколькими лезвиями; 3) пластинки с концевыми и боковыми выемками; 4) скребочки на миниатюрных пластинках и отщепах; 5) узкие скребки на пластинах и ребристых сколах с притупленными ретушью краями; 6) резцы на сегментообразно отретушированных пластинках и отдельные сегментообразные орудия; 7) плоские гарпуны с отверстием.

* * *

Из краткой характеристики разновременных слоев, обнаруженных на стоянке Молодова V, следует, что на основании обширного материала, состоящего из кремневых изделий (около 72 000 экз.), фауны и других находок, можно проследить особенности развития хозяйства и культуры древнего населения Приднестровья в период от ранней поры позднего палеолита до мезолита.

Техника производства орудий развивалась и усовершенствовалась: черты обработки кремня, свойственные эпохе солютре, наблюдались в нижних позднепалеолитических слоях; вкладышевая техника начала развиваться в конце палеолита; появившаяся в конце солютре техника производства продольных рукояток в дальнейшем продолжала развиваться.

Учитывая стратиграфические условия нахождения стоянки Молодова V и все полученные на ней материалы, а также материалы других многослойных памятников Днестра, можно построить следующую хронологическую шкалу для позднего палеолита Приднестровья:

Первая хронологическая группа памятников позднего палеолита. Для этой группы характерны материалы первого слоя стоянки Бабин I.

Вторая группа характеризуется материалами слоев 10 и 9 стоянки Молодова V, нижнего слоя стоянки Вороновица I.

Третья группа характеризуется материалами второго слоя стоянки Бабин I, слоев 8 и 7 стоянки Молодова V.

Четвертая группа характеризуется материалами слоя 6 стоянки Молодова V.

Пятая группа, для которой характерны материалы слоя 5 стоянки Молодова V.

Шестая группа, для которой характерны материалы слоев 4, 3 2 стоянки Молодова V, третьего слоя стоянки Бабин I и верхнего слоя стоянки Вороновица I.

Седьмая группа характеризуется материалами верхних слоев Молодовы V (1 и 1а).

Первые 3 хронологические группы соответствуют так называемому ориньяко-солютрейскому времени, четвертая—раннемадленскому, пятая—среднемадленскому, шестая — позднемадленскому и наконец седьмая — памятникам мезолитического времени.

Эти хронологические ступени, которые прослеживаются на основании стратиграфических данных Молодовы V, Вороновицы I и Бабин I, в свою очередь, можно расчленить на основании материалов разновременных слоев Молодовы V, так как эта стоянка позволяет проследить определенные, менее значительные, изменения в развитии техники и производства в пределах некоторых из указанных групп.

Так например, если для хронологического расчленения первой группы стоянка Молодова V не дает оснований, то для второй группы имеется возможность выделить два звена на основании материалов слоев 10 и 9; для шестой группы — 3 звена на основании данных слоев 4, 3 и 2; для седьмой — два звена на основании данных слоев 1а и 1.

В каком же отношении к выделенным хронологическим группам находятся материалы стоянок Среднего Приднестровья, известные главным образом на основании подъемных находок или небольших разведочных раскопок? Наблюдаются ли на этих памятниках те же особенности, которые были прослежены на стоянках, исследовавшихся раскопками?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо остановиться на материалах многочисленных стоянок Приднестровья, известных по сборам на поверхности.

Глава III

ОБЗОР ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПРИДНЕСТРОВЬЯ

1. ГРУППА СТОЯНОК И МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ ДНЕСТРА В ПРЕДЕЛАХ СТАНИСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ УССР

Среди этой группы позднепалеолитических памятников в первую очередь мы отметим одну из наиболее известных стоянок, исследовавшуюся польскими археологами и отнесенную ими к солютре,— стоянку Ганнусивка, расположенную на правом берегу Днестра в Галичском районе (Kozlowski, 1939).

По данным П. И. Борисковского, описавшего обширную коллекцию материалов со стоянки Ганнусивка, она принадлежит ориньяку. Коллекция состоит из отщепов, осколков, правильных пластин, реберчатых пластин, нуклеусов, боковых резцов, угловых резцов, концевого скребка высокой формы с суживающимся рабочим краем, обломка пластины с подтеской с брюшка, нескольких пластин и отщепов с краевой ретушью, семи скошенных резцов. Последние послужили Борисковскому основанием для датировки материалов этого памятника ориньякским временем, хотя здесь же были встречены такие находки, как наконечники с двусторонней обработкой поверхности плоской ретушью, характерные для солютре.

При характеристике материалов стоянок Днестра, исследовавшихся путем раскопок, мы отмечали уже находки отдельных орудий типа скошенных резцов и скребков, напоминающих скребки карене (во втором слое стоянки Бабин I, относящемся к солютре; в верхнем слое стоянки Вороновица I, датируемом мадленом; в нижнем слое стоянки Вороновица I и нижних позднепалеолитических слоях Молодовы V — памятниках солютре). Кроме этого, в слое 6 Молодовы V (раннемадленское время) также были обнаружены такие поделки. На основании этих данных можно сделать вывод, что указанные типы кремневых орудий существовали на протяжении длительного времени в пределах позднего палеолита и что поэтому они не могут служить критерием для датировки ориньякским временем как стоянки Ганнусивка, так и других стоянок. Остальные типы кремневых орудий стоянки Ганнусивка находят себе аналогии в материалах стоянок Приднестровья, относящихся к солютре: в слоях 9 и 10 Молодовы V, нижнем слое Вороновицы I и т. д.

Поэтому наконечник с двусторонней обработкой поверхности отжимной ретушью является вполне типичным для комплекса находок с этого пункта и не может вызывать сомнений в своей достоверности (Борисковский, 1953, стр. 110).

Кремневый инвентарь стоянки Ганнусивка вполне дает основание отнести этот памятник во вторую хронологическую группу позднепалеолитических памятников Среднего Приднестровья (нижний слой Вороновицы I, слои 9 и 10 Молодовы V). Аналогичным по времени позднепалеолитическим памятником Приднестровья является расположенная ниже по Днестру, в Тысменицком районе, стоянка Долгое.

Здесь, на высоте около 100 м над уровнем Днестра, в урочище Копане, на поверхности лёсса польскими учеными были собраны кремневые изделия с белой патиной (около 3000 экз.). Среди них — нуклеусы, отщепы, сколы от оживления нуклеусов, крупные пластины с краевой ретушью, скребки и резцы на пластинах с краевой ретушью и т. д. Сохраняющаяся в Киевском музее коллекция этих находок свидетельствует о сходстве материалов стоянки Долгое с материалами солютрейских слоев стоянки Молодова V. Польскими учеными эта стоянка датировалась ориньякским временем (Kozlowski, 1939).

Следующим близким по времени позднепалеолитическим памятником на правом берегу Днестра является пункт у с. Долина в Обертинском районе. На этом пункте в урочище Креминна польскими учеными были собраны крупные отщепы, около 20 нуклеусов, пластины, скребки, резцы с белой патиной. Среди находок — обломки орудий с двусторонней обработкой плоской ретушью. Коллекция из этого пункта, сохраняющаяся в Киевском музее, позволяет отнести стоянку ко второй хронологической группе позднепалеолитических памятников Приднестровья.

Группа позднепалеолитических памятников известна на правом берегу Днестра в окрестностях с. Незвиско Обертинского района. Усадьбы этого села расположены на дне оврага, устьем выходящего к Днестру. Крутой, обрывистый берег Днестра высотой около 100 м над уровнем реки на этом участке изрезан серией оврагов, в результате чего в окрестностях с. Незвиско имеется много мысов, удобных для обитания. Во время разведок здесь была обследована группа палеолитических местонахождений, состоящая из пяти пунктов.

Одним из наиболее интересных местонахождений этого участка правого берега Днестра является местонахождение Незвиско I (Обич), расположенное на мысу между правым берегом Днестра и оврагом, в 2 км северо-восточнее с. Незвиско. В 1951 г. на поверхности мыса была собрана коллекция кремневых изделий из светло-коричневого мелового кремня с густой молочно-белой патиной, состоящая из 28 нуклеусов, пластин, обломков и орудий труда. Находки часто имели следы выветривания, что свидетельствует об их длительном пребывании на открытом месте (фиг. 58).

Нуклеусы местонахождения Незвиско I по форме относятся к призматическим и неправильно-призматическим, их длина — от 35 до 102 мм; на некоторых нуклеусах прослеживаются две ударные площадки. Пластины в среднем имеют длину от 60 до 80 мм, на некоторых из них прослеживается крупный ударный бугорок. Орудия состоят из двух концевых скребков, трех угловых резцов, срединного резца, тройного резца на небольшой массивной пластинке, скребка-резца на отщепе с остатками корки, двойного резца на пластине, двойного скребкообразного орудия на отщепе, обломка острия на пластине, обломка острия на небольшой удлиненной пластине, пластины со скошенным ретушью краем, пластин и отщепов со следами краевой ретуши, пяти пластин со следами подтески по брюшку, ножевидного орудия — пластины с плоской ретушью по краям.

Здесь же был обнаружен наконечник дротика овальной формы с двусторонней сплошной обработкой плоской ретушью. Размеры этой поделки 51 × 28 × 8 мм. Эта находка, как и остальные, имеет молочно-белую

патину и следы выветривания [1]. Это говорит о том, что материалы местонахождения Незвиско I, из которого в настоящее время известно несколько наконечников с двусторонней обработкой плоской ретушью, можно с полным правом датировать солютре и отнести ко второй хронологической группе. К этому же времени относит данный памятник П. И. Борисковский (1953, стр. 112).

Среди других местонахождений окрестностей с. Незвиско мы отметим местонахождение Незвиско IV, расположенное на поверхности мыса над правым берегом Днестра, между селами Незвиско и Раковец. На этом мысу автором были собраны кремневые изделия, состоящие из нуклеусов, пластин, отщепов, обломков и орудий труда. Орудия изготовлялись из мелового кремня: поверхность кремневых находок имеет молочно-белую патину. Изредка встречались кремневые находки из темного кремня с серо-синей патиной. Нуклеусы этого местонахождения имеют призматическую форму, с них скалывались пластины длиной 60—80 мм.

Орудия состоят из острия на пластине с краевой ретушью размерами 104 × 28 × 13 мм, двух концевых скребков на пластинах, скребка с прямым рабочим краем, скребка с боковым рабочим краем, трех пластин с притупленными ретушью краями, срединного резца, трех угловых резцов на пластинах, двойного углового резца на обломке широкой пластины, пластины с выемкой по брюшку, нескольких пластин с краевой ретушью. Некоторые орудия (острие, скребок с прямым рабочим краем, пластины с краевой ретушью) сходны с кремневыми орудиями второго слоя стоянки Бабин I и слоев 8 и 7 стоянки Молодова V, что позволяет отнести это местонахождение к третьей хронологической группе позднепалеолитических памятников Приднестровья, т. е. к несколько более позднему времени, по сравнению с пунктом Незвиско I.

Возле соседнего с с. Незвиско населенного пункта Раковец того же Обертинского района было также открыто несколько местонахождений.

Мы остановимся лишь на одном из них: местонахождении на мысу плато над правым берегом Днестра, выше по Днестру от с. Раковец.

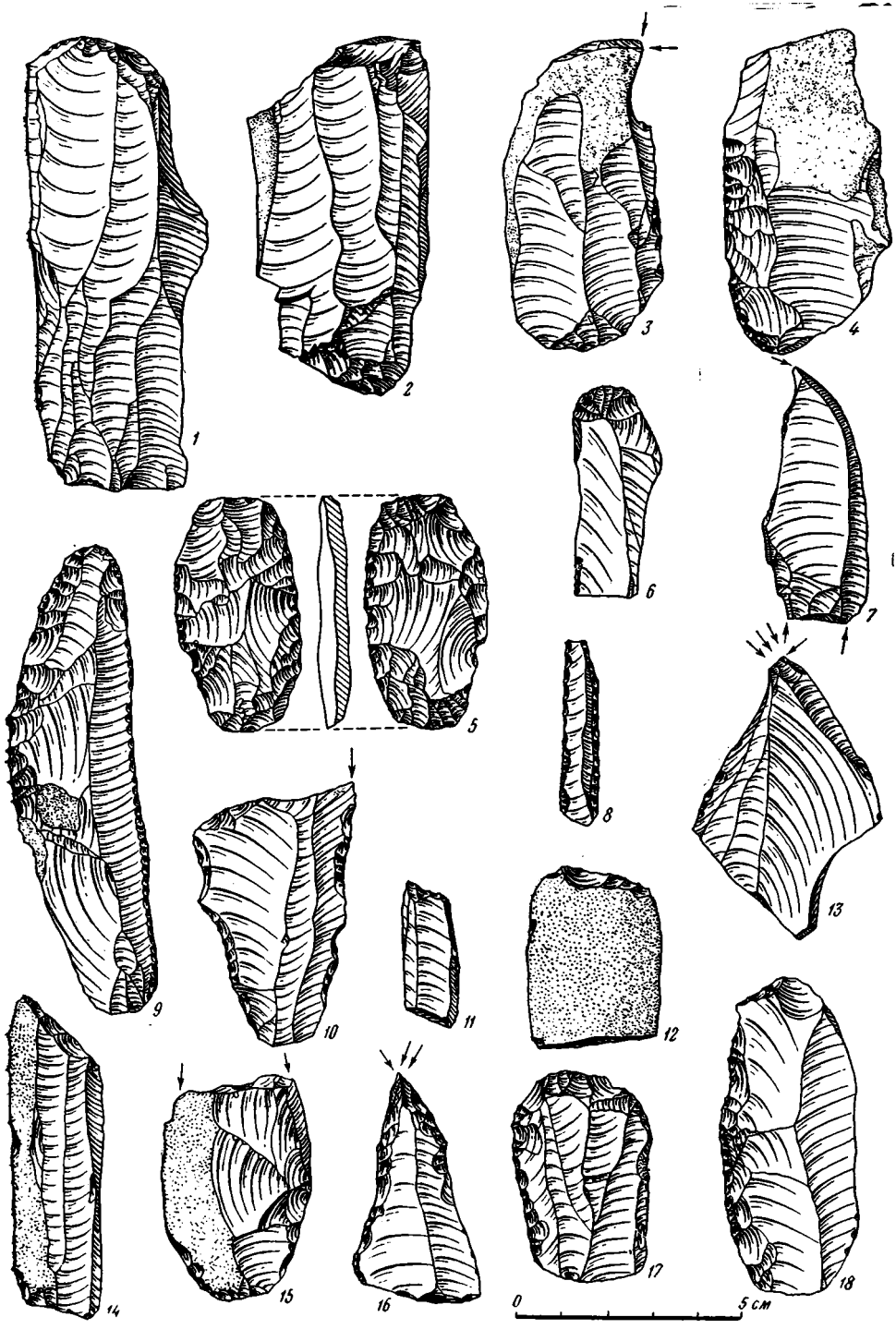
На этом пункте была собрана коллекция кремневых изделий, состоящая из нуклеусов, небольших тонких, хорошо ограненных пластинок, пластинки с притупленным краем, двух миниатюрных скребочков на пластинках длиной от 25 до 35 мм, концевого скребка-острия на пластинке длиной 37 мм, обломков и отщепов.

Материалы данного местонахождения сходны с инвентарем верхних слоев Молодовы V, что позволяет отнести это местонахождение к ранней поре мезолита.

Кроме указанных местонахождений, несколько позднепалеолитических пунктов известно также в окрестностях с. Городница Городенковского района.

Первое позднепалеолитическое местонахождение у с. Городница — Городница I находится на мысу плато между двумя оврагами в урочище Городище, исследованном в 70—80-х годах. В 1938 г. здесь проводил исследования М. Ю. Смишко, с именем которого связана палеолитическая коллекция, хранящаяся в настоящее время во Львовском историческом музее и описанная П. И. Борисковским (1953). Среди подъемных находок этой коллекции мы встречаем такие кремневые находки, как концевые скребки на пластинах с белой патиной, резцы, острие на крупной пластине. Особо интересной находкой является поднятый на плато, на территории Городища, овальный наконечник со сплошной двусторонней

[1] Аналогичный наконечник вместе с другими орудиями был в 1953 г. на данном пункте поднят Ю. Н. Захаруком.



Фиг. 58. Кремневые поделки (*1—18*). Незвиско I

обработкой плоской ретушью. Размеры этого наконечника 85 × 35 × × 7 мм (Борисковский, 1953, стр. 112).

Во время разведок Днестровской экспедиции Львовского филиала АН УССР 1950 г. здесь были собраны находки, состоящие из скребка на отщепе, пластинок с притупленным ретушью краем, покрытых белой патиной, со следами выветривания. Эти материалы аналогичны упомянутой коллекции Львовского музея.

Наличие среди находок этого пункта наконечника с двусторонней обработкой плоской ретушью, острия, орудий на пластинах с краевой ретушью и т. д. позволяет сравнивать материалы местонахождения Городница I с такими памятниками, как Незвиско I, нижний слой Вороновицы I, слой 10 Молодовы V и относить этот пункт ко второй хронологической группе позднепалеолитических памятников Приднестровья (солютре).

С. Круковским опубликован ряд орудий из другого местонахождения окрестностей с. Городница —Городница III (в урочище Приска), которые этим исследователем датируются временем позднейшего ориньяка (Krukowski, 1939, табл. 21—22). На рисунках изображены мелкие концевые скребки, обломки небольших пластин с краевой ретушью, несколько мелких острий — проколок, а также срединные и угловые резцы на небольших пластинках. Эта коллекция также опубликована в сводной работе П. И. Борисковского (1953, стр. 111). Судя по этим рисункам, материалы данного пункта можно отнести ко времени конца палеолита, так как эти находки сходны с материалами слоя 2 стоянки Молодова V.

2. НЕКОТОРЫЕ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ДНЕСТРА В ПРЕДЕЛАХ СТАНИСЛАВСКОЙ И ТЕРНОПОЛЬСКОЙ ОБЛАСТЕЙ УССР

На левобережье Днестра в пределах Станиславской и Тернопольской областей, по данным ряда польских исследователей, работавших здесь в 20—30-х годах, известна группа палеолитических стоянок и местонахождений. Остановимся лишь на тех из них, которые позволяют несколько шире характеризовать эти местонахождения.

Первой из них является стоянка Волчков, расположенная на правом берегу р. Серет, на территории Большовцовского района Станиславской области. Этот памятник — многослойная стоянка, так как в лёссе были открыты 3 культурных слоя с кремневыми находками и остатками фауны.

В нижнем и верхнем слоях стоянки были встречены остатки костей северного оленя, в среднем слое — много обломков костей северного оленя, а также кости лошади, бизона, мамонта, слепыша, барсука и остатки кострищ.

Среди кремневых изделий в среднем слое были встречены скребки с выемками, пластины с подтеской, угловые резцы, полиэдрические резцы. Кроме этого, здесь же были найдены костяные шилья.

Кремневый инвентарь среднего слоя позволяет датировать его мадленским временем. По-видимому, верхний и нижний слои также относятся к этому времени.

В Монастырском районе Тернопольской области, возле с. Устье Зеленое, на левом берегу Днестра, были обнаружены нуклеусы, крупные пластины с белой патиной, концевые скребки, резцы. Особенный интерес вызывает обломок листовидного наконечника с двусторонней обработкой поверхности плоской ретушью. Этот наконечник, хранящийся в Киевском музее, позволяет материалы этого пункта сравнить с

материалами, отнесенными к солютре (Незвиско I, нижний слой Вороновицы I, слой 10 Молодовы V и другие пункты).

Кроме этого, аналогичный наконечник с двусторонней обработкой плоской ретушью был также встречен на левом берегу Днестра в с. Конюшки Рогатинского района Станиславской области (Kozlowski, 1939).

Среди памятников левобережья Днестра одной из наиболее известных является стоянка Лисичники, материал которой был опубликован С. Круковским (Krukowski, 1939). На материалах этой стоянки подробно остановился также П. И. Борисковский (1953, стр. 128—132).

Лисичники, как и стоянка Волчков, является многослойным памятником. Она была открыта на правом берегу Серета в лёссовидных отложениях низкой террасы этой реки. Небольшие исследования этой стоянки были произведены польскими учеными в 1927—1928 гг. Материалы стоянки датировались ориньяком.

В нижнем слое стоянки Лисичники были обнаружены обломки костей северного оленя, куски охры, остатки мастерской для изготовления кремневых орудий. Здесь же были найдены призматические нуклеусы, орудия на тонких пластинах боковой резец, скребки и пластины с ретушью.

В среднем слое стоянки были встречены кости мамонта, употреблявшиеся в качестве сырья для изготовления орудий, кости лошади, быка, барсука, северного оленя (кости последнего составляет 95% всех костей слоя), остатки очажных пятен со следами угольков ели, лиственницы и много охры. Для кремневого инвентаря среднего слоя характерно наличие небольших нуклеусов, тонких пластин, боковых резцов на небольших пластинках, срединных резцов, скребков на правильных пластинках, нескольких орудий типа лезвий перочинных ножей, проколок, выемчатых орудий и скребков на отщепах.

В верхнем слое стоянки Лисичники были встречены кости северного оленя, куски красной охры, а также небольшое количество кремневых находок, аналогичных среднему слою.

Указанный кремневый инвентарь стоянки Лисичники, резкое преобладание в составе фауны остатков северного оленя — все это позволяет сравнить материалы этого памятника с материалами верхних слоев стоянки Молодова V, которые датируются мезолитом.

Местоположение стоянки Лисичники свидетельствует о том, что в конце палеолита и начале мезолита часть поселений палеолитического человека стала располагаться ближе к воде, что, по-видимому, было связано с развитием рыболовства.

3. СТОЯНКИ В ЧЕРНОВИЦКОЙ ОБЛАСТИ УССР

а) Стоянки в Заставновском районе

На правобережье Днестра в пределах Заставновского района Черновицкой области в настоящее время известно в различных пунктах больше 20 разновременных местонахождений. Среди этих памятников мы остановимся на ряде местонахождений окрестностей с. Баламутовка, где были собраны значительные коллекции.

Село Баламутовка расположено на дне и на склонах оврага, идущего параллельно Днестру. По дну оврага течет р. Онут, приток р. Белый поток. На мысах плато между указанным оврагом и правым берегом Днестра расположено несколько позднепалеолитических местонахождений.

Местонахождение Баламутовка I было открыто в 1951 г. сотрудником Черновицкого музея Б. А. Тимощуком в 2 км на В от с. Баламутовка.

Согласно сведениям, любезно сообщенным Б. А. Тимощуком, на глубине 0,35 м, в лёссовидных суглинках стенки промоины от дождя, были обнаружены кремневые изделия с патиной, кости мамонта и северного оленя, куски красной охры. Среди кремневых изделий есть нуклеусы, которые по форме приближаются к коническим, короткие скребки длиной до 30 мм, отщепы и обломки.

Материалы этого местонахождения можно сравнить с материалами слоя 2 стоянки Молодова V, что позволяет датировать это местонахождение концом палеолита.

Местонахождение Баламутовка II, именуемое Гончарова земля, находится на мысу плато над правым берегом Днестра, северо-восточнее села. Здесь автором было собрано значительное количество изделий, состоящих из нуклеусов, пластин, отщепов, обломков и орудий, изготовленных преимущественно из светло-коричневого галечного кремня; иногда встречались находки из темно-серого кремня.

Для этого местонахождения характерны находки кремневых изделий небольших размеров. Нуклеусы по форме относятся к призматическим, с них скалывались тонкие удлиненные пластинки. Некоторые нуклеусы имеют по две ударные площадки, длина их — от 32 до 65 мм. Длина пластинок 40—50 мм, а ширина 10—15 мм. Кремневые орудия состоят из 32 резцов, 21 скребка, 9 небольших пластинок с притупленным краем, резца-скобеля, 5 пластинок с краевой ретушью. Среди орудий преобладают изготовленные из небольших пластинок орудия длиной по 35—40 мм. Резцы по форме рабочего края относятся к угловым (21), срединным (5), боковым, тройным, двойным, билатеральным, супоневским. Скребки состоят из 20 одинарных и 1 двойного на небольшой пластине длиной в 35 мм. Аналогию последнему орудию можно указать среди материалов третьего слоя Владимировской стоянки. Из 21 скребка 16 имеют размеры от 25 до 40 мм. Размеры пластинок с притупленным краем — от 24 до 64 мм.

Собранные на данном пункте кремневые изделия сопоставимы с материалами слоя 2 стоянки Молодова V и позволяют отнести это местонахождение к концу палеолита.

Рядом с указанным местонахождением в 1951 г. был обнаружен новый памятник первобытного искусства: пещера с древними рисунками на стенах, которая, по нашему мнению, относится к мезолиту (Черныш, 1953 д).

Местонахождение Баламутовка III, именуемое Садки, расположено на мысу плато, севернее села. В 1951 г. здесь на поверхности были собраны тонкие удлиненные пластинки правильных очертаний, обломки пластин, 4 нуклеуса (среди них один конический длиной 41 мм), 2 угловых резца на небольших пластинках длиной в 34 и 33 мм, миниатюрный скребочек с рабочим краем в виде носика. Последнее орудие аналогично такой же поделке со стоянки Сокол II, поднятой в 1948 г.

Орудия этого местонахождения изготовлялись из светло-коричневого галечного кремня с голубовато-белой патиной. Материалы данного местонахождения, как и предшествующего, аналогичны материалам второго слоя стоянки Молодова V, что позволяет отнести это местонахождение к памятникам конца шестой хронологической группы позднепалеолитических памятников Приднестровья.

Местонахождение Баламутовка IV, носящее местное название Утариска, расположено на поверхности мыса плато над правым берегом Днестра, северо-восточнее села. Здесь было собрано около 300 кремневых находок, состоящих из нуклеусов призматической и неправильно-призматической формы, отщепов, обломков, небольших пластин, 13 резцов на отщепах и пластинах (4 срединных, 1 двойного углового, 2 боковых, 6 угловых), 9 скребков на коротких пластинах и отщепах, проколки, 3

пластинок со следами краевой ретуши. Орудия изготовлялись из галечного кремня светло-коричневого цвета. Реже употреблялся темный крупнозернистый кремень. Кремневые находки покрыты голубой и бело-голубой патиной.

Кремневые изделия этого местонахождения также небольших размеров, но более крупные по сравнению с изделиями с Баламутовки II и III, что позволяет отнести это местонахождение к несколько более ранним памятникам шестой хронологической группы, так как находки с данного местонахождения сходны с материалами третьего слоя Бабин I и слоев 4 и 3 стоянки Молодова V. Обращает внимание наличие большого количества отщепов и обломков, что свидетельствует о процессе изготовления кремневых орудий здесь на месте.

б) Стоянки в Хотинском районе

Ниже по Днестру, на территории Хотинского района, в результате разведок Ч. Амброжевича, П. И. Борисковского и автора известно 12 позднепалеолитических местонахождений, обнаруженных в окрестностях сел Рухотин, Рашков, Пригородок, Атаки, Хотин и Дарабаны. Мы остановимся лишь на некоторых из них.

Во время разведок Днестровской экспедиции 1950 г. возле с. Рашков на правом берегу Днестра было открыто 4 новых местонахождения. Среди них одним из наиболее интересных является урочище Лан—Рашков III, на склоне плато, в I км южнее с. Рашкова.

Здесь на поверхности было собрано значительное количество кремневых изделий, состоящих из 5 нуклеусов, 3 нуклеобразных обломков, скола от оживления нуклеусов, отбойника, 13 резцов, резцовых сколов, скребка, острия, 7 фрагментов пластин с краевой ретушью, пластин и отщепов. Орудия изготовлялись из светло-серого и темно-серого мелового кремня, цвет патины кремневых находок — белый и серо-синий.

Нуклеусы из Рашкова III по форме относятся к неправильно-призматическим. Крупнейший нуклеус имеет размеры $53 \times 42 \times 30$ мм и наименьший — $40 \times 34 \times 22$ мм. Один фрагмент нуклеуса достигает длины в 95 мм. Собранные здесь пластины соответствуют по размерам указанным нуклеусам. Поднятый отбойник размерами $38 \times 28 \times 22$ мм имеет удлиненно-округлую форму.

Наиболее многочисленной группой орудий являются резцы, которые изготовлены преимущественно на пластинах. По форме рабочего края они делятся на тройные (1), двойные (4), билатеральные (2) и резцы с одинарным рабочим краем (9).

Среди отдельных форм орудий необходимо отметить острие на конце пластины размерами $72 \times 18 \times 9$ мм, аналогичное симметричным остриям второго слоя стоянки Бабин I и остриям стоянки Незвиско IV. Кроме того, здесь же была обнаружена ножевидная пластина с притупленным краем, напоминающая по форме острия типа граветт с выщерблинами по краю. Размеры этой поделки $75 \times 20 \times 4$ мм. Такими же ножевидными орудиями являлись обломки пластин с краевой ретушью. На некоторых из них прослеживается плоская ретушь.

Материалы местонахождения Рашков III сопоставимы с материалами таких памятников, как нижний слой стоянки Вороновица I, с нижними позднепалеолитическими слоями Молодовы V (солютре). Отсутствие поделок с двусторонней обработкой плоской ретушью позволяет датировать это местонахождение временем несколько более поздних памятников позднего палеолита — слоев 8—7 стоянки Молодова V (позднее солютре, третья хронологическая группа позднепалеолитических памятников Приднестровья).

Среди других местонахождений Хотинского района необходимо остановиться на стоянке Дарабаны, известной в литературе в качестве ориньякского памятника.

Стоянка Дарабаны I была открыта Ч. Амброжевичем в 20-х годах на правом берегу Днестра у с. Дарабаны, на выступе III террасы — мысе, именуемом Замчиско. Во время исследований трипольского поселения на этом пункте Амброжевич обнаружил несколько кремневых находок, которые, по его мнению, являлись «типичными» ориньякскими поделками (Ambrozewicz, 1928).

На приведенных этим исследователем рисунках изображены пластинки без вторичной обработки, т. е. находки, которые не могут быть датирующими [1].

Амброжевич отметил, что в Дарабанах им были обнаружены кости мамонта, которые находились под трипольским культурным слоем, но не был прослежен палеолитический культурный слой. Последнее привело его к заключению, что кремневые находки из Дарабан были утеряны во время охоты обитателями стоянки Оселивка (Кишла-Неджимова).

Во время наших разведок на этом пункте в обрыве стенки мыса в лёссовидных суглинках на глубине 1,5 м были встречены отщепы палеолитического облика, но слой не был обнаружен. Здесь, действительно, могла находиться позднепалеолитическая стоянка, но нет никаких оснований говорить об этом пункте как об ориньякском памятнике.

Вторым палеолитическим местонахождением в окрестностях с. Дарабаны является открытое в 1951 г. Днестровской экспедицией местонахождение Дарабаны II у мельниц, ниже по течению Днестра, на склоне.

Здесь были обнаружены нуклеусы призматической и неправильно-призматической формы длиной в среднем по 40—50 мм, пластины, обломки и отщепы. Орудия изготовлялись преимущественно из светло-коричневого галечного кремня, цвет патины кремневых находок белый и сине-белый. Собранные материалы состоят из небольшого округлого отбойника размерами 31 × 30 × 25 мм, концевого скребка на пластине, 2 концевых скребков на обломках пластин, пластинки с притупленным ретушью краем, 2 пластин с краевой ретушью. Некоторые пластины достигают 75—130 мм, большинство имеет сравнительно небольшой размер.

Материалы местонахождения Дарабаны II можно сравнить с материалами верхнего слоя стоянки Вороновица I, третьего слоя Бабин I и четвертого слоя стоянки Молодова V и датировать это местонахождение шестой хронологической группой позднепалеолитических памятников Приднестровья.

в) Стоянки в Кельменецком районе

Позднепалеолитическая стоянка Оселивка является одним из наиболее известных памятников позднего палеолита Приднестровья.

Стоянка расположена на правом берегу Днестра северо-западнее с. Оселивка (Кишла-Неджимова). Она была открыта Амброжевичем в 1923 г. (Ambrozewicz, 1928). У подножья плато, в яме для добывания глины, были найдены обломки бивня мамонта и кремневые находки с синей патиной, находящиеся в переотложенном состоянии.

В 1924—1925 гг. и 1928 г. Амброжевич продолжил исследования в Оселивке, прокопав несколько ям на краю плато, где в 1924 г. был встречен культурный слой. В одной из ям 1924 г., кроме верхнего слоя, был также

[1] См., например, рис. 164 и 165 табл. 20 указанной работы, а также рис. 7 табл. 6, повторяющийся на рис. 164 другой работы этого исследователя (Ambrozewicz, 1926).

прослежен нижний слой, отделявшийся от верхнего стерильной прослойкой толщиной в 30 см. Прокопанные в 1925 г. на другом участке 4 ямы оказались безрезультатными. Сведений о работах 1928 г. не сохранилось.

Одну часть находок Амброжевич отнес к микокскому времени, которое он понимал как промежуточное между мустье и ориньяком, а вторую часть, более позднюю, он отнес к верхнему палеолиту.

Микокские палеолитические находки Амброжевича состояли из рубилец, остроконечников, пластин типа леваллуа, различных скребков, резцов и пластинок. Эти находки сопровождались костями мамонта.

Верхний слой, датированный Амброжевичем ориньяком, дал в большом количестве тонкие удлиненные пластинки, концевые скребки, различные резцы, пластинки с притупленным краем, пластинки с зубчиками, пластинки с краевой ретушью, нуклеусы. Рисунки этого инвентаря и сохраняющаяся в Кишиневском музее коллекция свидетельствуют о том, что верхний слой стоянки типичен для памятников конца палеолита, так как среди инвентаря преобладают тонкие пластинки, короткие скребки, небольшие нуклеусы, небольшие боковые и угловые резцы.

Амброжевич опубликовал список фауны верхнего слоя стоянки Оселивка, в котором перечислены мамонт (много), ископаемая лошадь (много), благородный олень (много), северный олень (мало), гигантский олень (мало), кабан (мало), волк (мало). Кроме этого, были встречены специфичные для лёсса раковины и остатки угля сосны и пихты.

Данные разведочных работ Амброжевича на стоянке Оселивка показали, что стоянка является двухслойным памятником, хотя прослеженные этим исследователем в культурных слоях ее материалы не соответствуют ни микоку, ни ориньяку.

В то же время необходимо указать, что среди опубликованных Амброжевичем рисунков орудий со стоянки Оселивка несколько кремневых поделок имеют более древний облик, чем основная масса находок. Это пластины с краевой ретушью, острие, орудие типа наконечника с боковой выемкой.

К ориньякской датировке материалов стоянки Оселивка первым критически подошел П. П. Ефименко. В своей книге «Первобытное общество» он отметил, что материалы стоянки ближе всего напоминают материалы стоянки Гонцы (Ефименко, 1938, стр. 559; 1953, стр. 538 и 545).

В 1946 г. П. И. Борисковский на поверхности урочища, где расположена стоянка, собрал коллекцию, состоящую из небольших нуклеусов и небольших пластинок, коротких одинарных и двойных скребков, пластинок с притупленным краем, нуклевидных скребков, различного вида резцов, а также ряда пластин с подтеской по брюшку.

На основании материалов своих сборов Борисковский отнес стоянку Оселивка ко второй, выделенной им, хронологической группе позднепалеолитических памятников Приднестровья (позднемадленское время) (Борисковский, 1948). Позже, в своей монографии о палеолите Украины, он отнес данную стоянку к седьмой группе стоянок Приднестровья, которая замыкала хронологически палеолит, хотя в то же время Борисковский отмечал, что Оселивка тяготеет к среднему мадлену (1953, стр. 128 и 427).

В 1948—1952 и 1955 гг. стоянка Оселивка обследовалась автором. Здесь была собрана коллекция изделий, позволяющая получить более четкое представление о этом памятнике. Кроме кремневых находок, здесь также были подняты кости мамонта.

Собранный кремневый инвентарь состоит из 43 нуклеусов, нуклевидных обломков, сколов от оживления нуклеусов, тонких удлиненных пластин, небольшого количества крупных широких пластин, 33 скребков, 22 резцов, 9 пластинок с притупленным краем, 4 обломков пластин с краевой ретушью, ряда орудий отдельных форм. Орудия труда изготовлялись

из светло-коричневого галечного и темно-серого мелового кремня. Находки имеют белую и бело-синюю или серую и сине-серую патину (фиг. 59).

Нуклеусы по форме относятся к призматическим и неправильно-призматическим. Длина нуклеусов — от 25 до 80 мм, больше — длиной 40—50 мм. В комплексе находок преобладают длинные тонкие пластинки, аналогичные пластинкам слоя 4 Молодовы V, хотя изредка встречаются крупные широкие пластины. Орудия изготовлены преимущественно на небольших пластинках и обломках пластин, реже на отщепах.

Любопытной чертой кремневого инвентаря стоянки является преобладание среди орудий скребков. Аналогичное явление среди стоянок Приднестровья наблюдается лишь на таких памятниках, как Сокол I и Сокол II. Скребки стоянки Оселивка по форме рабочего края состоят из двойного скребка на короткой пластине, округлого скребка высокой формы, бокового скребка и обыкновенных одинарных скребков, бóльшую часть которых составляют небольшие скребки на коротких пластинах и отщепах.

Вторая группа орудий — резцы. По форме рабочего края они относятся к четверным, тройным, двойным, боковым, угловым, срединным и билатеральным. В одном случае был встречен резец супоневского типа. Необходимо отметить, что один тройной резец имеет одно из рабочих лезвий типа супоневских резцов.

Среди орудий других форм со стоянки Оселивка необходимо отметить пластинку с отретушированной выемкой на левом краю и подтеской верхнего конца по брюшку, размерами 50 × 15 × 3 мм, по форме близкую к наконечникам свидерского облика, и наконечник свидерского облика, имеющий черешок. Следует остановиться еще на трех орудиях, несколько выделяющихся из комплекса находок

Первое из них — лезвие плоского кремневого топорика четырехугольной формы, размерами 46 × 49 × 10 мм. Плоский тонкий рабочий край орудия сформирован путем двусторонней подтески, нанесенной с нижнего конца вверх; края орудия с одной стороны также подтесаны. Поделка изготовлена из светло-серого кремня и имеет беловато-серую патину (фиг. 59, *5*).

В верхнем палеолите, как известно, топорообразные орудия, вопреки ранее существовавшему мнению, существовали издавна. Такой топор найден на стоянке Костенки I (Семенов, 1950 а).

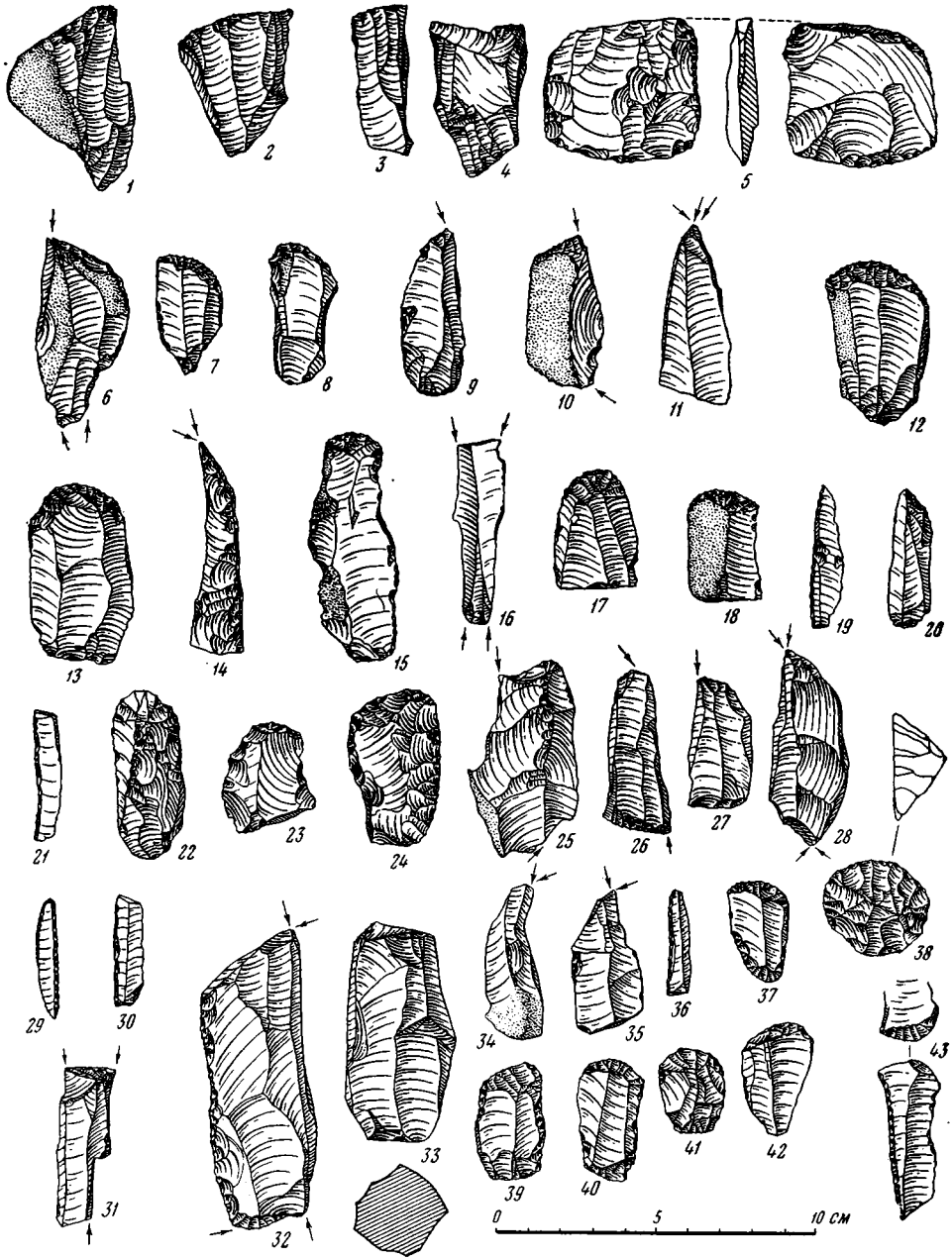
Известно, что изделия верхнего слоя Костенок I более древние, чем основная коллекция находок стоянки Оселивка. Хотя топорик из Оселивки по технике обработки несколько более совершенен, чем топорик из верхнего слоя Костенок I, сравнение их показывает, что и топорик из Оселивки относится к палеолиту. Находка менее совершенных топорообразных орудий на стоянке Бабин I также подтверждает правильность датировки топорообразной находки из Оселивки поздним палеолитом.

Второе орудие — неоконченный наконечник с односторонней обработкой поверхности плоской ретушью, размерами 47 × 30 × 6 мм. Поверхность поделки имеет глубокую блестящую патину (фиг. 59, *24*).

Техника обработки этих поделок аналогична технике обработки наконечников со стоянок Незвиско I, Китайгород II, Бабин III, Городница I, Корман V, Бабин I, Бабин II, Молодова V (слой 10), Вороновица I (нижний слой), т. е. памятников более древних, чем основная коллекция находок Оселивки. Это позволяет предположить, что на данной стоянке имеется более древний позднепалеолитический слой — солютрейский.

Таким образом, новые материалы со стоянки Оселивка позволяют считать данную стоянку многослойным памятником.

Основная масса собранных на стоянке Оселивка подъемных находок типична для памятников конца палеолита; их можно сравнить с материалами третьего позднепалеолитического слоя стоянки Бабин I, верхнего



Фиг. 59. Кремневые поделки (*1—43*). Оселивка

слоя стоянки Вороновица I, со слоями 4 и 3 Молодовы V, со стоянками Дарабаны II и Баламутовка IV.

Другие же предметы из Оселивки являются как более древними (солютре), так и более поздними (мезолит); материалы же микокского времени здесь вообще отсутствуют.

Возле с. Вороновица, на правом берегу Днестра, в настоящее время известно 5 палеолитических местонахождений. Об одном из этих пунктов (Вороновица I) мы писали в главе II.

Второе верхнепалеолитическое местонахождение в окрестностях с. Вороновица — Вороновица II (над стенкой) расположено на мысу между левым склоном оврага и правым берегом Днестра. Это местонахождение было открыто в 20-х годах Ч. Амброжевичем, который отнес находки с данного пункта также к ориньяку.

В 1948 г. и позже сборы материалов здесь производились автором. На поверхности были собраны нуклеусы, орудия, отбросы производства. Орудия изготовлялись преимущественно из галечного кремня, имеющего синюю, синевато-белую и белую патину. Было поднято 7 нуклеусов призматической, неправильно-призматической и дискообразной формы, длиной от 35 до 90 мм (40—50 мм в среднем). Один нуклеус был утилизирован в качестве крупного скобеля, так как по краю ударной площадки заметны следы сработанности.

Небольшой дискообразный нуклеус с этого местонахождения аналогичен «дискам» таких позднепалеолитических памятников, как Владимировка, Боршево II и т. д.

Кремневые орудия состоят из отбойника округлой формы, 4 боковых резцов, срединного резца, двойного резца супоневского типа и 3 скребков. Кроме этого, на данном местонахождении был поднят обломок широкой пластины с краевой ретушью. Судя по собранному материалу, это местонахождение можно отнести к шестой хронологической группе позднепалеолитических памятников Приднестровья (третий слой Бабин I, третий слой Молодовы V).

Третьим, известным по работам Амброжевича, позднепалеолитическим местонахождением в окрестностях с. Вороновица является местонахождение Вороновица III (Вовкивца). Сведений о собранных здесь материалах не сохранилось.

В 1948, 1950 и 1952 гг. автором проведено обследование этого пункта и выяснено, что местонахождение Вороновица III расположено юго-восточнее с. Вороновица, возле деревенского кладбища. Данный участок — внутренняя часть II надпойменной террасы, место прислонения этой террасы к коренному берегу.

Кремневые находки и остатки фауны были встречены в лёссовидном светло-коричневом суглинке на глубине 0,2—0,3 м от поверхности, в обрывах стенок ям для добывания глины. Фаунистические остатки состоят из небольшого количества обломков костей северного оленя и лошади.

Коллекция кремневых изделий местонахождения Вороновица III состоит из 11 нуклеусов, нуклевидных обломков, пластин, отщепов и орудий труда. Нуклеусы по форме относятся к призматическим и неправильно-призматическим, длина их — от 45 до 85 мм. Пластины тонкие, удлиненные. Цвет поверхности кремневых находок синий и темно-синий.

Орудия состоят из 2 скребков, 2 пластинок с притупленным краем, углового резца, резцообразного орудия на кремневом желваке и отщепа с частичной ретушью на конце.

Кремневый инвентарь местонахождения Вороновица III аналогичен материалам третьего слоя стоянки Бабин I, материалам слоев 4 и 3 Молодовы V, материалам таких местонахождений, как Дарабаны II, Атаки V,

Корман II и др. Все это позволяет отнести стоянку Вороновица III к памятникам шестой хронологической группы.

Позднепалеолитическое местонахождение Вороновица IV было открыто Амброжевичем северо-западнее села, на правом берегу Днестра, против устья р. Смотрич.

Отсюда были опубликованы лишь 2 кремневые поделки: пластинка с притупленным краем и обломок концевого скребка на пластине (Ambrozewicz, 1930, табл. III, *8*, *9*).

В 1946 г. П. И. Борисковским были прослежены в суглинках отдельные патинизированные кремневые находки и обломки костей северного оленя (Борисковський, 1950а, стр. 121). В 1948, 1950 и 1952 гг. нами собраны на поверхности склона II террасы 7 нуклеусов, обломки нуклеусов, скребки, резцы на отщепах, фрагмент двойного скобеля, пластинки с притупленным краем, отщепы и пластины. Орудия изготовлялись из светло-коричневого галечного кремня и темно-серого кремня. Цвет поверхности кремневых находок синий, сине-белый и белый. Поднятые на этом пункте находки имеют небольшой размер. Они аналогичны материалам верхнего слоя стоянки Вороновица I и слоя 4 Молодовы V. Это местонахождение можно отнести к памятникам шестой хронологической группы позднепалеолитических стоянок Приднестровья.

Как видно из краткой характеристики трех описанных местонахождений окрестностей с. Вороновица, все они относятся к концу палеолита, т. е. ко времени шестой хронологической группы.

В окрестностях соседних с с. Вороновица сел Макаровка и Нагоряне на правом берегу Днестра была открыта группа новых местонахождений. Из этих пунктов мы кратко остановимся на трех.

Макаровка II. В 1950 г. возле с. Макаровка на мысообразном участке высокого правого берега Днестра, именуемом Щовб, на поверхности были собраны кремневые находки, состоящие из пластин, отщепов и орудий, изготовленных из коричневого и темно-серого кремня с синей, серо-синей и белой патиной.

Орудия состоят из срединного резца на обломке широкой пластины с краевой ретушью, концевого скребка на небольшой массивной ребристой пластине, скребка — углового резца на обломке пластины с краевой ретушью и небольшой пластинки с притупленным ретушью краем.

Собранные материалы аналогичны материалам шестого слоя Молодовы V, что позволяет отнести данное местонахождение к четвертой хронологической группе.

Макаровка III. На мысе, именуемом «На повороте», между правым берегом Днестра и левым берегом его притока Сурши, были собраны отбросы производства, пластины и орудия труда, 5 нуклеусов неправильно-призматической формы, длиной от 22 до 5 мм.

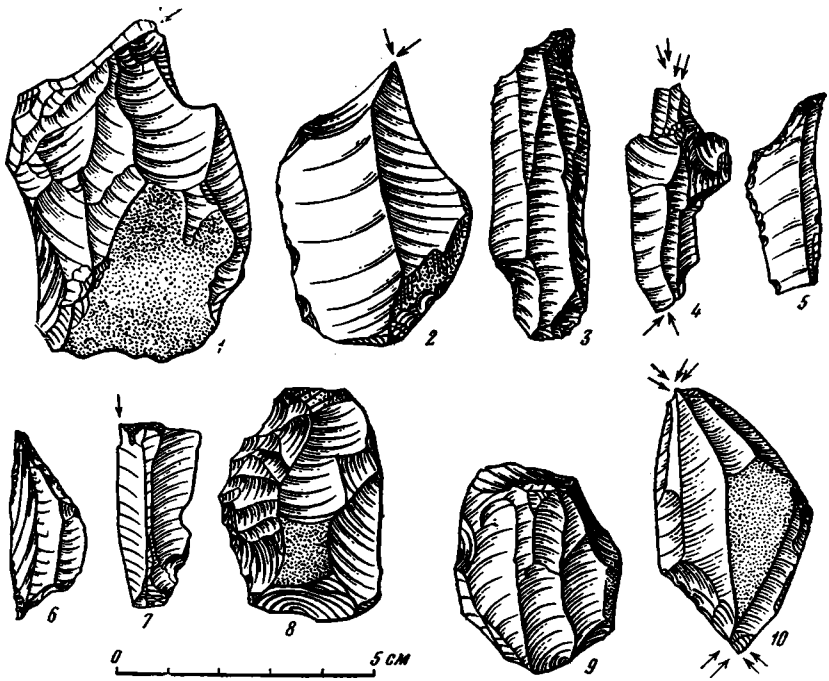
Как и в Макаровке II, кремневые орудия изготовлялись из светло-коричневого и темно-серого кремня, с синей, серо-синей и изредка белой патиной. Собранные на этом пункте пластины в среднем имеют длину по 60 мм при ширине 20 мм. Здесь были подняты: скребок на обломке широкой пластины с краевой ретушью, двусторонний угловой (билатеральный) резец на массивной пластине, двойной угловой резец на обломке пластины, обломок пластины с краевой ретушью, проколка-скобель на обломке небольшой пластинки, обломок тонкой пластинки с ретушью на краю по брюшку, фрагмент пластинки с краевой ретушью, пластинка с притупленным краем и обломок крупной пластины с противолежащими выемками на краях по брюшку.

Основная масса материалов с данного местонахождения аналогична инвентарю пятого слоя Молодовы V и датирует этот пункт временем пятой хронологической группы позднепалеолитических памятников Приднe-

стровья. В то же время необходимо отметить наличие некоторого количества мелких поделок, которые, по-видимому, относятся к мезолиту.

В окрестностях с. Нагоряне на правом берегу Днестра известно несколько верхнепалеолитических местонахождений. Мы остановимся лишь на одном из них.

Н. Морошан в своей сводной работе упоминает Нагоряне как палеолитическую стоянку, но топографических указаний в отношении расположения стоянки не дает (Moroşan, 1938b, стр. 405).



Фиг. 60. Кремневые поделки (*1—10*). Нагоряне II

Во время разведок автором было открыто здесь 2 местонахождения. В связи с тем, что одно из них датируется мустьерским временем, мы опишем лишь местонахождение Нагоряне II.

Местонахождение Нагоряне II было открыто на мысу плато между правым берегом Днестра и правым склоном одного из ответвлений оврага, в котором течет р. Сурша, против с. Лука Врублевецкая. Собранная здесь коллекция состоит из нуклеуса неправильно-призматической формы размерами 38 × 32 × 22 мм с двумя ударными площадками, обломка нуклеуса микролитических размеров (15 × 18 × 6 мм), орудий труда и отщепов.

Кремневые орудия изготовлялись из светло-коричневого кремня с синесерой, беловато-синей и белой патиной. Пластинки — тонкие, небольших размеров, в среднем по 30—35 мм в длину при ширине 10—15 мм (фиг. 60).

Орудия состоят из 4 резцов, 2 проколок, скребка, скобеля, резца-скобеля, пластинки со скошенным ретушью краем. Три резца являются нуклевидными, длиной от 45 до 65 мм, четвертый — срединный резец на отщепе. Резец - скобель сделан на обломке небольшой пластинки с лезвием углового резца и с небольшой выемкой на краю. Скребок с местонахождения Нагоряне II — небольшое орудие (29 × 44 × 20 мм) на гальке,

рабочим лезвием которого является край ударной площадки нуклеуса. Пластина со скошенным ретушью краем аналогична поделкам верхних слоев стоянки Молодовы V, но это орудие имеет отретушированную выемку по краю. Обнаруженная небольшая угловая проколка на пластинке имела длину 30 мм, двойная угловая проколка на обломке пластины — размеры 36 × 15 × 5 мм и напоминала трапецию, так как оба края ее скошены ретушью. Аналогичная поделка была прослежена в слое 1а стоянки Молодова V.

Как мы видим, кремневый инвентарь местонахождения Нагоряне II характеризуется наличием небольших нуклеусов, пластин, орудий, орудий на пластинках с боковой выемкой и т. д. Эти находки сходны с материалами верхних слоев Молодовы V, с материалами местонахождения Раковец I и т. д., что позволяет отнести данное местонахождение к седьмой группе мезолитических памятников Приднестровья.

Расположенное на изгибе меандра Днестра с. Грушевцы в список палеолитических стоянок Приднестровья вошло после работ Н. Морошана, где оно было только упомянуто (Moroşan, 1938b).

Проведенные на этом участке правого берега Днестра в последние годы работы позволили обнаружить в окрестностях с. Грушевцы 6 палеолитических местонахождений.

Грушевцы I. Расположено местонахождение на высоком берегу Днестра в 3 км к СЗ от с. Грушевцы. Собранный здесь в 1949—50 гг. подъемный материал состоит из нуклеусов, пластин, отщепов и кремневых орудий труда. Для изготовления орудий использовался меловой кремень светло-коричневого цвета, находки покрыты белой патиной. Нуклеусы имеют призматическую и неправильно-призматическую форму; длина нуклеусов в среднем 50—65 мм. Среди пластин преобладают крупные, широкие, аналогичные пластинам второго слоя стоянки Бабин I.

Орудия состоят из 7 резцов, 3 скребков, пластин со следами краевой ретуши и т. д. (фиг. 61).

По форме рабочего края собранные здесь резцы являются угловыми, часть из них изготовлена на пластинах с краевой ретушью. Два скребка — орудия на концах обломков пластин, третий скребок изготовлен на массивной ребристой пластине. Здесь же были подняты обломок небольшого острия, обломок листовидного наконечника с односторонней обработкой ретушью концов по спинке, обломок листовидного наконечника с обработкой ретушью краев и обработкой конца по брюшку. Последняя находка размерами 38 × 31 × 5 мм, аналогична находкам из слоя 2 стоянки Бабин I, поделкам верхнего слоя Костенок I, Авдеевки.

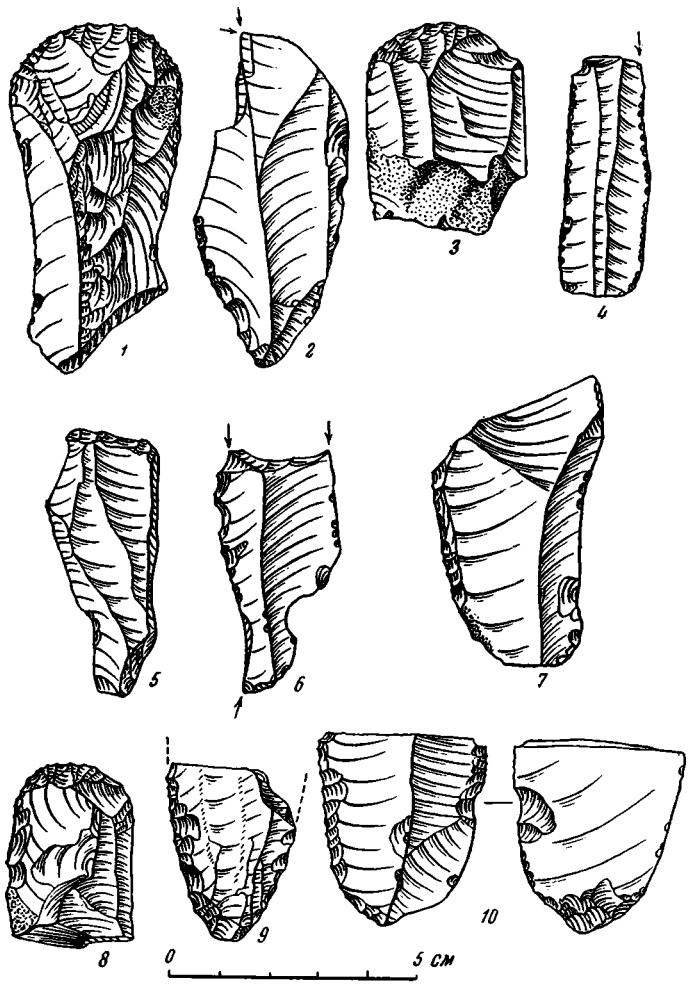
Полученные на местонахождении Грушевцы I кремневые изделия сопоставимы с инвентарем слоя 2 стоянки Бабин I, слоев 8 и 7 Молодовы V и могут быть отнесены к третьей хронологической группе позднепалеолитических памятников Приднестровья (позднее солютре).

Местонахождение Грушевцы II расположено на участке склона правого берега Днестра против с. Марьяновка. Это местонахождение под названием Марьяновка I было открыто С. Н. Бибиковым в 1945 г. на поверхности склона II террасы (Бібіков, 1949а), где были обнаружены резцы (преимущественно боковые), скребки (главным образом концевые), нуклеусы и нуклевидные формы.

Материалы с этого пункта Бибиков сравнивал с материалами стоянки Студеница I, верхнего слоя Кирилловской стоянки и относил их к среднемадленскому времени.

П. И. Борисковский (1953, стр. 125 и 426), собравший в 1947 г. здесь коллекцию, склонялся к датировке ее раннемадленским временем, относя местонахождение Марьяновка I к пятой ступени позднего палеолита своей периодизации.

Во время наших обследований этого местонахождения здесь были подняты нуклеусы неправильно-призматической формы из кремневых галек, нуклевидный обломок, несколько тонких удлиненных пластин длиной по 86—95 мм, несколько небольших пластинок, отщепов, резец на ребристой удлиненной пластинке, 3 концевых скребка на пластинах.



Фиг. 61. Кремневые поделки (*1—10*). Грушевцы I.

Собранные кремневые изделия можно сравнить с материалами слоя 5 Молодовы V, Макаровки III и т. д., что позволяет отнести это местонахождение к памятникам пятой хронологической группы (средний мадлен). Здесь уже отсутствуют орудия на пластинах с краевой ретушью, встречены тонкие пластины и т. д. Таким образом, новыми материалами подтверждается датировка Бибикова.

На открытых в 1945 г. Бибиковым местонахождениях Грушевцы III (Марьяновка II) и Грушевцы IV (стоянка против Демшина) мы специально останавливаться не будем из-за отсутствия новых материалов с этих намятников, но отметим, что опубликованные Бибиковым и Борисковским (1953, стр. 128) сведения об этих памятниках убедительно свидетельствуют о их достаточно позднем времени (поздний мадлен, тяготеющий к мезо-

литу). Для нас в данном случае важно отметить тот факт, что материалы этих, относящихся к переходному от палеолита к мезолиту времени, пунктов были встречены на довольно низких, относительно Днестра, участках (20 м над уровнем Днестра, согласно указаниям Бибикова).

Грушевцы V — местонахождение в окрестностях с. Грушевцы, давшее относительно разнообразные находки (фиг. 62, *1—13*).

Это местонахождение было открыто в 3,5 км северо-восточнее с. Грушевцы на поверхности склона II надпойменной террасы. Топографические условия здесь, как мы видим, аналогичны условиям стоянок Грушевцы III и Грушевцы IV. Местным населением участок склона правого берега Днестра, где расположено местонахождение Грушевцы V, именуется «Кременник» из-за большого количества кремневой гальки, разбросанной на поверхности, среди которой были встречены кремневые изделия.

Собранные здесь предметы состоят из нуклеусов, нуклеобразных обломков, скребков, боковых резцов, срединного резца, пластинки с притупленным краем, пластинки с частичной ретушью по краям, пластин и отщепов.

Орудия изготовлялись из светло-коричневого кремня. Большинство кремневых находок имеет синюю по цвету патину, часть материалов слабо патинизирована.

Нуклеусы по форме относятся к призматическим и неправильно-призматическим. Два нуклеуса имеют удлиненно-призматическую форму. От таких нуклеусов отбивались тонкие удлиненные пластинки правильных очертаний. Такие пластинки преобладают среди собранных на этом местонахождении кремневых находок. Средняя длина пластин 40—45 мм при ширине 10 мм и меньше. Большая часть орудий изготовлена на небольших пластинках. Скребки являются орудиями на концах пластин, резцы также изготовлены на пластинах. Среди резцов необходимо отметить 3 боковых резца с тонкой ретушью на краях пластин.

Материалы местонахождения Грушевцы V имеют много общего с материалами таких стоянок и местонахождений, как второй слой Молодовы V, Баламутовка II, Баламутовка III, Грушевцы III и т. д., что позволяет отнести это местонахождение к концу шестой хронологической группы позднепалеолитических памятников Приднестровья.

Местонахождение Грушевцы VI открыто в 1949 г. в 3 км северо-восточнее с. Грушевцы на участке, именуемом «Серпина», на склоне правого берега Днестра. Часть находок была собрана не только на поверхности, но и в стенках небольших дождевых промоин по склону.

В 1945 и 1950 гг. на местонахождении Грушевцы VI были обнаружены нуклеусы, нуклеобразные обломки, пластины, отщепы и орудия труда: 12 резцов, 8 скребков и несколько других поделок (фиг. 62, *14—28*).

Нуклеусы длиной от 57 до 70 мм по форме относятся к призматическим и неправильно-призматическим. Пластинки — преимущественно тонкие удлиненные; средняя длина их 50 мм. Орудия изготовлялись из светло-коричневого и темно-серого кремня с серо-синей патиной. Резцы (средняя их длина 45—50 мм) относятся по форме рабочего края к угловым (2), срединным (5), боковым (2) и нуклеобразным (2). Скребки — преимущественно концевые на пластинах и обломках пластин. Одно скребкообразное орудие изготовлено на нуклеобразном обломке.

Среди других орудий здесь были встречены пластина с выемкой по краю — скобель; удлиненная пластинка с притупленным краем и отретушированными зубцами по другому краю; фрагмент небольшой пластинки с краевой ретушью; обломок острия на пластине размерами 35 × 18 × 4 мм и дисковидное орудие.

Основная масса кремневых находок из данного местонахождения аналогична материалам слоев 3 и 4 Молодовы V и слоя 3 стоянки Бабин I,

что позволяет датировать эти находки временем указанных памятников. В то же время необходимо отметить, что здесь были встречены находки более древнего облика (фрагмент острия, скребок с глубокой белой патиной, скребок с краевой ретушью). Эти собранные в небольшом количестве находки позволяют предположить наличие в этом районе другого, более раннего, позднепалеолитического местонахождения, аналогичного местонахождению Грушевцы I.

Ниже по Днестру, также на правом берегу, расположена следующая группа позднепалеолитических стоянок и местонахождений. Эта группа концентрируется возле с. Бабин.

По работам Амброжевича и Морошана, в окрестностях с. Бабин известно 6 стоянок палеолитического времени (Moroşan, 1938b). Дальнейшие исследования в этом районе были произведены советскими учеными. В 1946—1947 гг. они осуществлялись Борисковским, а в 1948—1951 и 1953 гг.— автором. В результате этих работ в окрестностях с. Бабин открыто еще 4 позднепалеолитических местонахождения.

Село Бабин расположено на участке правого берега Днестра, сильно изрезанном оврагами с выходами мелового кремня и большим количеством мысов, хорошо защищенных со всех сторон и удобных для охоты.

На стоянке Бабин I мы останавливаться не будем, так как эта стоянка подробно была описана в главе II.

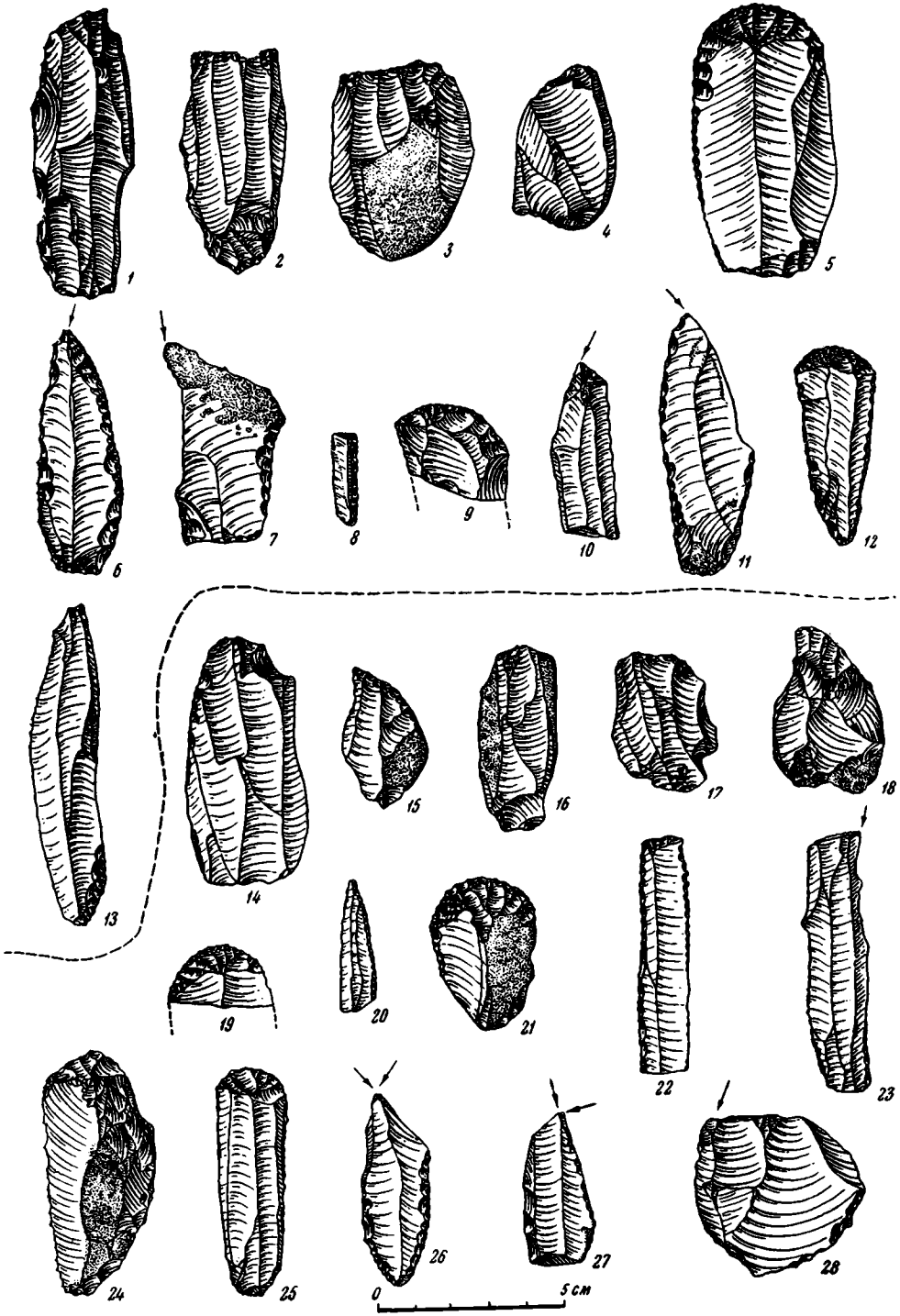
Стоянка Бабин II (Антония) расположена северо-восточнее кладбища с. Бабин, на склоне плато к вершине оврага, идущего к Днестру. Ч. Амброжевич упоминает этот пункт в своих работах, но о собранных здесь материалах ничего не сообщает. Как и другие стоянки Приднестровья, стоянка Бабин II, по Ч. Амброжевичу,— памятник ориньякского времени. Н. Морошан собрал на этом пункте резцы на пластинах, обломки пластин с краевой ретушью, лавролистный наконечник треугольной формы с двусторонней обработкой поверхности, размерами 76 × 33 × 13 мм. На основании последней находки, поднятой на поверхности толтр, Н. Морошан пришел к заключению, что данная стоянка относится к среднему солютре (Moroşan, 1938b, стр. 103—104).

В результате разведок в 1948—1951 и 1953 гг. автором было собрано на поверхности значительное количество кремневых изделий, состоящих из нуклеусов, орудий труда, пластин, обломков пластин и отщепов. Эти орудия изготовлены преимущественно из мелового светло-коричневого кремня с белой патиной.

Собранные на стоянке Бабин II нуклеусы (15 экз.) по форме относятся к призматическим и неправильно-призматическим; средняя их длина 60—70 мм. Пластины широкие (по 20—30 мм в ширину) и крупные. Орудия изготовлены главным образом на таких крупных пластинах. Среди кремневых орудий преобладают резцы (20), по форме рабочего края относящиеся к угловым, срединным, боковым, нуклевидным и билатеральным. Часть резцов — орудия на фрагментах крупных пластин с краевой ретушью. Средняя длина резцов 70—80 мм; в одном экземпляре был встречен резец на пластине с подтеской по брюшку.

Скребки стоянки Бабин II состоят из двойного скребка на пластине, округлого скребка на отщепе, двух нуклевидных и концевых скребков на пластинах. Третьей группой орудий являются пластинки с притупленным краем, длиной от 23 до 38 мм. Среди них две имеют также обработанные ретушью концы. Кроме этих орудий, было встречено несколько ножевидных орудий-пластин с краевой ретушью. Одна из этих пластин имеет размеры 100 × 29 × 6 мм.

Как видим, кремневый инвентарь стоянки Бабин II характеризуется наличием крупных пластин и орудий, пластин с краевой ретушью, орудий на таких пластинах. Кроме этого, здесь Н. Морошаном был поднят



Фиг. 62. Кремневые поделки. Грушевцы V и VI.

1—13 — Грушевцы V; *14—28*— Грушевцы VI

наконечник с двусторонней обработкой поверхности плоской ретушью. Все это позволяет отнести эту стоянку ко второй хронологической группе, куда входят такие памятники, как Вороновица I (нижний слой), слой 10 Молодовы V, Незвиско I, Городница I, Конюшки и т. д.

Необходимо также отметить, что на стоянке Бабин II было найдено несколько небольших нуклеусов с серо-синей патиной и несколько небольших тонких пластинок, относящихся к более позднему времени.

Стоянка Б а б и н III (Магазия) расположена в 1 км северо-восточнее с. Бабин, на мысу над правым берегом Днестра, между двумя идущими к Днестру оврагами.

В работах Ч. Амброжевича опубликовано несколько орудий из этого пункта, собранных в конце 20-х годов. Насколько можно судить по рисункам, этим исследователем были обнаружены такие орудия: фрагмент крупной пластины с краевой плоской ретушью, срединный резец на крупной пластине с краевой ретушью, скребок-острие, нуклевидный резец, двойной нуклевидный резец (Ambrozewicz, 1930, табл. III, *22*; табл. IV, *5*; табл. VI, *5*; табл. VII, *22* и *23*).

Морошан перечисляет стоянку Бабин III среди памятников палеолита, которые он обследовал возле с. Бабин, но конкретных материалов с этого пункта не описывает. По мнению Морошана, все стоянки у с. Бабин имеют инвентарь, относящийся к солютре (Moroşan, 1938b).

В 1946—1947 гг. Борисковский собрал на данном пункте коллекцию подъемных находок, состоявшую из небольших концевых скребков на коротких сечениях пластин, небольшого двойного скребочка и т. д. Эти материалы позволили ему датировать стоянку Бабин III второй половиной мадлена (Борисковский, 1948, стр. 95). Позже он отнес стоянку Бабин III к среднемадленской группе позднепалеолитических памятников Приднестровья (Борисковский, 1953, стр. 123) или к седьмой хронологической группе (там же, стр. 426).

В 1948—1951 гг. на поверхности урочища Магазия автором была собрана во время разведок большая коллекция кремневых изделий, позволяющая датировать стоянку Бабин III несколько отлично от датировок Амброжевича и Борисковского.

На стоянке Бабин III собрано 12 нуклеусов, 28 резцов, 11 скребков, 4 скребка-резца, сколы от оживления нуклеусов, ряд других орудий, отщепов, пластин, обломков. Орудия изготовлялись из светло-коричневого и темно-серого кремня с белой и серо-синей патиной.

Нуклеусы по форме относятся к неправильно-призматическим и призматическим, средняя их длина 60—70 мм. Пластины можно разделить на крупные широкие и небольшие тонкие удлиненные.

Следовательно, нуклеусы и пластины дают некоторые данные о разновременности комплекса находок с данной стоянки. Это же прослеживается и по орудиям.

Так, например, среди резцов имеются резцы на крупных пластинах с краевой ретушью, но были встречены также боковые резцы небольших размеров на пластинках длиной в среднем 30 мм.

Самая многочисленная группа орудий — резцы,— по форме рабочего края состоит из 13 срединных, 6 угловых, 4 боковых, 5 двойных. Среди последних — 2 нуклевидных резца. Один из срединных резцов изготовлен на пластине с подтеской по брюшку. Срединные и угловые резцы на крупных пластинах аналогичны орудиям стоянки Бабин II, второго слоя стоянки Бабин I, нижних слоев стоянки Молодова V, а мелкие резцы аналогичны орудиям верхних слоев стоянки Молодова V, орудиям таких пунктов, как Нагоряне II, Раковец I и т. д.

Скребки также состоят из орудий на крупных пластинах и небольших скребочков на коротких пластинах. Из первой группы орудий необхо-

димо отметить скребок с сужающимся рабочим краем, скребок с прямым рабочим краем, скребок на пластине с краевой ретушью. На стоянке было поднято одно двойное острие на крупной изогнутой ребристой пластине длиной 112 мм.

Среди других кремневых поделок отметим находку фрагмента лавролистного наконечника с двусторонней обработкой поверхности плоской ретушью. Размеры этой поделки 43×29×20 мм (Черныш, 1950а). Кроме того, было обнаружено двойное орудие: крупная срединная проколка-острие на обломке пластины с бело-желтоватой патиной размерами 70×34×8 мм. Это орудие аналогично находке Амброжевича на стоянке Вороновица I (Ambrozewicz, 1930, табл. II, *1*). На стоянке Бабин III было собрано также несколько пластин с краевой ретушью и пластинка с притупленным ретушью краем.

Таким образом, описанная коллекция кремневых изделий характеризуется наличием наконечников с двусторонней обработкой поверхности плоской ретушью, острий, резцов и скребков на пластинах с краевой ретушью, скребков с прямым рабочим краем, пластин с краевой ретушью, небольшими тонкими пластинками, мелкими орудиями на таких пластинках, небольшими боковыми и срединными резцами, небольшими нуклеусами и т. д. Если первую часть инвентаря с данной стоянки можно сравнить с инвентарем памятников типа второго слоя Бабин I и нижнего слоя Вороновицы I, то вторую группу можно сравнить с верхними мезолитическими слоями Молодовы V.

Следовательно, первая группа материалов данной стоянки относится ко второй хронологической группе позднепалеолитических памятников, а вторая группа — к ранней поре мезолита.

Четвертым памятником в окрестностях с. Бабин, который был обследован, является стоянка Бабин IV (Цимбалова говда), которая в списке Амброжевича также фигурирует как ориньякская стоянка. Она расположена в 1,2 км восточнее с. Бабин, на склоне к левому обрыву оврага Хлопив.

В 1948—1951 гг. на поверхности здесь была собрана значительная коллекция кремневых изделий, которая позволила определить, что кремневый инвентарь стоянки Бабин IV ясно расчленяется на два хронологических комплекса.

Для материалов первого комплекса стоянки Бабин IV характерны крупные нуклеусы, крупные пластины и крупные орудия. Орудия труда первого комплекса находок изготовлялись из светло-коричневого мелового кремня, преобладает белая патина, встречается бело-синяя и серо-синяя. Среди собранных находок — 33 нуклеуса, 38 резцов, 22 скребка, 8 пластинок с притупленным краем, 6 пластин с краевой ретушью, ряд орудий других форм, пластин и отщепов. Нуклеусы по форме относятся к призматическим и неправильно-призматическим и имеют среднюю длину 70—80 мм. От таких нуклеусов отбивались крупные пластины длиной по 70—80 мм (при ширине 30—40 мм), которые были основным материалом для изготовления орудий, хотя иногда орудия изготовлялись также на отщепах.

Самая многочисленная группа орудий первого комплекса — резцы. По форме рабочего края они относятся к срединным резцам (15), угловым (10), двойным (4), боковым (5), тройным (1) и нуклевидным (3). Из срединных резцов необходимо отметить 2 многофасеточных резца на крупных отщепах: один из резцовых сколов образовывал ударную площадку-пятку, с которой в дальнейшем были нанесены сколы в другом направлении. Крупнейшим из таких резцов является орудие на отщепе размерами 77×55×17 мм. Часть угловых резцов первого комплекса стоянки Бабин IV изготовлена на пластинах с притупленным в виде выемки концом. Анало-

гичные резцы мы отмечали выше, при характеристике резцов второго слоя стоянки Бабин I.

Скребки первого комплекса — орудия на крупных пластинах и на обломках таких пластин. Преобладают орудия с одинарным рабочим краем. Лишь в одном случае был поднят двойной скребок на пластине размерами 84×24×8 мм. Несколько скребков имеют подтеску на брюшках пластин.

Среди орудий других форм первого комплекса стоянки Бабин IV необходимо отметить пластину со скошенным ретушью краем и обломок наконечника. Последняя находка имеет особый интерес. Это —фрагмент наконечника треугольной формы с обработкой поверхности отжимной солютрейской ретушью по спинке. Размеры поделки 45×44×9 мм. По форме наконечник напоминает наконечники стоянок Бабин I и Бабин II, но отличается по технике обработки, так как обработан лишь с одной стороны. Отсутствие среди инвентаря стоянки Бабин IV наконечников с двусторонней обработкой плоской ретушью говорит о том, что первый комплекс материалов стоянки Бабин IV является более поздним по сравнению с комплексом второго слоя стоянки Бабин I и другими стоянками, где были прослежены наконечники с двусторонней обработкой плоской ретушью.

Все изложенное позволяет отнести первый комплекс материалов стоянки Бабин IV к концу третьей хронологической группы позднепалеолитических памятников Приднестровья, ко времени перехода от третьей группы к четвертой.

Орудия второго комплекса находок стоянки Бабин IV также изготовлялись из меловых конкреций светло-коричневого по цвету кремня. Кроме того, употреблялся темно-серый кремень. Цвет поверхности кремневых находок второго комплекса сине-серый и беловато-серый.

Кремневые изделия второго комплекса состоят из 34 нуклеусов, 25 резцов, 24 скребков, 4 пластинок с боковыми выемками, нескольких пластинок с притупленным краем, пластины со скошенным ретушью краем, двух пластинок с концевыми выемками и т. д.

Нуклеусы по форме относятся к призматическим, уплощенно-призматическим, удлиненно-призматическим и ладьевидным с двумя ударными площадками. Для них характерна небольшая длина (40—50 мм в среднем). С нуклеусов скалывались тонкие, удлиненные, хорошо ограненные пластинки, аналогичные пластинкам из верхних слоев Молодовы V, Раковца I, Нагорян II, Бабина III (второй комплекс). Среди пластинок преобладают пластинки длиной по 60—70 мм при ширине 10—12 мм. Орудия изготовлялись на таких тонких пластинках, на коротких пластинках и на отщепах.

Резцы второго комплекса состоят из угловых (9), боковых (10), срединных (4) и клювовидного (1). Эти орудия изготовлялись как на тонких пластинках, так и на отщепах. Один из резцов изготовлен на сколе от оживления нуклеусов.

Скребки второго комплекса имеют длину от 24 до 55 м. Среди них преобладают орудия на коротких пластинках и на обломках пластинок длиной по 30 мм. Здесь были также встречены скребки на отщепах с полуокруглым рабочим краем. Аналогичные скребки на отщепах были встречены, например, на таких стоянках, как Смячка XIX (сборы М. Я. Рудинского)[1], Сокол I (сборы автора).

Среди остальных орудий второго комплекса стоянки Бабин IV необходимо отметить длинную пластину со скошенным ретушью краем и подтеской

[1] См., например, сводную таблицу материалов Смячка XIV в работе А. Я. Брюсова, посвященной памятникам неолита (Брюсов, 1952, стр. 190—191, стр. 289).

по брюшку, 4 пластинки с боковыми выемками, 2 пластинки с концевыми выемками, пластинку с притупленным ретушью краем и концевой выемкой (размеры этого орудия 33×9×3 мм), 3 пластинки с притупленным ретушью краем и скобель на обломке гальки.

Материалы второго комплекса изделий стоянки Бабин IV сопоставимы с материалами верхних слоев стоянки Молодова V, с инвентарем таких памятников, как Смячка XIV и мезолитических слоев Песчаного.

В 1949 г. на стоянке Бабин IV был заложен шурф, в котором удалось обнаружить большое количество кремневых находок и несколько обломков плохо сохранившихся костей ископаемых животных, причем встреченные материалы относились как к более позднему комплексу, так и к более древнему.

По-видимому, на данном участке находится многослойное поселение, и этот пункт в дальнейшем должно исследовать путем раскопок.

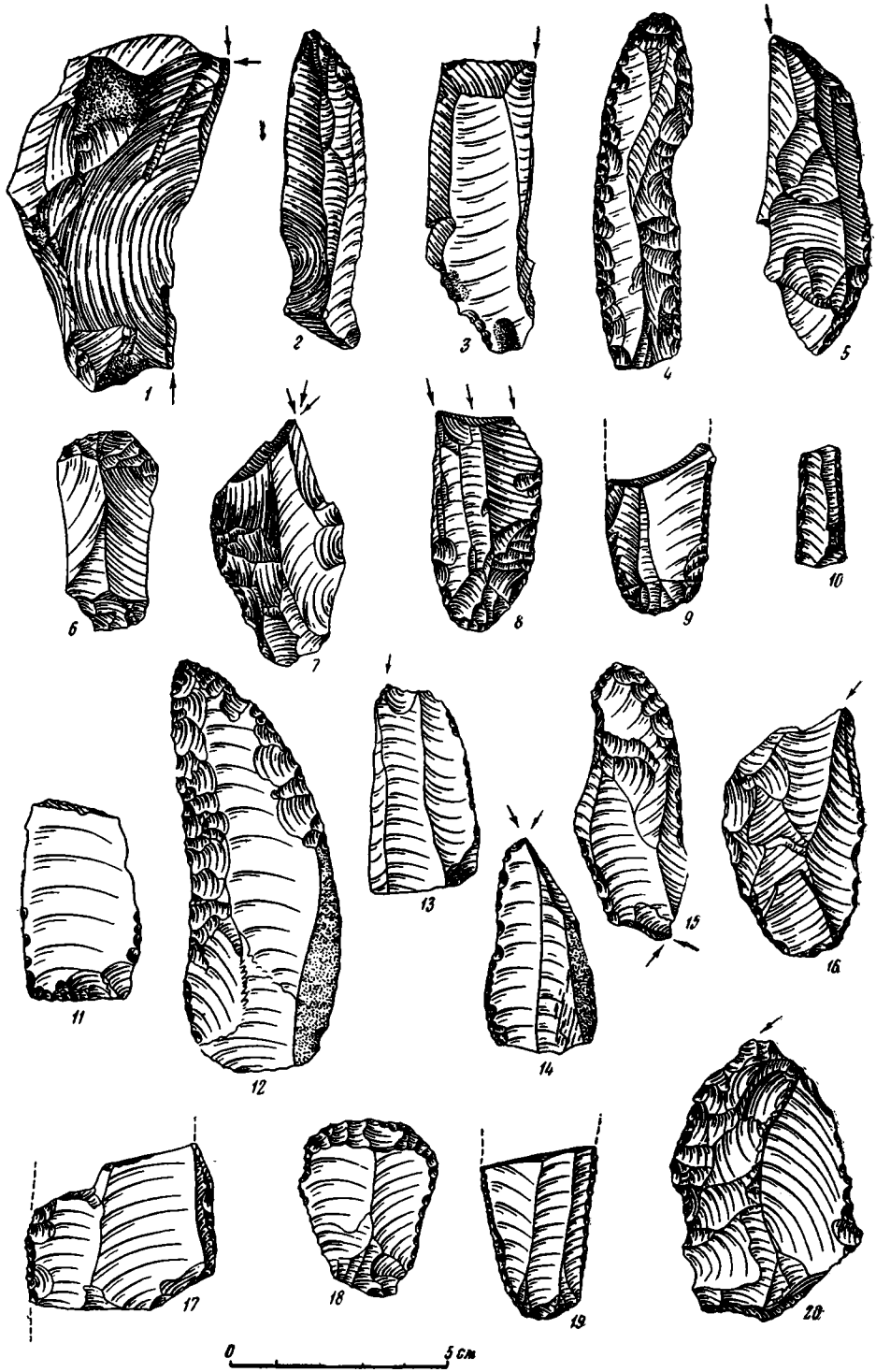
Стоянка Бабин VI (Муравишко) в окрестностях с. Бабин расположена на мысу между правым склоном оврага Хлопив и правым берегом Днестра, в 2—2,5 км восточнее с. Бабин. Этот пункт также значится в сводке Амброжевича как ориньякский.

В 1948—1951 гг. во время обследования урочища Муравишко на поверхности была собрана значительная коллекция разновременных изделий. Здесь были обнаружены 18 нуклеусов, 31 резец, 24 скребка, 3 острия, 5 пластин с притупленным краем, 9 пластин с краевой ретушью, отщеп с подтеской, отбросы производства. Орудия изготовлялись из меловых конкреций и из галечного кремня светло-коричневого и темного цвета с белой и серо-синей патиной.

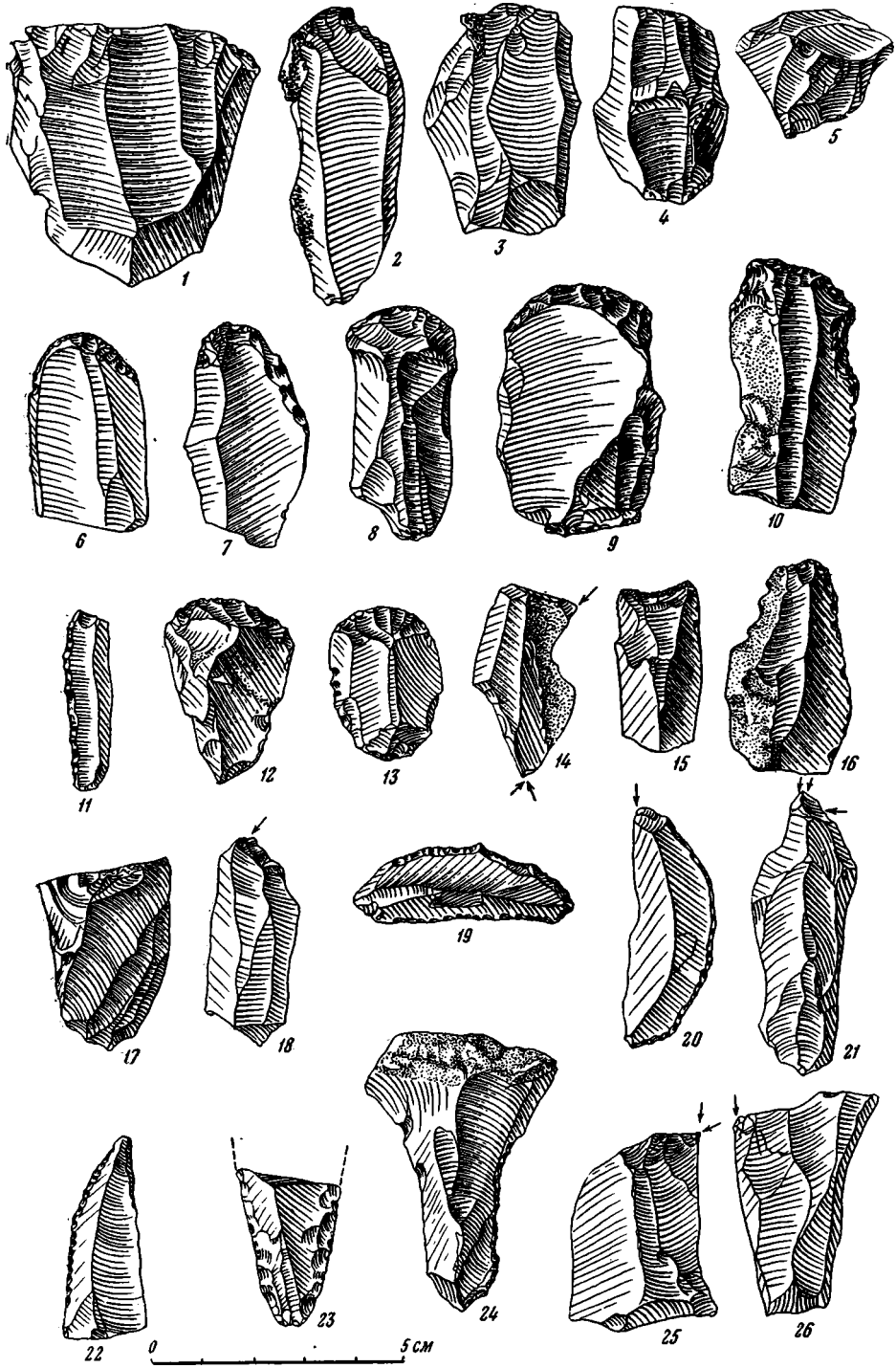
Первая группа изделий, более древняя, состоит из крупных нуклеусов, крупных широких пластин с белой патиной, трех острий, пластин с краевой ретушью (часть из них имеет плоскую ретушь), скребков и резцов на крупных пластинах, орудий на пластинах с краевой ретушью. Среди орудий этой группы необходимо отметить пластину с ретушью по периметру, двойной скребок с прямым и полукруглым рабочим краем, ножевидное орудие на пластине с обработкой плоской ретушью краев размерами 95×33×4 мм (фиг. 63).

Как видим, кремневые изделия первой группы находок стоянки Бабин VI имеют все особенности, характерные для материалов второго слоя стоянки Бабин I, нижнего слоя Вороновицы I, нижних слоев Молодовы V, а также материалов таких пунктов, как Грушевцы I, Незвиско I, Бабин II, Бабин III и т. д.

Для второй группы изделий со стоянки Бабин VI характерно наличие небольших нуклеусов призматической и неправильно-призматической формы длиной по 40—50 мм, тонких небольших пластинок, мелких орудий, орудий на отщепах и обломках, коротких и округлых скребков, небольших угловых, боковых, срединных резцов и других орудий, типичных для памятников начала мезолита. Среди этих орудий отметим пластинку с концевой выемкой и небольшой боковой резец на сегментообразном орудии. Последнее орудие аналогично сегментам с резцовыми сколами, встреченным, например, в третьем, наиболее раннем, комплексе стоянки Шан-Коба (Бибиков, 1936, стр. 205). Кроме этого, на данном пункте в одном экземпляре было встречено сегментообразное орудие на небольшой массивной пластинке; на этом орудии ретушью обработан левый дугообразный край и частично правый. Аналогична находка в первом слое Молодовы V. Подобные орудия являются ранней формой сегментов — одной из типичных форм кремневых поделок азильского времени, а также встречаются среди памятников свидерского типа. Кремневые находки второй группы материалов стоянки Бабин VI имеют преимущественно серо-синюю патину (фиг. 64).



Фиг. 63. Кремневые орудия (*1—20*). Бабин VI, первый комплекс



Фиг. 64. Кремневые орудия (*1—26*). Бабин VI, второй комплекс

Вторая группа материалов стоянки Бабин VI аналогична материалам первого слоя Молодовы V, местонахождения Смячка XIV, поздним комплексам стоянок Бабин III, Бабин IV, Нагоряне II, Раковец I и т. д., что позволяет отнести эту группу материалов к седьмой хронологической группе памятников Приднестровья.

Местонахождение Бабин VII (Виноградник), открытое в 1948 г., расположено на куполообразном выступе известнякового толтра над левым склоном верховья оврага Хлопив, в 1,5 км восточнее с. Бабин.

Собранные здесь в 1948—1950 гг. кремневые изделия, как и на предшествующих стоянках, оказались разновременными. Они состоят из нуклеусов, обломков нуклеусов, отщепов, пластин и орудий.

К наиболее ранней группе позднепалеолитических материалов относятся 14 нуклеусов крупных размеров призматической и неправильно-призматической формы (некоторые из них имеют высоту 120—130 мм), нуклеобразные обломки, крупные отщепы, крупные широкие пластины и орудия труда. Последние состоят из резцов на пластинах и отщепах (крупнейший из них — срединный резец, изготовленный на массивном отщепе размерами 93×95×15 мм), концевых скребков на пластинах, срединной проколки, резца на массивном краевом сколе от нуклеуса, пластин с краевой ретушью, 3 пластинок с притупленным краем. Эта группа находок аналогична материалам первого комплекса стоянки Бабин IV, материалам седьмого слоя стоянки Молодова V и относится к тому же времени.

Вторая группа изделий местонахождения Бабин VII состоит из 5 небольших нуклеусов длиной от 35 до 55 мм, небольшого количества тонких удлиненных пластинок, 3 скребков с полукруглым рабочим краем длиной от 22 до 34 мм, небольшого концевого скребка на пластинке, углового резца на пластинке длиной 18 мм, двух резцов на небольших пластинках, срединного резца. Эта группа кремневых находок имеет преимущественно серо-синюю патину.

Материалы второй группы кремневых находок можно отнести ко времени вторых комплексов находок стоянок Бабин III, IV, VI, первого слоя Молодовы V и других аналогичных памятников седьмой хронологической группы.

В окрестностях с. Бабин было обнаружено еще несколько более бедных местонахождений. Среди них мы упомянем лишь местонахождение на мысу, над правым берегом Днестра—Бабин X (Клин). Здесь были встречены только нуклеусы и отбросы производства — очевидно, на данном участке находилась мастерская для производства кремневых орудий.

В окрестностях с. Атаки на правом берегу Днестра в настоящее время известно 5 палеолитических стоянок и местонахождений.

Село Атаки расположено в 4 км ниже по течению Днестра от с. Бабин. Строения с. Атаки находятся на поверхности I и II надпойменных террас. Среди открытых возле этого населенного пункта позднепалеолитических стоянок и местонахождений мы отметим лишь две наиболее интересные стоянки — Атаки I и Атаки V.

Стоянка Атаки I была открыта И. Ботезом во время его работ на правобережье Днестра в конце 20-х годов. Культурные остатки были встречены в правой стенке первого от деревни оврага на глубине 3,5 м. Они имели характер тонкого (20 см) культурного слоя, который включал кремневые находки, остатки костей ископаемых животных, остатки угля (Botez, 1933). По мнению Морошана, находки залегали в прослойке ископаемой почвы, разделявшей лёсс (Moroşan, 1938b, стр. 100).

И. Ботез обнаружил на этом пункте около 200 кремневых изделий, но без орудий характерных типов. Поэтому он затруднялся датировать эту стоянку и относил материалы ее к позднему ориньяку — древнему мадлену, больше склоняясь к последней датировке. В прослеженном куль-

турном слое И. Ботез обнаружил обломки костей мамонта бизона, лошади и оленя.

В 1954 г., во время обследования данного пункта И. К. Ивановой были найдены нуклеус, пластины и обломки костей бизона. Положение культурного слоя позволяет предположить, что это местонахождение, по-видимому, относится к мадлену. Небольшое количество кремневых находок с данного пункта не позволяет точно датировать его.

Другие, более бедные местонахождения подъемного материала у с. Атаки были открыты Н. Морошаном, П. И. Борисковским и автором на более высоких точках рельефа, а стоянка Атаки V была обнаружена в аналогичных условиях, но несколько выше первой по течению Днестра.

Стоянка Атаки V, открытая автором в 1949 г., находится в 1 км западнее с. Атаки. В обрыве к реке, в делювиальных отложениях, представленных лёссовидными суглинками с прослоями кремневого щебня, на глубине 10—13 м от поверхности были обнаружены кремневые находки, обломки костей животных. В 1950 и 1951 гг. стоянка была обследована дополнительно.

Культурные остатки залегают здесь слоем толщиной около 10 см и встречены также в обвале стенок обрыва.

Собранный инвентарь состоит из 4 нуклеусов призматической и неправильно-призматической формы, пластин длиной по 50—60 мм, отщепов, обломков и орудий. Для изготовления орудий труда употреблялись кремневые конкреции мелового возраста и галечный кремень.

Орудия состоят из срединного резца на пластине длиной 120 мм, небольшого нуклеобразного резца, двух боковых резцов на небольших пластинах, двух срединных резцов на обломках пластин, короткого скребка на пластине и пластинки с притупленным ретушью краем.

Фаунистические остатки стоянки Атаки V состоят из обломков костей мамонта, северного оленя, лошади и волка (определение И. Г. Пидопличко).

Орудия, нуклеусы, пластины стоянки Атаки V аналогичны материалам стоянок Молодова V (слои 3 и 4), Бабин I (слой 3), Вороновица III, Дарабаны II и других стоянок шестой хронологической группы, а также материалам стоянки Владимировка (слои 7 и 8).

Все это позволяет с полным правом отнести стоянку Атаки V к памятникам шестой хронологической группы (поздний мадлен).

В окрестностях с. Комарово, находящегося в 3 км ниже по Днестру от с. Атаки, в настоящее время известно 4 местонахождения. На первых трех из них мы не будем останавливаться из-за небольшого количества материалов, собранных на этих пунктах, но кратко охарактеризуем четвертое местонахождение, получившее наименование Поливанов Яр.

Местонахождение Поливанов яр является участком высокой террасы между правым берегом Днестра и левым склоном устья оврага Поливанов яр. Оно было открыто Н. Морошаном в 1928 г. (Moroşan. 1929, стр. 8—9). Собранные здесь кремневые находки этот исследователь сравнивал с материалами открытого М. Я. Рудинским местонахождения Смячка XIV и относил к мезолитическому времени. В 1948, 1949 и 1951 гг. сборы материалов производились здесь автором (Черныш, 1950а, 1953б).

На поверхности террасы во время разведочных работ была собрана значительная коллекция кремневых изделий (около 300 экз.), состоящая из нуклеусов, отщепов, обломков, пластин и орудий, изготовленных из светло-коричневого и темно-коричневого кремня, с серо-синей, белой, изредка розовой патиной.

Нуклеусы по форме относятся к призматическим и неправильно-призматическим. Были встречены также нуклеусы дисковидной формы. Собранные здесь пластины — тонкие удлиненные; средняя длина пластин 40—60 мм.

Самая многочисленная группа кремневых орудий — резцы. По форме рабочего края они относятся к нуклевидным, срединным, боковым, двойным, угловым. Большая часть резцов изготовлена на небольших пластинках. Среди резцов одно орудие является двойным угловым резцом на сечении пластины. Необходимо также отметить находку нуклевидного резца с подтесанным ретушью краем так называемого липского типа (Рудиньский, 1952а).

Скребки из Поливанова яра преимущественно являются концевыми скребками на пластинах и концах фрагментов пластин. В одном экземпляре был встречен скребок с выемчатым рабочим краем. Вкладышевые орудия — пластинки с притупленным краем небольших размеров (длина от 27 до 39 мм). Были также встречены поделки, приближающиеся по форме к наконечникам свидерского облика. Наиболее выразительным среди этих поделок является обломок пластины размерами 55×15×3 мм, с нанесенной с брюшка ретушью по левому краю пластины, формирующей черешок. Подобного типа наконечники известны среди ранних памятников свидерского времени, как, например, Новый млин (Sawicki, 1935, табл. XX).

Среди отдельных форм орудий необходимо отметить орудие треугольной формы с обработанными ретушью левым краем и основанием. Эта находка аналогична треугольному орудию стоянки Сокол II, которая рассматривается ниже. Здесь была обнаружена также пластинка с дугообразно-отретушированным краем, приближающаяся к сегментообразным орудиям. Такие поделки также являются одной из характерных форм мезолитических памятников. В 1951 г. на местонахождении Поливанов яр была обнаружена пластинка с двумя противолежащими выемками на нижнем конце, близкая к изделиям памятников свидерского облика. Кроме того, аналогичные находки можно указать среди материалов такой стоянки, как Рогалик.

Таким образом, основную массу кремневых находок с данного местонахождения можно датировать мезолитическим временем, но необходимо отметить также несколько более древних кремневых находок: небольшое количество массивных пластин с глубокой белой патиной и с крупным ударным бугорком. Они свидетельствуют о том, что на данном мысу, по-видимому, также находилась стоянка более древнего времени.

В 2 км ниже по Днестру от местонахождения Поливанов яр расположено с. Молодова, в окрестностях которого прослежена группа палеолитических местонахождений. Материалы двух из этих памятников подробно изложены в предшествующей главе.

Среди остальных местонахождений этой группы мы отметим одно из наиболее интересных.

Во время разведок 1948 г. было открыто местонахождение Молодова IV (Под стенкой), расположенное возле юго-западных построек с. Молодова, на мысообразном выступе склона правого берега реки. На поверхности мыса была собрана коллекция кремневых изделий, состоящая из нуклеусов, резцов, скребков, пластинки с притупленным краем, пластин с краевой ретушью, пластин и отщепов.

Орудия, встреченные здесь, изготовлены из светло-коричневого кремня мелового возраста, с белой патиной. Пластины крупные и широкие. Резцы по форме рабочего края относятся к нуклевидным, двойным, срединным, угловым. Скребки (средняя их длина 60—70 мм) являются орудиями на пластинах и реберчатых сколах. Один из скребков имеет плоскую ретушь по краям.

Орудия эти можно сравнить с материалами нижнего слоя стоянки Вороновица I, нижних слоев Молодовы V, а местонахождение отнести ко второй хронологической группе (солютре).

г) Стоянки в Секирянском районе

Следующим участком, где наблюдается группа позднепалеолитических памятников, известных по работам Ч. Амброжевича и И. Ботеза, являются окрестности с. Корман Секирянского района, расположенного в 4 км ниже с. Молодова по Днестру.

Первой стоянкой окрестностей с. Корман является стоянка К о р м а н I, которая находится на мысу высокой террасы, между левым склоном оврага, разделяющего с. Корман на две части, и правым берегом Днестра. Этот мыс местное население именует Дильница. Стоянка расположена рядом с дорогой в с. Шебутинцы.

Стоянка Корман I была открыта в 1926 г. Ч. Амброжевичем. Этот исследователь собрал здесь кремневые изделия и остатки фауны.

В своей сводной статье о палеолитических стоянках Бессарабии он опубликовал с этой стоянки лишь тонкую удлиненную пластину с краевой ретушью, пластину, угловой резец, скребок-резец, короткий скребок и 2 реберчатые скола (Ambrozewicz, 1930, табл. II, *3*; табл. IV, *4*; табл. V, *1*; табл. VI, *14*; табл. VII, *1*). Амброжевич отмечает, что в Кормане им были обнаружены кости следующих животных: мамонта (много), лошади (много), благородного оленя (много), гигантского оленя (мало), волка (мало), бизона (мало), а также раковины [1].

Обследование стоянки Корман I автором производилось в 1948—1950 и 1954 гг. Во время сборов материалов на поверхности, а также при осмотре выемки по склону дороги на этом пункте были собраны в большом количестве кремневые находки и остатки фауны. Кремневые изделия состоят из нуклеусов, резцов, скребков, острия, отщепа с ретушью по краю, пластинки с притупленным краем, обломка проколки, отщепов и пластин. Для изготовления орудий труда употреблялся светло-коричневый и темно-серый кремень. Нуклеусы, изготовлявшиеся из разнообразных по форме кремневых желваков, имеют в основном неправильно-призматическую форму и длину от 45 до 90 мм (70—80 мм в среднем). С нуклеусов скалывались удлиненные пластины шириной по 15—20 мм. Цвет кремневых находок серо-синий, белый и синий.

Кремневые орудия стоянки Корман I изготовлялись на пластинах, отщепах и обломках. Резцы по форме рабочего края относятся к тройным, угловым, срединным и двойным. Тройной резец — орудие на крупном плитчатом сколе, размерами 65×60×12 мм. Скребки являются орудиями на коротких пластинах, их длина — от 33 до 48 мм. Один из скребков — боковой, так как рабочими краями являются стороны массивной короткой пластины. Это орудие аналогично скребку, опубликованному Ч. Амброжевичем (Ambrozewicz, 1930, табл. VI, *14*). Острие изготовлено на отщепе, ретушью обработана вершина треугольного по форме отщепа.

Кремневый инвентарь стоянки Корман I ближе всего напоминает материалы пятого слоя стоянки Молодова V, что дает основание датировать этот пункт среднемадленским временем.

Второй стоянкой в окрестностях с. Корман, известной по работам Амброжевича, является стоянка К о р м а н II, расположенная возле крайних юго-восточных построек села, рядом с оврагом Томына. Как и предшествующая, эта стоянка датировалась им ориньякским временем. Амброжевич отмечал здесь находки остатков смолы, удлиненной подвески из камня длиной до 9 см, которая, по его мнению, являлась фаллической скульптурой, остатков фауны и остатков угля (Ambrozewicz, 1930, стр. 32—34).

---

[1] Этот состав фауны, по Ч. Амброжевичу, обнаружен и на стоянке Корман II.

На опубликованных таблицах иллюстраций мы видим лишь крупную пластину без ретуши, пластину со следами краевой ретуши, пластину с притупленным краем, лавролистное острие, боковой резец, угловой резец, двойной резец, концевой скребок на пластине с краевой ретушью и две небольшие пластинки с ретушью (там же, табл. I,*3*; II,*6*; III, *1*, *20*; IV,*3*; V, *7—8*; VI, *15*; VII, *8—9*).

Проведенные в 1948—1950 и 1954—1955 гг. обследования этого пункта позволили установить, что палеолитические кремневые находки на стоянке Корман II наблюдаются на двух различных участках.

Первым из них является поверхность высокой террасы между правым берегом Днестра и левым склоном оврага Томына, а вторым — склон к реке, где в обрывах лёссовых стенок небольших промоин от дождя — неглубоких оврагов, на высоте 50—60 м от уровня Днестра, были встречены кремневые находки, остатки фауны и был прослежен тонкий культурный слой. По-видимому, именно на этом втором участке стоянки Корман II Ч. Амброжевич производил раскопки.

Изложение данных о стоянке Корман II мы начнем с характеристики первого участка, где наблюдались материалы палеолитического времени.

Среди собранных на поверхности мыса высокой террасы кремневых изделий 14 нуклеусов, 25 резцов, 5 скребков, 7 пластин с краевой ретушью, ряд других орудий, а также пластины, обломки и отщепы (фиг. 65).

Орудия первого комплекса находок изготовлялись из светло-коричневого, светло-серого и темно-серого мелового кремня с белой, реже серо-синей патиной. Нуклеусы по форме относятся к призматическим и неправильно-призматическим. Наиболее крупный нуклеус имеет размеры 165×102×66 мм, остальные — длину в среднем 70—80 мм. Пластины — преимущественно крупные и широкие.

Самая многочисленная группа кремневых орудий — резцы — по форме рабочего края относится к угловым (13), срединным (17), двойным (2) и боковым (2). Одно орудие сходно с резцами супоневского типа. Один резец изготовлен на пластине длиной 128 мм, с ретушью по краю. Один из боковых резцов является орудием на крупной пластине с боковой выемкой по левому краю.

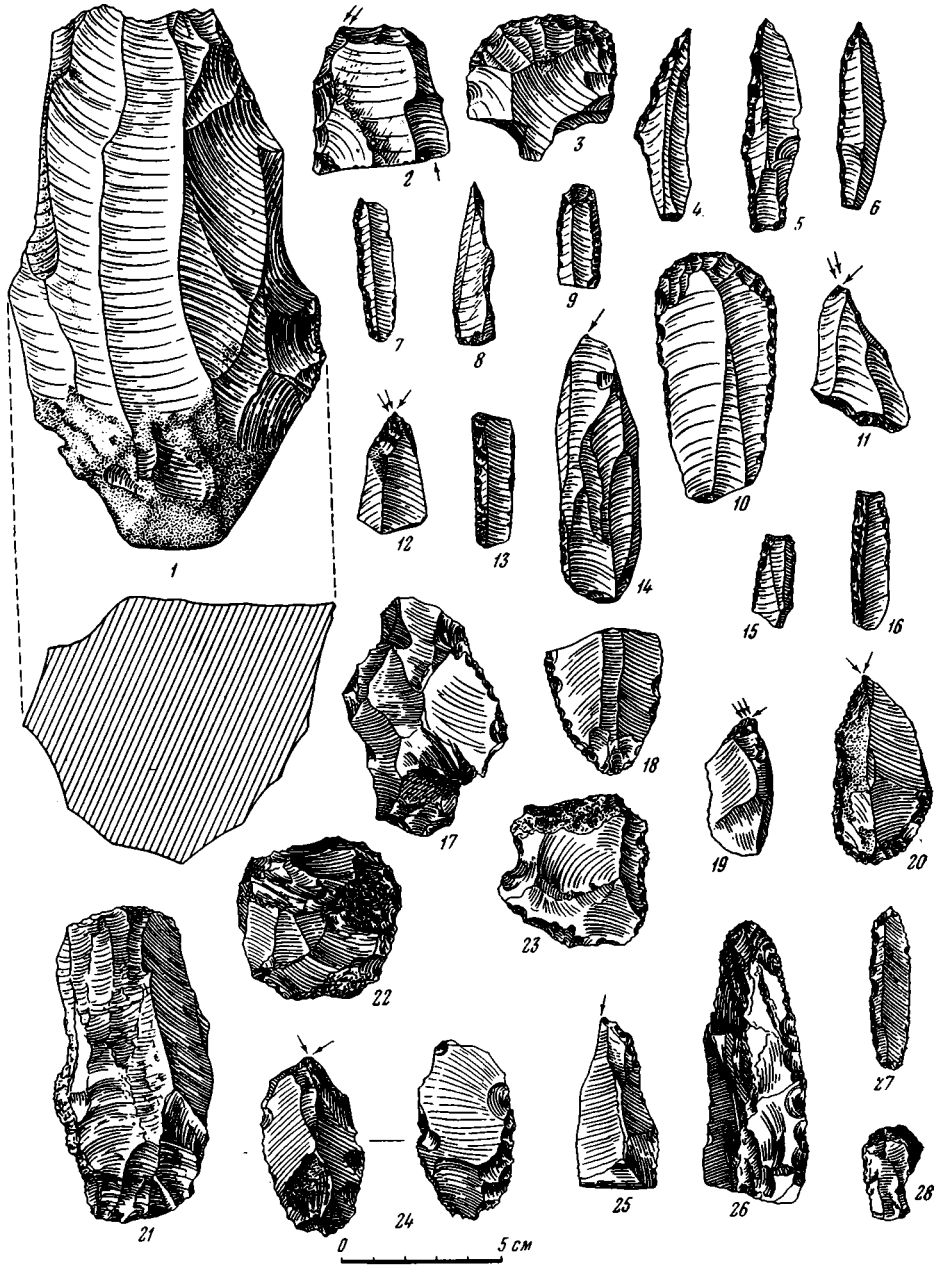
Необходимо отметить также срединный резец на обломке пластины треугольной формы с притупленным ретушью основанием. Аналогичные поделки известны со стоянки Виллендорф, из грота Гримальди. В предшествующей главе мы отмечали такую поделку среди материалов второго слоя стоянки Бабин I.

Три резца имеют краевую ретушь; один из срединных резцов подправлен по брюшку плоской ретушью.

Скребки первого комплекса стоянки Корман II являются преимущественно орудиями на пластинах. Четыре скребка имеют полукруглый рабочий край, а пятый скребок — на реберчатом сколе с суживающимся к вершине рабочим краем. Один из скребков — утилизированный обломок верхней части нуклеуса.

Другие кремневые орудия первого комплекса состоят из резца-скребка на пластине с краевой ретушью, пластинок с притупленным краем длиной от 18 до 50 мм, среди которых пять поделок имеют стесанный ретушью край, а на четырех — верхние концы также обработаны ретушью.

Из орудий других форм отметим острие на крупной пластине, скребкообразное орудие на крупном отщепе из серого кремня, 2 острия со скошенными краями (одно из этих орудий по форме приближается к трапеции, но у него лишь один край обработан ретушью), орудие с подтеской по брюшку, несколько фрагментов пластин с краевой ретушью, а также 2 небольших наконечника дротиков, приближающихся по форме к так называемым атипическим наконечникам с боковой выемкой. Длина



Фиг. 65. Кремневые поделки (*1—28*). Корман II, первый комплекс

последних—75 и 56 мм. У первого из них левый край притуплен ретушью, подправлен ретушью нижний конец и имеется ретушь на нижней части правого края, формирующего черешок. Второй наконечник имеет ретушь лишь по левому краю, на котором намечена небольшая выемка, формирующая черешок. Аналогии этим поделкам можно указать среди материалов пятого слоя «Грота детей» стоянки Гримальди, материалов стоянки Виллендорф, а также стоянки Гагарино (Замятнин, 1935а, стр. 50, табл. 15).

Как видим, первый комплекс подъемных материалов со стоянки Корман II характеризуется крупными орудиями, пластинами с краевой ретушью, орудиями на пластинах с краевой ретушью, атипическими наконечниками с боковой выемкой и т. д., т. е. чертами, которые наблюдались на памятниках типа Бабин I (слой 2), Молодова V (слои 7 и 8) и других, что позволяет датировать собранные на мысу материалы стоянки Корман II временем третьей хронологической группы позднепалеолитических памятников Приднестровья (позднее солютре).

Второй комплекс материалов со стоянки Корман II, который был собран на склоне мыса в стенках небольших оврагов, отличается от первого комплекса находок размерами и техникой обработки. На втором участке были обнаружены отбойник, нуклеусы, резцы, скребки, пластинка с притупленным краем и пластины и обломки, залегавшие в тонком культурном слое, находящемся в лёссе на глубине 1,2—1,3 м.

Вместе с кремневыми находками здесь были встречены обломки костей ископаемых животных: северного оленя, лошади, зубра.

Нуклеусы по форме относятся к неправильно-призматическим и дисковидным; средняя длина их 50 мм. С таких нуклеусов скалывались небольшие тонкие пластинки.

Орудия данного комплекса материалов состоят из небольших угловых, срединных и двойных резцов, концевых скребков, пластинки с притупленным краем, пластинки со скошенным ретушью краем, отбойника. Кроме того, здесь были также обнаружены две овальные терки из песчаника с хорошо сработанными гранями.

Собранные материалы можно сравнить с материалами таких памятников, как слой 3 стоянки Бабин I, слои 3 и 4 стоянки Молодова V, и отнести этот комплекс находок к шестой группе позднепалеолитических памятников Приднестровья. Прослеженный на этом пункте тонкий культурный слой также является характерным для стоянок конца палеолита.

Мы не будем останавливаться на открытом Амброжевичем местонахождении Корман III (На крестах), так как на этом пункте было встречено лишь несколько маловыразительных находок, а перейдем к характеристике стоянки Корман IV, которая была открыта и обследована И. Ботезом.

Стоянка К о р м а н IV находится западнее с. Корман, на участке, именуемом «У млинов», в одном из оврагов, прорезающих II надпойменную террасу. В 1930—1931 гг. И. Ботез здесь обнаружил 2 культурных слоя позднепалеолитического времени, находившихся в лёссе стенок оврага.

Нижний культурный слой толщиной 0,50 м находился на глубине 4,5 м в песчанистом лёссе, верхний слой (0,30 м) залегал на глубине 3,5 м (Botez, 1933).

В нижнем культурном слое были обнаружены обломки костей носорога, лошади, мамонта, бизона, зубра, северного оленя, зайца, козерога, серны. Часть костей была обожжена и раздроблена. Кроме этого, здесь был обнаружен обломок плечевой кости человека[1], а также кремне-

[1] По мнению Г. Ф. Дебеца (1948), кость принадлежит человеку современного типа.

вые находки, часть из которых была покрыта красноватой патиной. Около 30% кремневых находок имели вторичную обработку.

Согласно данным Ботеза, в нижнем слое стоянки Корман IV были встречены пластины с боковыми выемками, орудия типа остроконечников, острия типа граветт и шатель-перрон, пластины с краевой ретушью, орудия, сходные с наконечником с боковой выемкой, концевые скребки (среди них много коротких скребков), резцы на отщепах и пластинах (угловые, срединные), проколки, мелкие острия с частичной ретушью по брюшку, острия со скошенным краем, пластинка с отретушированными зубчиками.

Кроме этого, здесь же были обнаружены изделия из кости: «лопаточка» из кости северного оленя, проколки и шилья.

Нижний слой стоянки Корман IV И. Ботез сравнивал с такими памятниками, как Виллендорф, Пшедмост, Гримальди, что позволило датировать материалы нижнего слоя верхним ориньяком.

В верхнем слое стоянки Корман IV, отделенном от нижнего стерильной прослойкой лёсса мощностью в 1 м, встречены остатки северного оленя (много), бизона и лошади.

Кремневые изделия этого слоя состоят из срединного резца, пластин, пластины с притупленным краем, скребков, крупных отщепов, ряда мелких орудий с краевой ретушью, пластины со скошенным ретушью краем.

Этот слой датирован И. Ботезом также верхним ориньяком.

На опубликованных им рисунках орудий верхнего слоя мы видим 3 концевых скребка на тонких удлиненных пластинах, срединные и билатеральные резцы, тонкие пластины. Эти рисунки свидетельствуют о том, что материалы верхнего слоя стоянки Корман IV аналогичны материалам слоя 3 стоянки Бабин I, слоев 3 и 4 Молодовы V, что позволяет отнести этот слой к шестой хронологической группе памятников Приднестровья.

Необходимо отметить, что Ботез опубликовал также сведения о находке на стоянке Корман IV таких видов животных, как мускусный овцебык, волк, лось, но без указания, в каком из слоев эти виды животных были встречены.

В 1949—1950 и 1954 гг. стоянка Корман IV обследовалась нами. Во время этих разведок были осмотрены как овраг, где производил работы Ботез, так и обрыв II террасы возле речных мельниц, западнее села.

В 1949 г. в третьем от с. Корман в сторону с. Молодова овраге были встречены нуклеус, двойной нуклеобразный резец с подправленным ретушью краем, 2 срединных резца (один из них имел краевую ретушь), двойной срединный резец на пластине с краевой ретушью, проколка на ребристом сколе, 3 пластины с краевой ретушью, пластины и отщепы. Эти находки изготовлены из светло-коричневого кремня с белой патиной. Средняя длина пластин 70—80 мм, ширина — 25—30 мм. Одна из ножевидных пластин из светло-коричневого кремня достигает длины 170 мм. Эти находки говорят о том, что в овраге находятся остатки стоянки относительно ранней поры позднего палеолита.

В этом же районе, в обрыве склона II террасы Днестра, возле речных мельниц, на глубине 0,8 м в суглинках, был прослежен тонкий культурный слой толщиной 1—5 мм с остатками кострища. В кострище находились остатки угля, кремневые находки (часть кремневых находок была обожжена), а также кусочки краски.

Собранные на этом участке кремневые изделия состоят из двух нуклеусов из кремня светло-коричневого цвета, массивного срединного резца на отщепе, углового резца на крупной черной пластине с краевой ретушью, пластин, обломков песчаника, плитки, отщепов. Пластины—тонкие, удлиненные, средняя длина 60—70 мм, ширина 15—20 мм. Орудия изготовля-

лись из светло-коричневого кремня и покрыты синей патиной или же слабо патинизированы (фиг. 66).

Материалы с данного участка больше всего соответствуют материалам нижнего слоя стоянки Корман IV, как это можно видеть при сравнении их с опубликованными И. Ботезом рисунками кремневых поделок нижнего слоя.

Поэтому находки с этого участка можно отнести к третьей хронологической группе памятников позднего палеолита Приднестровья. Они находят аналогии себе среди материалов таких памятников, как слои 7 и 8 стоянки Молодова V и слой 2 стоянки Бабин I.

В данном районе нами также был обследован овраг, расположенный наиболее близко к с. Корман, возле крайних западных построек этой деревни.

В вершине этого оврага, в лёссе на глубине 1,1 и 1,4 м, были прослежены два горизонта культурных остатков и остатки фауны (ребро мамонта). Здесь были найдены пластины, отщепы, обломки и один угловой резец на пластинке. Орудия изготовлялись из светло-коричневого кремня, с темно-серой и синеватой патиной.

Таким образом, материалы разведок на участке, где расположена стоянка Корман IV, позволили подтвердить наблюдения И. Ботеза о многослойности этого памятника и показали, что здесь можно продолжить раскопки.

Хотя в настоящей главе мы не останавливаемся на местонахождениях, где были встречены отдельные изделия в небольшом количестве, все же укажем местонахождение К о р м а н V, которое было открыто в 1949 г. на склоне к реке, в местности, именуемой «Перелог», ниже с. Корман. Здесь найден кремневый наконечник дротика, очевидно утерянный во время охоты первобытными охотниками. По форме он относится к так называемым листовидным наконечникам, характерным для солютре. Размеры наконечника 90×43×7 мм; он изготовлен из коричневого по цвету мелового кремня; цвет патины белый с одной стороны и белый с коричневатым оттенком — с другой. Наконечник с двух сторон обработан плоской отжимной ретушью; нижний конец его несколько удлинен и образует черешок, кончик которого слегка обломан.

Выше мы уже отмечали поделки аналогичного типа с таких пунктов, как Бабин I, II, III, Незвиско, Городница, Вороновица I, Молодова V и т. д.

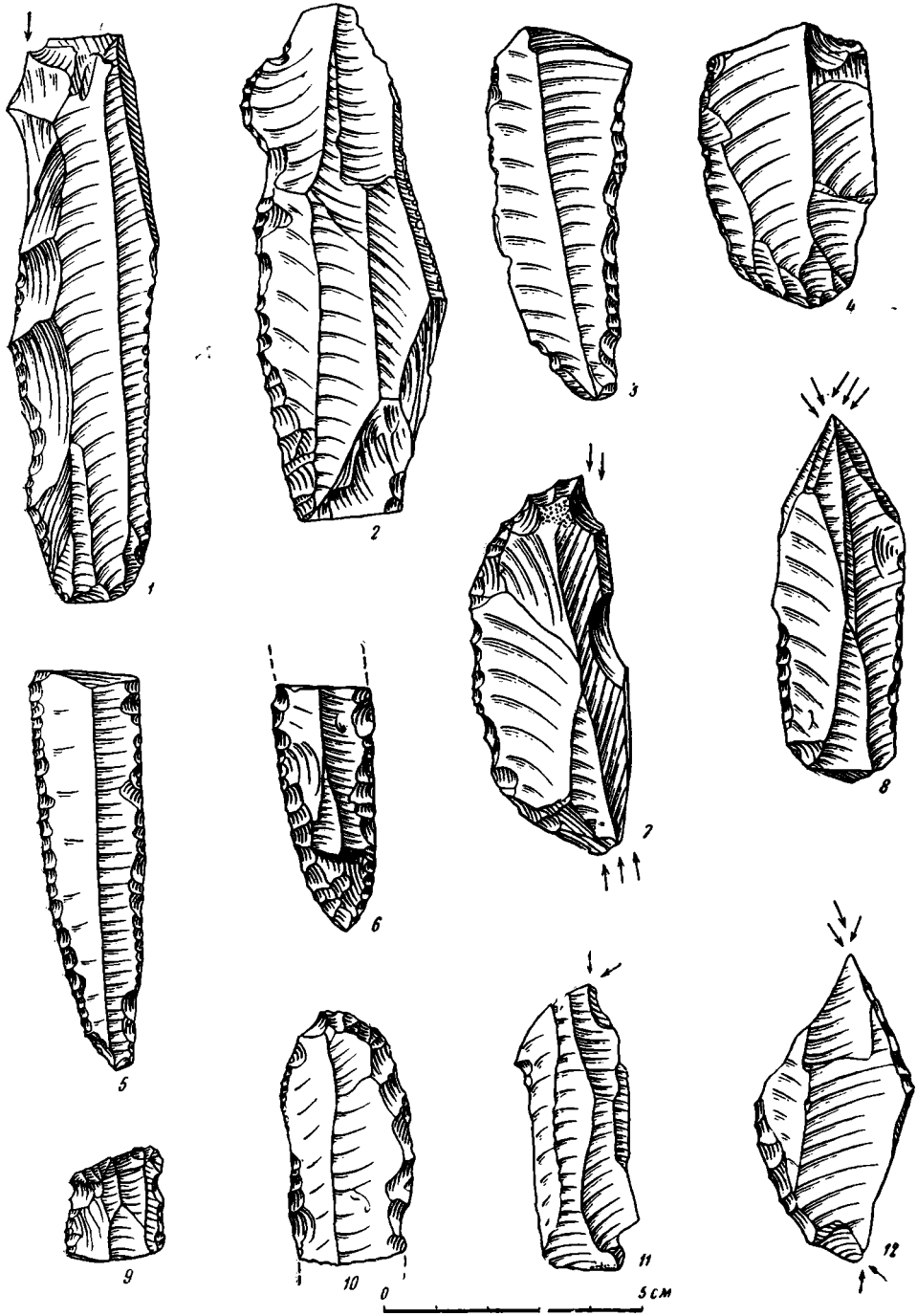
Мы видим, что на этом участке побережья Днестра, в окрестностях сел Молодова и Корман, как и в районе с. Бабин, наблюдается группа разновременных позднепалеолитических стоянок. Некоторые из них являются многослойными памятниками, что говорит о неоднократном заселении позднепалеолитическими охотничьими общинами удобных для обитания участков. Наиболее древними из позднепалеолитических памятников этого района являются стоянки с материалами солютрейского облика.

Следующая группа позднепалеолитических стоянок известна по Днестру ниже с. Корман.

Расположенное на территории Секирянского района Черновицкой области с. Непоротово находится на правом берегу Днестра в юго-восточном углу одного из меандров реки против с. Калюс.

В список палеолитических стоянок Приднестровья этот пункт вошел после работ Н. Флорова, Ч. Амброжевича и Н. Морошана.

Так, например, Н. Флоров писал о находке в стенке оврага Казенный яр, северо-западнее с. Непоротово, в лёссе, остатков мамонта, бизона и кремневых находок, относящихся, по его мнению, к ориньяку. Ч. Амброжевич говорил о находке возле с. Непоротово бивней и зубов мамонта, а также костей лошади (Ambrozewicz, 1928, стр. 288).



Фиг. 66. Кремневые поделки (*1—12*). Корман IV, нижний слой

Н. Морошан, обследовавший в 1928 г. овраг Казенный яр, обнаружил, в лёссе стенки оврага обломок зуба мамонта, кости носорога и небольшое количество кремневых находок. Кроме того, он упоминает о находке в более глубоких отложениях костей мамонта, гигантского оленя, остатков угля и обработанных кремней. В списке фауны из этого оврага Морошан упоминает также северного оленя (Moroşan, 1938b, стр. 87). При обследовании данного пункта в 1949 г. культурный слой в стенках оврага не был обнаружен, но были встречены обломки костей гигантского оленя, лошади, мамонта и 2 крупных кремневых отщепа с серо-синей патиной.

Одновременно в том же 1949 г. в окрестностях с. Непоротово было открыто 4 новых местонахождения позднепалеолитического времени. Среди этих местонахождений мы остановимся лишь на двух наиболее интересных — Непоротово IV и Непоротово V.

Местонахождение Непоротово IV находится южнее с. Непоротово на склоне IV террасы правого берега Днестра, на участке, именуемом Имаш. Здесь на поверхности были собраны кремневые находки, состоящие из отщепов, пластин, обломков пластин, ребристых сколов, концевых сколов с нуклеусов и орудий.

Кремневые орудия из светло-коричневого мелового кремня с белой и беловато-синей патиной изготовлены преимущественно на пластинах. Среди них — 2 срединных резца длиной 48 и 57 мм, пластина со скошенным ретушью краем, угловой резец на пластине с ретушью по краю.

Собранные здесь материалы можно отнести к группе находок слоя 6 стоянки Молодова V, т. е. к четвертой хронологической группе памятников позднего палеолита Приднестровья.

Местонахождение Непоротово V обнаружено южнее села, на участке, именуемом Левада (Средняя гора). Здесь было обнаружено значительное количество кремневых изделий, состоящих из 5 нуклеусов неправильно-призматической формы, пластин, отщепов и орудий.

Орудия изготовлялись из темно-серого и светло-коричневого мелового кремня с серо-синей и бело-серой патиной. Длина нуклеусов не превышает 75 мм. Один нуклеус имеет дисковидно-пирамидальную форму. Орудия изготовлены главным образом на пластинах (фиг. 67, *1—11*).

По форме рабочего края самая распространенная группа кремневых орудий — резцы со средней длиной 50—60 мм— относится к двойным (2), срединным (6), угловым (3), скошенным (1). Резец последней формы изготовлен на пластине. Лишь 2 резца— орудия на отщепах.

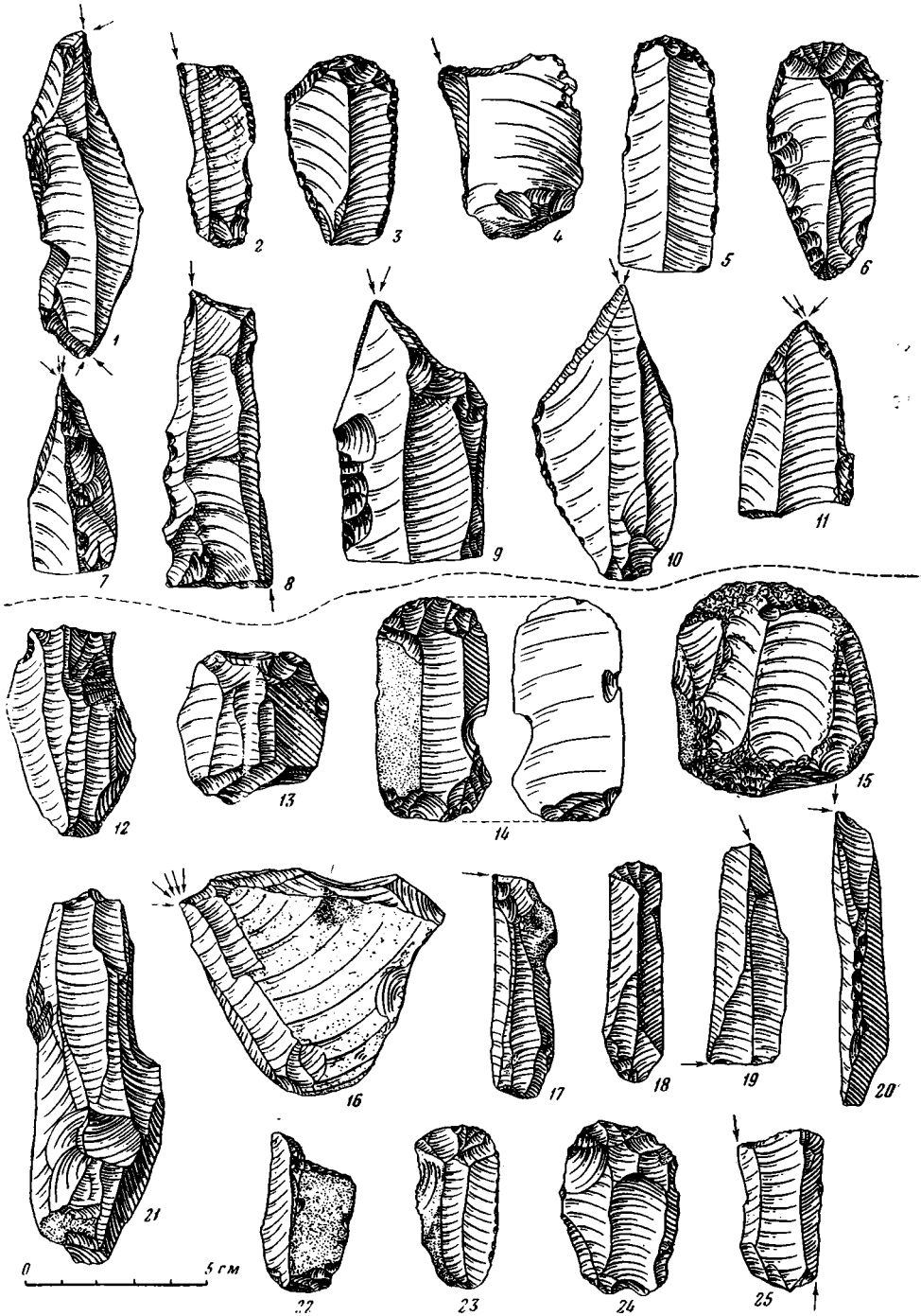
Поднятые здесь скребки — это орудия на пластинах длиной от 52 до 63 мм. Два концевых скребка имеют ретушь на краях пластин. Среди других орудий необходимо отметить пластину с двумя отретушированными выемками по краю и обломок пластины с одной выемкой. Оба эти орудия употреблялись в качестве скобелей. В одном экземпляре здесь была поднята пластинка с подтеской по брюшку.

Как видим, среди материалов этого местонахождения наблюдаются отдельные орудия с краевой ретушью, что позволяет отнести местонахождение Непоротово V к памятникам четвертой хронологической группы.

Ниже по Днестру от с. Непоротово находится с. Ломачинцы, в окрестностях которого в 1949 г. было открыто 2 позднепалеолитических местонахождения.

Первое из них Ломачинцы I (Возле гуральни) расположено на поверхности II террасы в 3 км восточнее с. Ломачинцы.

Собранная здесь коллекция кремневых изделий состоит из 7 нуклеусов, 3 скребков, 5 резцов, дискообразного орудия, пластин и отбросов производства (фиг. 68, *1—10*). Кремневые орудия изготовлялись из темно-серого и светло-коричневого мелового кремня, а также галечного кремня. Цвет патины кремневых находок преимущественно серо-синий.



Фиг. 67. Кремневые поделки. Непоротово V (*1—11*) и Ожево V (*12—25*)

Нуклеусы имеют неправильно-призматическую форму (их длина — от 47 до 120 мм), 3 нуклеуса имеют по две ударные площадки.

Скребки, являющиеся орудиями с полукруглым рабочим краем, изготовлены на концах пластин и ребристых сколов. Два скребка относятся к коротким. Резцы состоят из трех боковых на пластинах и двух срединных.

Интересной поделкой является дискообразное плоское орудие из кремневого желвака, размерами 56×48×14 мм. Обработана лишь одна сторона желвака, противоположные концы желвака имеют следы употребления. Аналогичные дисковидные орудия известны со стоянок Молодова V, Грушевцы VI, Боршево II, Мальта, Костенки I, Афонтова гора, Владимировка, Переселенческий пункт.

Необходимо указать, что в коллекции кремневых изделий с местонахождения Ломачинцы I преобладают пластины, более мелкие по размерам, чем пластины с Непоротово I и II; они больше сходны с пластинами слоя 5 стоянки Молодова V. Остальной кремневый инвентарь также можно сравнить с материалами этого слоя, что позволяет сделать вывод о несколько более позднем возрасте местонахождения Ломачинцы I, по сравнению с местонахождениями Непоротово I и V, и отнести его к пятой хронологической группе позднепалеолитических памятников.

Местонахождение Ломачинцы II открыто в 3,5 км юго-восточнее этого населенного пункта, на поверхности склона II террасы, на участке, именуемом Плита. Здесь была собрана коллекция кремневых находок (фиг. 68, *11—20*), состоящая из 2 нуклеусов неправильно-призматической формы длиной от 45 до 73 мм, обломка нуклеуса, небольших удлиненных пластин со средней длиной 50—60 мм, двойного скребка на пластине, скребка на отщепе, двух концевых скребков на небольших пластинах, скребка-проколки и небольшого острия на короткой пластине. Последняя поделка аналогична мелким остриям со стоянок Сокол II, Вороновица I (верхний слой) и Молодова IV (слой 4).

Кроме указанных находок следует упомянуть реберчатый скол с нуклеуса длиной 99 мм и несколько удлиненных пластин длиной по 124, 107, 105 мм.

Материалы местонахождения Ломачинцы II синхронны памятникам слоя 4 стоянки Молодовы V.

Село Ожево, находящееся на правом берегу Днестра, впервые было упомянуто как пункт с находками ориньякской культуры Ч. Амброжевичем (Ambrozewicz, 1930, стр. 18).

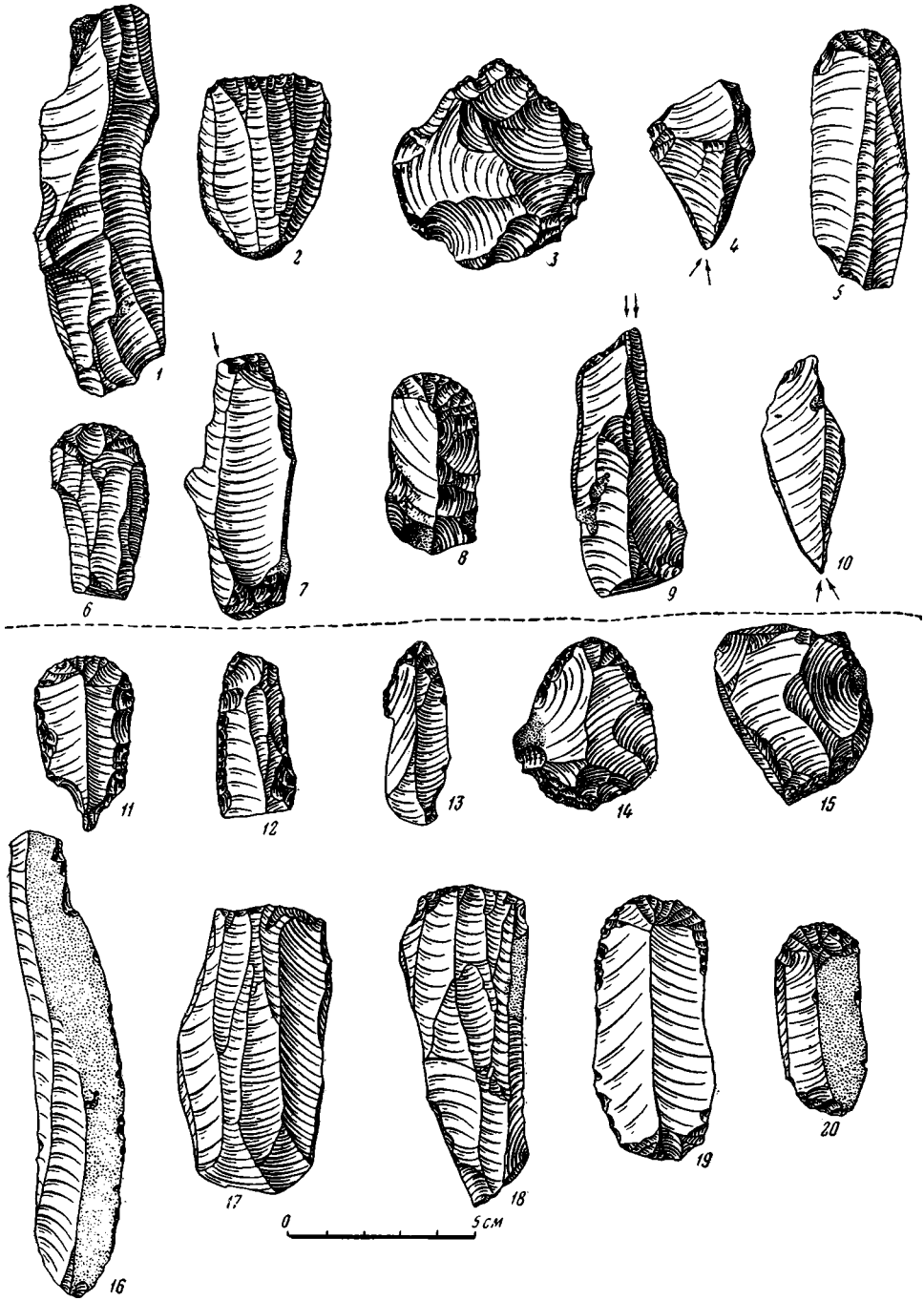
Разведки в окрестностях с. Ожево, осуществленные автором в 1949 г., дали возможность не только обследовать открытое Амброжевичем местонахождение, но также открыть 4 новых.

Местонахождение Ожево II было открыто на поверхности мыса Пасиешко на правом берегу Днестра, севернее указанного населенного пункта.

Здесь была собрана значительная коллекция кремневых изделий, изготовленных из темно-серого и светло-коричневого мелового кремня с серо-синей, бело-серой, синей и реже белой патиной. Всего было поднято 27 нуклеусов неправильно-призматической и округлой формы, длиной от 40 до 90 мм. В небольшом количестве было обнаружено несколько пластин длиной по 100—130 мм. Нуклеусы и пластины аналогичны нуклеусам и пластинам слоя 5 стоянки Молодовы V.

Орудия с этого местонахождения состоят из 16 резцов, 8 скребков, скребка-резца и ряда орудий отдельных форм.

Материалы местонахождения Ожево II сопоставимы с материалами стоянок Молодова V (слой 5), Ломачинцы I и Корман I и, следовательно, их можно отнести к пятой хронологической группе позднепалеолитических памятников Приднестровья.



Фиг. 68. Кремневые орудия. Ломачинцы I (*1—10*) и Ломачинцы II (*11—20*)

Местонахождение Ожево III расположено на склоне высокой террасы, в 500 м юго-восточнее села. Здесь на поверхности участка, именуемого Горбы, были обнаружены кремневые изделия, состоящие из 3 небольших нуклеусов неправильно-призматической и округлой формы, нуклевидных обломков, отщепов, небольших пластин и обломков пластин, срединного резца на пластине, углового резца и фрагмента острия на пластине. Находки эти сходны с материалами предшествующего местонахождения и должны, по-видимому, относиться к той же хронологической группе.

Среди открытых у с. Ожево местонахождений отметим еще местонахождение Ожево V (Долинки) (фиг. 67, *12—25*), расположенное на высоком склоне правого берега в 500 м западнее с. Ожево.

Здесь было собрано больше 100 кремневых изделий, состоящих из 3 нуклеусов неправильно-призматической и округлой формы, тонких удлиненных пластин длиной от 30 до 110 мм (средняя длина 50—70 мм), отбросов и орудий.

Кремневые орудия изготовлялись из светло-коричневого и темно-серого мелового кремня. Цвет поверхности кремневых находок белый, серо-синий, бело-синий. Орудия состоят из 2 боковых резцов, 3 угловых резцов, 1 двойного, резца-скобеля, двойного скребка на пластине с подтеской по брюшку, концевых скребков на пластинах, 2 коротких скребков, обломка отбойника, пластины со следами краевой ретуши, 2 нуклеобразных орудий.

По сравнению с материалами Ожево II и Ожево III, кремневый инвентарь местонахождения Ожево V более мелок и больше сходен с материалами стоянок типа Бабин I (слой 3), Молодова V (слои 4 и 3), т. е. с памятниками шестой хронологической группы стоянок Приднестровья (позднемадленское время).

Стоянки и местонахождения были обследованы в окрестностях с. Распопинцы, расположенного в 5 км от с. Ожево, ниже по Днестру.

Ч. Амброжевич зафиксировал возле этого села 3 палеолитические местонахождения: Верховина, Одая и Глубокий яр (Ambrozewicz, 1930, стр. 19).

В таблицах иллюстраций к указанной работе опубликованы лишь одна пластинка с притупленным краем из местонахождения Верховина и обломок пластины с краевой ретушью и угловой резец из местонахождения Одая.

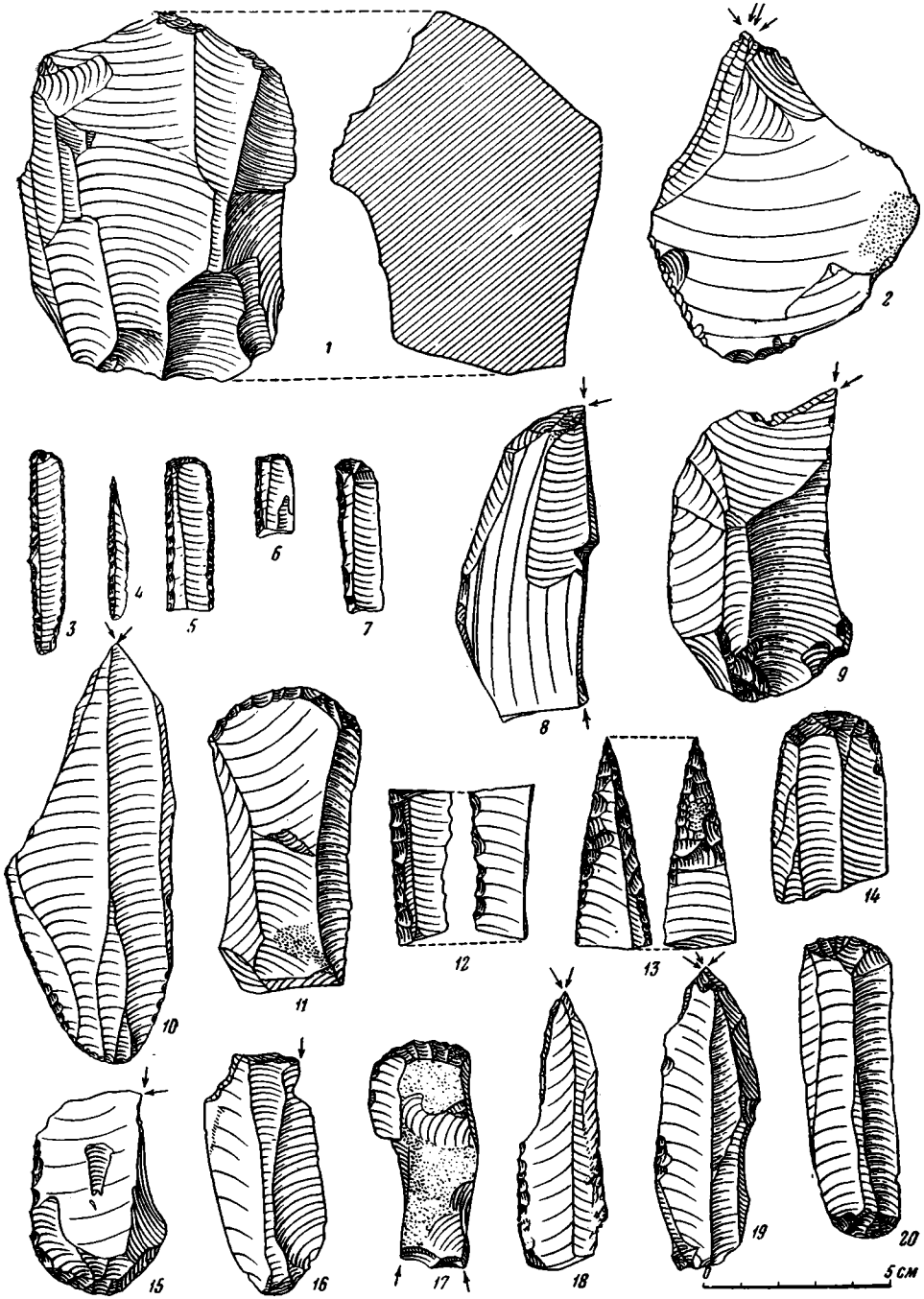
Н. Морошан, также обследовавший район с. Распопинцы, в своей работе описывает разрез, прослеженный им в овраге Глубокий яр, а также упоминает о находке там на глубине 7 м в двух горизонтах ископаемой почвы фрагментов костей мамонта и палеолитических кремневых находок. Здесь им были найдены кремневые отщепы, нуклеусы, пластины, терка из песчаника, лощило из кости (Moroşan, 1938b, стр. 88).

Материалы из оврага Глубокий яр Морошан датировал поздним ориньяком, но в то же время он отмечал, что расположение этого пункта на большой высоте по отношению к Днестру не типично для ориньяка.

Во время наших разведок были осмотрены все 3 пункта у с. Распопинцы, но палеолитические кремневые изделия автором были встречены лишь на первом и третьем местонахождениях. Поэтому мы остановимся на этих двух пунктах.

Стоянка Распопинцы I (Верховина) расположена на мысу между ответвлением вершины оврага Глубокий яр, юго-западнее с. Распопинцы и Днестром.

На поверхности этого мыса была собрана значительная коллекция кремневых изделий из 17 нуклеусов, пластин, обломков отщепов и орудий труда (фиг. 69).



Фиг. 69. Кремневые поделки (*1—20*). Распопинцы I

Нуклеусы местонахождения Распопинцы I по форме относятся к неправильно-призматическим и округлым; средняя длина нуклеусов 50—60 мм. Большинство нуклеусов имеет по две ударные площадки. Пластины, широкие и крупные, аналогичны пластинам стоянок Бабин IV (первый комплекс), Корман II (мыс) и большинству пластин слоя 7 стоянки Молодова V.

Для изготовления орудий употреблялся преимущественно светло-серый и светло-коричневый кремень; цвет патины кремневых находок преимущественно белый.

Поднятые на стоянке Распопинцы I кремневые орудия состоят из 20 резцов, 8 скребков, 4 пластинок с притупленным краем, 3 скребков-резцов, 2 пластинок со следами краевой ретуши и других орудий.

Среди орудий преобладают резцы. По форме рабочего края они состоят из 4 срединных, 4 билатеральных, 2 боковых, 3 двойных, 1 тройного и 6 угловых (2 из последних приближаются по форме к клювовидным). Три резца сходны со скошенными резцами, но изготовлены на пластинах. Среди срединных резцов отметим один резец на пластине с краевой ретушью. Самый крупный резец с данного пункта достигает длины 112 мм.

Скребки со стоянки Распопинцы I относятся к орудиям с полукруглым рабочим краем. В одном экземпляре был встречен двойной скребок. На всех 4 пластинках с притупленным краем концы подправлены ретушью, на трех из них, кроме этого, второй край также отретуширован.

Среди отдельных орудий необходимо упомянуть миниатюрную проколку на тонкой пластинке длиной 37 мм, пластинку с притупленным краем и зубчиками по второму краю, а также острие-проколку длиной 53 мм. Последнее орудие имеет притупленный ретушью правый край, ретушь по левому краю, обработанную плоской ретушью по брюшку верхнюю часть орудия. Это единственный экземпляр со стоянки со следами плоской ретуши. Здесь же были подняты 2 пластины с мелкой ретушью по краям и массивный реберчатый скол со следами ретуши.

Как мы видим, для кремневого инвентаря стоянки Распопинцы I характерны крупные нуклеусы и пластины, крупные орудия, небольшое количество орудий на пластинах с краевой ретушью и отдельная находка орудия со следами обработки плоской ретушью. Эти черты кремневого инвентаря характерны для слоя 7 стоянки Молодова V и для других памятников третьей хронологической группы позднепалеолитических стоянок Приднестровья, что дает основание отнести стоянку Распопинцы I к этой группе памятников, замыкающей солютре.

Распопинцы III. Во время обследования в 1949 г. описанного Морошаном пункта Глубокий яр здесь были найдены на глубине около 7 м плечевая кость и ребро мамонта, а также небольшое количество кремневых изделий.

Кремневые изделия состоят из удлиненного нуклеуса неправильно-призматической формы длиной 140 мм, уплощенного нуклеуса, углового резца на пластине, двух концевых скребков на пластинах, скребка-резца на пластине длиной 70 мм. Эти кремневые находки имеют белую патину, для изготовления их употреблялся светло-коричневый кремень.

Прослеженные в стенке оврага Глубокий яр кремневые изделия аналогичны материалам стоянки Распопинцы I. Это позволяет датировать местонахождение Распопинцы III также концом солютре и считать, что здесь разрушается культурный слой того же времени, что и стоянка Распопинцы I.

Возле находящегося ниже по Днестру от с. Распопинцы с. Волошковое Амброжевичем было открыто 4 местонахождения палеолита (Ambrozewicz, 1930, стр. 18). Собранные на этих пунктах материалы этим исследователем не были опубликованы.

Н. Морошан в одной из своих работ упоминает последнее из них — Гайдамацкий яр как пункт, где им были собраны дополнительные палеолитические находки (Moroşan, 1929).

Произведенное в 1949 г. обследование окрестностей с. Волошковое показало, что все эти местонахождения являются очень бедными, и лишь одно из них — Волошковое II (Громовина)—представляет некоторый интерес. Оно расположено на мысу, между обрывом высокой террасы Днестра и левым склоном оврага Гайдамацкий яр в 1—1,5 км юго-восточнее с. Волошковое.

На поверхности мыса в 1949 г. была собрана коллекция кремневых изделий, состоящая из 9 нуклеусов, нуклеусообразных обломков, отщепов, пластин и орудий, изготовленных из темно-серого кремня с белой патиной. Нуклеусы по форме относятся к неправильно-призматическим, их длина от 54 до 95 мм. От нуклеусов скалывались пластины длиной в среднем по 60 мм.

Собранные здесь орудия состоят из скребка на короткой пластине, концевого скребка на небольшой пластине со следами краевой ретуши, углового резца на пластине с отретушированной выемкой на конце, углового резца на пластине длиной 62 мм. Последнее орудие по форме рабочего края приближается к клювовидным резцам.

Материалы с местонахождения Волошковое II можно сравнить с инвентарем слоя 6 Молодовы V и отнести их к памятникам четвертой хронологической группы (раннемадленское время).

4. НЕКОТОРЫЕ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ДНЕСТРА В ПРЕДЕЛАХ ХМЕЛЬНИЦКОЙ ОБЛАСТИ УССР

На левобережье Днестра в границах Хмельницкой области известна группа позднепалеолитических стоянок и местонахождений. Ряд этих памятников обстоятельно описан в работах М. Я. Рудинского и П. И. Борисковского. Мы остановимся лишь на тех из них, на которых нами были собраны дополнительные материалы. В первую очередь отметим стоянку Сокол I, открытую М. Я. Рудинским в 1931 г.

Стоянка Сокол I расположена на склоне мыса плато над левым берегом Днестра, северо-западнее с. Сокол (Каменец-Подольский район). Как сообщает М. Я. Рудинский (1949), кремневые изделия были собраны на площади 350—400×100—150 м. После дополнительного обследования этой стоянки в 1945 г. М. Я. Рудинский пришел к выводу, что она не является исключительно ориньякской, как это считалось им ранее (Rudynskyj, 1932), а является памятником различных проявлений техники верхнепалеолитического времени (Рудинський, 1949). На опубликованных Рудинским рисунках изделий со стоянки Сокол I имеются: концевые скребки на коротких пластинах, небольшие резцы, несколько пластин с краевой ретушью, нуклевидный обломок, дисковидное орудие, небольшие правильные пластинки и т. д. Характерной чертой материалов стоянки, по М. Я. Рудинскому, является наличие орудий с «пяткой», т. е. с остатками корки. Небольшие размеры кремневых изделий объяснялись тем, что мелкие кремневые гальки не позволяли изготовлять крупные орудия. Таким образом, небольшие размеры кремневого инвентаря стоянки М. Я. Рудинский не считал датирующим признаком.

В 1947, 1948 и 1952 гг. стоянка Сокол I обследовалась автором. Кроме новых коллекций кремневых изделий, здесь была собрана фауна (кости северного оленя и лошади). Собранная нами коллекция кремневых изделий (около 1000 экз.) состоит из 98 нуклеусов, 350 пластин, 63 скребков, 33 резцов, 17 пластинок с притупленным краем, 2 скобелей, 3 проколок,

3 орудий типа лезвий перочинного ножа, 11 пластин с краевой ретушью, пластинки со скошенным ретушью краем, резца-скребка, реберчатых сколов с нуклеусов и отбросов. Орудия изготовлялись из светло-коричневого (преобладает) и темно-серого галечного кремня. Патина — синяя и реже бело-синяя. Для кремневых изделий характерны небольшие размеры. Так, средняя длина нуклеусов 40—50 мм. Пластинки и орудия — также преимущественно небольшие. Нуклеусы по форме относятся к призматическим, неправильно-призматическим, примитивно-коническим и уплощенно-призматическим. Самая многочисленная группа орудий — скребки. Они изготовлены главным образом на коротких пластинах и отщепах. Были найдены двойные скребки (3 экз.). Среди скребков на отщепах с полукруглым рабочим краем некоторые аналогичны скребкам со стоянки Смячка XIV (Рудинський, 1928, табл. V, VII, IX). В одном экземпляре был встречен двойной килевидный скребок на ребристом сколе. Резцы состоят из многофасеточных нуклевидных резцов (8), угловых резцов (9), срединных (8), боковых (5), двойных (3). Вкладышевые орудия представлены тонкими миниатюрными пластинками с притупленным краем, типичными для памятников конца палеолита и начала мезолита. Еще одной поздней формой кремневых изделий являются пластинки типа лезвий перочинного ножа.

Таким образом, кремневый инвентарь стоянки Сокол I характеризуется наличием небольших нуклеусов, тонких удлиненных пластинок, коротких скребков, скребков на отщепах, пластинок со скошенным ретушью краем, пластинок типа лезвий перочинного ножа, т. е. большей степенью микролитизации, чем, например, слой 3 стоянки Бабин I. Поэтому стоянку Сокол I можно отнести к памятникам, хронологически замыкающим шестую группу позднепалеолитических стоянок Приднестровья.

Одновременно следует отметить находку на этой стоянке нескольких изделий с глубокой белой патиной, которые свидетельствуют о наличии на этом участке также следов более древней стоянки.

Второй стоянкой окрестностей с. Сокол является стоянка С о к о л II, открытая автором в 1947 г., на поверхности мыса плато, рядом с соседним пунктом на участке, где расположено кладбище. Здесь, северо-западнее села, на поверхности и в размытом выкиде могильных ям в 1947, 1948 и 1952 гг. была собрана значительная коллекция кремневых изделий. Кроме того, в лёссовидных суглинках на глубине 1,1—1,2 м были обнаружены обломки костей лошади и северного оленя.

Собранная здесь коллекция состоит из 45 нуклеусов, 19 скребков, 10 резцов, 9 пластинок с притупленным краем, орудий других форм, пластин, отщепов, осколков. Для изготовления орудий употреблялся светло-коричневый галечный кремень, реже — темно-серый. Цвет патины преимущественно синий и бело-синий. Нуклеусы стоянки Сокол II относятся к неправильно-призматическим и уплощенно-призматическим, средняя их длина 40—50 мм. Были встречены также нуклеусы длиной 25—30 мм.

Как и в предшествующем пункте, среди орудий преобладают скребки. Они изготовлены на отщепах и коротких пластинах. В одном экземпляре здесь был встречен двойной скребок, в двух—округлые скребки. Резцы состоят из срединных (4), 2 угловых, 3 боковых и 1 двойного. Некоторые срединные резцы являются многофасеточными нуклевидными орудиями. Из орудий других форм отметим нуклеобразное орудие с двусторонне оббитым плоским нижним концом, который мог употребляться в качестве лезвия крупного режущего орудия и для рубки; листовидный наконечник стрелы на пластине с концом, обработанным ретушью по брюшку; орудие треугольной формы, аналогичное изделию со стоянки Поливанов яр, но отличающееся от последнего тем, что, кроме притупленного ретушью

основания, ретушью обработан не левый, а правый край треугольника. Кроме этого, здесь были встречены пластинка со стесанным ретушью основанием, аналогичная изделиям верхнего слоя стоянки Молодова V, и орудие на пластинке типа двойного острия, у которого один из концов имеет у основания с двух сторон несколько выемчатые края, чем напоминает черешковую часть наконечника.

Как видим, среди материалов стоянки Сокол II, в основном аналогичных изделиям предшествующего пункта, наблюдаются скребки с округлым рабочим краем, треугольное орудие, наконечник свидерского облика, пластинки со стесанным нижним концом, что позволяет отнести эту стоянку к группе памятников начала мезолитического времени (Раковец I, Поливанов яр, Бабин VI — второй комплекс материалов и др.). Любопытно отметить, что анализ фауны со стоянки Сокол II по методу прокалывания И. Г. Пидопличко дал показатели более позднего времени существования данного пункта, по сравнению с такими памятниками, как Корман II (второй позднемадленский комплекс материалов) и Журавка (Пидопличко, 1952).

5. СТОЯНКИ И МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ДНЕСТРА В ПРЕДЕЛАХ МОЛДАВСКОЙ ССР

Ниже по Днестру от с. Волошковое, на том же правом берегу Днестра, находится с. Наславча Атакского района Молдавской ССР, в окрестностях которого также известны палеолитические местонахождения.

Ч. Амброжевич открыл здесь 2 местонахождения, но, кроме упоминания о найденном в 1927 г. в Наславче костяном шиле и скребке на пластине с краевой ретушью, никаких других сведений не приводит (Ambrozewicz, 1930).

Н. Морошаном здесь было обнаружено 5 местонахождений (Moroşan, 1938b, стр. 83—86).

Во время наших разведок возле Наславчи в 1949—1951 гг. все эти местонахождения были обследованы, но больше всего материалов было обнаружено на местонахождении Наславча V (Огород Бужака), расположенном на правом берегу протекающего через Наславчу ручья, возле его устья, на склоне II террасы.

Н. Морошан отмечал, что здесь были обнаружены в лёссе специфичные для этой породы раковины, обломки костей мамонта, лошади, бизона, а также многочисленные кремневые отщепы, небольшое количество орудий (скребки, резцы) и обожженные кремневые находки. На рисунках Морошана мы видим небольшой концевой скребок, 2 билатеральных резца, боковой резец и фрагменты пластин с краевой ретушью (Moroşan, 1938b, стр. 34). Эти материалы датированы мадленским временем.

Во время наших обследований этого пункта в стенке погреба, в лёссе, были обнаружены кремневые изделия (2 нуклеуса, пластины и отщепы).

Один нуклеус — неправильно-призматической формы, другой — примитивно-конической. Нуклеусы небольших размеров: длиной по 65 и 54 мм. Поднятые здесь пластинки — тонкие, небольшие, средняя их длина 50 мм, а ширина 15 мм.

Учитывая материалы Н. Морошана, а также наши сборы, это местонахождение можно отнести к шестой хронологической группе памятников позднего палеолита Приднестровья. Залегание материалов в лёссовидных отложениях, прикрывающих II надпойменную террасу, также подтверждает эту датировку.

Интересным памятником является открытая в 1955 г. В. И. Маркевичем стоянка Фрумушика I, находящаяся на правом берегу р. Кайнар (приток Реута, правого притока Днестра), на высоте около

35—40 м над уровнем реки. В 1956 г. стоянка обследовалась автором совместно с В. И. Маркевичем. В 1957 г. автором были произведены здесь раскопки. Было исследовано около 70 м². На глубине 0,4—0,47 м в верхней части коричневых суглинков делювиального происхождения были обнаружены культурные остатки, состоящие из кремневых изделий (конические, карандашевидные, ладьевидные нуклеусы, скребки на отщепах, тонкие микропластинки, пластинки с выемками, острия, острия со скошенным краем, трапеция и т. д.) и остатков фауны (кости лошади, быка, раковины *Helix*).

Материалы этой стоянки относятся к позднемезолитическому времени. Они аналогичны изделиям таких позднемезолитических стоянок, как Кукрек, Гребенники (Векилова, 1951; Коробкова, 1957), а также материалам из наших сборов в Молдавии на таких местонахождениях, как Рашков VI, Подойма IV, Вермитка II, Сенатовка II (Черныш, 1956 г, д).

Стоянка Фрумушика I — один из наиболее поздних памятников седьмой хронологической группы позднепалеолитических стоянок Приднестровья.

Как видим, на основании изложенных в настоящей главе материалов, позднепалеолитические стоянки и местонахождения Приднестровья не являются ориньякскими, а относятся к различным этапам позднепалеолитического времени.

Кремневый инвентарь, являющийся наиболее многочисленной категорией культурных остатков с этих стоянок, по технике обработки и по типам орудий аналогичен инвентарю многослойных стоянок Приднестровья, исследовавшихся путем раскопок. Поэтому можно допустить, что прослеженные при раскопках многослойных стоянок особенности развития техники производства орудий также свойственны памятникам, известным на основании разведочных работ, и возможно их сопоставление.

Сходство разновременных позднепалеолитических стоянок и местонахождений, известных на основании разведочных работ, с соответствующими слоями многослойных памятников Днестра позволяет распределить и эти памятники на хронологические группы, определенные при изучении многослойных стоянок, и тем самым уточнить их датировку.

В первую хронологическую группу памятников позднего палеолита Приднестровья, для которой характерен первый слой стоянки Бабин I, пока невозможно включить ни один из памятников с подъемным материалом.

Во вторую хронологическую группу, для которой характерны нижний слой стоянки Вороновица I, слой 10 Молодовы V, можно включить такие памятники, как Незвиско I, Городница I, Бабин II, III, VI, Китайгород I, II, Устье Зеленое, Молодова IV, Долина, Долгое, Конюшки, Ганнусивка, Оселивка (солютрейские находки) и т. д.

К третьей хронологической группе памятников позднего палеолита, для которой характерны материалы слоев 8—7 стоянки Молодовы V и материалы второго слоя стоянки Бабин I, принадлежат такие памятники, как Незвиско IV, Грушевцы I, Рашков III, Калачковцы II, Грушевцы VI (отдельные находки), Корман II (первый комплекс), Корман IV (нижний слой), Распопинцы I, III, Бабин IV. Наиболее древним памятником этой группы является второй слой стоянки Бабин I.

С четвертой хронологической группой позднепалеолитических памятников, для которой характерны материалы слоя 6 Молодовы V, сопоставляются такие памятники, как Макаровка II, Непоротово IV, V, Волошковое II, Калачковцы I, Студеница I, Калюс.

В пятую хронологическую группу, для которой характерны материалы пятого слоя Молодовы V, можно включить такие памятники, как

Макаровка III, Марьяновка I (Грушевцы II), Корман I, Ломачинцы I, Ожево II, III.

Шестая хронологическая группа позднепалеолитических памятников Приднестровья, для которой характерны материалы слоя 3 стоянки Бабин I, слоев 4 и 3 Молодовы V, включает такие памятники, как Оселивка (основной комплекс материалов), Баламутовка I, II, III, IV, Городница III, Дарабаны II, Корман II (второй комплекс), Молодова I, Студеница II, Корман IV (верхний слой), Атаки V, Ожево V, Наславча V, Старая Ушица, Грушевцы III, IV, V, VI, Сокол I, Вороновица II, III, IV, Ломачинцы II, Врублевцы.

Наконец, седьмая хронологическая группа позднепалеолитических памятников Приднестровья, для которой характерны материалы верхних слоев стоянки Молодова V, сопоставляется с местонахождениями Нагоряне II, Раковец I, Бабин III (второй комплекс), Бабин VI (второй комплекс), Бабин VII (второй комплекс), Поливанов яр, Сокол II, Лисичники (средний слой), Оселивка (мезолитические находки).

В пределах каждой из этих групп, кроме первой, наблюдаются более поздние и более древние памятники. Стратиграфия Молодовы V позволяет уточнить время этих памятников в пределах второй, третьей, шестой и седьмой групп.

Материалы по позднему палеолиту Среднего Приднестровья, изложенные в главах II и III настоящей работы, позволяют сделать также и ряд общих выводов о культуре позднего палеолита данной территории.

Глава IV

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предшествующих двух главах настоящей работы, которые были посвящены характеристике конкретных материалов наиболее интересных позднепалеолитических памятников Приднестровья, мы не останавливались на ряде общих вопросов позднего палеолита этой территории, имеющих большое значение для понимания культуры позднего палеолита этого района.

Одним из таких важных вопросов является вопрос о геологических условиях залегания многочисленных стоянок и местонахождений палеолита Приднестровья и о природных условиях позднепалеолитического времени на данной территории. Специальных работ по геологии палеолитических памятников этого района до сих пор не имелось. Этот факт отмечен в литературе (Громов, 1948, стр. 385).

Накопившиеся за последнее время данные позволяют сделать некоторые предварительные заключения по стратиграфии и хронологии памятников палеолита на геологической основе.

В первую очередь необходимо отметить то обстоятельство, что все, известные до настоящего времени, позднепалеолитические памятники Среднего Приднестровья являются стоянками так называемого открытого типа, т. е. они расположены на открытых участках побережья Днестра.

Ни в одной из многочисленных пещер Днестра до сих пор не обнаружен культурный слой позднепалеолитического времени, хотя обследование пещер на Днестре производилось как в конце прошлого столетия, так и в советское время (С. Н. Бибиковым).

П. И. Борисковский считает, что этот факт является показателем молодости Днестровских пещер (Борисковский, 1953, стр. 98).

В нашем распоряжении имеются данные об условиях залегания памятников позднего палеолита Приднестровья, преимущественно в делювиальных отложениях, покрывающих различные участки рельефа, но не ниже определенной линии по отношению к современному уровню р. Днестр — не ниже II террасы.

Наибольшая густота позднепалеолитических памятников прослеживается на участках Приднестровья, где высокие берега прорезываются многочисленными оврагами.

Всего среди известных в настоящее время в Среднем Приднестровье 194 памятников позднего палеолита на высоких участках рельефа расположено 138 стоянок и местонахождений. Лишь 25 пунктов находятся на участках ниже уровня третьей надпойменной террасы, а о топографии остальных 31 местонахождений сведения не сохранились.

Эти 138 памятников позднего палеолита Приднестровья относятся ко времени от ранней поры позднего палеолита до мезолита, т. е. они представляют все 7 хронологических групп, выделенных нами на основании раскопок многослойных стоянок.

25 стоянок, находящиеся ниже уровня третьей террасы, обнаружены в непереотложенном состоянии в лёссовидных породах, прикрывающих склоны и принимающих участие в строении вторых надпойменных террас Днестра.

К таким памятникам относятся Корман IV, Атаки I, V, Молодова I, Вороновица III, IV, Наславча V, Непоротово I. В большинстве из этих пунктов были встречены остатки ископаемой фауны. В таких же геологических условиях залегания были обнаружены стоянки Волчков (3 слоя), Беремяны, Губин, Ожево IV, Маринополь (4 слоя).

Наиболее древним памятником позднего палеолита из этой группы стоянок является нижний слой стоянки Корман IV, который датируется временем конца третьей хронологической группы (конец солютре). Остальные же памятники относятся к пятой и шестой хронологической группам позднепалеолитических стоянок Днестра.

На более низких участках поверхности известны только подъемные находки, вымытые из отложений вторых террас и переотложенные на склонах или поверхностях первой террасы.

Сюда относятся такие памятники, как Грушевцы II, III, V, Ломачинцы I, II и т. д. По-видимому, аналогичными пунктами являются открытое П. И. Борисковским местонахождение возле Атак Хотинского района Черновицкой области и такие местонахождения, как Самушин, Атаки III, Комарово II, Баговица.

Единственным исключением, по-видимому, является стоянка Лисичники, которая была обнаружена в отложениях низкой террасы Серета.

Приведенные наблюдения дают возможность сделать вывод, что уровень Днестра в позднепалеолитическое время был выше уровня современной поверхности первой надпойменной террасы и что в мадленское время на Приднестровье происходило образование лёссовидных пород, покрывающих верхнюю часть вторых надпойменных террас и плащеобразно — более высокие точки рельефа.

Известные в настоящее время археологические данные позволяют считать, что формирование высокой поймы (7—8 м) и верхней части I надпойменной террасы (12—15 м) происходило не раньше мезолита и неолита. Об этом говорят находки в отложениях этих террас мезолитических материалов и неолитической керамики (Перебиковцы, Незвиско, Атаки).

Ряд советских геологов полагает, что вторые надпойменные террасы в Европейской части СССР формировались во время валдайской (вюрмской) фазы оледенения (Громов, 1948; Виржіковський, 1933), а другие — во время днепровской фазы. Поэтому залегание памятников Приднестровья, относящихся к мадлену, над аллювиальными отложениями вторых надпойменных террас подтверждает вывод, что эти памятники синхронны валдайской фазе оледенения.

На ряде стоянок Приднестровья в культурных слоях была встречена ископаемая фауна млекопитающих и моллюсков, в определенной степени датирующая соответствующие отложения.

Остатки фауны имеют для нас большое значение не только для уточнения геологического возраста отложений, но также для реконструкции природной среды, которая окружала человека палеолитического времени, и для определения видов животных, на которых охотились позднепалеолитические люди.

В настоящее время из 194 памятников позднего палеолита Среднего Приднестровья нам известно 28 пунктов, где были встречены остатки иско-

паемой фауны, весьма разнообразной по составу. Наиболее полные списки фауны мы, естественно, имеем со стоянок, подвергавшихся раскопкам.

Остататки мамонта были встречены на таких стоянках, как Бабин I, Вороновица I, Молодова I, II, V, Корман I, IV, Распопинцы III, Непоротово I, Атаки I, Оселивка, Баламутовка I, Беремяны, Лисичники, Касперовцы II, Наславча V, Коропец, Рожнев I, Волчков, Глиняне, т. е. на 20 стоянках позднепалеолитического времени.

Второе крупное животное — носорог — было обнаружено на таких пунктах: Бабин I, Вороновица I, Молодова I и V, Корман IV, Касперовцы II, Непоротово I, т. е. на 7 пунктах.

Северный олень, как и мамонт, является одним из наиболее распространенных видов охотничьей добычи, так как остатки этого животного были прослежены на большинстве позднепалеолитических стоянок. Обломки костей северного оленя были найдены во всех трех слоях стоянки Бабин I, во всех слоях стоянки Молодова V, а также на стоянках Вороновица I, II, III, Корман II, Сокол I, II, Непоротово I, Молодова II, Атаки V, Баламутовка I, Лисичники, Голиграды I, Рожнев I, Волчков, т. е. на 16 пунктах.

Остатки лошади были обнаружены на таких стоянках, как Бабин I, Вороновица I, Наславча, Корман I, II, IV, Молодова I, V, Атаки I, V, Сокол I, II, Распопинцы III, Оселивка, Лисичники, Касперовцы II, Голиграды I, Волчков, т. е. на 18 пунктах.

Остатки гигантского оленя на Приднестровье были встречены во втором и третьем слоях стоянки Бабин I, на стоянках Оселивка, Корман I, Непоротово I, т. е. на 4 пунктах.

Благородный олень нам известен из таких стоянок, как Оселивка, Молодова I и Молодова V (слои 1, 1а, 6, 8).

Одним из наиболее распространенных видов животных для позднепалеолитических стоянок Приднестровья является зубр, который был обнаружен на 11 стоянках: Бабин I, Вороновица I, Молодова I, V, Корман IV, Наславча, Непоротово I, Атаки I, Лисичники, Голиграды I, Волчков.

Остатки бизона также известны в Приднестровье на стоянках Молодова I, Корман I, II, IV.

Более редкими являются байбак, который был прослежен на таких стоянках, как Молодова I, Рожнев и Вороновица I (последний пункт — по данным Ч. Амброжевича), заяц (Молодова V, слои 1, 3, 5, 6, 7, 8; Молодова I, Корман IV), бурый медведь (Вороновица I), волк (Корман IV, Бабин I, Молодова I, V, Оселивка), дикая свинья (Оселивка, Корман), лисица (Молодова I), мускусный овцебык (по данным И. Ботеза, известен из нижнего слоя стоянки Корман IV и среднего слоя стоянки Молодова I), лось (средний слой Молодовы I и в слоях 2, 3, 4, 6 и 7 Молодовы V).

Кроме того, на стоянках Приднестровья были также обнаружены остатки таких животных, как водяная крыса (средний слой Молодовы I), козуля (средний и верхний слои стоянки Молодова I, Корман IV), косероог (средний слой Молодовы I и нижний слой Корман I), серна (нижний слой Корман IV), песец (известен в виде нескольких находок зубов-подвесок в слоях 3, 4 и 7 Молодовы V), бык мелкой породы (Молодова V и средний слой Молодовы I), слепыш (стоянка Волчков), барсук (Волчков и Лисичники) и осел (стоянка Оселивка).

Кроме того, на ряде стоянок были встречены остатки костей птиц и остатки оленя неуточненного вида.

Ниже приводится сводная таблица позднепалеолитической фауны стоянок Среднего Приднестровья (табл. 17).

Таблица 17

Вид животного	Хронологические группы						
	1	2	3	4	5	6	7
Мамонт (*Elephas primigenius*)	+	+	+	+	+	+	
Лошадь (*Equus caballus*)	+	+	+	+	+	+	+
Северный олень (*Rangifer tarandus*)	+	+	+	+	+	+	+
Зубр (*Bison priscus*)		+	+	+	+	+	+
Носорог (*Rhinoceros antiquitatis*)		+	+	+			
Гигантский олень (*Megaceros giganteus*)			+			+	
Благородный олень (*Cervus elaphus*)			+	+	+	+	+
Мускусный овцебык (*Ovibos moschatus*)			+			+	
Заяц (*Lepus* sp.)			+	+	+	+	+
Медведь (*Ursus arctos*)		+					
Волк (*Canis lupus*)	+		+		+	+	
Дикая свинья (*Sus scrofa*)						+	
Лось (*Alces alces*)			+	+	+	+	+
Козуля (*Cervus capreolus*)						+	
Водяная крыса (*Arvicola amphibius*)						+	
Козерог (*Capra ibex*)			+			+	
Бык мелкой породы (*Bos* sp.)			+			+	
Песец (*Vulpes lagopus*)			+			+	
Байбак (*Arctomus bobac*)						+	
Лисица (*Canis vulpes*)						+	
Бизон (*Bos primigenius*)			+		+	+	
Серна (*Rupicapra tragus*)			+				
Слепыш (*Spalax giganteus*)						+	
Барсук (*Meles taxus*)						+	
Птицы (*Aves*)			+	+	+		+
Осел (*Equus hemionus*)						+	

Кроме остатков млекопитающих и птиц, на позднепалеолитических памятниках Приднестровья были встречены также остатки моллюсков. Так, Ч. Амброжевич отмечал находки на стоянке Оселивка (Кишла-Неджимова), раковин таких моллюсков, как *Succinea oblonga*, *Helix hispida*, *Helix arbustorum*, *Pupa muscorum*. Аналогичные моллюски были обнаружены указанным исследователем на стоянке Корман. На стоянке Атаки I И. Ботез встретил такие специфичные для лёссовидных пород моллюски, как *Helix hispida*, *Succinea oblonga*, *Pupa muscorum*, *Clausilia*.

Н. Морошан указывал, что на стоянке Наславча были встречены речные раковины перловицы. Такие раковины нами были обнаружены при исследованиях Вороновицы I в верхнем слое этой стоянки. При раскопках стоянки Бабин I были прослежены остатки раковин *Helix fruticum*, а при исследовании стоянки Молодова V — *Helix lutescens*, *Helix vulgaris*, *Clausilia*, *Monacha rubinoasa*, *Succinea oblonga*, *Helix pomatia*.

В культурных слоях некоторых стоянок были встречены также раковины миоценовых моллюсков (*Mactra*, *Pectinculus* и др.), являвшихся, видимо, предметом собирательства.

Из приведенных данных о составе фауны млекопитающих позднепалеолитических памятников Приднестровья видно, что наиболее распространенными видами животных были мамонт, лошадь, северный

олень, зубр, носорог, гигантский олень, благородный олень. Это типичный верхнепалеолитический комплекс фауны (Громов, 1948, стр. 549).

Какие же природные условия были необходимы для существования этих животных, являющихся г л а в н ы м и видами охотничьей добычи обитателей палеолитических стоянок?

В первую очередь мы остановимся кратко на таком крупном животном, как м а м о н т.

По данным палеонтологов и зоологов (Громов, Гарутт, Пидопличко и др.), мамонты могли существовать в условиях лесостепи и лесов с травянистой растительностью и кустарниками, где они добывали себе пищу в необходимом для их существования количестве.

Встреченная на большом количестве памятников позднего палеолита Приднестровья л о ш а д ь является, как и мамонт, стадным животным. Для питания лошадей прежде всего необходимы травы, которые лошади добывали на открытых степных пространствах.

Третьим видом охотничьей добычи является с е в е р н ы й о л е н ь. Это животное считается представителем тундровой зоны, хотя оно часто заходит в лесную зону. Периодические сезонные кочевки стад северных оленей до определенных широт в южном направлении известны и в настоящее время. Эти животные в поисках пищи способны передвигаться на большие расстояния, исчисляемые тысячами километров. Зимой они обычно кочуют на юг в степную зону, а летом — на север в тундровую. Питаются северные олени ягодами, карликовой березой, ивой, щавелем, осокой, грибами.

З у б р — животное, типичное для открытых степных и луговых пространств. Для зубров характерны сезонные кочевки в поисках открытых травянистых участков.

Ш е р с т и с т ы й н о с о р о г — животное, покрытое густой шерстью, защищающей его от холода; обитало преимущественно в лесостепи и степи, хотя среди всех видов носорогов он являлся наиболее степной формой (Пидопличко, 1951, стр. 40). Подобно мамонту, носорог употреблял, кроме травянистой пищи, также и древесную (мелкие ветки деревьев, молодые побеги, кустарники и т. д.).

На ряде стоянок Приднестровья встречены остатки таких животных, как б л а г о р о д н ы й о л е н ь, г и г а н т с к и й о л е н ь, приспособленных для существования в лесостепи (благородный олень) и на полуоткрытых пространствах с участками лугов и болот (гигантский олень). Эти оба вида оленей редко встречаются на позднепалеолитических стоянках СССР.

Так, например, В. И. Громов отмечает, что эти виды оленей были встречены в Европейской части СССР лишь в позднепалеолитических памятниках Крыма (Громов, 1948; Пидопличко, 1951). Кроме того, благородный олень был обнаружен в Журавке на Украине.

Что касается других видов животных, встреченных на стоянках Приднестровья в значительно меньшем количестве по сравнению с предыдущими видами, то необходимо отметить, что эти животные являются как обитателями степных пространств (байбак, заяц), арктической зоны (песец, мускусный овцебык — стадное животное, приспособленное к холоду, кочует с осени до весны, питается тем же, что и северный олень [1]), леса (лось, свинья, бурый медведь), лесостепи (козуля), так и горных участков (козерог) и межзональными (волк, водяная крыса).

---

[1] До настоящего времени среди стоянок Европейской части СССР мускусный овцебык был встречен лишь в Мезине и Костенках I. Н. Морошан оспаривал правильность определения остатков костей со стоянок Приднестровья как принадлежащих мускусному овцебыку.

Остатки лося на стоянках позднего палеолита Европейской части СССР, кроме Днестра, известны пока только на памятниках позднего палеолита Кавказа и в небольшом количестве — на Дону (стоянка Боршево II). Остатки свиньи, кроме Кавказа, были также прослежены в Крыму. Козуля была известна до настоящего времени в Европейской части СССР лишь на территории Крыма и Кавказа.

В составе ископаемой фауны на стоянках Приднестровья присутствуют животные видов, приспособленных для существования в лесостепи (мамонт, носорог, благородный олень, гигантский олень, козуля), в степи (лошадь, байбак, зубр, заяц), в лесу (лось, свинья, медведь), видов, характерных для тундровой зоны (северный олень, песец, мускусный овцебык), и видов, обитающих во всех ландшафтных зонах (волк, крыса).

Следовательно, фаунистический комплекс позднего палеолита Приднестровья отражает типичное для позднепалеолитического времени смешение представителей различных физико-географических зон.

Это характерное для данного времени смешение животных различных ландшафтных зон в литературе неоднократно отмечалось как палеонтологами, так и археологами (см., например, Громов, 1950, 1948). По мнению П. П. Ефименко, причина этого явления — в сближении ландшафтных зон (Ефименко, 1953, стр. 69).

Состав фауны позднего палеолита Приднестровья позволяет считать, что в этом районе в позднепалеолитическое время наблюдалась лесостепь с участками как открытых степных пространств, так и лесов, лугов и болот. Только в условиях подобного ландшафта могли обитать указанные виды животных, прослеженные на позднепалеолитических стоянках, большинство из которых требовали для своего пропитания наличия травянистой растительности (лошадь, зубр, козуля) или травянистой и древесной (мамонт, благородный олень, гигантский олень, лось).

Кроме того, в главе II мы отмечали, что Приднестровье имеет близкий к горному рельеф в районах, непосредственно примыкающих к реке, а большинство палеолитических стоянок нам известно именно с этих участков. Поэтому особенно интересной является находка костей козерога на стоянках Молодова I и Корман IV.

В. И. Громов отмечал, что указанный вид животных является сейчас вымершим и на стоянках Европейской части СССР он был встречен лишь в Крыму (стоянка Аджи-Коба). Это животное приспособлено для обитания в условиях горного ландшафта.

Остановимся в связи с этим на вопросе о климатических условиях того времени.

Приведенный выше материал по фауне палеолита показывает прежде всего, насколько неосновательна старая гипотеза Тутковского и Резниченко, допускавшая наличие пустыни на территории Юга СССР вообще и Приднестровья в частности во время четвертичного периода. Основным доказательством существования этой пустыни на Приднестровье являлось наличие в районе Могилева — Озаринец, на р. Немие, следов сильного выветривания горных пород.

Работами геологов за последние годы эта «пустынная» гипотеза была сильно поколеблена и раскритикована. Теперь же, в свете раскопок палеолитических стоянок, стало окончательно ясно, что в четвертичное время здесь существовали совершенно иные природные условия.

Мы видели, что в составе фауны позднего палеолита Приднестровья были встречены остатки кочевых животных, приспособленных к существованию в тундровой зоне с холодным арктическим климатом (северный олень, мускусный овцебык, песец); животных, приспособленных к обитанию в холодном климате (мамонт, носорог); животных, живущих

в умеренном климате (благородный олень, козуля, лось, свинья, лошадь, зубр и т. д.).

Наличие в фауне позднего палеолита Приднестровья арктических видов, приспособившихся к существованию в холодном климате, позволяет прийти к выводу, что в позднепалеолитическое время на этой территории климат был более холодным, чем современный.

О более холодном климате также свидетельствует залегание на ряде стоянок культурных остатков в лёссе — породе, которая, по мнению ряда специалистов, седиментировалась в условиях сухого и холодного климата.

Более холодный климат в Приднестровье, по сравнению с современным, в позднепалеолитическое время также подтверждается данными об остатках флоры на стоянках Приднестровья[1].

Так, Ч. Амброжевич отмечал, что на стоянке Оселивка были встречены остатки угля таких пород, как сосна и пихта, а на стоянке Корман II — остатки угля сосны (Ambrozewicz, 1930). О находке остатков угля дуба на стоянках, обследованных Ч. Амброжевичем, сообщает Р. Попович.

Кроме того, имеются данные о находках остатков дуба и ели на стоянке Новоселка-Костюкова, остатков угля ели и лиственницы на стоянке Лисичники и угля ели — на стоянке Рожнев.

Во время наших исследований на стоянке Бабин I был обнаружен уголь ели, а на стоянке Молодова V — остатки угля сосны и дуба (определение Г. В. Козия, Козий, 1955).

На основании данных о флоре позднепалеолитического времени можно считать, что на Приднестровье в позднепалеолитическое время господствовала более низкая температура по сравнению с современной, так как в настоящее время в этом районе не распространены, например, хвойные породы.

Таким образом, климатические и ландшафтные условия позднепалеолитического времени в этом районе можно определить как условия холодной лесостепи.

Следовательно, по данным фауны и флоры позднего палеолита Приднестровья видно, что в этом районе в позднепалеолитическое время, как и в других районах, наблюдалось похолодание.

Вместе с тем здесь был, очевидно, несколько более теплый климат по сравнению с более северными районами Европы.

Состав фаунистических остатков с позднепалеолитических памятников Приднестровья показывает определенное изменение к концу палеолита в составе охотничьей добычи в направлении исчезновения наиболее крупных животных: носорога и мамонта (ср. Громов, 1948, стр. 394, 448).

Какие же были причины исчезновения крупных животных, дававших человеку большие запасы пищи? Можно ли объяснить это явление исключительно истреблением этих животных человеком в результате усовершенствования охотничьей техники, как это считает И. Г. Пидопличко (Пидопличко, 1953а, стр. 274, примечание 3), или же были также другие, чисто природные причины исчезновения крупных животных в конце палеолита?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо снова обратиться к видовому составу фауны позднего палеолита Приднестровья.

Если рассматривать состав фауны позднего палеолита Среднего Приднестровья в хронологическом аспекте, видно, что в памятниках ранней поры позднего палеолита, соответствующих выделенным нами первой

---

[1] Произведенный пыльцевой анализ ряда образцов пород со стоянок Приднестровья оказался, к сожалению, безрезультатным в связи с сильной известковистостью этих пород.

и второй хронологическим группам, примерно в одинаковом количестве встречаются такие животные, как мамонт, носорог, лошадь, северный олень, лось, зубр и т. д. Начиная с третьей хронологической группы, замыкающей так называемое солютре, заметно увеличивается количество остатков северного оленя наряду с сохранением остатков других видов ископаемых животных. Аналогичная картина наблюдается на всем протяжении четвертой и пятой хронологических групп, соответствующих ранне- и среднемадленскому времени.

В дальнейшем в памятниках позднего палеолита Среднего Приднестровья, относящихся к шестой хронологической группе, соответствующей позднемадленскому времени, наблюдается исчезновение мамонта в наиболее поздних памятниках этой группы. В составе охотничьей добычи памятников шестой группы начинают значительно преобладать остатки костей северного оленя.

Для наиболее ранних памятников седьмой хронологической группы характерно полное отсутствие мамонта и резкое преобладание остатков северного оленя.

Наиболее отчетливо эта картина постепенного изменения животного мира прослеживается на материалах многослойной стоянки Молодова V, но ряд аналогичных данных дают и другие памятники (Бабин I, Вороновица I и т. д.).

В частности, напомним состав фауны стоянки Лисичники, где резко преобладают остатки северного оленя (95%).

Увеличение на ряде памятников позднего палеолита Приднестровья, относящихся к концу палеолита и началу мезолита, остатков северного оленя, на наш взгляд, является показателем усиления похолодания, которое наблюдалось в это время как в Приднестровье, так и в других районах Европейской части СССР, а также в ряде районов приледниковой зоны Центральной и Западной Европы.

Археологические исследования последних лет приносят все больше и больше фактов, подтверждающих увеличение количества остатков северного оленя в составе охотничьей добычи на памятниках конца палеолита и мезолита (Векилова, 1957; Hillebrand, 1937; Gabori, 1953; Prošek, Ložek, 1954; Padtberg, 1925; Rust, 1937, 1943, 1951; Bourdier et Lumley, 1954, и др.).

Факты, приведенные в упомянутых работах, наблюдающиеся на обширной территории Европы, неоспоримо свидетельствуют не об одном спорадическом похолодании в конце четвертичного времени, а о постепенном усилении похолодания к концу палеолита, продолжавшемся частично и в мезолитическое время. Лишь позже, при переходе к современности, климат начал смягчаться.

Таким образом, прослеженные на стоянках позднего палеолита Приднестровья факты, свидетельствующие об изменении природных условий в направлении усиления похолодания к концу палеолита, отражают явление, общее для всей территории Европы.

В целом же можно говорить лишь о позднепалеолитическом фаунистическом комплексе, свойственном для ориньяка, солютре и большей части мадлена, и о существенно ином для конца палеолита — начала мезолита, для которого характерно преобладание в составе охотничьей добычи остатков северного оленя.

Следующим вопросом, на котором мы остановимся, является вопрос о хозяйстве позднепалеолитического населения Приднестровья.

Главной отраслью хозяйства того времени являлась, несомненно, охота, обеспечивающая позднепалеолитическим людям пищу (мясо, жир), а также необходимые материалы для изготовления одежды (шкуры), орудий труда и сооружения жилищ (кости).

Об охоте как основной отрасли хозяйства позднего палеолита говорят также орудия труда и оружие того времени, представленное прежде всего наконечниками копий и дротиков, изготовленными из кремня.

В настоящее время на территории Приднестровья известно довольно большое количество кремневых наконечников и обломков наконечников, как с двусторонней обработкой плоской ретушью, так и с обработкой лишь одной стороны или концов [Незвиско I, Городница, Конюшки, Долина, Устье Зеленое, Китайгород II, Бабин I, II, III, Корман V, Вороновица I (нижний слой), Молодова V (слои 7—10) и другие пункты].

Такие наконечники, следовательно, являлись весьма распространенным на Приднестровье типом охотничьего оружия, вопреки существовавшему ранее мнению, что солютрейские наконечники чужды данной территории. По-видимому, из этой категории кремневых поделок часть являлась охотничьим оружием, а остальные, менее крупные, были орудиями для обработки продуктов охоты.

Метательное охотничье оружие из кости и рога эпохи палеолита также известно в настоящее время с территории Приднестровья.

В первую очередь мы отметим наконечник с двумя прорезями для кремневых вкладышей из слоя 3 стоянки Молодова V, несколько обломков таких наконечников из этой же стоянки, а также серию удлиненных стержнеобразных наконечников из разных слоев данной стоянки и, в частности, из слоя 7.

Три категории кремневых орудий — резцы, скребки и ножевидные орудия — являются наиболее многочисленной категорией кремневых поделок на стоянках позднего палеолита Приднестровья, что свидетельствует о их большом значении в хозяйстве этого времени.

По общепринятому мнению, резцы являются орудиями для обработки кости, рогов и бивней, т. е. для обработки сырья, оставшегося после охоты. В меньшей степени эти орудия употреблялись для обработки дерева и мягких пород камня.

Вторая по численности категория кремневых орудий — скребки — употреблялась главным образом для обработки шкур (Семенов, 1950).

Третья группа — орудия-пластины с краевой ретушью, являвшиеся ножевидными орудиями; применялись для разрезывания шкур животных и мяса.

Таким образом, три наиболее распространенные категории кремневых орудий со стоянок Приднестровья, как мы видим, являются поделками, предназначенными для обработки охотничьей добычи позднепалеолитического человека — туш животных, убитых на охоте.

Другие орудия, прослеженные на стоянках Приднестровья в несколько меньшем количестве по сравнению с предшествующими, также были предназначены главным образом для деятельности, связанной с обработкой продуктов охоты. Среди них отметим: вкладышевые орудия типа пластинок с притупленным краем, которые известны с большинства стоянок; острия, употреблявшиеся для вспарывания и прокалывания туш; пластинки с выемками, которые применялись для оттачивания стержней из кости; пластины со скошенными краями для разрезания; проколки, сверла, скобели и т. д. В редких случаях наблюдались орудия типа скребел, остроконечников и даже рубил. Для операций, связанных с обработкой продуктов охоты, употреблялись также такие орудия, как лощила, шилья и проколки.

Другие хозяйственные работы выполнялись при помощи иных орудий. Например, мотыгообразные и киркообразные орудия из кости и рога служили для выкапывания различных углублений в почве и выкапывания корней деревьев. Эти орудия встречены на таких стоянках, как Вороновица I, Бабин I, Молодова I и V.

Для растирания различных корней и злаков использовали песты из бивня мамонта (верхний слой стоянки Вороновица I) и разнообразные каменные терки (преимущественно из песчаника), которые в значительном количестве были встречены во втором слое стоянки Бабин I, а также на стоянках Вороновица I, Молодова I и V.

Находки терок со следами стертых граней свидетельствуют о собирательстве как одной из дополнительных отраслей хозяйства. Некоторые терки применялись для растирания краски, о чем можно судить по остаткам краски в их порах.

Кроме терок, на стоянках Днестра была встречена серия других поделок из мягкого камня: клинообразные и долотообразные поделки, кружочки. Эти поделки имели следы шлифования, а на некоторых наблюдались высверленные отверстия, свидетельствующие о том, что в позднем палеолите была известна техника шлифования, распиливания и сверления камня. Этот факт прослеживается и на памятниках других районов.

Однако, в отличие от неолитического времени, в позднем палеолите шлифованию и сверлению подвергались относительно мягкие породы камня (сланец, песчаник).

Следует также отметить наличие на ряде стоянок позднего палеолита Приднестровья крупных кремневых долотообразных и топорообразных поделок, свидетельствующих о потребности в рубящих орудиях на всех этапах позднего палеолита.

О собирательстве как дополнительной отрасли хозяйства можно также судить на основании находок на ряде стоянок остатков съедобных моллюсков (Вороновица I, Молодова V и Наславча V).

О зачатках рыболовства в конце палеолита говорит находка гарпуна в Молодове V. Этот гарпун был найден в одном из самых высоких слоев стоянки. На этой же стоянке был обнаружен шип от второго гарпуна.

При всем том рыболовство не имело большого значения. Топографическое размещение большинства более ранних позднепалеолитических стоянок Приднестровья на высоких точках берега — показатель того, что в то время позднепалеолитический человек, по-видимому, еще не был заинтересован в реке как месте, где можно было добывать рыбу. Увеличение же количества поселений в конце палеолита и начале мезолита на участках, размещенных близко от реки, может быть косвенным показателем увеличения заинтересованности в реке как месте рыбной ловли.

Таким образом, можно сделать вывод, что охота дополнялась собирательством и рыболовством, но последнее появилось на данной территории лишь в конце позднего палеолита.

Следующим важным вопросом является проблема жилищ и поселений позднепалеолитического времени на территории Приднестровья.

Проведенные в 1949—1957 гг. исследования стоянок Бабин I, Вороновица I, Молодова I и V показали, что здесь наблюдается один тип постоянных жилищ позднепалеолитического времени, аналогичный постоянным жилищам других районов СССР и Центральной Европы.

Таким типом являются небольшие овальные жилища, слегка углубленные в почву, с остатками одного или нескольких кострищ внутри.

Такой тип был изучен в верхнем слое стоянки Вороновица I, где было встречено овальное, несколько углубленное в почву, пятно размерами $3{,}8 \times 2{,}45$ м, глубиной 35—40 см — основание от постоянного долговременного овального полуземляночного жилища с остатками двух кострищ внутри. Вокруг него располагались легкие наземные сооружения типа шалашей.

Наиболее близким к жилищу верхнего слоя стоянки Вороновица I является жилище со стоянки Гагарино, овальные жилища верхнего

слоя стоянки Костенки IV, округлые жилища стоянок Гонцы и Супонево. Все они служили жильем для небольшой группы палеолитических охотников.

При изложении материалов стоянки Вороновица I мы указывали, что результаты раскопок этой стоянки позволяют предполагать наличие в верхнем слое ее нескольких небольших постоянных жилищ, окружавшихся наружными кострищами.

Такого же типа небольшие постоянные жилища были открыты в слое 3 стоянки Молодова V, где края его окаймлялись пятнами от оснований жердей, образовавших каркас шалашевидного конического сооружения для жилья типа чумов, и в слоях 2, 6 и 7 этой стоянки.

Данные стоянок Вороновица I и Молодова V позволяют предположить, что позднепалеолитические поселения на Приднестровье состояли из центральных участков, где наблюдались группы небольших постоянных жилищ, расположенных на небольшом расстоянии одно от другого, и периферийных участков, где наблюдались лишь отдельные кострища с небольшим количеством культурных остатков вокруг.

Небольшие по размерам интенсивные пятна скоплений находок вокруг остатков кострищ, которые были открыты в верхних слоях стоянки Молодова V, также, по-видимому, являются остатками постоянных жилищ, которые перекрывались ветками деревьев, шкурами животных, прутьями, мхом и костями.

Характер расположения культурных остатков на исследованной площади позднепалеолитических памятников Приднестровья показывает, что в то время существовали как стоянки с долговременными постоянными жилищами, так и сезонные поселения с недолговечными сооружениями — временные летние поселения.

Последняя проблема, на которой следует остановиться, это эволюция палеолитической культуры и последовательность смены определенных групп памятников палеолита.

В предшествующих главах настоящей работы мы выделили 7 разновременных хронологических групп стоянок и местонахождений, соответствующих различным ступеням развития техники производства — от ранней поры позднего палеолита до мезолита.

Какие же особенности имеют эти ступени, отражающие поступательное прогрессивное развитие техники производства?

Для первой, наиболее ранней, хронологической группы памятников позднего палеолита Приднестровья характерным является бытование крупных нуклеусов, пластин и орудий, употребление крупных ножевидных пластин с краевой ретушью, скребков с ретушью по периметру, скребков с уплощенным рабочим краем, овальных скребков, скребел, орудий типа остроконечников, острий типа фон-ив, пластин с выемками, массивных резцов, симметричных острий, игольчатых острий, мотыгообразных поделок из кости, топорообразных поделок из известняка со следами шлифовки и т. д.

Для второй хронологической группы позднепалеолитических стоянок Приднестровья типично наличие крупных нуклеусов, пластин и орудий, пластин с плоской ретушью, орудий с двусторонней обработкой плоской ретушью, наконечников копий и дротиков из кремня, разнообразных резцов, симметричных острий, скребков с суживающимся рабочим краем, орудий на пластинах с краевой ретушью, орудий мустьерских форм.

Третья хронологическая группа памятников Приднестровья характеризуется наличием крупных пластин, нуклеусов и орудий, отдельных орудий с плоской ретушью, орудий на пластинах с краевой ретушью, скребков с прямым и суживающимся рабочим краем, атипических наконечников с боковой выемкой, игольчатых острий, острий типа граветт, веретенообразных наконечников копий и дротиков из кости мамонта.

Появляется техника изготовления продольных рукояток из ребер животных и киркообразных орудий из рога с коленчатой рукояткой.

Четвертая хронологическая группа позднепалеолитических памятников Приднестровья характеризуется несколько меньшими размерами нуклеусов, пластин и орудий, отсутствием орудий с плоской ретушью, наличием нуклевидных орудий, небольшим количеством орудий на пластинах с краевой ретушью и острий. Техника продольных рукояток продолжает развиваться.

Для пятой хронологической группы типичны тонкие пластины, орудия на таких пластинах, нуклевидные орудия, отсутствие крупных острий и крупных пластин с краевой ретушью. Здесь встречаются продольные рукоятки, мотыги, молотки из рога оленя.

Шестая хронологическая группа характеризуется наличием тонких небольших пластинок, коротких скребков, появлением клювовидных резцов и острий типа граветт, пластинок типа клинка перочинного ножа, небольшими размерами кремневых орудий, костяными наконечниками с двумя прорезями для мелких кремневых вкладышей, дальнейшим развитием техники продольных рукояток. Для памятников этой группы характерны тонкий культурный слой и небольшие овальные жилища. В конце этого периода исчезает мамонт, а в составе охотничьей добычи начинает резко преобладать северный олень.

Для стоянок, относящихся к седьмой хронологической группе, обычны находки небольших призматических, конических, ладьевидных, плоских и близких к карандашевидной форме нуклеусов, орудий на тонких пластинках, значительного количества орудий на отщепах и обломках, мелких острий, небольших округлых скребков, мелких пластинок с боковыми выемками, мелких острий со скошенными краями, пластинок с усеченным ретушью основанием, отдельных орудий геометрических форм и отдельные находки наконечников свидерского облика, плоских гарпунов с отверстием на нижнем конце. В составе фауны ранних памятников этой ступени резко преобладают остатки северного оленя [1].

Первая, вторая и третья хронологические группы соответствуют ранней поре позднего палеолита — так называемому ориньяко-солютрейскому времени, четвертая, пятая и шестая группы — различным этапам мадленского времени, а седьмая — мезолиту.

Отметим, что для памятников первых трех групп характерен ряд общих черт техники производства: преобладание в комплексах находок крупных нуклеусов, пластин и орудий, наличие пластин с краевой ретушью, крупных кремневых орудий, острий на крупных пластинах, игольчатых острий.

Изложенные данные о разновременных хронологических группах позднего палеолита Приднестровья можно суммировать в виде следующей хронологической таблицы (табл. 18).

Производственный инвентарь позднепалеолитических памятников Приднестровья, если его рассматривать хронологически в направлении от наиболее ранней хронологической группы к наиболее поздней, показывает усовершенствование и развитие техники производства. Об этом говорит не только развитие в кремневой индустрии вкладышевой техники, но и развитие техники обработки кости и рога. Примером последнего являются, например, такие поделки, как рукоятки из ребер, наконечники с двумя прорезями, наконечники копий и дротиков и наконец плоский гарпун.

---

[1] На Приднепровье, согласно заключению В. Н. Даниленко, также прослеживается ранняя фаза эпипалеолитической культуры, без остатков мамонта, но с остатками северного оленя и зубра; для этой фазы характерны микролитические орудия без геометрических форм (Даниленко, 1955).

Таблица 18

Опыт хронологической классификации позднего палеолита Среднего Приднестровья

Этап позднего палеолита		Хронологические ступени	Многослойные стоянки Среднего Приднестровья				Другие стоянки Среднего Приднестровья	Особенности фауны и флоры	Особенности техники производства
			Молодова V	Бабин I	Воронович I	Молодова I			
Поздняя пора (мезолит)	Поздняя пора	Седьмая	Слой 1 Слой 1а				Фрумушика I, Гребенники, Сенатовка II, Вермитка II, Подойма IV, Рашков VI, Раковец I, Нагоряне II, Бабин III, IV, VII, Сокол II, Лисичники, Поливанов яр, Макаровка III, Оселивка (3-й комплекс)	Характерно отсутствие мамонта и преобладание северного оленя в составе охотничьей добычи	Прослеживается микролитизация кремневого инвентаря при слабом развитии геометризации; встречаются конические, карандашевидные, ладьевидные и плоские нуклеусы, много орудий на отщепах и обломках, скошенные и округлые скребки, отдельные орудия свидерских и геометрических форм, острия со скошенным краем и притупленным краем типа граветт, пластинки с концевыми и боковыми выемками, узкие скребки с притупленными краями, плоские гарпуны с отверстием и топоры из рогов оленя типа лингби с рукоятками
	Ранняя пора								
Средняя пора (мадленское время)	Поздний мадлен	Шестая	Слой 2 Слой 3 Слой 4	Слой 3	Верхний слой	Верхний слой Средний слой	Баламутовка I, II, III, IV, Сокол I, Грушевцы V, VI, Марьяновка II, Студеница II, Наславча V, Атаки V, Корман II, Дарабаны II, Старая Ушица, Ломачинцы II, Ожево V, Оселивка и др.	Фауна: северный олень (много), лошадь, зубр, лось, гигантский олень, благородный олень, мамонт, носорог, бизон и другие виды	Мелкий кремневый инвентарь, тонкие пластинки, короткие скребки, клювовидные резцы, боковые и срединные резцы, пластинки со скошенным краем; появляются острия с притупленным краем, костяные наконечники с двумя прорезями для вкладышей, «флейты», продольные рукоятки из ребер для вкладышей (иногда с двойными прорезями); преобладают орудия на пластинках

Таблица 18 (продолжение)

Этап позднего палеолита		Хронологические ступени	Многослойные стоянки Среднего Приднестровья				Другие стоянки Среднего Приднестровья	Особенности фауны и флоры	Особенности техники производства
			Молодова V	Бабин I	Воронович I	Молодова I			
Средняя пора (мадленское время)	Средний мадлен	Пятая	Слой 5				Ожево II, III, Врублевцы, Корман I, Ломачинцы I, Грушевцы II	Фауна: северный олень (много), лошадь, зубр, лось, гигантский олень, благородный олень, мамонт, носорог, бизон и другие виды	В комплексах наблюдается преобладание небольших нуклеусов, пластин и орудий; орудия на пластинах; наблюдаются короткие скребки, боковые, угловые и срединные резцы, пластинки со скошенным ретушью краем; продольные рукоятки с прорезями, веретенообразные наконечники, мотыги и молотки из рогов оленя
	Ранний мадлен	Четвертая	Слой 6				Калюс, Калачковцы I, Студеница I, Непоротово IV, Волошковое II, Непоротово V, Макаровка II	Флора: сосна, ель, лиственница и пихта	Относительно крупные нуклеусы, пластины и орудия; изредка встречаются острия и пластины с краевой ретушью, а также орудия на пластинах с краевой ретушью; наблюдаются двойные срединные резцы, боковые резцы, нуклевидные резцы и орудия; прослеживаются продольные рукоятки из ребер, веретенообразные наконечники; мотыги и стержни
Ранняя пора (ориньяко солютрейское время)	Позднее солютре	Третья	Слой 7 Слой 8	Слой 2		Отдельные находки	Бабин IV, Корман II (2-й комплекс), Корман IV (нижний слой), Расшинцы I, II, Незвиско IV, Рашков III, Калачковцы II	Фауна: мамонт, лошадь, зубр, северный олень, носорог и другие виды	Преобладают крупные нуклеусы и орудия; встречаются симметричные острия, скребки с прямым рабочим лезвием, наконечники с боковой выемкой, острия типа граветт, игольчатые острия, орудия с плоской ретушью, орудия мустьерских форм; появляются продольные рукоятки из ребер, кирки с коленчатыми рукоятками, веретенообразные наконечники

Таблица 18 (окончание)

Этап позднего палеолита		Хронологические ступени	Многослойные стоянки Среднего Приднестровья				Другие стоянки Среднего Приднестровья	Особенности фауны и флоры	Особенности техники производства
			Молодова V	Бабин I	Воронович I	Молодова I			
Ранняя пора (ориньяко-солютрейское время)	Развитое солютре	Вторая	Слой 9 Слой 10		Нижний слой		Незвиско I, Городница I, Корман V, Бабин III, Конюшки, Китайгород I, II, Оселивка, Долгое, Бабин VI, Долина, Молодова IV, Ганнусивка, Устье Зеленое	Флора: сосна, ель, дуб	Преобладают крупные нуклеусы и орудия; наблюдаются двойные и одинарные острия, орудия мустьерских форм, наконечники с двусторонней обработкой плоской ретушью, орудия на пластинах с краевой ретушью, игольчатые острия; встречаются пластины с плоской ретушью
	Ориньякское время	Первая	Горизонт 10а	Слой 1					Преобладают крупные нуклеусы, пластины и орудия; наблюдаются двойные и одинарные острия, орудия на пластинах с краевой ретушью, пластины с выемками, килевидные и овальные скребки, орудия мустьерских форм, орудия с ретушью по периметру, скребки с плоским рабочим краем, острия типа фонив, массивные резцы
	Мустье-леваллуа		Слой 11 Слой 12			Нижние слои		Фауна: мамонт — ранняя форма (много), северный олень, благородный олень, грызуны	

Материалы позднепалеолитических памятников Приднестровья также показывают, что ряд форм орудий, появившихся в раннюю пору, существует затем на всем протяжении позднего палеолита (например резцы, скребки и т. д.). Бытование этих орудий на протяжении длительного времени говорит об однотипности хозяйственной деятельности людей этого времени, хотя наблюдающееся в конце палеолита определенное измельчание этих орудий является косвенным показателем уменьшения роли крупных зверей в охотничьем хозяйстве того времени. Это подтверждается также и составом палеонтологических остатков со стоянок Приднестровья, что отмечалось выше.

Этот процесс микролитизации кремневого инвентаря, наблюдающийся в материалах Приднестровья, свойственен памятникам других районов Европейской части СССР и памятникам Центральной и Западной Европы.

Следовательно, развитие вкладышевой техники, тенденция к микролитизации кремневого инвентаря — общее явление, характерное для значительной территории, где в конце позднего палеолита прослеживался переход к охоте на более мелких животных.

Одновременно в конце палеолита прослеживается увеличение в кремневом инвентаре количества поделок на отщепах и обломках, что является одной из специфических черт последующего мезолитического времени.

Материалы позднепалеолитических памятников Приднестровья также позволяют отметить, что в определенное время позднего палеолита появляется так называемая «солютрейская» техника обработки кремня, и что она впоследствии исчезает, заменяясь «мадленской», по-видимому, в связи с тем, что развитие техники обработки кости и рога сделало не нужным применение трудоемких процессов обработки плоской ретушью кремневых наконечников, так как появившаяся техника изготовления костяных наконечников с прорезями для вкладышей была более легкой, требовала меньше затрат времени, а для охоты такие наконечники были более эффективными.

В каком же отношении находится развитие культуры позднего палеолита Приднестровья к развитию позднепалеолитической культуры других районов?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо кратко остановиться на некоторых проблемах изучения позднепалеолитического времени.

Известно, что первые памятники палеолита были обнаружены в первой половине прошлого столетия. С тех пор, со времени Буше де Перта, началось систематическое изучение этой эпохи.

По мере накопления сведений о палеолитических памятниках, в том же XIX столетии были произведены первые попытки хронологического расчленения палеолитического времени, которые базировались на разных категориях источников, главным образом на материалах, добытых в пещерах Западной Европы.

Так, в 60-х годах Ларт и Кристи выделили две группы разновременных стоянок: стоянки века мамонта и века северного оленя. Стоянки века северного оленя, по их мнению, являлись более поздними. К этой более поздней группе они отнесли стоянки трех типов: типа Мадлен, типа Верхнего Ложери и типа Мустье.

Таким образом, эти ученые в основу своей классификации положили фаунистический принцип (Larte et Christy, 1864).

Следующей попыткой построения хронологии позднего палеолита является классификация Пьетта, выделившего на основании своих многолетних исследований пещерных памятников элафскую, элафско-тарандскую, эквидскую и бовидскую стадии. Четкого различия между памятниками каждой стадии этот исследователь не дал.

Одновременно Пьетт создал параллельную классификацию на основании изучения предметов палеолитического искусства. Так, глиптический период искусства (период существования предметов искусства в виде скульптуры, резьбы, гравюр) Пьетт разделял на азильское, лортэтское, гурданское и напальское время. Подпериоды отвечали указанным выше стадиям. Стратиграфические наблюдения позволили Пьетту прийти к выводу, что скульптурные изображения были более древними по сравнению с гравюрами (Piette, 1904).

Мортилье уточнил данные Ларта и Кристи, рассматривая подгруппы этих исследователей как разновременные хронологические ступени. Этот исследователь разделил палеолит на шельское, ашельское, мустьерское, солютрейское, мадленское и турасское время (Mortillet, 1883, 1903).

Периодизация Мортилье, учитывавшая развитие техники производства на протяжении палеолита, была прогрессивным явлением для своего времени. В дальнейшем, в 900-х годах, Брейль на основании стратиграфических данных таких памятников, как Мустье, Трилобит, Рют, Лоссель, Комб-Капель, Ферраси и др., ввел промежуточную ориньякскую эпоху между мустье и солютре периодизации Мортилье (Breuil, 1905, 1906, 1907, 1909, 1911).

Полемика Мортилье с Брейлем, как известно, оказалась безрезультатной (Mortillet A., 1907); ориньякская эпоха как один из периодов позднего палеолита твердо вошла в хронологические схемы.

Несколько позже Брейль выступил с новым важным положением о том, что в верхнем палеолите наблюдаются две, отличные между собой по составу основных типов находок, территориальные зоны: атлантическая и средиземноморская (Breuil, 1912).

Уточненная Брейлем периодизация Мортилье до сих пор служит основой хронологического определения позднепалеолитических памятников Европы, а характерные для каждой эпохи данной классификации типы поделок являлись руководящими формами для датировок разновременных стоянок атлантической зоны.

Однако следует отметить, что после введения ориньякской эпохи среди части исследователей палеолита стала наблюдаться тенденция большинство позднепалеолитических памятников необоснованно относить к ориньякскому времени. Кроме того, смена эпох позднего палеолита и происхождение соответствующих позднепалеолитических культур в буржуазной науке обычно объясняются миграциями. Примером таких взглядов являются хотя бы концепции того же Брейля. Аналогичные миграционные гипотезы разделяли и другие ведущие буржуазные исследователи (Обермайер, Буркитт, Гаррод, Пейрони и т. д.). Такие гипотезы широко распространены в зарубежной науке и в настоящее время.

Оставляя в стороне критику реакционных расистских концепций (Байер, Менгин, В. Шмидт, Копперс и т. д.), что увело бы нас далеко от темы, кратко остановимся на сложной проблеме взаимоотношения верхнепалеолитических культур Европы.

Так, известный французский ученый Пейрони выдвинул теорию о параллельном сосуществовании так называемого перигора с ориньяком (Peyroni, 1936, 1948). Больше того, сам перигор, в свою очередь, стал рассматриваться как существующий в двух параллельных вариантах.

Таким образом, вместо одной ориньякской культуры как определенного этапа в развитии позднего палеолита, Пейрони выдвигает три параллельных культурных варианта, существовавших на одной и той же территории. Однако в современной французской литературе по палеолиту появился ряд работ, в которых в одних случаях отмечается «смешанность» перигорийских и ориньякских признаков (Pradel, 1952), в других — «смешанность» перигорийских, ориньякских и солютрейских

признаков (Bordes, Fitte, 1950). Указывается также, что руководящие формы перигора II фактически являются ориньякскими (Sonneville-Bordes, 1955) и что гипотеза Пейрони упрощает действительность, а сама перигорийская культура является во многом еще не ясной (Delporte, 1954).

Следует также отметить концепцию Гаррод, согласно которой нижний и верхний перигор Пейрони являются в действительности шатель-перроном и граветтом, а собственно ориньяк — это средний ориньяк хронологической шкалы Брейля. По мнению Гаррод, переход от шатель-перрона к граветту (т. е. от нижнего перигора к верхнему, по Пейрони), вопреки Пейрони, не является последовательным процессом, так как шатель-перрон от граветта отделяется ориньяком. Сам граветт, по мнению Гаррод, состоит из нижнего и верхнего; первый представлен памятниками типа граветт, а второй — типа фон-роберт. Граветт, по мнению Гаррод, имеет восточное происхождение (Garrod, 1938).

Еще сложнее проблемы верхнего палеолита Центральной и Восточной Европы.

Так, например, гипотезу о параллельном сосуществовании ориньяка и солютре выдвигают некоторые чехословацкие и венгерские ученые.

Известный современный чехословацкий ученый Прошек, рассматривая материалы памятников солютрейско-«селетского» облика, пришел к заключению, что селет происходит из мустье Карпатской котловины под влиянием ориньяка и параллелен раннему и среднему ориньяку; что поздний ориньяк (граветт, по терминологии Гаррод) появляется позже. Кроме того, Прошек считает, что селет территориально не распространяется на восток дальше Тиссы, так как, по его мнению, листовидные наконечники восточнее изгиба Карпат ничего общего не имеют с селетом (Prošek, 1953b, 1953c).

Отметим также мнение австрийского исследователя Ганчара, который считает, что вариант солютрейской культуры на территории СССР в действительности является культурой восточного граветта (Hancar, 1956).

От мнения Прошека отличается концепция чехословацкого исследователя Жеберы, согласно которой наблюдающиеся на территории Чехословакии позднепалеолитические культуры (селет, ориньяк, граветт и мадлен) развиваются эволюционным путем одна из другой (Žebera, 1956).

По Климе, поздний палеолит Моравии (граветт) развивается на основе ориньяка, под влиянием селета и одновременного воздействия восточных проявлений наиболее древних фаз граветта. В дальнейшем в позднем палеолите Моравии наблюдается проявление экспансии западноевропейского мадлена, которая существенно не повлияла на местную культуру, но все же наложила на нее известный отпечаток (Klima, 1956b).

Близкие к концепции Прошека взгляды развивает также венгерский исследователь Габори.

В ряде работ этот ученый приходит к выводу, что восточное солютре возникло на местной основе в Венгрии из мустье и древнего ориньяка, что дальше оно развивалось параллельно с ориньяком вплоть до мадлена, распространяясь в Центральную Европу. По мнению этого исследователя, венгерское солютре имеет много общего с ориньяком (Gabori, 1953).

О сосуществовании ориньяка, селета и так называемого граветта высказывался также Вертеш.

По Вертешу, культура пришельцев с востока, ориньякская культура 1, на территории Средней Европы смешалась с местной ориньякской культурой 2, одновременно испытывая влияние параллельно сосуществующих селетской и граветтской культур (Vertes, 1955b). Вертеш, как и Прошек, считает, что селетская культура не распространяется в восточном направлении дальше Венгрии, хотя в Восточной Европе все же

встречаются наконечники с двусторонней обработкой плоской ретушью (Vertеš, 1956).

Положение о сходстве и сосуществовании солютре с ориньяком поддерживает также Фреунд (1952), выдвинувшая концепцию о нескольких центрах возникновения солютре. По Фреунд, культура листовидных наконечников состоит из нескольких, возникших в разных центрах, культур, которые генетически не связаны.

Возможность наличия нескольких центров происхождения солютрейской культуры допускал также Нарр, но он отмечал, что в этом отношении необходимо учитывать связи венгерского солютре с французским, а также значение солютре Восточной Европы. По Нарру, солютрейская техника оказывала воздействие на граветтскую (Narr, 1954).

В отношении происхождения солютрейской культуры можно также указать мнение Кет-Томпсон о возникновении солютре в Испании под влиянием атерийской культуры. Чайльд также придерживается этой точки зрения, считая, что в дальнейшем солютрейская культура продвигалась с Запада на Восток. В последние годы Брейль стал склоняться к выводу, что разные формы солютре могли рождаться в разных районах.

Приведенные данные свидетельствуют, что в настоящее время в зарубежной литературе нет общепринятых взглядов по вопросу о происхождении и взаимоотношении позднепалеолитических культур, что широко распространены миграционные гипотезы, а также гипотезы о сосуществовании позднепалеолитических культур и что лишь небольшая часть исследователей — сторонники взгляда о местном последовательном развитии позднепалеолитических культур.

В нашей литературе первые попытки построения хронологии позднего палеолита и интерпретации исторического облика культуры данного времени принадлежат В. А. Городцову и П. П. Ефименко.

Городцов в своей работе «Каменный период», опубликованной в 1923 г., намечая новую классификацию каменного века (эолитическая, археолитическая, мезолитическая, палеолитическая и неолитическая эпохи), позднепалеолитическое время (палеолит, по его классификации) разделил на верхний, средний и нижний горизонты, которые, по его мнению, соответствовали мадленской, солютрейской и ориньякской эпохам. В свою очередь эти горизонты он подразделил на 3 подгруппы. Таким образом, поздний палеолит Городцовым разделялся на 9 подгрупп, ко времени которых были отнесены соответствующие памятники позднего палеолита СССР, известные в то время. В ряде случаев датировки Городцова оказались правильными и до настоящего времени (например, датировка стоянки Гонцы), но выдвинутая им классификация не получила признания.

По мнению Городцова, поздний палеолит Европейской части СССР отличается от палеолита Западной и Центральной Европы, входя в так называемую восточноевропейскую зону позднего палеолита. Кроме восточноевропейской зоны в пределах атлантической зоны выделялись среднеевропейская (или дунайская) и западноевропейская зоны (Городцов, 1923).

Таким образом, Городцов считал, что поздний палеолит Европейской части СССР имеет определенное своеобразие.

Несколько позже Ефименко предложил классификацию позднего палеолита Европейской части СССР, которая была построена на основании западноевропейской хронологической шкалы (Ефименко, 1928, 1934). Позже (1950 г.) им была выдвинута хронология позднего палеолита, построенная на материалах памятников нашей территории.

Хронология позднего палеолита Ефименко включала сначала 6 (Ефименко, 1950), а несколько позже 7 различных по времени ступеней (Ефименко, 1953), которые были выделены главным образом на основании дан-

ных многолетних исследований ряда позднепалеолитических памятников Костенковско-Боршевского района.

Ефименко считает, что в позднем палеолите Европейской части СССР наблюдаются следующие хронологические группы: раннетельманская, позднетельманская и костенковская (эти 3 группы соответствуют памятникам ранней поры позднего палеолита), мезинская, кирилловская, гонцовская и боршево-журавская.

Памятники позднего палеолита Европейской части СССР Ефименко были отнесены к этим 7 ступеням, или типам, «в порядке их древности». В дальнейшем, в монографии «Первобытное общество», позднепалеолитические стоянки Европейской части СССР описываются соответственно этим типам памятников, связанных с определенными эпохами позднего палеолита западноевропейской хронологии.

В то же время Ефименко пришел к выводу, что «смена типов кремневого инвентаря в рамках ориньякской, солютрейской и мадленской эпох, принимавшаяся до сих пор за незыблемую основу исторического развития палеолитической культуры Европы, является отвлеченным построением, далеким от исторической действительности», «она не отвечает действительным фактам», так как понятия ориньяк и солютре лишены какого-либо исторического содержания (Ефименко, 1953, стр. 314).

Таким образом, Ефименко стал рассматривать эпохи позднего палеолита западноевропейской классификации (имеется в виду периодизация Мортилье — Брейля) как чисто локальное явление, свойственное преимущественно части территории Франции, допуская даже возможность их сосуществования как определенных приемов обработки кремня, которые могли удерживаться в силу традиции (там же, стр. 310). Он пришел также к выводу, что на территории СССР, как и в ряде других стран (Англия, Германия, Венгрия), нет ориньякских памятников, а что досолютрейские памятники раннетельманского типа имеют признаки южной каспийской культуры, что свидетельствует о передвижении палеолитических общин с юга в район Дона, куда позже прикочевывают общины с инвентарем типа верхнего слоя Тельманской стоянки, которые являются представителями иного пути развития (там же, стр. 325).

В последних своих работах Ефименко (1956—1957) развивает концепцию, что на территории Восточно-Европейской равнины ориньяк и солютре являются двумя вариантами позднепалеолитической культуры, из которых один соответствует приледниковому — северному пути развития, а второй — южному, средиземноморскому,— но основным является солютрейский путь развития.

По Ефименко, в Средней и Восточной Европе наблюдается северный, или солютрейский, путь развития, характерный для приледниковой зоны; проявление в Восточной Европе южного, гримальдийского пути развития свидетельствует о проникновении на территорию зоны распространения северных племен — южных (гримальдийских) (Ефименко, 1955, 1956, 1957).

Необходимо отметить еще одно важное положение Ефименко, изложенное в монографии: он считает возможным разделить позднепалеолитическое время на три этапа: первый этап, соответствующий ориньяк-солютрейскому времени, когда складывалось раннее родовое общество с оседлым охотничьим хозяйством; поздний этап, соответствующий мадленскому времени, когда существовал своеобразный охотничий бытовой уклад охотников-номадов; позднейший этап, соответствующий азильскому времени, когда охотничье хозяйство позднепалеолитического времени приходит в упадок, сменяясь постепенно другими источниками добывания средств существования, которые развивались уже в неолитическое время (Ефименко, 1953, стр. 287).

С. Н. Замятнин в работе «О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода» (1951) указывает, что в позднем палеолите наблюдаются 3 обширные территориальные зоны с определенными отличиями в культуре: 1) средиземноморско-африканская, 2) европейская приледниковая, 3) сибирско-китайская. Этот исследователь считает, что бóльшие различия в материальной культуре прослеживаются между первыми двумя зонами и третьей, чем между первой и второй. По его мнению, наименьшая территориально, европейская приледниковая зона является провинцией обширной средиземноморско-африканской зоны. Сходство в развитии культуры этих двух зон объясняется не передвижениями первобытного населения, а длительным общением соседних племен.

Внутри приледниковой зоны, по Замятнину (1951), прослеживаются некоторые второстепенные местные отличия, менее значительные в более ранних памятниках и более заметные в более поздних памятниках, соответствующих мадленскому времени, когда можно наблюдать некоторую разницу между памятниками Запада и Востока, наиболее отчетливо проявляющуюся в искусстве.

На проблеме хронологии позднего палеолита Замятнин в данной работе не останавливался.

Много внимания этой проблеме уделил П. И. Борисковский в ряде работ последних лет (Борисковский, 1953, 1954, 1955). Этот исследователь исходит из положения о том, что внутри трех зон позднего палеолита (имеются в виду африкано-средиземноморская, сибирско-китайская и приледниковая зоны) наблюдаются сходные черты развития техники производства и что поэтому внутри этих зон можно выделить определенные хронологические этапы (Борисковский, 1954, стр. 33).

Борисковский считает, что в приледниковой зоне Европейской части СССР культура позднего палеолита развивалась сходными путями. Поэтому, учитывая материалы таких многослойных памятников, как Костенки I, Тельманская, Боршево II и других, этот исследователь выделил для позднего палеолита УССР 7 разновременных хронологических ступеней и 3 ступени для памятников мезолитического времени.

Ранняя пора позднего палеолита у Борисковского начинается памятниками ориньякского времени (первая ступень); дальше следуют памятники солютрейского времени (вторая ступень), позднесолютрейские (третья и четвертая ступени) и мадленские (четвертая, пятая, шестая и седьмая ступени). Каждая ступень хронологической шкалы характеризуется определенными, типичными для данного времени, стоянками. В ряде случаев некоторые ступени представлены лишь подъемными находками.

В общем, несмотря на частные различия в оценке западноевропейской хронологии позднего палеолита, у Ефименко и Борисковского решение проблемы хронологии позднего палеолита СССР нашло сходное выражение путем выделения 7 различных хронологических этапов последовательного развития техники производства позднепалеолитического времени.

С принципиально иными взглядами на хронологию позднего палеолита выступил в ряде работ последнего времени А. Н. Рогачев (Рогачев, 1953а, 1953б). Он пришел к выводу, что периодизация Мортилье — Брейля отражает лишь локальное развитие памятников Западной Европы. По его мнению, поздний палеолит нашей территории полностью своеобразен. Рогачев пишет, что памятники Дона свидетельствуют о сосуществовании так называемых ориньякской, солютрейской и мадленской техник.

Основой для этих заключений Рогачеву послужили наблюдения над геологическими условиями залегания памятников [Костенковско-Бор-

шевского района и, в частности, связь палеолитических памятников с ископаемыми почвами и вулканическими пеплами, наблюдающимися в первой и второй надпойменных террасах. Рогачев выделил три, по его мнению, разновременные хронологические группы позднепалеолитических стоянок Костенковско-Боршевского района.

Древнейшими из них являются стоянки, находящиеся в основании толщи лёссовидных суглинков и ниже суглинков в слоистых отложениях второй надпойменной террасы (слой 5 стоянки Костенки 1, три нижних слоя Тельманской стоянки). Средней по времени группой памятников этого района, по Рогачеву, являются памятники, расположенные в лёссе второй надпойменной террасы (слой 2 Тельманской стоянки, средний слой Костенок I) и в верхней части лёсса этой террасы (верхний слой Костенок I, Боршево I, Костенки II, Бирючий лог). Наконец третьей группой памятников, наиболее поздних, по Рогачеву, являются памятники, находящиеся в лёссовидных суглинках первой надпойменной террасы. В эту группу входят такие разновременные памятники, как Костенки IV (два слоя), Костенки III и Боршево II.

Однако Рогачев в своей работе отмечает, что положение о двух террасовых комплексах является недоказанным, как не доказано и положение о синхронности двух гумусированных толщ, прослеживающихся по склонам логов в этом районе на уровне второй надпойменной террасы (Рогачев, 1953б, стр. 52).

В последних своих работах Рогачев предложил более разработанную периодизацию верхнепалеолитических стоянок Костенковско-Боршевского района. Так, он выделяет следующие 4 хронологические группы, «отражающие своеобразное последовательное развитие культуры в эпоху верхнего палеолита» (Рогачев, 1957, стр. 118). В первую, наиболее древнюю, группу входят памятники, залегающие в нижней гумусированной толще второй надпойменной террасы (нижний слой Костенок I, нижний слой Тельманской, нижний слой Костенок XII, слой 2 Костенок XII, нижний слой Костенок XIV, нижний слой Костенок V, Стрелецкая стоянка). Во вторую группу входят стоянки, находящиеся в верхней гумусированной толще второй надпойменной террасы (слой 4 Костенок I, слой 3 и слой 2 Тельманской стоянки, верхний слой Костенок XII, слой 3 и 2 Костенок XIV, Городцовская стоянка). К третьей группе относятся стоянки, находящиеся в верхней части лёссовидных суглинков второй террасы (слои 3, 2 и 1 Костенок I, верхний слой Тельманской, Бирючий лог, слой I Костенок XII, слои 2 и 1 Костенок V, Аносовка II, Боршево I, Костенки II) и, наконец, в четвертую хронологическую группу, наиболее позднюю, входят стоянки, находящиеся в первой надпойменной террасе (Боршево II, Рудкино).

Эти хронологические группы выделены главным образом на основании геологических данных, поскольку, по мнению Рогачева, «формы кремневых орудий и состав инвентаря верхнепалеолитических стоянок сами по себе не могут служить основанием для датировки» (Рогачев, 1953б, стр. 31). Указанными хронологическими группами Рогачев характеризует развитие своеобразных этнографических костенковско-стрелецкой, костенковско-городцовской и костенковско-авдеевской культур (Рогачев, 1957), так как он является сторонником взгляда Городцова о своеобразии верхнего палеолита Восточной Европы.

Кроме этих исследователей, с новой точкой зрения в отношении хронологии позднего палеолита и других проблем выступил А. П. Окладников (1954б, 1955). Он является сторонником взгляда о наличии на территории СССР трех территориальных зон, внутри которых в развитии позднего палеолита наблюдается своя специфика. Выделяется зона Русской равнины, УССР и Белоруссии, сходная с поздним палеолитом

Франции, т. е. входящая в атлантическую зону А. Брейля, среднеазиатско-крымско-кавказская зона, сходная с каспийской зоной, и сибирско-азиатская зона. В границах этих зон возможны свои хронологические классификации (Окладников, 1954б).

На основании изучения материалов стоянок Костенковско-Боршевского района Окладников пришел к выводу, что во всех районах Русской равнины типичный ранний ориньяк типа шатель-перрон отсутствует, но имеется средний и поздний ориньяк западноевропейской классификации.

По мнению Окладникова, развитие местной позднепалеолитической культуры, выросшей из мустье с ашельской традицией и представленной находками типа слоя 5 Костенок I, было прервано распространением нового, вышедшего из Западной Европы, населения, оставившего после себя памятники нового для этой территории, средне- и позднеориньякского облика.

В дальнейшем процесс развития позднепалеолитической культуры идет здесь в направлении к памятникам классического солютре типа верхнего слоя Тельманской стоянки, дальше — типа Костенок IV и еще дальше — к памятникам типа Костенки I — Авдеевка (костенковская фация).

Окладников считает, что гипотеза об эволюционном развитии техники от ориньякской затупливающей ретуши к солютрейской выравнивающей не отражает всей сложности развития культуры позднего палеолита Восточной Европы, так как история этой территории развивалась более сложными путями, исторический процесс включал взаимоотношения различных групп населения (Окладников, 1954б, стр. 19).

Окладников считает, что его выводы подтверждаются наличием двух горизонтов ископаемых почв в Костенках, говорящим о развитии после пресолютре среднего и верхнего ориньяка, а дальше раннего солютре типа верхнего слоя Тельманской стоянки, а затем — позднего солютре типа Костенок I, а также наличием пришельцев-негроидов в палеолите Костенок. По мнению этого исследователя, развитие солютре в Западной Европе могло быть связанным с обратным распространением солютре с Востока на Запад.

История позднепалеолитического населения Русской равнины, по Окладникову, сходна с историей позднепалеолитического населения Западной Европы и особенно Центральной Европы, где наблюдаются те же комплексы. Он пишет, что нельзя сводить историю этого периода к истории отдельных изолированных общин, как это делает Рогачев.

Таким образом, из сказанного выше видно, что проблема периодизации позднего палеолита и происхождения позднепалеолитических культур является спорной и дискуссионной также и в советской литературе по палеолиту.

Что же можно сказать в отношении поставленных по палеолиту проблем на основании материалов памятников Приднестровья?

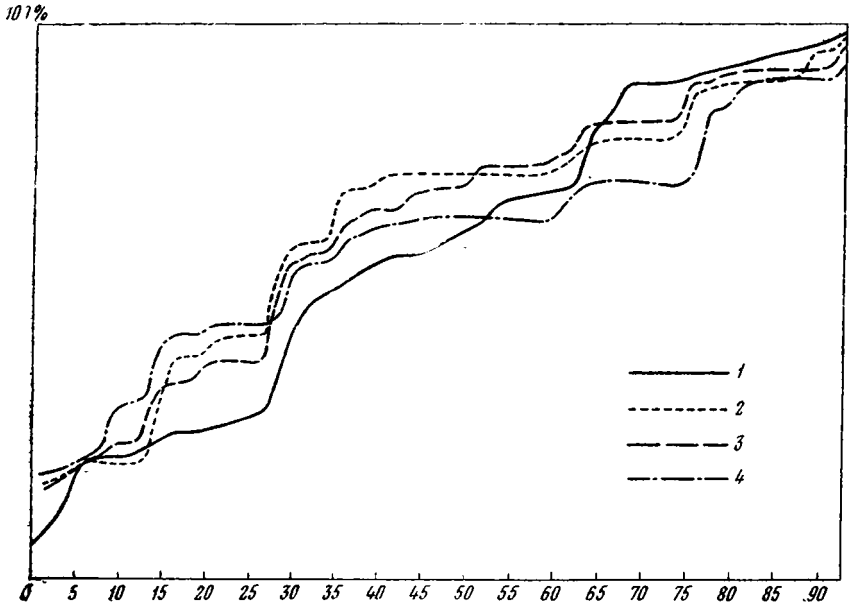
В первую очередь необходимо указать, что позднепалеолитическая культура Приднестровья территориально и по облику материальной культуры входит в европейскую приледниковую область, так как памятники этого района имеют сходство с позднепалеолитическими памятниками других районов приледниковой зоны.

Об этом свидетельствуют, например, сходство техники обработки кремня, кости и рога; сходство фауны и предметов искусства разновременных стоянок Приднестровья с соответствующими по времени стоянками других районов приледниковой зоны.

Так, например, первая хронологическая группа позднепалеолитических памятников Приднестровья, древнейшая из известных в настоящее

время, имеет некоторые аналогии в нижних слоях Тельманской стоянки, нижних слоях Костенок IV и Костенок V.

Любопытно отметить, что мелкие игольчатые острия были встречены как в нижних слоях Костенок IV, Тельманской стоянки, так и в первом слое стоянки Бабин I. Там же были встречены пластины с боковыми выемками.



Фиг. 70. Сравнительная диаграмма (по статистическому методу) памятников первой хронологической группы и аналогичных памятников с других территорий

1 — Бабин I, слой 1; *2* — Дюфор (средний ориньяк); *3* — пятый горизонт второго навеса Ябруд (средний ориньяк); *4* — шестой горизонт второго навеса Ябруд (ранний ориньяк)

Среди памятников других районов приледниковой зоны аналогии памятникам первой хронологической группы стоянок Приднестровья прослеживаются среди материалов таких поселений, как Трилобит (средний слой), ла Котт, Понт-Неф, Гаргас, Рош-о-Лу, Зиргенштейн (5-й горизонт), Гундштейг и т. д.

Следует указать, что кривая диаграммы коллекции кремневых изделий первого слоя стоянки Бабин I, разработанная на основании применения весьма распространенного в настоящее время в зарубежной литературе статистического метода (ср. Bordes, 1950; Sonneville-Bordes et Perrot, 1953; Laplas-Jauretche, 1956; Klima, 1956a), сходна с диаграммами таких памятников ориньякского времени, как 5-й и 6-й горизонты второго навеса Ябруд (ранний и средний ориньяк) и Дюфор (средний ориньяк), хотя эти памятники расположены на далеком расстоянии один от другого (фиг. 70)[1]. Больше того, наблюдается сходство диаграмм указанных памятников с диаграммой перигорийских памятников, что свидетельствует об искусственности принципов, которые были положены в основу выделения так называемой перигорийской культуры.

Вторая хронологическая группа позднепалеолитических памятников Приднестровья находит себе аналогии в материалах таких памятников

[1] При сравнении диаграмм указанных памятников нами использованы диаграммы, опубликованные Д. Сонвиль-Борд и Б. Климой.

Дона, как верхний слой Тельманской стоянки, верхний слой Костенок IV, Костенок V, нижний слой Костенок I, где были встречены наконечники с двусторонней обработкой поверхности плоской ретушью.

Среди памятников других районов аналогичные материалы известны из таких стоянок, как Ежмановская, пещеры Мамонтова, Казярна, Сцелета и Янковича, Мораваны-Долгое, Дзерава скала (нижний слой), Ишталлошко (верхний слой), Рют, Солютре, Плакар, Парпалло, Бадегуль и т. д. Наибольшее сходство памятники второй хронологической группы Приднестровья имеют со стоянками Румынии, Венгрии, Чехословакии и Польши.

Следующая, третья, хронологическая группа позднепалеолитических памятников Приднестровья имеет аналогии среди материалов таких стоянок, как Гагарино, Костенки I (верхний слой), Боршево I, Авдеевка. Среди стоянок Десны этой группе стоянок Днестра соответствует такой памятник, как Пушкари I, а памятников первой и второй хронологических групп на Десне пока не обнаружено.

Среди стоянок других районов памятниками, аналогичными днестровским, являются такие, как Замостье I, Рипичены (слой 5), Павлов, Петржковице, Дзерава скала (верхний слой), Мораваны-Подковице, Виллендорф, Дольни Вестонице, Пшедмост, Рок, Лакост, Плакар (слой 3), Парпалло (5-й горизонт) и т. д.

Сходство памятников этой группы можно проследить также на сравнительной диаграмме инвентаря, например, таких памятников, как Молодова V (слой 7), Бабин I (слой 2), Дольни Вестонице (фиг. 71).

Многие из указанных памятников зарубежные исследователи относят к пережиточному ориньяку типа граветт.

Стратиграфические данные стоянок Приднестровья подтверждают, что эти памятники, имеющие в своем инвентаре все особенности, свойственные позднему солютре (наконечники с боковой выемкой, орудия с плоской ретушью, острия, пластины с краевой ретушью), относятся к этому периоду. Поэтому, на наш взгляд, эту группу памятников с полным основанием можно относить к позднесолютрейским.

Это подтверждается, например, и тем, что в финально-солютрейском слое Парпалло, перекрывающем слои с солютрейскими наконечниками, была встречена серия атипических наконечников с боковой выемкой.

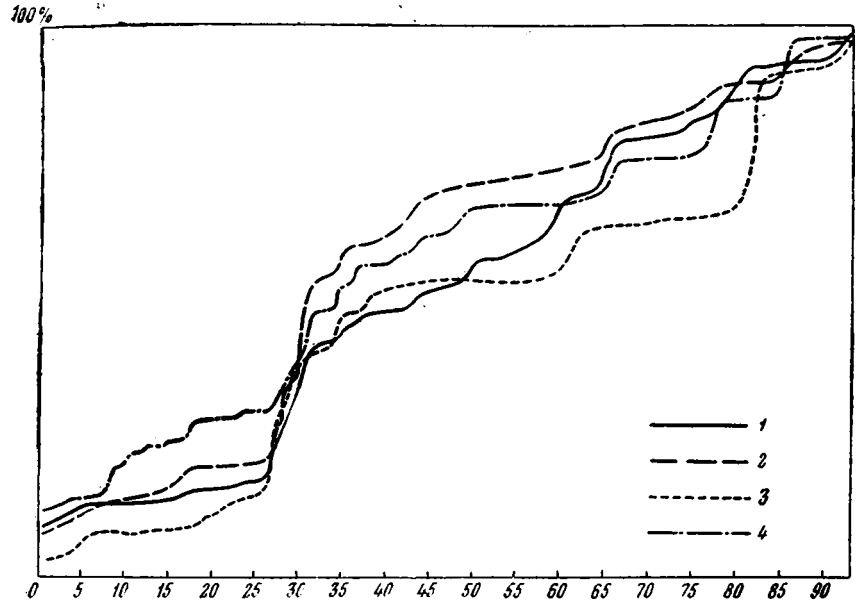
Памятники четвертой хронологической группы Приднестровья имеют аналогии среди материалов таких стоянок, как Костенки II, Костенки III, Тимоновка, Новгород-Северск, Елисеевичи, Кесслерлох (нижний слой), Парпалло (6-й горизонт), Вилдшейер и т. д.

Для сравнения результатов статистического анализа кремневых изделий некоторых памятников этой группы приведем диаграммы материалов слоя 6 стоянки Молодова V и горизонта времени мадлен I многослойной стоянки Верхнее Ложери (фиг. 72).

Стоянки пятой хронологической группы имеют аналогии среди материалов таких памятников других районов, как Костенки II (верхний слой), Боршево II (нижний слой), Чулатово I, Супонево, Парпалло (7-й горизонт), Плакар (слои 7 и 6), Кесслерлох (нижний слой), Шуссенрид и т. д.

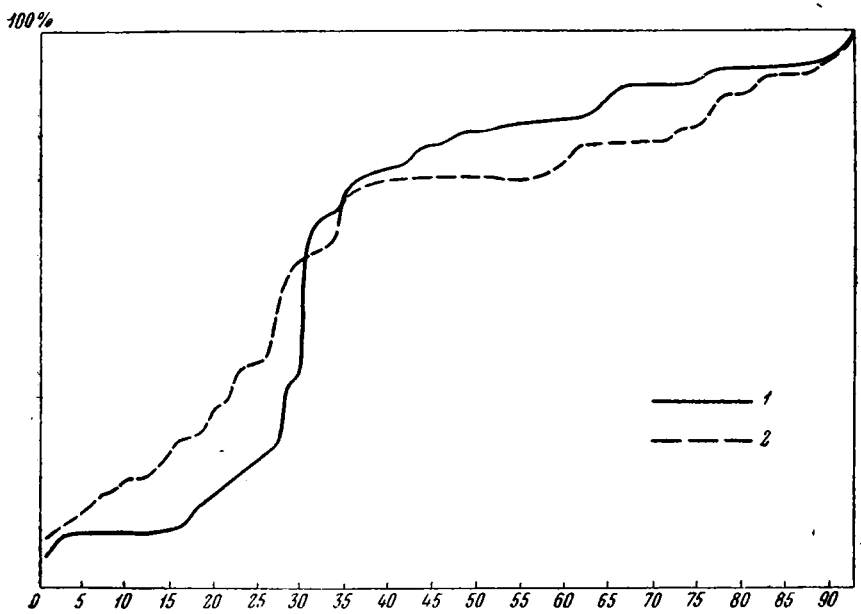
Сходство памятников этой хронологической группы также прослеживается при сравнении диаграмм данных статистического анализа таких памятников, как Молодова V (слой 5) и горизонт времени мадлен III стоянки Верхнее Ложери (фиг. 73).

Шестая хронологическая группа стоянок Приднестровья находит аналогии среди материалов таких памятников, как Боршево II (верхний и средний слои), Чулатово II, Гонцы, Владимировка, Сагвар, Андернах, Бугорок, Корпач, Пекарна (верхний слой), Мюнцинген, Добраничевка,



Фиг. 71. Сравнительная диаграмма памятников третьей хронологической группы

1 — Молодова V, слой 7; *2* — Бабин I, слой 2; *3* — Верхнее Ложери (протомадленский слой); *4* — Дольни Вестонице I



Фиг. 72. Сравнительная диаграмма памятников четвертой хронологической группы

1 — Молодова V, слой 6; *2* — Верхнее Ложери (слой времени мадлен I)

Мэж, Новая Дратеничка, грот Мэрии, Мадлен, Нижнее Ложери (слой), Сент-Мишель, Парпалло (9-й горизонт).

Сходство памятников этой группы видно на диаграмме сравнения данных статистического анализа, например, инвентаря таких памятников, как слой 3 стоянки Молодова V, средний позднепалеолитический слой стоянки Молодова I, слой 3 стоянки Бабин I и слой стоянки Мадлен, датируемый временем мадлен VI (фиг. 74).

Наконец материалам памятников седьмой хронологической группы позднепалеолитических стоянок Приднестровья соответствуют такие памятники, как Владимировка (верхние слои), Сюрень II, Замиль-Коба и Шан-Коба (нижние слои), Гварджилас-Клдэ, Мас де Азиль, Дюфор, Ремюшамп, Шалэ и т. д.

Выше мы указывали аналогии стоянкам Приднестровья среди памятников Костенковско-Боршевского района, где под руководством П. П. Ефименко изучение позднепалеолитических памятников осуществлялось долгие годы и где известны многослойные стоянки. Но определенные параллели, как мы видим, прослеживаются и в других районах.

Многослойные стоянки Приднестровья в свою очередь могут дать определенные критерии для уточнения датировки памятников других районов. Прилагаемая таблица иллюстрирует сопоставление стоянок Днестра с памятниками других районов (табл. 19).

Рассматривая в целом разновременные стоянки позднего палеолита Приднестровья, мы можем сделать далее вывод, что культура позднего палеолита этого района имеет свои корни в мустьерско-леваллуазских памятниках, которые нам из данного района известны не только по подъемным материалам, но и по материалам наиболее глубоких слоев 12 и 11 стоянки Молодова V и нижних горизонтов Молодовы I, где наблюдается мустьерско-леваллуазская техника в кремневом инвентаре.

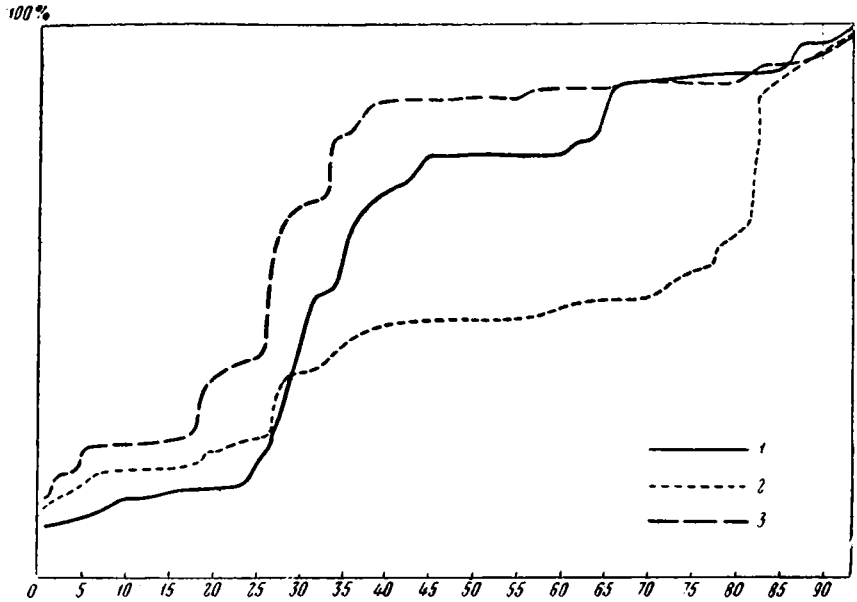
В дальнейшем наблюдается постепенное последовательное развитие техники производства от памятников первой хронологической группы к последующим, вплоть до мезолитического времени.

Стратиграфические данные таких многослойных памятников, как Бабин I, где слой «ориньякского» времени находился под «позднесолютрейским»; Вороновица, где «солютрейский» слой перекрывался «мадленским»; Молодовы V, где «солютрейские» слои залегали под «мадленскими», а «мадленские» — под мезолитическими, и наконец со стоянки Молодова I, где наблюдалось перекрывание разновременных «мадленских» горизонтов, приводят к выводу: на Приднестровье наблюдается не с о с у щ е с т в о в а н и е разновременных «ориньякской», «солютрейской» и «мадленской» культур, а последовательное развитие культуры, в основе такое же, какое установлено на основании исследования многослойных пещерных стоянок Западной Европы.

Исключительно важным в данном отношении является, например, такой многослойный памятник, как Парпалло, где горизонт верхнего ориньяка перекрывался четырьмя горизонтами солютре, а солютре перекрывалось в свою очередь четырьмя горизонтами мадлена (Pericot Garsia, 1942).

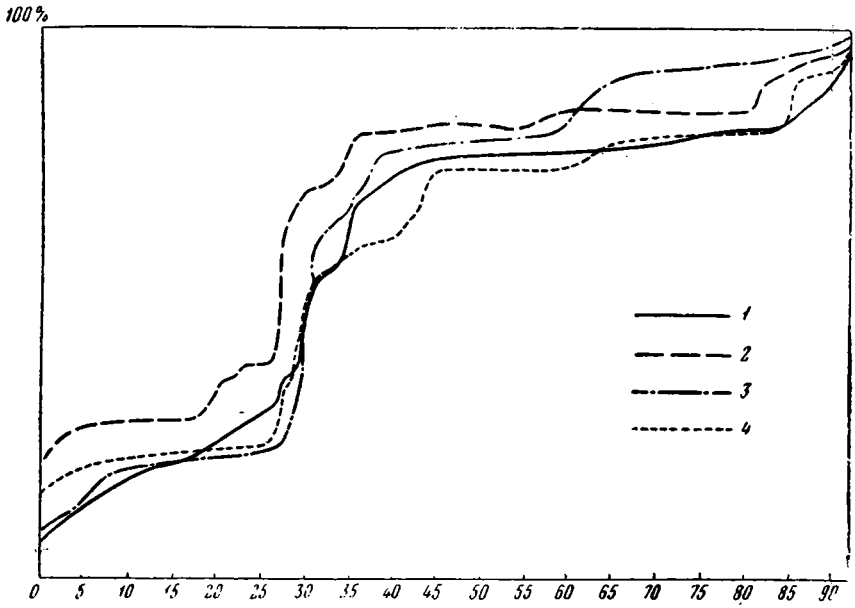
Вывод этот все больше и больше подтверждается новыми открытиями последних лет, свидетельствующими о сходстве культуры позднего палеолита Европейской части СССР и других районов приледниковой зоны.

Так например, в позднем палеолите Европейской части СССР до 1955 г. мы не знали рельефных гравюр, и вообще считалось, что гравюры животных на кости, кроме изображения бизонов со стоянки Пекарна, гарпуны с двумя рядами зубьев, «жезлы» с изображениями на них не свойственны позднему палеолиту Восточной Европы. В настоящее время в Приднестровье найдены гарпуны, серии «жезлов», зооморфные мотивы



Фиг. 73. Сравнительная диаграмма памятников пятой хронологической группы

1 — Молодова V, слой 5; *2* — Верхнее Ложери (слой времени мадлен III); *3* — грот Мадлен (слой времени мадлен IV)



Фиг. 74. Сравнительная диаграмма памятников шестой хронологической группы

1 — Молодова V, слой 3; *2* — Молодова I, средний слой; *3* — Бабин I, слой 3; *4* — грот Мадлен (слой времени мадлен VI)

Таблица 19

Схема хронологического сопоставления многослойных позднепалеолитических стоянок Среднего Приднепровья с памятниками других районов Европы

Этап позднего палеолита		Хронологические ступени	Многослойные стоянки Среднего Приднестровья				Восточная Европа	Центральная Европа	Западная Европа
			Молодова V	Воронovица I	Бабин I	Молодова I			
Поздний (мезолит)	Поздний	Седьмая	Слой 1				Рогалик, Гварджилас-Клдэ, Таш-Аир II (нижний слой), Замиль-Коба и Шан-Коба (нижние слои), Сюрень II, Журавка, Сосруко, Владимировка (верхние слои), Смячка XIV, Буран-Кая, Таш-Аир I (слой 8)	Офнет (верхние слои), Вюстшейер, Путим, Тасовице, Мартинсгеле, Бальверсгеле, Серед	Ремюшамп, Шалэ, Сент-Марсель (слой 5), Мас де Азиль, Дюфор, Нижнее Ложери (азильский слой), Виллепин (слой С), Турасс, Аренсбург, памятники арудийской, монтадской и бретаньской локальных групп мезолита
	Ранний		Слой 1а						
	Поздний мадлен	Шестая	Слой 2	Верхний слой	Слой 3	Верхний слой	Боршево II (верхний слой), Бугорок, Кирилловская (верхний слой), Чулатово II, Мезин, Амвросиевка, Гонцы, Владимировка (нижние слои), Добраничевка, Корпач, Боршево II (средний слой)	Сагвар, Зиргенштейн (верхние слои), Адлерова пещера, Дзерава скала, Пещера Янковича (верхний слой), Пекарна (верхний слой), Андернах, Мюнцинген, Таинген, Петерсфельс, Новая Дратеничка	Памятники гамбургской культуры, Виллепин (слои А, В), Мадлен, Мэж, Сент-Мишель, Фонталь, грот Мэрии, Нижнее Ложери (слой С), Парпалло (9-й горизонт)
			Слой 3			Средний слой			
			Слой 4						
Средний (мадленское время)	Средний мадлен	Пятая	Слой 5				Чулатово I, Боршево II (нижний слой), Карачарово, Супонево, Костенки XVII (верхний слой)	Гуденус, Пещера Пугача, Шуссенрид, Кесслерлох (средний слой)	Гурдан, Парпалло (7-й горизонт), Нижнее Ложери (слой Б), Плакар (слои 6 и 7)
	Ранний мадлен	Четвертая	Слой 6				Рипичены (слой 7), Кирилловская (нижний слой), Новгород-Северск, Елисеевичи, Тимоновка, Костенки II, III, Костенки XVII (нижний слой)	Кесслерлох (нижний слой), Пещера Машичка, Вилдшейер, Ежмановская (верхний слой)	Плакар (слои 4 и 5), Марсула, Парпалло (6-й горизонт), Нижнее Ложери (слой А), Рют (слой Ж)

Таблица 19 (окончание)

Этап позднего палеолита		Хронологические ступени	Многослойные стоянки Среднего Приднестровья				Восточная Европа	Центральная Европа	Западная Европа
			Молодова V	Воронович I	Бабин I	Молодова I			
	Позднее солютре	Третья	Слой 7 Слой 8		Слой 2		Замостье I, Рипичены (слои 3,5), Пушкари I, Авдеевка, Боршево I, Гагарино, Костенки I (верхний слой), Бердыж, Костенки XIV (верхний слой)	Павлов, Петржковице, Пшедмост, Виллендорф, Дольни Вестонице, Дзерава скала (верхний слой), Пекарна (нижний слой), Мораваны-Подковице	Бадегуль (слои 4,5), Лакав, Пре-Обер, Рют (слой Н), Рок, Лакост, Плакар (слой 3), Парпалло (5-й горизонт)
Ранний (ориньяко-солютрейское время)	Развитое солютре	Вторая	Слой 9 Слой 10	Нижний слой			Костенки IV и XII (верхние слои), Стрелецкая II, Тельманская (верхний слой), Костенки I (нижний слой), Старые Куконешты, Ин-Понора, Сунгирь	Пещеры Ежмановская, Мамонтовая, Сцелета, Казярна, Янковича, Роздроевицы, Мораваны-Долгое, Ондрадиц, Дзерава скала (нижний слой), Ишталлошко (верхний слой)	Парпалло (4-горизонт), Рют (слой Г), Солютре, Монто, Верхнее Ложери, Бадегуль (слой 3), Плакар (слой 2)
	Ориньякское время	Первая	Горизонт 10а		Слой 1			Зиргенштейн (слой 5), Гундштейг, грот Обсерватории (слой Б), Ишталлошко (нижний слой)	Трилобит (средний горизонт), ла Котт, Дюфор, Понт-Неф, Рют (слой В), Гаргас, Рош-о-Лу

на «жезлах» и рельефное изображение человеческой фигуры на «жезле», являющееся более древним, чем аналогичные изображения, известные с некоторых стоянок Западной Европы.

Стратиграфические наблюдения над материалами многослойных позднепалеолитических памятников Приднестровья позволяют также ответить на вопрос о происхождении следующих за памятниками первой хронологической группы «солютрейских» и «мадленских» памятников этой территории. Они позволяют утверждать, что памятники этого рода оставлены не пришельцами, а являются результатом дальнейшего прогрессивного развития местных позднепалеолитических племен, имевших определенные связи с позднепалеолитическими племенами других районов приледниковой зоны и в первую очередь с позднепалеолитическими племенами, обитавшими в Юго-Восточной и Центральной Европе. В эту зону входили территории как юго-востока СССР, так и Румынии, Чехословакии, Польши, Венгрии и Австрии.

Сходство солютрейских наконечников Приднестровья с селетскими наконечниками Венгрии и солютрейскими наконечниками Румынии показывает общность культуры позднепалеолитических племен данной территории. Мы пока не знаем таких наконечников из Побужья и левобережья Украины, но на Дону наконечники с двусторонней обработкой поверхности известны [1].

Таким образом, сходные черты техники обработки кремня проявляются во всем этом обширном районе.

Материалы многослойных памятников Приднестровья позволяют также прийти к выводу, что стоянки третьей, четвертой, пятой и шестой хронологических групп по технике обработки кремня и кости сходны с так называемыми «мадленскими» памятниками Западной Европы. Сходство проявляется даже в мотивах орнамента (линейные и зигзагообразные мотивы), широко распространенных в памятниках приледниковой зоны Европы.

Так, на стоянке Молодова V обнаружен ряд предметов из кости и рога, орнаментированных нарезными параллельными линиями. На этой стоянке был встречен гарпун, на котором имеется орнамент в виде тонких параллельных и зигзагообразных линий. Линейный мотив прослежен на двух «жезлах», а «жезл» с выгравированным изображением человека также имеет серии параллельных нарезных линий, которые прослеживаются по краям «жезла» и на нижней части обратной стороны поделки. На этой же стоянке было встречено несколько поделок из бивня, в которых можно предполагать схематизированные фигурки женщин, до некоторой степени аналогичные мезинским поделкам.

Любопытно вспомнить, что в Мезине зигзагообразный мотив также прослежен на поделках из кости.

Материалы многослойных стоянок Приднестровья убедительно свидетельствуют вместе с тем, что техника обработки кости и рога на протяжении позднепалеолитического времени постепенно развивалась, так как количество поделок из кости и рога сильно увеличивается в более поздних памятниках; наряду с развитием техники обработки кости и рога происходило определенное изменение техники обработки кремня.

Стоянка Молодова V дает материал для вывода о почти непрерывном обитании людей в одной и той же местности. Об этом свидетельствуют использование одного и того же сырья для производства кремневых орудий, постепенное нарастание новых признаков в технике производ-

[1] В настоящее время имеются сведения о находках солютрейских наконечников на Днепре (балка Вольная, находки А. В. Бодянского), а также на Кавказе (пещера Сакажия). Кроме того, изделия с солютрейской техникой известны в Крыму (Векилова, 1957).

ства и отмирание старых. Мы можем видеть здесь постепенное развитие техники обработки кости и, в частности, появление в конце палеолита вкладышевой техники, постепенное исчезновение свойственных солютрейским орудиям приемов обработки кремня.

Изучая палеолитические памятники Приднестровья, мы могли отметить и такие факты, которые свидетельствуют о связях позднепалеолитических племен этого района с другими племенами.

Так, например, отмечены отдельные находки среди инвентаря некоторых памятников Приднестровья нуклеусов так называемого «липского» типа, что является показателем связи этого района с позднепалеолитическими племенами Волыни.

Кроме того, отмечались отдельные находки орудий свидерского облика, что также указывает на связь с более северным районом, где распространены памятники свидерского типа.

Находки солютрейских наконечников на Днестре определенным образом связывают этот район с Венгрией и Румынией. Известно, что для селетских памятников Венгрии характерной особенностью являются наконечники с округленным основанием. Такие наконечники были встречены на Приднестровье (вместе с наконечниками обоюдоострыми и с черешком).

Мы отмечали находки на Приднестровье сегментообразных кремневых поделок с резцовыми сколами, а такие поделки связывают этот район с Крымом.

Очень интересно в этом отношении наличие в памятниках третьей хронологической группы и в соответствующих по времени памятниках Румынии, Чехословакии и Австрии роговых киркообразных орудий с коленчатой рукояткой, похожих на такие орудия памятников типа лингби, но не известных до настоящего времени ни в синхронных, ни в более поздних, мадленских памятниках Западной Европы с развитой техникой обработки кости и рога.

Находки таких изделий позволяют думать, что в связи с развитием производительных сил и ростом численности позднепалеолитического населения обитавшие на юго-востоке Европы позднепалеолитические племена распространялись на северо-запад Европы.

Следует в связи с этим сказать, что Г. Швантес, исследуя распространение роговых кирок и топоров культуры лингби, пришел к выводу о юго-восточном происхождении этой культуры, имея в виду территорию Причерноморья. Мнение о юго-восточном происхождении указанной культуры и северного мезолита вообще разделяли также Альмгрен и Экгольм, Нужье и Цотц (Ekholm, 1925, 1926; Nougier, 1950; Zotz, 1934, 1956). Последние два исследователя учитывали главным образом типы кремневых поделок.

Следует отметить мнение А. Руста, который также считает, что корни происхождения гамбургской культуры и североевропейского мезолита находятся на юго-востоке Европы.

Указанные типы поделок из рога, кроме территорий Приднестровья, Румынии, Чехословакии и Австрии, не известны на более западных территориях. Таким образом, новые материалы по позднему палеолиту Приднестровья подтверждают, что указанная гипотеза о юго-восточном происхождении гамбургской культуры и культуры лингби имеет основания. Это подтверждается не только наличием киркообразных орудий из рога, но и высоким уровнем развития техники обработки рога, напоминающей технику обработки рога в памятниках мезолита Северной Европы, а эти памятники хронологически значительно более поздние, по сравнению с днестровскими стоянками, где были встречены такие изделия.

В связи с этим нужно сказать, что о достаточной подвижности охотничьих общин позднепалеолитического времени, населявших Приднестровье, свидетельствуют, например, такие факты, как находка закарпатского обсидиана на стоянке Вороновица, закарпатского радиолярита в Бабин I, горного хрусталя волынского происхождения на стоянке Молодова V. Позднепалеолитические племена Приднестровья, следовательно, не были изолированными. Они имели взаимные связи с родовыми общинами, обитавшими южнее, севернее, восточнее и западнее Приднестровья.

Итак, в результате проведенных систематических специальных исследований территории Приднестровья выяснилось, что это район, где существовала богатая позднепалеолитическая культура и обитали племена, для которых характерно высокое развитие техники, а также соответствующее развитие искусства.

Здесь обнаружена уникальная серия продольных рукояток из ребер животных, характеризующая ранее не известную черту первобытной техники данного времени. Впервые в СССР найдены музыкальные инструменты типа флейт — свидетельство зачатков музыкальной культуры, и обнаружены серии киркообразных орудий с коленчатыми рукоятками, великолепные «жезлы», в том числе богато украшенные. Впервые в СССР здесь встречено рельефное изображение человеческой фигуры позднепалеолитического времени.

Вместе с тем материалы многослойных палеолитических памятников Приднестровья наряду с костенковскими дают критерии для уточнения хронологии позднего палеолита Европейской части СССР.

Исследования палеолита Приднестровья дали также обильные материалы по хозяйству, образу жизни и культуре человека палеолитического времени. С ними связан ряд сложных и больших проблем истории палеолитического человека.

Конечно, эти проблемы затронуты и освещены здесь только отчасти. Нет сомнения в том, что продолжение работ по палеолиту в Приднестровье принесет еще много новых важных открытий и поможет разрешению общих проблем истории палеолитической культуры и палеолитического человека

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. Тезисы о Фейербахе. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. т. 3, М., 1955.

К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. т. 13, М., 1959.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Госполитиздат, М., 1953.

Ленин В. И. Аграрный вопрос и «критики Маркса». Соч., т. 5, М., 1954.

Антоновичъ В. Б. О скальныхъ пещерахъ на берегу Днестра в Подольской губернии. Тр. VI Археол. съезда, т. I, Одесса, 1886.

Ауэрбах Н. К. Палеолитическая стоянка Афонтова гора III. Новосибирск, 1930.

Бадер О. Н. Новые данные по палеолиту горного Крыма. Бюлл. Ком. по изуч. четверт. периода, вып. 6—7, 1940.

Бадер О. Н. Очерк работ Азово-Черноморской экспедиции. КСИИМК, XXXI, 1950.

Бадер О. Н. Некоторые памятники палеолита и мезолита в восточной части горного Крыма. История и археология древнего Крыма. т. I. Киев, 1957.

Бибиков С. Н. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. Сов. археология, I, 1936.

Бибиков С. Н. Об использовании улиток *Helix* в позднепалеолитическое время. Мат. и исслед. по археологии СССР, вып. 2, 1941.

Бибиков С. Н. Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-Коба и в гроте Мурзак-Коба в Крыму. КСИИМК, XIII, 1946.

Бібіков С. М. Верхньопалеолітичні знаходища на Середньому Подністров'ї. Арх. пам'ятки УРСР, II, Київ, 1949а.

Бибиксв С. Н. Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднепалеолитических общин Крыма. Уч. зап. ЛГУ, № 85, 1949б.
Бібіков С. М. Про зображення тварини на кістяній платівці з Озаринців. Археологія, т. V, Київ, 1950а.
Бибиков С. Н. Позднейший палеслит Крыма. Мат. по четверт. периоду СССР, вып. 2, 1950б.
Бибиков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука Врублевецкая на Днестре. Мат. и исслед. по археологии СССР, вып. 38, 1953.
Бодянский А. В. Памятники палеолитического времени на Днепре, в районе оз. Ленина. Кратк. сообщ. Ин-та археологии, АН УССР, вып. 1, Киев, 1952.
Бонч-Осмоловский Г. А. Итоги изучения крымского палеолита. Тр. II международ. конференции Ассоц. по изуч. четверт. периода Европы, вып. V, 1934.
Борисковский П. И. Пушкаревское палеолитическое жилище. КСИИМК, VII, 1940а.
Борисковский П. И. Раскопки Боршевской 2-й палеолитической стоянки в 1936 г. Сов. археология, V, 1940б.
Борисковський П. І. Людина кам'яного віку на Україні. Київ, 1940 в.
Борисковский П. И. Кирилловская палеолитическая стоянка. Мат. и исслед. по археологии СССР, вып. 2, 1941а.
Борисковский П. И. Палеолитическая стоянка Боршево II. Мат. и исслед. по археологии СССР, вып. 2, 1941б.
Борисковський П. І. Палеолітична стоянка Пушкарі І. Палеоліт і неоліт України, т. І, Київ, 1947а.
Борисковский П. И. Работы на среднем Днестре по изучению палеолита. КСИИМК, XXI, 1947б.
Борисковский П. И. К вопросу о периодизации палеолитических памятников Поднестровья. Вестник ЛГУ № 2, 1948.
Борисковский П. И. Основные группы палеолитических местонахождений Среднего Поднестровья. КСИИМК, XXVI, 1949а.
Борисковский П. И. Древнепалеолитические местонахождения Среднего Поднестровья. Сов. археология, XI, 1949б.
Борисковський П. І. Роботи в галузі вивчення палеоліту на Середньому Дністрі в 1946 р. Арх. пам'ятки УРСР, II, Київ, 1949в.
Борисковский П. И. Изучение палеолита в Советском Союзе. Вестник ЛГУ, 1949 г., № 2.
Борисковський П. І. Деякі доповнення до археологічної карти Середньої Наддністрянщини. Археологія, т. IV, Київ, 1950а.
Борисковский П. И. Позднепалеолитические памятники Восточно-Европейской равнины и проблемы их исторического освещения. Мат. по четверт. периоду СССР, вып. 2, 1950б.
Борисковский П. И. Некоторые многослойные палеолитические памятники бассейна р. Десны. КСИИМК, XXXI, 1950в.
Борисковский П. И. Палеолит Украины. Автореферат диссертации, Л., 1951.
Борисковский П. И. Раскопки в Амвросиевке и проблема палеолитических культовых мест. КСИИМК, XXXVII, 1951а.
Борисковский П. И. Основные этапы развития верхнего палеолита Украины. Сов. археология, XV, 1951б.
Борисковский П. И. Палеолит Украины. Мат. и исслед. по археологии СССР, вып. 40, 1953.
Борисковський П. І. Визначний історико-археологічний твір. Вісник АН УРСР, Київ, 1954а, № 2.
Борисковский П. И. Вопросы периодизации палеолита. Сов. археология, XXI, 1954б.
Борисковский П. И. Раскопки в Костенках и некоторые вопросы позднего палеолита Украины. Кратк. сообщ. Ин-та археологии, вып. 4, Киев, 1955.
Борисковский П. И. Палеолитические жилища на территории СССР и этнографические параллели к ним. Докл. сов. делегации на 5-м Междунар. конгрессе антропологов и этнографов, М., 1956.
Борисковский П. И. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе, Сов. археология, 1958, № 1.
Брюсов А. Я. Гонцовская стоянка. Сов. археология, V, 1940.
Брюсов А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
Брюсов А. Я. Рецензия на книгу П. П. Ефименко «Первобытное общество», Вестник древней истории, 1954, № 1.
Векилова Е. А. Эпипалеолитическая стоянка Кукрек в Крыму. КСИИМК АН СССР, XXXVI, 1951.
Векилова Е. А. Палеолитическая стоянка Боршево I. Мат. и исследования по археологии СССР, вып. 39, 1953а.

Векилова Е. А. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий. Автореферат диссертации, Л., 1953б.
Векилова Е. А. Мезолитическая стоянка Сюрень II. Кратк. сообщ. Ин-та археологии, вып. 7, Киев, 1957.
Виржиківський Р. Р. Геологічна мапа України (планшети XXXI-6, XXVII-6), Київ, 1933.
Воеводский М. В. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы. Тр. II Междунар. ассоц. по изуч. четверт. периода Европы, вып. 5, 1934.
Воеводский М. В. К вопросу о развитии эпипалеолита в Восточной Европе. Сов. археология, V, 1940.
Воеводський, М. В. Крем'яні та кістяні вироби палеолітичної стоянки Чулатів I. Палеоліт і неоліт України, т. I, Київ, 1947а.
Воеводский М. В. Результаты работ Деснинской экспедиции. КСИИМК, XXI, 1947б.
Воеводский М. В. К методике раскопок открытых палеолитических стоянок. Докл. и сообщ. ист. фак-та МГУ, вып. 7, 1948а.
Воеводский М. В. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 г. КСИИМК, XX, 1948б.
Воеводський М. В. Короткий звіт Деснянської експедиції про результати вивчення пам'яток кам'яної доби в 1945—1946 рр. Арх. пам'ятки УРСР, II, Київ, 1949.
Воеводский М. В. Палеолитическая стоянка Погон. КСИИМК, XXXI, 1950а.
Воеводский М. В. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, XXXI, 1950б.
Воеводский М. В. Палеолитическая стоянка Рабочий Ров (Чулатов II). Уч. зап. МГУ, вып. 158, 1952а.
Воеводский М. В. Стоянка Бугорок. Уч. зап. МГУ, вып. 158, 1952б.
Воеводский М. В. Ранний палеолит Русской равнины. Уч. зап. МГУ, вып. 158, 1952в.
Воеводский М. В., Алихова-Воеводская А. Е. Авдеевская палеолитическая стоянка. КСИИМК, XXXI, 1950.
Гвоздовер М. Д. Палеолитическая стоянка Бугорок. КСИИМК, XV, 1947.
Гвоздовер М. Д. О раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1947 г. КСИИМК, XXXI, 1950.
Гвоздовер М. Д. Вкладышевый наконечник с палеолитической стоянки Талицкого. Уч. зап. МГУ, вып. 158, 1952.
Гвоздовер М. Д. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки. Мат. и исслед. по археологии СССР, вып. 39, 1953.
Герасимов М. М. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальте. Изв. ГАИМК, вып. 118, 1935.
Герасимов М. М. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта. Мат. и исслед. по археологии СССР, вып. 2, 1941.
Геренчук К. И. Геоморфология Подолии. Наукові записки Чернівецького університету, т. VIII, вып. 2, 1950а.
Геренчук К. И. Опыт тектонической интерпретации общего орогидрографического плана Русской равнины. Наукові записки Чернівецького університету, т. VIII, вып. 2, 1950б.
Горецкий Г. И. О возможности применения археологического метода при изучении молодых антропогеновых осадков. Бюлл. Ком. по изуч. четверт. периода, № 20, 1955; № 21, 1957.
Городцов В. А. Каменный период, М., 1923.
Городцов В. А. Исследования Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. Тр. Отд. археологии РАНИОН, I, 1926.
Городцов В. Тимоновская палеолитическая стоянка. М.— Л., 1935.
Гричук В. П. Основные моменты плейстоценовой истории флоры и растительности Русской равнины и древнее оледенение Евразии. Тр. Ком. по изуч. четверт. периода, XII, 1955.
Громов В. И. Некоторые новые данные о фауне и геологии палеолита Восточной Европы и Сибири. Изв. ГАИМК, вып. 118, 1935.
Громов В. И. Основные этапы развития четвертичной фауны СССР. Тр. Ин-та географии АН СССР, вып. 37, 1936.
Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Тр. Ин-та геол. наук АН СССР, вып. 64, 1948.
Громов В. И. Геологический возраст палеолита на территории СССР. Мат. по четверт. периоду СССР, вып. 2, 1950а.

Громов В. И. О верхней границе третичного периода. Мат. по четверт. периоду СССР, вып. 2, 1950б.
Громов В. И. и Мирчинк Г. Ф. Четвертичный период и его фауна. Животный мир СССР, I, 1936.
Даниленко В. Н. Волошский эпипалеолитический могильник. Сов. этнография, 1955, № 3.
Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. Тр. Ин-та этнографии АН СССР, Новая серия, IV, 1948.
Ефименко П. П. Костенковская палеолитическая стоянка. Ежегодник Русск. антропол. об-ва, т. V, Пг., 1915.
Ефименко П. П. Некоторые итоги изучения палеолита СССР. Человек, 1928, № 1.
Ефименко П. П. Дородовое общество. Л., 1934а.
Ефименко П. П. Палеолитические стоянки Восточно-Европейской равнины. Тр. VI Международ. ассоц. по изуч. четверт. периода, Европы, 1934б.
Ефименко П. П. Первобытное общество. М.— Л., 1938.
Ефименко П. П. Новая палеолитическая стоянка в Костенках. Бюлл. Ком. по изуч. четверт. периода, вып. 6—7, 1940.
Ефименко П. П. Из материалов палеолитического поселения Костенки I. Землянка А. Сов. археология, XI, 1949.
Ефіменко П. П. Сучасний стан радянської науки про викопну людину. Вісник АН УРСР, Київ, 1950а, № 1.
Ефименко П. П. Современное состояние советской науки об ископаемом человеке. Мат. по четверт. периоду СССР, вып. 2, 1950б.
Ефименко П. П. Первобытное общество, 3-е изд. Киев, 1953.
Ефіменко П. П. На археологічній конференції в Чехословаччині. Вісник АН УРСР, Київ, 1955, № 2.
Ефименко П. П. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы. Сов. археология, XXVI, 1956.
Ефіменко П. П. Про періодизацію пізнього палеоліту Східної Європи. Археологія, т. X, Київ, 1957.
Ефименко П. П., Борисковский П. И. Палеолитическая стоянка Боршево II. Мат. и исслед. по археологии СССР, вып. 39, 1953.
Заморий П. К. Неотектоника УССР. Мат. по четверт. периоду СССР, вып. 2, 1950.
Замятнин С. Н. Карачаровская палеолитическая стоянка. Аспирантский сборник ГАИМК, вып. 1, Л., 1929.
Замятнин С. М. Раскопкі Бердыскай палеолітичнай стаянкі у 1927 р. Працы Археолёг. камісіі Беларускай Акад. навук, т. I. Менск, 1930.
Замятнин С. Н. Раскопки у с. Гагарина. Изв. ГАИМК, вып. 118, 1935а.
Замятнин С. Н. Новые данные по палеолиту Закавказья. Сов. этнография 1935б, № 2.
Замятнин С. Н. Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатуры. Сов. археология, III, 1937.
Замятнин С. Н. Изучение палеолитического периода на Кавказе за 1936—1948 гг. Мат. по четверт. периоду СССР, вып. 2, 1950.
Замятнин С. Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Тр. Ин-та этнографии АН СССР, Новая серия, XVI, 1951.
Иванов Б. Н. Следы оледенения украинских Карпат. Наукові записки Чернівецького університету, т. VIII, вып. 2, 1950.
Иванова И. К. О геологических условиях нахождения палеолитических стоянок Среднего Приднестровья. Тезисы докладов Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода, секция истории ископаемого человека, М., 1957.
Иванова И. К. О геологических условиях нахождения стоянки Молодова I (Байлова рипа). Бюлл. Ком. по изуч. четвертич. периода, № 22, 1958.
Каландадзе А. Н., Тушабрамишвили Д. М. Новые раскопки в пещере Гварджилас-Клдэ. Кратк. сообщ. Ин-та археологии, вып. 4, Киев, 1955.
Каманин Л. Г., Эберзин А. К. К вопросу о возрасте террас Днестра. Тр. Ин-та географии АН СССР, вып. 51, 1952.
Козій Г. В. Нові матеріали до вивчення четвертичної флори Західного Поділля. Наукові записки Львівського природознавчого музею АН УРСР, т. II, Київ, 1954.
Козий Г. В. Ископаемая флора со стоянок первобытного человека на территории Западного Подолья. Бюлл. по изуч. четверт. периода, № 20, 1955.
Коробкова Г. Ф. Тарденуазская стоянка Гребенники в Нижнем Поднестровье. КСИИМК, вып. 67, 1957.
Королюк Н. К. Подольские толтры и условия их образования. Тр. Ин-та геол. наук АН СССР, вып. 110, геол. сер., № 56, 1952.
Косвен М. О. Переход от матриархата к патриархату. Сборн. «Родовое общество», М., 1951а.

К о с в е н М. О. Об историческом соотношении рода и племени. Сов. этнография, 1951б, № 2.
К о с в е н М. О. О периодизации первобытной истории. Сов. этнография. 1952, № 3.
К о с в е н М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.
К р а с о в с к и й А. В. Геологический очерк Брацлавщины. Каменец-Подольск, 1926.
К р а с і в с ь к и й Л. Геологічні досліди в Північній Бесарабії. Камянец-Подільск, 1924а.
К р а с о в с к и й Л. Гидрогеографическая карта Подолии. Каменец-Подольск, 1924б.
К р а с і в с ь к и й Л. Геологічні досліди Ольгопільщини. Камянец-Подільск, 1926.
К р а с і в с ь к и й О. З геологічних спостережень на Поділлі у 1924 і 1926 рр. Камянец-Подільск, 1926.
К р а й н о в Л. А. Пещерная стоянка Замиль-Коба. Тр. ГИМ, вып. VIII, М. 1938.
К р а й н о в Д. А. Жилища Тимоновской палеолитической стоянки. Сов. археология, XXV, 1956.
К р а й н о в Д. А. Стоянка Таш-Аир как основа периодизации послепалеолитических культур юго-западного Крыма. Автореферат диссертации, М., 1957.
К р и ш т а ф о в и ч Н. И. О геологическом исследовании палеолитических стоянок в Европейской России летом 1904 г. Древности, Тр. Моск. археол.об-ва, т. XXI, вып. 2, М., 1907.
Л а з у к о в Г. И. Относительный возраст стоянок и природные условия ориньяко-солютрейского времени в Костенковско-Боршевском районе. Тр. Ком. по изуч. четверт. периода, XIII, 1957.
Л е в и ц ь к і й І. Ф. Стація в ур. Піщаному. Антропологія, т. IV, Київ, 1931.
Л е в и ц ь к і й І. Ф. Гонцівська палеолітична стоянка. Палеоліт і неоліт України, т. I, Київ, 1947.
Л у н г е р с г а у з е н. О стратиграфической самостоятельности отдельных лёссовых горизонтов Украинской степи. Изв. Геогр. об-ва, т. 66, вып. 6, 1934.
Л у н г е р с г а у з е н Л. Деякі риси четвертинної геоморфології УРСР. Наукові записки Київського Держ. Університету. Геол. збірник, т. I, 1935.
Л у н г е р с г а у з е н Л. Фауна Днестровских террас. Геол. журнал, т. V, вып. IV, Киев, 1938а.
Л у н г е р с г а у з е н Л. Плиоценовая гидрография юга Украины. Докл. АН СССР, т. XIX, № 4, 1938б.
Л у н г е р с г а у з е н Л. Террасы Днестра. Докл. АН СССР, т. XIX, № 4, 1938в.
Л у н г е р с г а у з е н Л. Этапы развития Подольской платформы и ее причерноморского склона. Тр. Нефт. конференции, М.— Л., 1938г.
М а р к о в К. К. Древнее оледенение на территории Русской равнины, его типы и развитие. Мат. по четверт. периоду СССР, вып. 3, 1952.
М и р ч и н к Г. Ф. Геологические условия нахождения палеолитических стоянок в СССР и их значение для восстановления четвертичной истории. Тр. II международн. конф. Ассоц. по изуч. четверт. периода Европы, вып. 5, 1934.
М и р ч и н к Г. Ф. Основы четвертичной истории на территории СССР. Тр. Ин-та географии АН СССР, вып. 37, 1936.
М о н г а й т А. Л. Кризис буржуазной археологии. КСИИМК, XL, 1951.
О б е р м а й е р Г. Доисторический человек. СПб., 1913.
О к л а д н и к о в А. П. Палеолитические жилища в Бурети. КСИИМК, X, 1941.
О к л а д н и к о в А. П. Археологические исследования 1940—1943 гг. в долине р. Лены. КСИИМК, XIII, 1946.
О к л а д н и к о в А. П. Очерки по истории Якутии от палеолита до присоединения к русскому государству. КСИИМК, XXIX, 1949.
О к л а д н и к о в А. П. К вопросу о происхождении искусства. Сов. этнография, 1952, № 2.
О к л а д н и к о в А. П. Против вульгаризации в вопросе о происхождении и сущности первобытного искусства. Вопросы философии, 1954а, № 2.
О к л а д н и к о в А. П. Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в свете новейших исследований. Сов. археология, XXI, 1954б.
О к л а д н и к о в А. П. Основные этапы истории палеолитического человека. Тезисы докл. Пленума ИИМК 1955 г., 1955а.
О к л а д н и к о в А. П. Всемирная история, гл. 1—3 (разд. 1, 2), т. I, М., 1955б.
П и д о п л и ч к о И. Г. Палеолитическая стоянка Чулатово I. Сов. археология, V, 1940.
П и д о п л и ч к о И. Г. Очерк четвертичной палеогеографии Украины. Тр. ин-та географии АН СССР, вып. 37, 1946.
П і д о п л і ч к а І. Г. Дослідження палеоліту в УРСР. Палеоліт і неоліт України, т. I, Київ, 1947а.
П і д о п л і ч к а І. Г. Пізньопалеолітична стоянка Новгород-Сіверськ. Палеоліт і неоліт України, т. I, Київ, 1947б.

Пидопличко И. Г. О ледниковом периоде, вып. II, Киев, 1951, вып. III, Киев, 1954; вып. IV, Киев, 1956а.
Пидопличко И. Г. Новый метод определения геологического возраста ископаемых костей четвертичной системы. Киев, 1952.
Пидопличко И. Г. Достижения и задачи археологической палеонтологии в познании прошлого юга СССР. Докл. 6-й научн. конф. Ин-та археологии, Киев, 1953а.
Пидопличко И. Г. Амвросиевская палеолитическая стоянка и ее особенности. Кратк. сообщ. Ин-та археологии, вып. 2, Киев, 1953б.
Пидопличко И. Г. Итоги изучения фауны палеолита в последние годы. Кратк. сообщ. Ин-та археологии, вып. 4, Киев, 1955.
Підоплічка І. Г. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР, вип. 2, Київ, 1956б.
Пидопличко И. Г., Макеев П. Г. О климатах и ландшафтах прошлого. вып. 1, Киев, 1952; вып. 2, Киев, 1955.
Поликарпович К. М. Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933—1935 гг. Сов. археология, V, 1940а.
Поликарпович К. М. Работы по палеолиту в Западной области в 1936 г. Сов. археология, V, 1940б.
Поручик Ф. С. Геология Бессарабии. Кишинев, 1916.
Раскатов Г. И. К вопросу о четвертичной фауне, флоре и палеолите Восточных Карпат, Предкарпатья и Закарпатья. Бюлл. Ком. по изуч. четверт. периода, № 18, 1953.
Раскатов Г. И. О находке древнепалеолитических орудий у с. Букивна на Днестре и ее стратиграфическом значении. Геол. сборник Львовск. геол. об-ва, т. I, 1954.
Рогачев А. Н. Палеолитическое поселение Костенки IV. КСИИМК, IV, 1940.
Рогачев А. Н. О нижнем горизонте культурных остатков Костенок I. КСИИМК, XXXI, 1950.
Рогачев А. Н. О нижнем слое культурных остатков Тельманской стоянки в Костенках. КСИИМК, XXXVII, 1951а.
Рогачев А. Н. Раскопки Тельманской стоянки в Костенках в 1950 г. и некоторые вопросы хронологии верхнепалеолитического времени. Тезисы докл. Пленума ИИМК 1951 г. М., 1951б.
Рогачев А. Н. Остатки первобытно-общинного жилища верхнепалеолитического времени у с. Костенок на Дону. Сов. археология, XVI, 1952.
Рогачев А. Н. Некоторые вопросы хронологии верхнего палеолита. Сов. археология, XVII, 1953а.
Рогачев А. Н. Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита Восточно-Европейской равнины. Мат. и исслед. по археологии СССР, вып. 39, 1953б.
Рогачев А. Н. Раскопки Костенок I. КСИИМК, вып. 51, 1953в.
Рогачев А. Н. Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево. Мат. и исслед. по археологии СССР, вып. 39, 1953 г.
Рогачев А. Н. Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону. Мат. и исслед по археологии СССР, вып. 45, 1955.
Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. Мат. и исслед. по археологии СССР, вып. 59, 1957.
Рудинський М. Я. Досліди на Кам'янеччині. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 р., Київ, 1927.
Рудинський М. Я. До питання про культуры мезолітичної доби на Україні. Антропологія, т. I, Київ, 1928.
Рудинський М. Я. З матеріалів до вивчення передісторії Поділля. Антропологія, т. II, Київ, 1929.
Рудинський М. Я. Поповгородський вияв культуры мальованої кераміки. Антропологія, т. III, Київ, 1930.
Рудинський М. Я. Деякі підсумки та ближчі завдання палеонтологічних вивчень у межах УРСР. Антропологія, т. IV, Київ, 1931.
Рудинський М. Я. Пушкарівський палеолітичний постій його місце в українському палеоліту. Археологія, т. I, Київ, 1947а.
Рудинский М. Я. Пушкари. Сов. археология, IX, 1947б.
Рудинський М. Я. З матеріалів Дністрянської експедиції. Арх. пам'ятки УРСР, II, Київ, 1949.
Рудинський М. Я. Дубно-Кременецька палеолітична експедиція. Арх. пам'ятки УРСР, IV, Київ, 1952а.
Рудинский М. Я. Каменная Могила. Кратк. сообщ. Ин-та археологии, вып. 1, Киев 1952б; вып. 2, Киев, 1953.
Семенов С. А. Изучение следов работы на каменных орудиях. КСИИМК, вып. IV, 1940а.

Семенов С. А. Результаты исследований поверхности каменных орудий. Бюлл. Ком. по изуч. четверт. периода, №№ 6, 7, 1940б.
Семенов С. А. Топор в верхнем палеолите. КСИИМК, XXXI, 1950а.
Семенов С. А. Верхнепалеолитические костяные рукоятки. КСИИМК, XXXV, 1950б.
Семенов С. А. Изучение функций палеолитических орудий по следам работы. Мат. по четверт. периоду СССР, вып. 2, 1950в.
Семенов С. А. Костяные землекопные орудия из палеолитических стоянок Елисеевичи и Пушкари I. Сов. археология, XVI, 1952.
Семенов С. А. Каменные ретушеры позднего палеолита. Мат. и исслед. по археологии СССР, вып. 39, 1953.
Семенов С. А. Первобытная техника. Мат. и исслед. по археологии СССР, вып. 54, 1957.
Сергеев Г. П. Позднеашельская стоянка в гроте у с. Выхватинцы (Молдавия). Сов. археология, XII, 1950.
Серебровский П. История животного мира СССР. Л., 1935.
Сецинский Е. Археологическая карта Подольской губернии. Тр. XI Археол. съезда, т. I, М., 1901.
Сібільов М. В. Старовинності Ізюмщини, вып. IV. Ізюм, 1930.
Сіцинський Е. Нариси з історії Поділля, ч. I. Вінниця, 1927.
Соболев Д. Н. Неогеновые террасы Украины. Зап. Научн.-исслед. ин-та геологии Харьковского ун-та, т. VI, 1938.
Соколовський И. Л. Про вивчення лесовых порід України. Вісник АН УРСР, Київ, 1956, № 3.
Сосновский Г. П. Позднепалеолитические стоянки в Енисейской долине. Изв. ГАИМК, вып. 118, 1935.
Спицын А. А. Русский палеолит. Зап. ОРСА, т. XI, СПб., 1915.
Талицкий М. В. Островская палеолитическая стоянка близ г. Пермь. КСИИМК, IV, 1940.
Тимощук Б. О. Археологічні пам'ятки с. Василева Чернівецької області. Арх. пам'ятки УРСР, III, Київ, 1952.
Толстов С. П. К вопросу о периодизации истории первобытного общества. Сов. этнография, 1946, № 1; Тр. Ком. по изуч. четверт. периода, XII, 1955.
Тушабрамишвили Д. М. Палеолитические остатки в пещере Гварджилас-Клдэ. Автореферат диссертации, Тбилиси, 1955.
Тэрр Л. Из новейших раскопок венгерских археологов. Вестник древней истории, 1955, № 3.
Уваров А. С. Археология России. Каменный период, т. I, М., 1881.
Формозов А. А. Новые работы по каменному веку СССР. Вестник древней истории, 1954а, № 3.
Формозов А. А. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. Сов. археология, XXI, 1954б.
Фюлеп Ф. Новейшие достижения венгерской археологии. Вестник древней истории, 1955, № 1.
Цысь П. И. Схема геоморфологического районирования западных областей УССР. Геогр. сборник Львовского гос. ун-та, вып. 1, Львов, 1951.
Чайльд Гордон. У истоков европейской цивилизации М., 1952.
Чернецов В. Н. Чум. Сов. этнография, 1936, № 6.
Черныш А. П. Новые палеолитические местонахождения на территории Молдавской ССР. КСИИМК, XXVI, 1949.
Черныш А. П. Новые данные о палеолите и мезолите на Днестре. КСИИМК, XXXII, 1950а.
Черныш А. П. Краткое сообщение об археологических разведках 1948 г. на Днестре. Бюлл. Ком. по изуч. четверт. периода, вып. 15, 1950б.
Черныш А. П. Редкая находка палеолитического кремневого наконечника на Среднем Днестре. КСИИМК, XXXV, 1950 в.
Черныш А. П. Мустьерские местонахождения Среднего Поднестровья. КСИИМК XLVIII, 1952.
Черныш А. П. Палеолитическая стоянка Бабин I по материалам раскопок 1949—1950 гг. КСИИМК, XLIX, 1953а.
Черниш О. П. Звіт про дослідження палеоліту на Середньому Дністрі у 1949 р. Наукові записки Ін-ту суспільних наук, т. I, Київ, 1953б.
Черныш А. П. Исследования палеолитических памятников на Днестре. Тезисы Молд. пленума ИИМК и Молд. филиала АН СССР 1953 г. М.— Кишинев, 1953в.
Черниш О. П. Володимирівська палеолітична стоянка. Київ, 1953 г.
Черныш А. П. Пещера с древними рисунками. Бюлл. Ком. по изуч. четверт. периода, № 18, 1953д.
Черниш О. П. Карта палеоліту УРСР. Наукові записки Ін-ту суспільних наук, т. II, Київ, 1954а.
Черныш А. П. Исследования палеолита на Днестре. КСИИМК, вып. 56, 1954б.

Черниш О. П. Нова работа з найдавнішої історії України. Вісник АН УРСР, Київ, 1954в, № 8.
Черныш А. П. Исследования позднепалеолитических стоянок Среднего Поднестровья. Кратк. сообщ. Ин-та археологии, вып. 4, Киев, 1955а.
Черныш А. П. Флейта палеолитического времени. КСИИМК, вып. 59, 1955б.
Черныш А. П. Палеолитическая стоянка Вороновица I. КСИИМК, вып. 63, 1956а.
Черныш А. П. Новые находки из раскопок стоянки Молодова V на Днестре. КСИИМК. вып. 63, 1956б.
Черныш А. П. Новое изображение человека позднепалеолитического времени. Кратк. сообщ. Ин-та археологии, вып. 6, Киев, 1956в.
Черниш О. П. Работы по палеоліту та неоліту на Дністрі в 1950—1951 рр. Арх. памятки УРСР, VI, Київ, 1956 г.
Черныш А. П. Разведки палеолитических памятников на Днестре в 1952 г. Изв. Молд. филиала АН СССР, № 4, Кишинев, 1956д.
Черныш А. П. Многослойная стоянка Молодова V. КСИИМК, вып. 67, 1957а.
Черныш А. П. Новое изображение человека позднепалеолитического времени. КСИИМК, вып. 67, 1957б.
Черныш А. П. Основные итоги исследований позднего палеолита Поднестровья. Тезисы докл. Всес. междувед. совещ. по изучению четверт. периода, секция ископаемого человека, М., 1957 в.
Черныш А. П. Проблема хронологии позднего палеолита Европейской части СССР, КСИИМК, вып. 69, 1957г.
Черныш А. П. Краткие итоги исследований позднего палеолита Среднего Поднестровья. Тр. Ком. по изуч. четверт периода, XIII, 1957д.
Черныш А. П. Палеолитическая стоянка Молодова I. Бюлл. Ком. по изуч. четверт. периода, № 22, 1958.
Шанцер Е. В. Современное состояние учения о четвертичном оледенении. Тр. Ком. по изуч. четверт. периода, XII, 1955.
Шовкопляс І. Г. Житла Супоневської палеолітичної стоянки. Археологія, т. V, Київ, 1951.
Шовкопляс І. Г. Кістяні вироби Супоневської палеолітичної стоянки. Археологія, т. VI, Київ, 1952.
Шовкопляс И. Г. Добраничевская палеолитическая стоянка. КСИИМК, вып. 59, 1955.
Шовкопляс И. Г. Жилище Мезинской стоянки. Кратк. сообщ. Ин-та археологии, вып. 6, Киев, 1956.
Шульга П. Л. Про вік найдавнішої аркозової товщі південно-західньої окраїни російської платформи. Доповіді АН УРСР, т. IV, Київ, 1952.
Щербаківський Д. Знахідки біля Могилів-Подільского. Коротке повідомлення Вуак за 1926 г., Київ, 1927.
Absolon K. Über die grosse Aurignac-Station bei Unter-Wisternitz in Mähren. Tagungsberichte der Deutschen Antropologischen Gesellschaft, Lpz., 1928.
Absolon K., Czižek R. Die Paläolitische Erforschung der Pekarna-Höhle in Mähren. Bd. I, Brno, 1926; Bd. II, Brno, 1927; Bd. III, Brno, 1928.
Ambrozewicz C. Urmule omului diluvial in Basarabia. Buletinul Muselului National de Chisinau. H. 1 Chisinau, 1926.
Ambrozewicz C. Der paläolitische Mensch in Bessarabien. В кн.: O. Hauser. Die Erde. Eiszeit und Sinnflut. Weimar, 1928, S. 268—290.
Ambrozewicz C. Beiträge zur Kenntnis der Aurignacienkultur Bessarabiens und der Bukowina. Wien. Prähist. Zeitschrift, 17, 1930.
Ambrozewicz C. Câteva cuvinte despre presenta epipaleoliticului in reguinea Nistrului din Basarabia de Nord. Buletinul Facultatii de ştiinte din Cernauţi, vol. VI. Cernauţi, 1932.
Ambrojevici C. u. Popovici R. Zamostea I am Ceremos. Eine neue jungpaläolitische Fundstelle Nord-Rumäniens. Dacia, V—VI, Bucurésti, 1938.
Ambrož V., Ložek V., Prošek F. Mladý pleistocen v okolí Moravan u Piešt'an nad Vahom. Anthropozoikum, I, Praha, 1952.
Babor L. Das Paläolithikum in der Tschechoslowakei. Eiszeit, IV, Lpz., 1927.
Bardon L., Bouyssonie A. Monographie de la grotte de Noalles. Revue mensuelle de l'Ecole d'anthropologie, 8—9, Paris, 1904.
Bardon L., Bouyssonie J. et A. La grotte Lacoste. Revue mensuelle de l'Ecole d'anthropologie, 20, Paris, 1910.
Bardon L. Bouyssonie J. et A. La grotte de la Font-Robert. Congrès intern. d'Anthropologie et d'Archéologie préhistorique, XII séssion. t. II. Monaco, 1906.
Bardon L., Bouyssonie J. et A. La grotte préhistorique de Prê-Aubert. Revue préhistorique. Paris. 1929, N 7—8.

B a r t a J. Pleistocenné piesocné duny pri Seredi a ich paleolitické a mezolitické osidlenie. Slovenska archeologia, t. I, Bratislava, 1957.
B a y e r J. Die Grundlagen zur Universalgeschichte der Menschheit. Eiszeit, VI, Lpz., 1929.
B é g o u e n et B r e u i l. Un dessin relevé dans la caverne des Trois Frères à Montesquieu à Vantes. Paris, 1920.
B e r c i u D. Le paléolithique et le mésolithique en Roumanie. Bull. de l'Institut Roumanien de Sofia, Bucureşti, 1942.
B o h m J. Radiouhliková methoda datování a její dnešní stáv. Arch. rozhledy, ročn. V, s. I. Praha, 1953.
B o h m J. Chronologické postavení magdalenienu. Arch. rozhledy, ročn. V, s. 2, Praha, 1953.
B o h m J. Studie o periodizaci pravěkých dějin. Památky archeologické, ročn. XLIX, N 1, Praha, 1953.
B o r d e s F. Principes d'une méthode d'études des techniques de débitage et de la typologie du paléolithique ancien et moyen. L'Anthropologie, t. LIV, Paris, 1950.
B o r d e s F., F i t t e P. Une abri solutré à Abilli. Bull. de la Soc. préhist. franç., t. 47, N 3—4 Paris, 1950.
B o t e z J. Date paleolitice pentru stratigrafia loessului in nordul Basarabiei. Acad. Rom., Mem. Sect. ştiint., ser. III, t. VII, mem. 5, Bucureşti, 1930.
B o t e z J. Recherches de paléontologie humaine au Nord de la Bessarabies. Ann. sci. Univ. Jassy, t. XVII, 1933.
B o u l e M., V i l l e n e u v e L. La grotte de l'Observatoire à Monako. Paris, 1927.
B o u r d i e r F. et L u m l e y H. Existence d'une industrie proto-azilienne contemporaine du Renne en Dauphine. Bull. de la Soc. préhist. franc., t. 51, N 7, Paris, 1954.
B o u r l o n M. Essai de classification des Burins. Revue anthropologique, Paris, 1911, N 7.
B o u r l o n M., B o y s s o n i e J. et A. Grattoirs carène, rabots et grattoir nukléiforme. Revue anthropologique, Paris, 1911, N 22.
B o u y s s o n i e J. L'Aurignacien. Bull. de la Soc. préhist. franc., t. 51, N 8, Paris, 1954.
B r e u i l H. Nouvelles fouilles au Mas d'Asil. Bull. Comité des travaux historiques du Ministère, Paris, 1904.
B r e u i l H. Essai de stratigraphie des dépôts de l'âge du Renne. I Congrès préhist. de France. Perigoue, 1905.
B r e u i l H. Les Cottes, une grotte de vieil âge du Renne. Bull. de l'Ecole d'anthropologie, Paris, 1906a, Février.
B r e u i l H. Les gisements présolutréens du type d'Aurignac. Congrès international d'anthropologie, Monaco, 1906b.
B r e u i l H. La question Aurignacienne. Revue préhistorique, Paris, 1907, N 2, 6, 7.
B r e u i l H. La cachette Magdalenienne de la Coulainne. Montbrison, 1908.
B r e u i l H. L'Aurignacien présolutréen. Revue préhistorique, Paris, 1909, N 8, 9.
B r e u i l H. Etude de morphologie paléolithique. Revue mensuelle de l'Ecole d'anthropologie, t. 19, Paris, 1909; Revue anthropologique, Paris, 1911, N 1, 2, 9, 11.
B r e u i l H. Les subdivisions du paléolithique supérieur et leur signification. Congrès intern. d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques, XIV session, Genève, 1912. 2-e éd., Paris, 1937.
B r e u i l H. Les niveaux présolutréens du Trilobite. Revue anthropologique, Paris, 1918, N 11—12.
B r e u i l H. Notes de voyage paléolithique en Europe centrale. L'Anthropologie, t. XXXIII, XXXIV, XXXV. Paris, 1923, 1924, 1925.
B r e u i l H. A propos de l'industrie atérienne. Bull. de la Soc. préhist. franç., t. 47, Paris, 1950.
B r e u i l H. Le Magdalenien. Bull. de la Soc. préhist. franc., t. 51, N 8, Paris, 1954.
B r o d a r S. Das Paläolithikum in Jugoslawien. Quartär, I, Berl., 1938.
C a p i t a n L., B r e u i l H., P e y r o n i, B o u r r i n e t. La grotte de la Mairi à Teyat. Revue mensuelle de l'Ecole d'anthropologie, t. V, Paris, 1908.
C a p i t a n L., B r e u i l H., P e y r o n i D. Les Combarelles. Paris, 1924.
C a p i t a n L., P e y r o n i D. Le Madleine, son gisement, son industrie, son oeuvre d'art. Paris, 1923.
C a r t a i l h a c E. Les Grottes de Grimaldi. Monaco, 1910.
C a r t a i l h a c E. et B r e u i l H. La caverne d'Altamira. Monaco, 1906.
C h e y n i e r A. Stratigraphie de Badegoule. Bull. de la Société préhist franç., t. 45, N 9, Paris, 1948
C h e y n i e r A. Le Solutréen. Bull. de la Soc. préhist. franç., t. 51, N 8, Paris, 1954.
C o m b i e r J. Solutré. Travaux du Laboratoire de Géologie de la Faculté des Sciences de Lyon, nouvelle série, N 2, Mason, 1956.
D a n i e l M. R. Le tardenoisien classique du Tardenois. L'Anthropologie, t. LII, Paris, 1948.

Darras P. Deux oeuvres d'art magdalienne de l'abri de Fontal, près Saint-Antonin. Bull. de la Soc. préhist. franç., t. 59, N 11—12, Paris, 1956.
Delporte H. Le Perigordien. Bull. de la Soc. préhist. franc., t. 51, N 8, Paris, 1954.
Dupont M. E. L'Homme pendant les âges de la Pierre. Bruxelles, 1872.
Ekholm G. Die erste Besiedlung des Ostseegebietes. Wien. Prähist. Zeitschrift, 12, 1925.
Ekholm G. Lyngby-Kultur. Reallexikon der Vorgeschichte von Ebert, VII. Berl., 1926.
Ekholm G. War Skandinavien während der letzten Zwischeneiszeit besiedelt? Wien. Prähist. Zeitschrift, 13, 1926.
Favraud A. Station aurignacienne au Pont-Neuf. Revue mensuelle de l'Ecole d'anthropologie, 17, Paris, 1907.
Favraud A. La grotte du Roc. Revue mensuelle de l'Ecole d'anthropologie, 18, Paris, 1908.
Filip J. Pravěké Československo. Praha, 1948.
Filip J. Ze současné problematiky evropského pravěku. Arch. rozhledy, ročn. 2, s. 3—4, Praha, 1950.
Florov N. Die Quartärformation in Bessarabien. Bul. Mus. Nat. Chisinau, fasc. I, 1926.
Florov N. Nota asupre urmelor omului preistorice in Basarabia. Dari de seama Inst. Geolog. Rom., vol. XII, Bucureşti, 1930.
Freund G. Die Blattspitzen des Paläolithikums in Europa. Quartär Bibliotek. Bonn, 1952.
Gabori M. Le Solutréen en Hongrie. Acta archaeologica hung. t. III, Budapest, 1953.
Garrod. D. The upper Paleolithic in the light of recent discovery. Proc. Prehist. Society, Blackpool, 1936 (1938).
Garrod D. a. Bate D. The Stone Age of Mount Carmel, v. I. Oxford, 1937.
Glory. Débris de corde paléolitique à la Grotte de Lascaux (Dordogne). Bull. de la Soc. préhist. franç., t. 53, N 5—6, Paris, 1956.
Hancar F. Ostgravettien, oder Solutreen. Zur Problem der «lokalen Unterschiede» im oberen Paläolithikum. Archaeologia austriaca, 19/20, Wien, 1956.
Hillebrand J. Bericht über die in Szeletahöhle im Sommer des Jahres 1900 durchgeführten Ausgrabungen. Földtani kozlöny, t. XL, Budapest, 1910.
Hillebrand J. Das Paläolithikum Ungarn. Wien, Prähist. Zeitschrift, 6, 1919.
Hillebrand J. Ungarländische Funde aus dem Mesolithikum. Wien. Prähist. Zeitschrift, 13, 1925.
Hillebrand J. Zur Frage des europäischen Solutreen. Eiszeit, IV, Lpz., 1927.
Hillebrand J. Über eine neue Aurignacien Lanzenspitze à base fendue aus dem ungarländischen Paläolithikum. Eiszeit, V, Lpz., 1928.
Hillebrand J. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungsresultate der Sagvarer Lössjägerstation bei Siofok in Ungarn. Mannus, Lpz., 1934, N 26.
Hillebrand J. Der Stand der Erforschung der älteren Steinzeit in Ungarn. 24/25 Bericht der Römisch-Germanischen Komission 1934/1935. Berl., 1937.
Hillebrand J. Die ältere Steinzeit Ungarns. Archaeologia hungarica, Budapest, 1935.
Hoernes M. Der diluviale Mensch in Europa. Braunschweig, 1903.
Horusitzky Z. Eine Knochenflöte aus der Höhle von Istallosko. Acta archaeologica hung. t. V, fasc. 3—4, Budapest, 1955.
Jura A. Das Aurignacien in Polen. Quartär, Bd. 1, Berl., 1938.
Klima B. Výzkům stanice lovců mamutů w Dol. Věstonice. Arch. rozhledy, ročn. I, s. 1—2, Praha, 1949.
Klima B. Hrob ženy lovce mamutů v Dolních Věstonicích. Arch. rozhledy, ročn. II, s. 1—2, Praha, 1950.
Klima B. Křižová jeskyně v Moravském Krásu. Arch. rozhledy, ročn. III, s. 2—3, Praha, 1951a.
Klima B. Druhý sídelní objekt a paleolitická keramická pec v Dolních Věstonicích. Arch. rozhledy, ročn. IV, s. 3—4, Praha, 1952a.
Klima B. Zjišťovací výzkům vyšinných stanic u Napajedel. Arch. rozhledy, ročn. IV, s. 5. Praha, 1952b.
Klima B. Nové mezolitické nalezy na Jižní Moravě. Arch. rozhledy, ročn. V, s. 3, Praha, 1953a.
Klima B. Nejstarší použití ostravského uhlí. Arch. rozhledy, ročn. V, s. 4, Praha, 1953b.
Klima B. Vavřinový list z Hane. Arch. rozhledy, ročn. VI, s. 1, Praha, 1954a.
Klima B. Pavlov, nové paleolitické sidliště na Jižní Moravě. Arch. rozhledy, ročn. VI, s. 6, Praha, 1945b.
Klima B. Výzkům paleolitického sídliště v Ostravě Petřkovicich v r. 1953. Arch. rozhledy, ročn. VII, s. 2, Praha, 1955a.

Klima B. Výsledky archeologického výzkumu na tabořišti lovců mamutů v Petřkovicích, okr. Ostrava v roce 1952 a 1953. Časopis Slezského musea (Acta Musei Silesiae), t. IV, Opava, 1955b.
Klima B. Přínos nové paleolitické stanice v Pavlově k problematice nejstarších zemědělských nástrojů. Památky archeologické, XLVI, Praha, 1955c.
Klima B. Statistická methoda-pomučka při hodnocení paleolitických kamenných industrij. Památky archeologické, XLVII, Praha, 1956a.
Klima B. Zur Chronologie des jüngsten Paläolithikums in Mähren. Chronologie préhistorique de la Tchecoslovaquie, Praha, 1956в.
Klima B. Übersicht über die jüngsten paläolitischen Forschungen in Mähren. Quartär, Bd. 9, 1957.
Kozlowski L. Die ältere Steinzeit in Polen. Eiszeit, I, H. II. Lpz., 1924.
Kozlowski L. Zarys Pradziejów Polski Poludniowo-Wschodniej. Lwów, 1939.
Krukowski S. Paleolit Polski. Osobno odbicie z Encyklopedii Polskiej, t. IV, Krakow, 1939.
Kühn H. Kunst und Kultur der Vorzeit Europas. Berl., 1929.
Laplas-Jauretche G. Les couches à escargots des cavernes pyreniennes et le problème de l'Arisien de Piette. Bull. Soc. préhist. franç., t. 50, N 4. Paris, 1953.
Laplas-Jauretche G. Typologie statistique et évolution des complexes a lames et lamelles. Bull. de la Soc. préhist. franç., t. 53, N 5—6, Paris, 1956.
Larte et Christy. Sur des figures d'animaux. Revue archéologique, Paris, 1864.
Laszko, Gaal, Hollendenner, Hillebrand. Die Lössmagdalenien Fundstelle von Sagvar. Arch. Ert., Bd. XLIV—XLV, Budapest, 1930.
Martin H. Études sur le Solutréen de la vallée du Roc. Angouléme, 1928.
Mascaraux F. La grotte Sainte Mishele d'Arudy. Revue mensuelle de l'Ecole d'anthropologie, Paris, 1910.
Maska C., Obermaier H. La station solutrgenne de Ondraditz. L'Anthropologie, t. XXII, Paris, 1911.
Mazalek M. Vavřinový list z Jižní Moravy. Arch. rozhledy, ročn. III, s. 4, Praha, 1951a.
Mazalek M. Výzkům ražické mezolitické oblasti v r. 1950. Arh. rozhledy, ročn. III, s. 1, Praha, 1951b.
Mazalek M. Druhý rok výzkůmu na sídlišti z doby kaměnné u Ražic. Arch. rozhledy, ročn. IV, s. 3—4, Praha, 1952a.
Mazalek M. Mezolitická chata z písečniku u Ražic. Anthropozoikum t. II, Praha, 1952b.
Mazalek M. Třetí rok výzkůmu paleo-mezolitické oblasti u Ražic. Arch. rozhledy, ročn. V, s. 5, Praha, 1953.
Mazalek M. Otazka vztahů mezolitu a neolitu. Anthropozoikum, t. III, Praha, 1954a.
Mazalek M. Mezolitické nalezy ze Slovenska. Arch. rozhledy, ročn. VI, s. 1, Praha, 1954b.
Mazalek M. Na okraj československého mezolitu. Anthropozoikum, t. IV, Praha, 1955.
Mencke E. Die Mikrolithen der Ahrensburger Stute. Germania, Bd. 39. Berl., 1954.
Menghin O. Weltgeschichte der Steinzeit. Wien, 1930.
Mercier G., Debruge A. La station préhistorique de Mechta-Chateaudun. Constantine, 1913. (Extrait du Recueille des Notices et Mémoires de la Société archéologique de Constantine).
Moroşan N. Contributinui la cunoastere Paleoliticului din Moldova de Nord. Academia Romînâ, Memoiriile şectium ştiintifici, seria III, m. 7, Bucuréşti, 1927.
Moroşan N. Novi contributiuni preistorice asupra Basarabiei de Nord. Academia Romînâ, Memoriile sectiunii stiintifice, seria III, m. 6, m. I, Bucuréşti, 1929.
Moroşan N. Existe-t-il du Micoquien in Bessarabiens et quelle serait sa place dans le chronologie du pléistocène. Bull. de la Soc. préhist. franç., N 4, Paris, 1931.
Moroşan N. Evolutia cercetărilor prehistorice-paleolitice din Romania N. E. şi resultatele obtinute. Chisinau, 1931a.
Moroşan N. Contribution à l'étude du quaternaire de la Moldavia N. E. Bull. Sect. scient. Acad. Roum., XIV année. Bukureşti, 1931b.
Moroşan N. Le moustierién dans le nord de la Moldavie. L'Anthropologie, t. XLI, N 1—2, Paris, 1931c.
Moroşan N. La station paléolithique de grotte de Stânce Ripiceni. Dacia, V—VI, Bukureşti, 1938a.
Moroşan N. Le pléistocène et le paléolithique de la Roumanie du Nord-Est. Ann. Inst. Geol. al României, vol. XIX, Bukureşti, 1938b.
Mortillet A. La grotte du Placard et les diverses industries qu'elle a livrées. Le Mans, 1907.
Mortillet. G. Musée préhistorique. Paris, 1881.
Mortillet G. Le Préhistorique. Paris, 1883.

Mortillet G. et Mortillet A. Musée préhistorique. Paris, 1903.
Mottl M. Faunen, Flora und Kultur des ungarischen Solutreen. Quartär, I, Berl., 1938.
Narr K. Formengruppen und Kulturkreise im europäischen Paläolithikum. 34 Bericht der Römisch-Germanischen Komission 1951—1953. Berl., 1954.
Nestor J. Der Stand der Vorgeschichtforschung in Romanien. 22 Bericht der Römisch-Germanischen Komission. Frankfurt, 1933.
Nicolăescu-Plopşor C. S. Le paléolithique en Roumanie. Dacia, V—VI. Bukureşti, 1938.
Nougier L. Les civilisations campigniennes en Europe occidentale. Touluse, 1950.
Nougier L., Robert R. Un «foyer tribal» du Magdalenien pyrénéen. La Nature, Paris, 1956.
Obermaier H. Das Paläolithikum und Epipaläolithikum Spaniens. Anthropos, Bd. XIX—XX, 1919—1920.
Obermaier H. Aurignacien. Reallexikon der Vorgeschichte. Bd. I. Berl., 1924.
Obermaier H. Bulgarien, Paläolithikum. Reallexikon der Vorgeschichte, t. II. Berl., 1925.
Obermaier H. Kunst. Reallexikon der Vorgeschichte, t. VII. Berl., 1928.
Obermaier H. Paläolithikum, Südrussland. Reallexikon der Vorgeschcihte, Bd. XIII. Berl., 1929.
Padtberg A. Das altsteinzeitliche Lösslager bei Munzingen. Augsburg, 1925.
Pericot Garsia L. La cueva del Parpallo. Madrid, 1942.
Peters E. u. Toepfer V. Der Abschlag der Grabungen am Peter-fels bei Engen im badischen Hegau. Prähistorische Zeitschrift, Bd. XXIII, H. 3/4, Berl., 1932.
Peyroni D. Elements de Préhistoire. Ussel, 1927.
Peyroni D. Le Perigordien et l'Aurignacien (nouvelle observation). Bull. de la Soc. préhist. franc., N 11, Paris, 1936.
Peyroni D. Le Perigordien, l'Aurignacien et le Solutréen en Eurasie d'après les dernières fouilles. Bull. de la Soc. préhist. franc., Paris, 1948.
Peyroni D., Maury J. Gisement préhistorique de Laugérie-basse. Revue anthropologique. Paris, 1914, N 4.
Piette E. Classification des sédimentes formés dans les cavernes pendant l'âge du Renne. L'Anthropologie, t. XV, Paris, 1904.
Piette E. Fibules pléistocènes. Revue préhistorique, N 1, Paris, 1906.
Piette E. L'art pendant l'âge du Renne. Paris, 1907.
Popovici R. Untersuchung prähistorischen Laubkohlen Nord Bessarabiens. Buletinul Facultatul de ştiinte din Cernauţi, Bd. V, Cernauţi, 1931.
Pradel L. Caractéristique lithiques des differents niveaux périgordiens en France. Bull. de la Soc. préhist. franç., t. 49, N 10, Paris, 1952.
Prošek Fr. Zjišťovací výzkům na paleolitické stanici v Moravanech na Slovensku. Arch. rozhledy, ročn. IV, s. 3—4, Praha, 1950.
Prošek Fr. Mezolitická chata v Tašovicich. Arch. rozhledy, ročn. III, s. 1, Praha, 1951a.
Prošek Fr. Výzkům jeskyně Dzeravé skaly v Malých Karpatech. Arch. rozhledy, ročn. III, s. 4, Praha, 1951b.
Prošek Fr. Výzkům paleolitické stanice Barca II. Arch. rozhledy ročn. V, s. 1, Praha, 1953a.
Prošek Fr. Nové paleolitické stanice na východním Slovensku. Arch. rozhledy, ročn. V, s. 3, Praha, 1953b.
Prošek Fr. Szeletien na Slovensku. Slovenská archeologia, t. I, Bratislava, 1953c.
Prošek Fr., Ložek V. Mezolitické sidliště v Zatyní v Dubě. Anthropozoikum, t. II, Praha, 1952.
Prošek Fr., Ložek V. Stratigrafické otázky československého paleolitu. Památky archeologické, t. XLV, ročn. 1, 2. Praha, 1954.
Rahir E. L'habitation Tardenoisien des Grottes de Remouchamps. Chaleux et Montaigle. Bruxelles, 1921.
Rudynskyj M. Les trouvailles paléolithiques d'Ozarynci. Ksiega pamiatkowa ku czci prof. W. Demetrykiewicza. Poznán, 1930.
Rudynskyj M. Die derzeitige Sachlage betreffende paläolithologische Studien in der Ukr. SSR. Die Quartärperiode, Heft 4, Kiew, 1932.
Rust A. Das altsteinzeitliche Renntierjägerlager Meiendorf. Neumünster in Holstein, 1937.
Rust A. Die Mittel und altsteinzeitlichen Funde von Stelmoor. Neumünster in Holstein, 1943.
Rust A. Préhistoire du Nord-Ouest de l'Europe à la fin des temps glaciaires. L'Anthropologie, t. LV, Paris, 1951.
Saad A. Die Ergebnisse der Ausgrabungen in der Istalloskoer Höhle im Jahre 1927. Eiszeit, IV, Lpz., 1927.

Sawicki L. Materialy do znajomosci prehistorji Rosji.Przeglad archeol., t. III, z. 2. Poznán. 1926.
Sawicki L. Przemimysl swiderski I stanowiska widmoweho Swidry Wielkie I. Przeglad archeol., t. V, Poznan, 1935.
Sawicki L. Wyniki Badan obozowiska mysliwcow z epoki lodowcowej na Zwierzyncu w Krakowie. Arch. rozhledy, ročn. I, s. 1—2, Praha, 1949.
Sawicki L. Na marginesie badan lesowego stanowiska paleolitycnego u Zwierzyncu w Krakowie. Dawna Kultura, N 2, Wrozlaw, 1954.
Schmidt R. Die Grundlagen für die Diluvialchronologie und Paläethnologie Westeuropas. Zeitschrift für Ethnologie, H. 6, Berl., 1911.
Schmidt R. Die diluviale Vorzeit. Deutschland. Stuttgart, 1912.
Schwantes G. Die Bedeutung der Lyngby-Zivilisation für die Gliederung der Steinzeit. Hamburg, 1923.
Skutil J. Vier neue paläolithische Stationen in Böhmen. Eiszeit, IV, Lpz., 1927.
Skutil J. Das Paläolithikum des Balkans. Eiszeit, V., Lpz., 1928.
Skutil J. Paleolitikum Slovenska a Podkapatskej Rusi. Martin, 1938.
Skutil J. Výzkům aurignackého sidliště v Revních u Prahy. Arch. rozhledy, ročn. V, s. 6, Praha, 1953.
Sonneville-Bordes D. La question du Prigordien II. Bull. de la Soc. préhist. franç., t. 52, N 34, Paris, 1955.
Sonneville-Bordes D. Extension des méthodes statistiques à l'étude du Mésolithique. L'Anthropologie, t. LX, N 1—2, Paris, 1956.
Sonneville-Bordes D. et Perrot J. Essai d'adaptation des méthodes statistiques au Paléolithique supérieur. Bull. de la Soc. préhist. franç., t. 50, Paris, 1953.
Strobl J. u. Obermaier H. Die Aurignacienstation von Krems, Nieder-Österreich. Jahrbuch für Altertumskunde, Bd. III, H. 3—4, Wien, 1910.
Valoch K. Paleolitické osidlení adlerový jeskyně na řičkach v jižním krásu. Československý krás, t. V, N 3-4, Praha, 1952.
Valoch K. Nové paleolitické nalezy v Lisni u Brna. Arch. rozhledy ročn. V, s. 6, Praha, 1954.
Valoch K. Beitrag zur Frage der Blattspitzen im Paläolithikum Mähren. Germania, N 33, H. 1/2, 1955.
Vaufrey R. Le palèolithique italien. Arch. de l'Inst. de Paléontologie Humaine. 3, Paris, 1928.
Vaufrey R. Notes sur le Capsien. L'Anthropologie, t. XLIII, N 5-6, Paris, 1933.
Vertes L. Neuere Ausgrabungen und paläolitische Funde in der Höhle von Istallosko. Acta archaeologica hung., t. V, fasc. 3-4, Budapest, 1955a.
Vertes L. Über einige Fragen des mitteleuropäischen Aurignacien. Acta arhaeologica hung., t. V, fasc. 3-4, Budapest, 1955b.
Vertes L. Problematika szeletienu. Slovenská archaeologia, t. IV, Bratislava, 1956.
Vire A. Grotte préhistorique de Lacave. L'Anthropologie, t. VII. Paris, 1905.
Zamiatnin S. N. Gagarino. Bull. de l'Academie de l'histoire de la culture materielle, fasc. 88, M.— L., 1934.
Žebera K. Geologické pomery sidliště s gravettovým aurignaciem v Lubně u Rakovnika. Antropozoikum, t. II, Praha, 1952a.
Žebera K. Stanoviště epipaleolitického člověka u Kremze v jižních Čechach. Antropozoikum, t. II, Praha, 1952b.
Žebera K. Paleolitické osidlení Čech ve svetlě současných výzkůmu. Antropozoikum, t. II, Praha, 1952c.
Žebera K. Výsledky výzkůmu kvartérních sedimentů v Předmosti u Přerova na Moravě za rok 1952. Anthropozoikum, t. III, Praha, 1954.
Žebera K. Jungpalaeolithische Kulturen in System der tschechoslowakischen pleistozänen Sedimente. Chronologie Préhistorique de la Tchecoslovaque. Prague, 1956.
Zotz L. F. Die Bedeutung des ostischen Bildungsherdes in der mittleren Steinzeit. Forschungen und Fortschritte Berl., 1934, N 32.
Zotz L. F. Zur Frage der Herkunft des grobgerätigen Mesolithikums. Altschlesien, N 7, 1938.
Zotz L. F. Altsteinzeitkunde Mitteleuropas. Stuttgart, 1951.
Zotz L. F. Das Campignien in Süddeutschland. Forschungen und Fortschritte, Berl., 1956, N 11.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК И МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Пункт	№ на карте
Атаки Атакского района Молдавской ССР	218
Атаки I Кельменецкого района Черновицкой области (УССР)	140
Атаки II, то же	141
Атаки III »	142
Атаки IV »	143
Атаки V »	144
Атаки Хотинского района Черновицкой области	108
Бабин I Кельменецкого района Черновицкой области	129
Бабин II, то же	130
Бабин III »	131
Бабин IV »	132
Бабин V »	133
Бабин VI »	134
Бабин VII »	135
Бабин VIII »	136
Бабин IX »	137
Бабин X »	138
Баговица Каменец-Подольского района, Хмельницкой области УССР	193
Багринешты Флорештского района Молдавской ССР	237
Бакота Старо-Ушицкого района Хмельницкой области	195
Баламутовка I Заставновского района Черновицкой области	93
Баламутовка II, то же	94
Баламутовская пещера в Заставновском районе Черновицкой области	95
Баламутовка III, то же	96
Баламутовка IV »	97
Балинцы Сорокского района Молдавской ССР	220
Баронча Дрокиевского района Молдавской ССР	222
Барсуки, Флорештского района Молдавской ССР	277
Белочь I Рыбницкого района Молдавской ССР	308
Белочь II, то же	309
Бережаны I Бережанского района Тернопольской области УССР	43
Бережаны II, то же	44
Бережаны III »	45
Бережаны I Атакского района Молдавской ССР	215
Бережаны II, то же	216
Беремяны Золото-Потокского района Тернопольской области	57
Бильче Золотое Боршевского района Тернопольской области	77
Бобулешты I Флорештского района Молдавской ССР	256
Бобулешты II, то же	257
Большой Молокиш Рыбницкого района Молдавской ССР	310

Продолжение

Пункт	№ на карте
Бузовица Кельменецкого района Черновицкой области	139
Букивна I Тлумачского района Станиславской области УССР	20
Букивна II, то же	21
Букивна III »	22
Варваровка I Флорештского района Молдавской ССР	243
Варваровка II, то же	244
Варваровка III »	245
Варваровка IV »	246
Варваровка V »	247
Василев Заставновского района Черновицкой области	86
Вербиливцы Рогатинского района Станиславской области	4
Вермитка I Рыбницкого района Молдавской ССР	312
Вермитка II, то же	313
Вермитка III »	314
Верхняя Липица Рогатинского района Станиславской области	5
Волчков Большовцевского района Станиславской области	10
Водники, то же	8
Волошковое I Секирянского района Черновицкой области	177
Волошковое II, то же	178
Волошковое III »	179
Волошковое IV »	180
Вороновица I Кельменецкого района Черновицкой области	112
Вороновица II, то же	113
Вороновица III »	114
Вороновица IV »	115
Вороновица V »	116
Врублевцы Каменец-Подольского района Черновицкой области	184
Выгнанка Заставновского района Черновицкой области	89
Выхватинцы IV Рыбницкого района Молдавской ССР	315
Ганнусивка Галичского района Станиславской области	11
Гвоздова I Флорештского района Молдавской ССР	254
Гвоздова II, то же	255
Гиндешты-Цыра Флорештского района Молдавской ССР	259
Гиндешты I, то же	261
Гиндешты II »	262
Гиндешты III »	263
Голиграды I Залещицкого района Тернопольской области	66
Голиграды II, то же	67
Голиграды III »	68
Городиште Резинского района Молдавской ССР	292
Городница I Городенковского района Станиславской области	38
Городница II, то же	39
Городница III »	40
Городница IV »	41
Городница V »	42
Гояны I Дубоссарского района Молдавской ССР	317
Гояны II, то же	318
Грушевцы I Кельменецкого района Черновицкой области	123
Грушевцы II (Марьяновка I), то же	124
Грушевицы III (Марьяновка II) »	125
Грушевцы IV (Стоянка против Демшина) »	126
Грушевцы V »	127
Грушевцы VI »	128
Гугбин Золото-Потокского района Тернопольской области	54
Гура-Кайнар I Флорештского района Молдавской ССР	232
Гура-Кайнар II, то же	233
Гура-Кайнар III »	234
Гура-Кайнар IV »	235
Гура-Кайнар V »	236
Гура-Каменка I »	249

Пункт	№ на карте
Гура-Каменка II Флорештского района Молдавской ССР	250
Гура-Каменка III, то же	251
Гура-Каменка IV »	252
Гура-Каменка V »	253
Дарабаны I Хотинского района Черновицкой области	109
Дарабаны II, то же	110
Долгое Тысменицкого района Станиславской области	12
Долина Обертинского района Станиславской области	24
Дорошевцы I Заставновского района Черновицкой области	87
Дорошевцы II, то же	88
Екимауцы Резинского района Молдавской ССР	290
Залещики Залещицкого района Тернопольской области	65
Звенигород Бобркского района Львовской области	1
Звенячин Заставновского района Черновицкой области	82
Зозулинцы Залещицкого района Тернопольской области	75
Зозуляне Рыбницкого района Молдавской ССР	316
Ивановка I Флорештского района Молдавской ССР	227
Ивановка II, то же	228
Ивановцы I Кельменецкого района Черновицкой области	149
Ивановцы II, то же	150
Ивачев Заложцевского района Тернопольской области	46
Исаков Обертинского района Станиславской области	25
Калачковцы I Каменец-Подольского района Хмельницкой области	187
Калачковцы II, то же	188
Калюс Ново-Ушицкого района Хмельницкой области	200
Каменка Каменского района Молдавской ССР	296
Касперовцы I Залещицкого района Тернопольской области	70
Касперовцы II, то же	71
Касперовцы III »	72
Китайгород I Каменец-Подольского района Хмельницкой области	189
Китайгород II, то же	190
Китайгород III »	191
Климауцы Резинского района Молдавской ССР	282
Коларашовка Атакского района Молдавской ССР	219
Комаров I Кельменецкого района Черновицкой области	145
Комаров II, то же	146
Комаров III »	147
Конюшки Рогатинского района Станиславской области	7
Копачинцы Городенковского района Станиславской области	35
Корман I Секирянского района Черновицкой области	157
Корман II, то же	158
Корман III »	159
Корман IV »	160
Корман V »	161
Коропец Монастырисского района Тернопольской области	47а
Косоуцы Сорокского района Молдавской ССР	221
Космирин Золотопотоцкого района Тернопольской области	51
Красиев Монастырисского района Тернопольской области	49
Кужелево Миньковецкого района Хмельницкой области	194
Кулаковцы Залещицкого района Тернопольской области	74
Куловцы Заставновского района Черновицкой области	85
Кунисовцы Городенковского района Станиславской области	36
Ленинский Флорештского района Молдавской ССР	260
Ленковцы I Кельменецкого района Черновицкой области	117
Ленковцы II, то же	118
Липчаны Резинского района Молдавской ССР	284
Лисичники Залещицкого района Тернопольской области	69
Лисковцы Каменец-Подольского района Хмельницкой области	181
Лоевцы Старо-Ушицкого района Хмельницкой области	199
Ломачинцы I Секирянского района Черновицкой области	167
Ломачинцы II, то же	168

Пункт	№ на карте
Лопатна I Оргеевского района Молдавской ССР	293
Лопатна II, то же	294
Лука-Врублевецкая IV Каменец-Подольского района Хмельницкой области	185
Лука-Марьяновка Каменец-Подольского района Хмельницкой области	186
Лядава I Ярышевского района Винницкой области	202
Лядава II, то же	203
Макаровка I Кельменецкого района Черновицкой области УССР	119
Макаровка II, то же	120
Макаровка III »	121
Маринополь, Большовцевского района Станиславской области	9
Марьяновка I (см. Грушевцы II)	124
Марьяновка II (см. Грушевцы III)	125
Майдан Горишний Надворнянского района Станиславской области	18
Мерешовка Атакского района Молдавской ССР	217
Мишков Залещицкого района Тернопольской области	78
Молодова I Кельменецкого района Черновицкой области	153
Молодова II, то же	154
Молодова IV »	155
Молодова V »	156
Монастырек Борщевского района Тернопольской области	79
Мытков Заставновского района Черновицкой области	90
Нагоряне Ярышевского района Винницкой области	204
Нагоряне II Кельменецкого района Черновицкой области	122
Налужье Микулинецкого района Тернопольской области	59
Наславча I Атакского района Молдавской ССР	207
Наславча II, то же	208
Наславча III »	209
Наславча IV »	210
Наславча V »	211
Наславча VIII »	212
Наславча IX »	213
Наславча X »	214
Незвиско I Обертинского района Станиславской области	29
Незвиско II, то же	30
Незвиско III »	31
Незвиско IV »	32
Непоротово I Секирянского района Черновицкой области	162
Непоротово II, то же	163
Непоротово III »	164
Непоротово IV »	165
Непоротово V »	166
Нижняя Липица Рогатинского района Станиславской области	6
Николаевка Золото-Потокского района Тернопольской области	53
Новоселка Перемышлянского района Львовской области	2
Новоселка-Костюкова Залещицкого района Тернопольской области	76
Новые Росиетичи I Флорештского района Молдавской ССР	272
Новые Росиетичи II, то же	273
Обертин Обертинского района Станиславской области	27
Ожево I Секирянского района Черновицкой области	169
Ожево II, то же	170
Ожево III »	171
Ожево IV »	172
Ожево V »	173
Озаринцы Могилев-Подольского района Винницкой области	205
Оксентье Оргеевского района Молдавской ССР	295
Олешов Тлумачского района Станиславской области	23
Онут Заставновского района Черновицкой области	92

Пункт	№ на карте
Оселивка (Кишла-Неджимова) Кельменецкого района Черновицкой области	111
Патринцы Каменец-Подольского района Хмельницкой области	192
Перебыковцы I Заставновского района Черновицкой области	98
Перебыковцы II, то же	99
Петриков Микулинецкого района Тернопольской области	58
Плугов Золочевского района Львовской области	3
Подгайчики Теребовлянского района Тернопольской области	60
Подоймица Каменского района Молдавской ССР	297
Подойма I, то же	298
Подойма II »	299
Подойма III »	300
Подойма IV »	301
Поливанов яр Кельменецкого района Черновицкой области	148
Пояна Резинского района Молдавской ССР	280
Прелипче-Лука Заставновского района Черновицкой области	81
Пригородок I Хотинского района Черновицкой области	106
Пригородок II, то же	107
Пужники Отынянского района Станиславской области	19
Путинешты I Флорештского района Молдавской ССР	229
Путинешты II, то же	230
Раковец I Обертинского района Станиславской области	33
Раковец II, то же	34
Рашков I Каменского района Молдавской ССР	302
Рашков II, то же	303
Рашков III »	304
Рашков IV »	305
Рашков V »	306
Рашков VI »	307
Рашков I Хотинского района Черновицкой области	102
Рашков II, то же	103
Рашков III »	104
Рашков IV »	105
Распопинцы I Секирянского района Черновицкой области	174
Распопинцы II, то же	175
Распопинцы III »	176
Репужинцы Заставновского района Черновицкой области	84
Рогожане I Флорештского района Молдавской ССР	268
Рогожане II, то же	269
Рогожане III »	270
Рогожане IV »	271
Рожнев I Тысменицкого района Станиславской области	13
Рожнев II, то же	14
Рожнев III »	15
Рожнев IV »	16
Росиетичи Флорештского района Молдавской ССР	274
Рухотин I Хотинского района Черновицкой области	100
Рухотин II, то же	101
Самушин Заставновского района Черновицкой области	91
Сарацея Рыбницкого района Молдавской ССР	311
Сахарна Резинского района Молдавской ССР	291
Севирова Флорештского района Молдавской ССР	224
Селище I Кельменецкого района Черновицкой области	151
Селище II, то же	152
Сенатовка I Флорештского района Молдавской ССР	278
Сенатовка II, то же	279
Скоморохи Золото-Потокского района Тернопольской области	56
Сокирчин Обертинского района Станиславской области	26
Сокол I Каменец-Подольского района Хмельницкой области	182
Сокол II, то же	183
Сокол, Резинского района Молдавской ССР	281

Продолжение

Пункт	№ на карте
Соколец Золото-Потокского района Тернопольской области	55
Соленое Толстенского района Тернопольской области	61
Солончены I Резинского района Молдавской ССР	286
Солончены II, то же	287
Сновидов Золото-Потокского района Тернопольской области	52
Старый Збараж Збаражского района Тернопольской области	47
Старые Росиетичи I Флорештского района Молдавской ССР	275
Старые Росиетичи II, то же	276
Стриганцы Тысменицкого района Станиславской области	17
Студеница I Старо-Ушицкого района Хмельницкой области	196
Студеница II, то же	197
Стырчены Флорештского района Молдавской ССР	248
Суходол Тлумачского района Станиславской области	50
Тарасова Резинского района Молдавской ССР	285
Торское Залещицкого района Тернопольской области	64
Трифунешты I Флорештского района Молдавской ССР	225
Трифунешты II, то же	226
Устечко Толстенского района Тернопольской области	63
Устье Зеленое Монастырисского района Тернопольской области	48
Устье Мельнице-Подольского района Тернопольской области	80
Флорешты I Флорештского района Молдавской ССР	238
Флорешты II, то же	239
Флорешты III »	240
Флорешты IV »	241
Флорешты V »	242
Фрумушика I Флорештского района Молдавской ССР	223
Хотимир Обертинского района Станиславской области	28
Хмелевая Толстенского района Тернопольской области	62
Хрещатик Заставновского района Черновицкой области	83
Цыплетешты Бельцкого района Молдавской ССР	231
Цыра Флорештского района Молдавской ССР	258
Ченуша I, то же	264
Ченуша II »	265
Ченуша III »	266
Ченуша IV »	267
Черна I Резинского района Молдавской ССР	288
Черна II, то же	289
Чернелица Городенковского района Станиславской области	37
Шолданешты Резинского района Молдавской ССР	283
Щитовцы Залещицкого района Тернопольской области	73
Ярышев Могилев-Подольского района Винницкой области	201
Яруга Могилев-Подольского района Винницкой области	206

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЧЕТВЕРТИЧНОГО ПЕРИОДА
1959 XV

И. К. Иванова

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ НАХОЖДЕНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК СРЕДНЕГО ПРИДНЕСТРОВЬЯ

I. ВВЕДЕНИЕ

В течение ряда лет автором настоящей работы в контакте с археологической экспедицией Института общественных наук АН УССР проводились в долине Днестра полевые исследования геологических условий нахождения имеющихся здесь многочисленных палеолитических стоянок.

При этом особенно детально изучался участок долины, где были встречены наиболее интересные многослойные стоянки: на правобережье Днестра от с. Атаки на З до с. Корман и несколько далее на В (Кельменецкий и Секирянский районы Черновицкой области), а также на левобережье отрезок от с. Студеницы до с. Лоевцы (Каменец-Подольский и Старо-Ушицкий районы Хмельницкой области).

В результате проведенных исследований изучено геологическое строение района, составлена карта четвертичных отложений с элементами геоморфологии и сделаны некоторые выводы по истории долины Среднего Днестра и по стратиграфическому положению палеолитических стоянок. В 1958 г. по приглашению Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР район описываемых стоянок посетила группа ученых в составе А. И. Москвитина, В. В. Попова, Г. И. Горецкого, А. А. Величко, А. Н. Рогачева и И. Г. Шовкопляса. Автор выражает большую благодарность всем указанным лицам, а также В. И. Громову и А. Л. Яншину, просматривавшим работу, за ценные замечания и советы.

Большая благодарность приносится также Э. А. Вангенгейм, А. И. Москвитину, Г. И. Попову и А. Г. Эберзину, определявшим фауну млекопитающих и моллюсков.

II. ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ РАЙОНА

В структурном отношении изученный район принадлежит юго-западному склону Украинского кристаллического массива, называемого обычно в этой части Подольской или Волыно-Подольской плитой. Пологоволнистый рельеф района, осложненный небольшими возвышенностями типа толтров (толтровая гряда проходит несколько западнее), резко нарушается глубоко врезанными узкими долинами Днестра и его притоков. Необходимо подчеркнуть своеобразный и сложный характер долины этой реки, связанный со структурными особенностями пересекаемой ею территории.

Днестр берет свое начало на склоне Восточных Карпат. На протяжении 50 км от истоков до г. Самбора он является типичной горной рекой с крутым падением, хорошо выраженной узкой и глубокой долиной.

Затем река вступает в область Львовской мульды и далее — Предкарпатского краевого прогиба. Долина ее сильно расширяется за счет расширения низких террас; поверхность их часто заболочена и несколько снижена.

Ниже впадения в Днестр его правого притока Быстрицы река врезается в коренные породы Подольской плиты, и характер ее долины снова постепенно изменяется. К В от с. Нижнева на значительном протяжении она течет здесь в узком и глубоком каньоне, имея весьма своеобразные черты, которых мы коснемся далее.

Нижнее течение реки, ниже г. Дубоссар в Молдавии, проходит по Причерноморской впадине. Каньонообразный характер долины исчезает, ширина ее увеличивается, террасы резко снижаются. Ниже г. Тирасполя в пойме наблюдаются плавни. Впадает река в Черное море через обширный Днестровский лиман.

Столь сильные различия в характере долины на разных отрезках течения реки затрудняют сопоставление речных террас на больших расстояниях. Очевидно, в связи с этим история долины Днестра до сих пор изучена сравнительно слабо. Выводы, полученные различными исследователями, изучавшими отдельные участки бассейна реки, часто не совпадают и являются противоречивыми.

Изученный участок долины Среднего Днестра является одним из наиболее характерных. Река имеет здесь широтное направление и врезается в свою древнюю высокую террасу на глубину 150 м и более.

Каньонообразная часть долины Днестра, в которую вложено несколько узких террас, на описываемом отрезке обычно не широка. Она расширяется лишь в местах впадения притоков и у крупных меандров. Более широкие и высокие древние террасы реки почти сливаются с водоразделом.

1. ДОЧЕТВЕРТИЧНЫЕ ОТЛОЖЕНИЯ

Глубокие речные долины, с многочисленными прорезающими их склоны притоками и оврагами обнажают мощную толщу коренных пород.

Наиболее древние развитые здесь палеозойские отложения залегают на гранитном основании и представляют собой серию пластов ССЗ простирания, полого наклоненную на ЗЮЗ. Благодаря этому наклону Днестр последовательно вскрывает в своем течении все более и более древние слои этой толщи, вплоть до кристаллического фундамента, выходящего на поверхность ниже по реке, за пределами изученного района. Первый выход кристаллических пород, описанный Р. Р. Выржиковским, появляется на левом берегу Днестра между селами Березовым и Бернашивкой, в непосредственной близости к восточной границе описываемого района. Другой выход располагается много ниже по реке, близ г. Ямполя. Выходы кристаллических пород, представленных красными и серыми микроклиновыми и пегматоидными гранитами, известны во многих пунктах по левобережным притокам Днестра, от р. Жвана на СЗ до рек Русавы и Яланца на ЮВ (Р. Р. Выржиківський, 1933; С. П. Родионов, 1958 и др.).

Палеозойские породы (глинистые сланцы с прослоями песчаников и ниже аркозовые песчаники [1]) срезаются почти горизонтальной поверхностью верхнемеловых отложений (главным образом кремнисто-мергелистых), что обусловливает залегание толщи верхнемеловых пород на палеозойских отложениях разного возраста, постепенно сменяющихся вдоль течения реки.

Выше следуют неогеновые породы, представленные осадками средне- и верхнемиоценового моря. Они состоят из песчано-глинистых пород, но главным образом из разнохарактерных органогенных известняков, к которым приурочена возвышенная зона, известная под названием «толтров».

Таковы общие данные о геологическом строении описываемого участка.

Наиболее древними породами, выходящими на дневную поверхность в изученном районе, являются глинистые сланцы и песчаники палеозоя [2]. Мощные толщи серовато-коричневых, иногда зеленоватых или почти фиолетовых песчанистых и слюдистых, преимущественно тонкоплитчатых, иногда более плотных глинистых сланцев, чередующихся с прослоями песчаников, обнажаются по берегам Днестра и в оврагах, прорезающих склоны речных долин. Сланцы обнажаются во многих местах в русле реки на небольшой глубине, образуя многочисленные перекаты, и поднимаются на относительную высоту до 70 м над урезом реки. Местами в глинистых сланцах наблюдаются тектонические нарушения, значительные трещины юго-восточного простирания, смятие и изогнутость слоев. Возраст серии глинистых сланцев не совсем ясен. В течение долгого времени считалось, что они принадлежат ордовику. Исследования последних лет позволяют отнести их к нижнекембрийским отложениям. По этому вопросу существует большая специальная литература (Тимофеев, 1952; Дикенштейн, 1957; Стащук, 1957 и др.).

На глинистых сланцах залегает характерный горизонт толстоплитчатых, кристаллических, серых известковистых песчаников, содержащих фауну ордовика. Этот горизонт назван румынским геологом Ф. Васкоуцану (Vascauţanu, 1931) «песчаниками Молодовы». Мощность этого горизонта, по Васкоуцану, не превышает 3,5 м. Максимальная мощность, наблюдавшаяся нами,— 1,6 м. «Песчаники Молодовы» прослеживаются в окрестностях с. Молодова в оврагах Рыжок (фиг. 1), Селищенский яр, Байлова

---

[1] Существует представление о более древнем возрасте последних.

[2] Ушицкая свита Г. Ф. Лунгерсгаузена и О. И. Никифоровой, калюсская свита Г. Х. Дикенштейна.

Фиг. 1. Выход песчаников ордовика в овраге «Рыжок» у восточной окраины с. Молодова. Контакт песчаников с глинистыми сланцами палеозоя.

(Фотографии автора)

рипа и Вороновый, являясь прекрасным маркирующим горизонтом. Буровой скважиной на воду, заложенной в 1956 г. за с. Молодова в 5 км от Днестра на относительной высоте около 140 м, этот горизонт встречен на глубине 97,2 м (мощность 1,3 м).

В западной части района, западнее с. Молодова, на песчаниках залегают силурийские отложения (китайгородский горизонт), представленные однообразной толщей серых и зеленовато-бурых мергелистых комковатых известняков, переслаивающихся с небольшими пачками глинистых сланцев. Они появляются у сел Дурняковцы и Бакота на левом берегу и наиболее полно представлены в бассейне рек Студеница на левом и Рестево на правом берегу Днестра (Никифорова, 1954).

На этих отложениях, а в районе с. Молодова прямо на «песчаниках Молодовы», залегает толща верхнемеловых отложений (сеноман), представленная кремнисто-песчано-мергелистой серией с большим количеством кремневых конкреций и прослоев. Верхняя часть толщи сильно обогащена глауконитом. Общая мощность меловых отложений составляет более 40 м.

Для получения полного представления о меловых отложениях района нами был изучен разрез их по ряду оврагов и балок. Наиболее интересным оказался при этом овраг Рыжок, находящийся на правом берегу р. Днестра, у восточного окончания с. Молодова против д. Каниловки. Овраг имеет протяженность немного более 1,5 км, прорезает высокий склон до-

лины Днестра и выходит к древней пойме реки, на которой расположено с. Молодова. Вдоль оврага, по его левому борту, идет проезжая дорога на с. Шубутинцы. По дну оврага течет небольшой ручей, почти пересыхающий летом. Русло оврага расположено у устья на высоте I террасы. Затем оно постепенно повышается по мере удаления от реки, прорезая все более и более молодые отложения и прекрасно вскрывая таким образом весь разрез района. В правой, более высокой и крутой стенке оврага от самого устья выходят глинистые сланцы и песчаники палеозоя.

Водоток оврага врезан в эти отложения и местами образует перепады по 2 — 4 м высотой. В глинистых сланцах и песчаниках наблюдаются водоносные зоны.

На высоте около 60 м над рекой, на расстоянии около 660 м от устья оврага, обнажается залегающий на сланцах горизонт плотных «песчаников Молодовы» (см. фиг. 1).

Далее склон покрыт осыпью до высоты 4,5 м, и непосредственный контакт между отложениями ордовика и верхнего мела оврагом не вскрыт. Над осыпью в правой стенке оврага появляется белая опока, имеющая видимую мощность 1,2 м. Над опокой в этой стенке прослеживаются снизу вверх следующие породы.

	Мощность, м
1. Светло-серый, кремнистый, тонкозернистый, плотный песчаник с многочисленными включениями голубовато-серой кремнистой породы и остатками пелециод (*Exogyra conica* Sow.)	2,5
2. Плотный кремнистый песчаник с темно-коричневыми и ржаво-желтыми прослоями и налетами; содержит кремневые желваки	0,8
3. Хорошо выдержанный прослой светло-желтого плитчатого песчаника	0,15
4. Серовато-белый плотный тонкозернистый кремнистый песчаник с пелециподами (*Exogyra conica* Sow.)	0,3
5. Белый опоковидный кремнистый песчаник с большим количеством пелециод (*Exogyra conica* Sow.)	2,5
6. Горизонт темных, серо-голубоватых, кремневых желваков с раковистым изломом	0,4
7. Белый кремнистый опоковидный песчаник	5,5
8. Серовато-зеленоватый глинистый плотный тонкий песчаник	3,5
9. Горизонт кремневых желваков	0,4
10. Толща зеленовато-серых плотных глауконитовых кремнистых песчаников, переполненных кремневыми конкрециями и заключающих в себе несколько (5—6) хорошо выдержанных прослоев кремневых желваков мощностью по 30—40 см (фиг. 2); кверху эта порода становится более рыхлой; она также содержит кремневые конкреции и хорошо выдержанные кремневые горизонты (за исключением самых верхних частей); общая мощность толщи около	20
11. Темно-зеленые слюдистые пески, содержащие до 50% глауконита; в верхней части их толщи наблюдается 5-сантиметровый прослой сланцеватой породы, сильно обогащенной окислами марганца	4—5
12. Светлый легкий кремнистый песчаник с красными и ярко-желтыми неправильными прослоями и разводами	0,25

Выше залегает 10-метровая брекчиевидная толща, образованная беспорядочно сгруженной, часто слегка окатанной и покрытой патиной кремневой щебенкой средних размеров, сцементированной плотным белым песчанистым цементом, слабо вскипающим от HCl. Возраст ее не ясен.

Р. Р. Выржиковский (1929, 1933) относил ее к тем же сеноманским отложениям, что и нижележащую свиту. Ф. Васкоуцану (1925) и И. М. Сухов (1950) высказывали предположение о ее среднемиоценовом возрасте. Нам также представляется, что по своему характеру эта толща напоминает скорее результат размыва сеноманских отложений. Попытка уточнить ее возраст по микрофауне не увенчалась успехом. В образцах цементирующей породы, просмотренных М. Я. Серовой, микрофауны обнаружить не удалось.

Над кремневой брекчией с резким контактом, но без видимого несогласия залегают миоценовые известняки, местами крупноплитчатые и плотные, местами более рыхлые, тонкоплитчатые, иногда целиком ракушечные. Мощность известняков по обоим берегам реки обычно не превышает 30 м. По возрасту они относятся в основном к нижнему сармату, но возможно, что в какой-то части своей и к тортону [1]. В местах развития так называемых толтров, образованных нижнесарматскими серпуло-ракушечными и серпуло-мшанковыми известняками (Королюк, 1952), общая мощность известняков достигает 50—60 м. Здесь следует отметить, что описываемый район находится за пределами основной толтровой гряды, но в непосредственной близости к ней и отдельные небольшие возвышенности, сложенные известняками, так называемые онкоиды, встречаются здесь достаточно часто [2].

Миоценовые известняки выходят на дневную поверхность во многих местах — по берегам Днестра, его притоков, многочисленных оврагов и балок. В крутых обрывах Днестра они образуют местами совершенно отвесные причудливые карнизы и ниши, напоминающие фантастические башни и бойницы (фиг. 3). Громадные блоки известняков отрываются и усеивают крутые склоны.

В пониженных участках известнякового рельефа над известняками залегает толща коричневатых и зеленовато-желтоватых известковистых глин, имеющих комковатое и сланцеватое строение. Глины, видимо, принадлежат среднесарматским отложениям. Мощность их по данным буровой скважины — около 10 м.

В стенках описанного выше оврага Рыжок над известняками, имеющими мощность около 28 м, залегает толща светлых известковистых песков, почти целиком состоящих из известковистой пыли и перетертых раковин моллюсков. В песках наблюдаются невыдержанные прослои, линзы, пятна и карманы зеленовато-бурых комковатых глин. Общая мощность песчано-глинистой толщи — 8 м. Залегает она под небольшим покровом желто-бурых четвертичных суглинков.

На этом кончается описание дочетвертичных отложений района. Галечники высоких террас, обычно сильно размытые, имеющие, по-видимому, верхнеплиоценовый возраст, в соответствии с предложением В. И. Громова и других авторов (1958) рассматриваются нами среди отложений четвертичной системы (антропогена).

Описанные отложения, как уже указывалось, обнажаются в крутых склонах к реке, прорезанных многочисленными оврагами и балками. По-видимому, геологическое строение района создавало особенно благоприятные условия для заселения этих мест первобытным человеком.

Кремневые прослои и желваки в меловых отложениях и особенно кремневый щебень приконтактовой зоны, представляющий сам по себе как бы

---

[1] Следует отметить, что среднемиоценовые породы, состоящие из песчаной и песчано-глинистой толщи с каолинами (подольский ярус Р. Р. Выржиковского — фация тортона, по современным представлениям), залегающей на прослое сгруженных кремней и хорошо развитой на левом берегу Днестра, на правом берегу нами не наблюдались.

[2] В отличие от собственно толтров, имеющих конусообразные, хорошо отпрепарированные вершины, вершины холмов здесь плоские, размытые.

Фиг. 2. Выход сеноманских отложений в овраге «Рыжок». Хорошо видны кремневые прослои

«полуфабрикат» и прямо выходящий на поверхность, являлись неисчерпаемым и легко доступным материалом для изготовления кремневых орудий. Мощные толщи сарматских известняков, отвесные обрывы которых и сейчас наблюдаются во многих местах (см. фиг. 3), создавали удобные для укрытия навесы и пещеры.

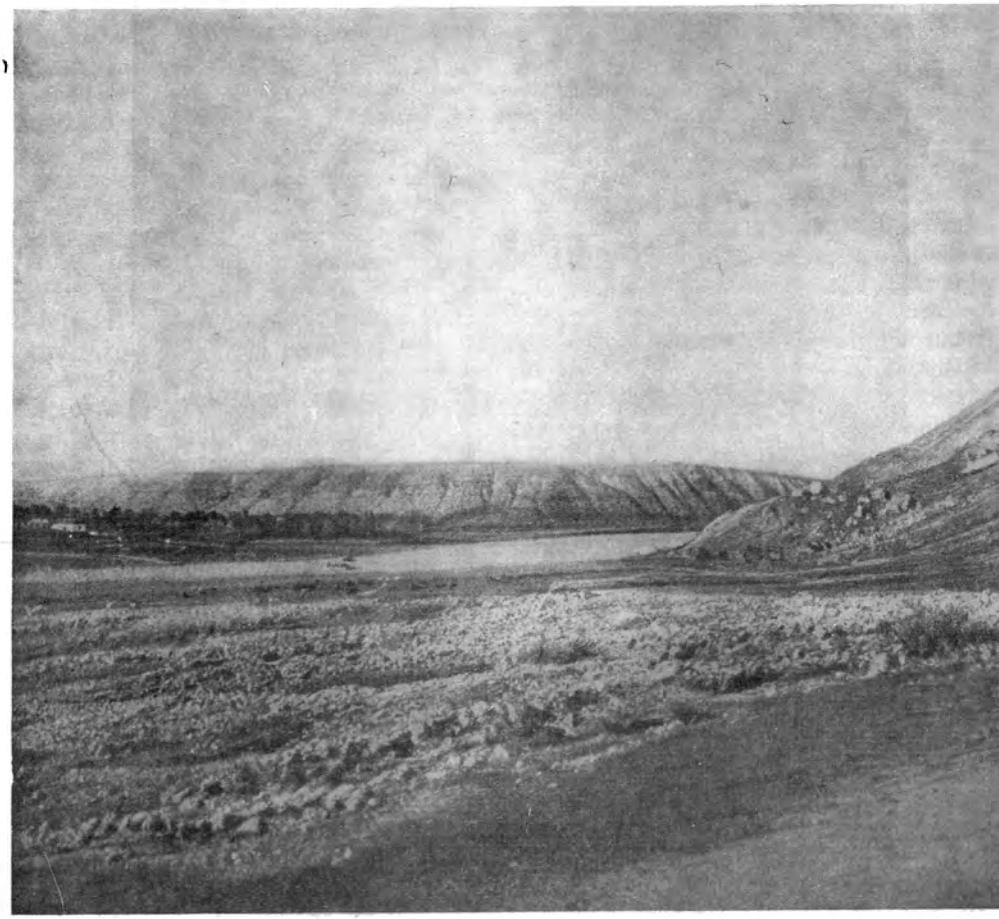
Наличие ключевой воды в палеозойских отложениях также может быть отнесено к факторам, благоприятным для существования человека.

2. ЧЕТВЕРТИЧНЫЕ ОТЛОЖЕНИЯ

Четвертичные отложения описываемого района представлены древними и современными аллювиальными отложениями, овражно-балочным аллювием, делювиальными и делювиально-пролювиальными суглинками, развитыми главным образом по склонам речных долин, элювиальными образованиями, покровными суглинками небольшой мощности, а также отложениями конусов выноса из оврагов и различными гравитационными образованиями.

Прежде чем перейти к описанию аллювиальных отложений, следует сказать несколько слов о террасах Днестра.

В долине этой реки выделяется до семи надпойменных террас, высота и возраст которых оцениваются разными исследователями по-разному. В табл. 1 (стр. 224—225) сведены данные основных работ по этому вопросу.

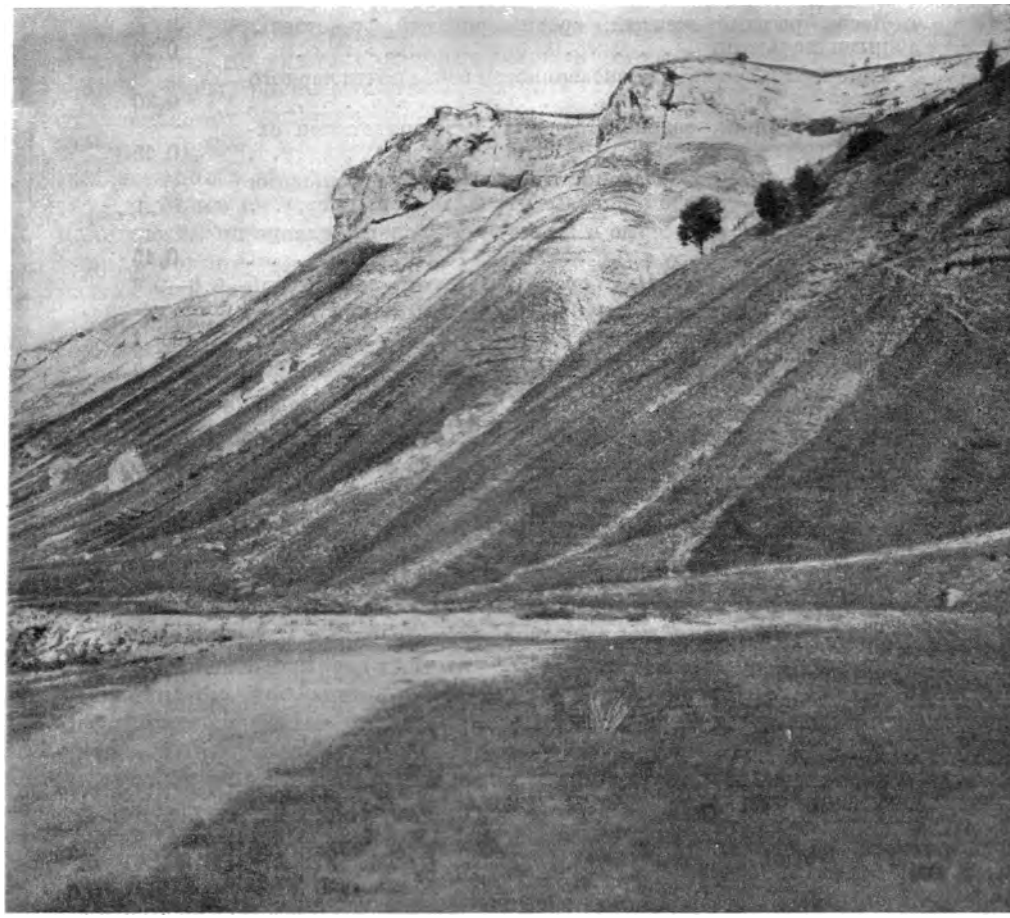


Фиг 3. Выход нижнесарматских известняков на правом берегу Днестра у с. Кома-

Изучение днестровских террас представляет большую сложность в связи со своеобразием этой реки на различных участках ее течения. В частности, для исследованного отрезка, одного из наиболее узких и глубоких во всем днестровском бассейне, сложность изучения террас связана с каньонообразной формой глубокой долины, изрезанностью ее склонов бесчисленными притоками и глубокими оврагами, широким развитием эрозионных и делювиальных процессов и, местами, оползней. Особенностью изученного района являются чрезвычайно плохая сохранность и часто полное отсутствие аллювиальных отложений (за исключением низких террас). Именно на этом участке долины «внутриканьонные» террасы Днестра развиты очень слабо и проследить их чрезвычайно затруднительно.

Наиболее высокая эрозионная поверхность имеет относительную высоту 180—200 м и сливается с водоразделом. Следы ее в изученном районе наблюдались лишь в виде редких некрупных пестроцветных галек, рассеянных на поверхности размытых сарматских онкоидов[1]. Хорошо выражена морфологически более низкая VI терраса высотой 150—160 (иногда 140 м в которую здесь врезан каньон Днестра. Узкая и прерывистая полоса этой террасы, местами сильно размытая и сглаженная, просле-

[1] В 1959 году песчано-галечные отложения этого уровня были прослежены на значительном протяжении на левом берегу Днестра.



рово. На левом берегу видна высокая пойма и дальше поверхность VI террасы

живается по правому берегу реки; более широко развита она на левом берегу. Обе поверхности образованы миоценовыми известняками. На более низкой из них близ реки во многих местах (на левом берегу — на так называемой Пыжевской горе против с. Корман; близ с. Гораевки; и на правом берегу — против с. Ст. Ушицы; у Молодовского толтра и в других местах) наблюдаются выходы прослоя пестроцветных галек. Хорошее обнажение аллювия этой террасы имеется на правом берегу между с. Комарово и оврагом Поливанов яр и в самом с. Комарово у церкви, где добываются пески и гравий для местных нужд. Аллювиальные отложения, представленные разнохарактерными горизонтально и косослоистыми песками с прослоями, карманами и линзами гравия и галечника, а также глинистыми пропластками имеют мощность около 10 м.

Шурфом, заложенным на высоком берегу между с. Комарово и оврагом Поливанов яр, между двумя плоскими возвышенностями типа размытых онкоидов, на высоте 145—150 м над рекой пройдены следующие породы:

	Мощность, м
1. Суглинок желтовато-коричневый, комковатый	0,35
2. Глина зеленовато-серая, в сухом состоянии почти белая, разделяющаяся на мелкие отдельности	0,30
3. Галечник в песке охристого цвета с желтыми участками	0,35

4. Песок рыхлый желтый, среднезернистый, с отдельными гальками 0,20
5. Галечник и гравий в разнозернистом песке почти черного цвета 0,20
6. Глина светлая, зеленовато-серая, с пропластками охристого песка 0,15
7. Песок желтый среднезернистый, рыхлый, с небольшими участками глинистой породы и редкой галькой . . . 0,1
8. Глины голубовато-серые и желто-бурые, слегка сланцеватые 0,15
9. Песок желтый рыхлый, среднезернистый, однородный 0,6—0,7
10. Глины желто-бурые и голубоватые, с белыми участками, комковатые и сланцеватые 0,1
11. Песок светло-желтый разнозернистый, рыхлый, пройдено 0,5

В с. Комарово над песчано-гравийной толщей (здесь преобладают пески с горизонтальной и косой слоистостью) залегают комковатые глины, внизу светлые, голубовато-зеленоватые, вверху желтовато-бурые. Общая мощность глин 1,0—1,5 м. Глины покрываются хорошо выраженной современной почвой.

Галечник VI террасы некрупный, прекрасно окатанный, содержит тальки темно-желтой яшмы и песчаника, сургучно-красной яшмы, черного кремня, кварца и других пород.

Ниже следует терраса высотой 110—120 м (V), также имеющая своим цоколем миоценовые породы. На изученном участке она, по-видимому, носит лишь эрозионный характер, образуя местами четкие узкие выположенные поверхности по обоим берегам реки. К таким поверхностям относятся, в частности, так называемая Столовая гора на восточной окраине

Возраст террас Днестр

Выржиківський, 1933. Могилев-Подольское Приднестровье		Полянський, 1929, 1940. Северная Подолия		Лунгерсгаузен, 1941. От нижнего течения до р. Збруча		Маринич, 1948. Среднее Приднестровье		Алферьев, 1945. Ниже г. Самбора	
высота*, м	возраст	высота, м	возраст	высота, м	возраст	высота, м	возраст	высота, м	возраст
5—7	Q_4	1—2 4	Q_4	7—8	W_2	4—6	Q_4	0,75 2,0	Q_4
12—15		7—8	W_2	15—20	$RW-W_1$	12—15	W_2	5,0 12—25	W
а	W_2	12—14	W_1	30	R	15—35	W_1	30—40	
б	W_1								
45—50	R					50—60	R	50—60	R
90	M	90—100	$MR-R$	70—90	$MR-M$	90—100	MR	70—100	M
				110—130	GM				
140—150	G	140—150	Q_1-N_2	150—180	N_2	130—150	M	150	N_2
175—200	N_2			200—220	N_2	180—220	N_2	180—200	N_2

* Высота указана над уровнем реки.

с. Молодова, район стоянки Бабин I и многие другие. Аллювия на них обнаружить не удалось. Однако выше и ниже по течению реки аллювий этой террасы, расширяющейся местами, выражен очень хорошо. Он резко отличается от аллювия VI террасы присутствием галек вишнево-красного девонского песчаника, как было отмечено еще Ю. Полянским (1929) для западных частей бассейна.

Две более низкие террасы высотой 70—90 м (IV) и 40—50 м (III) располагаются внутри узкого каньона современной долины Днестра и сохранились только отдельными небольшими обрывками, главным образом в местах впадения притоков и глубоких оврагов.

Аллювий IV террасы (70—90 м) на некоторых участках бассейна Среднего Днестра развит очень широко. Выше по течению реки он наблюдался нами на левобережье в Каменец-Подольском районе у сел Б. Мукша, Гавриловцы, на правом берегу у с. Макарьевка и в других местах. Вниз по Днестру он особенно широко развит в районе Косоуцкого меандра и южнее до Каменки. Расширение этой террасы Днестра на отдельных участках, так же как и пятой, имеет, видимо, закономерные причины, о чем речь будет идти ниже.

В описываемом районе IV терраса имеет небольшое и весьма прерывистое распространение. Аллювий ее был встречен лишь в одном пункте, на левом берегу реки, к СЗ от Старой Ушицы.

Толща аллювиальных отложений, представленная косослоистыми светлыми кварцевыми песками с прослоями, линзами и карманами гравия и галечника, видимой общей мощностью около 2,5 м, залегающая под слоем лёссовидных суглинков, обнажалась ранее (1955 г.) близ шоссе, идущего из Ушицы на Каменец-Подольск, в небольшой яме, где добывался песок. В настоящее время эта яма заброшена и заросла. В 1958 г. в верховьях

Таблица 1

по данным различных авторов

Каманин и Эберзин, 1952. Район Великой Косницы		Сафронов, Поспелов, Кривоборская, 1954. Среднее Приднестровье		Эберзин, 1956. Рыбницкий район		Радзіевський, 1957а. Сороки		Иванова, 1958. Подольское Приднестровье	
высота, м	возраст	высота, м	возраст	высота, м	возраст	высота, м	возраст	высота, м	возраст
5—7		0,5—3,5 5—7	Q_4			I		1,5 4,5 5—7	Q_4
15		12—15	Q_3 (W)			II		12—15	Q_3
								25—35	Q_2—Q_3(?)
50		25—30 40—45 60—65	(R, RW)			III		45—50	Q_2
80—90	Q_1—N_2	80—90	Q_1—N_2	80—90	Q_1	IV 80	Q_1	70—80	Q_1—Q_2
		110—120						110—120	Q_1
140—160		145—160	N_2	140—160	N_2	V		150—160	N_2
175—200		180—200						180—200	

оврага, расположенного поблизости, можно было наблюдать новое обнажение у дорожного кювета:

	Мощность, м
Маломощный растительный слой	
Желтоватые лёссовидные суглинки	около 1
Песчано-галечная толща, состоящая внизу из переслаивающихся (прослои по 8—10 см) среднезернистых песков и галечника с размерами галек от 3 до 10 см в диаметре; в нижней части толщи преобладает серый грубозернистый разнозернистый песок	общая мощность 2,5
Глины желтовато-бурые со светлыми, серовато-зеленоватыми прослоями	0,15—0,30
Пески желтые среднезернистые, слюдистые, горизонтально- и косослоистые, рыхлые	1,5
Перемытая кремневая брекчия с включением крупных, хорошо окатанных галек других пород	1,2
Кремневая брекчия в коренном залегании (см. описание дочетвертичных пород)	около 5

Ниже в овраге прослеживаются глауконитовые пески и полный разрез меловых отложений. Общая мощность аллювия в этом пункте составляет 5 м. Цоколем террасы является размытая толща кремневых скоплений (низы тортона? верхи сеномана?).

Отложения III террасы, имеющей высоту 40—50 м, прекрасно развитые выше по Днестру (например, у с. Браги против г. Хотина) и ниже (например, у с. Волчинец выше Могилев-Подольска), сохранились в изученном районе особенно плохо, небольшими обрывками совершенно ничтожной ширины. Они констатированы в следующих местах.

1. На левом склоне оврага Поливанов яр, у места впадения его в Днестр. Здесь на относительной высоте около 45 м под маломощной почвой обнажаются:

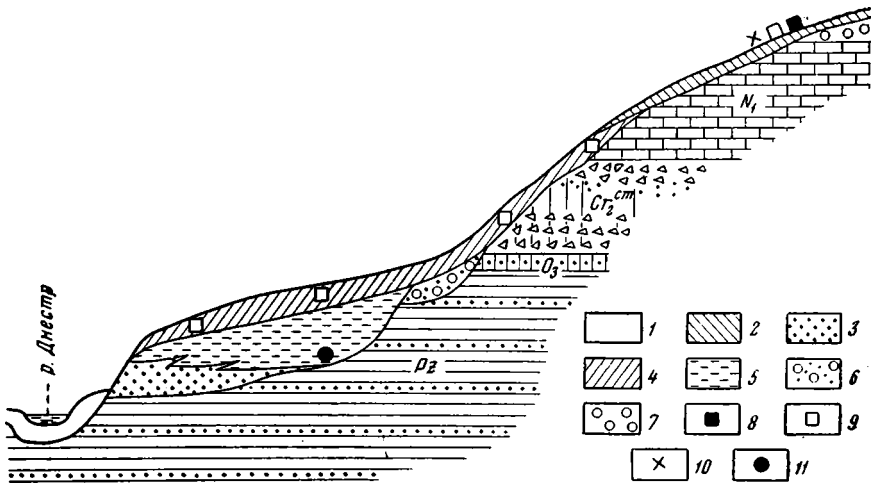
	Мощность, м
1. Суглинки песчанистые желтовато-серые, тонкие, столбчатые, известковистые, с включением единичных галек и щебня. Содержат раковины *Lithoglyphus naticoides* C. Pfeiff., *Theodoxus fluviatilis* Müll., *Planorbis* sp., обломки *Unio* cf. *crassus* Retz.	2,5—1,5
2. Прослой галечников с песком с большим количеством раковин пресноводных моллюсков *Theodoxus fluviatilis* Müll., *Th. danubialis* C. Pf., *Lithoglyphus* aff. *neumayri* Sabba, *Lithoglyphus naticoides* C. Pf., *Anodonta* sp. *indet.* Есть единичные *Jaminia* sp., *Vitrea* sp.	0,15—0,20
3. Суглинки желтовато-серые, сильно известковистые, песчанистые, с прослоями, линзами и отдельными включениями галек разной величины. Видимая мощность	0,5

Истинная мощность последнего горизонта описанного разреза, очевидно, невелика и не превышает 2,5—3 м, так как на этой высоте на проходящей рядом тропинке наблюдаются уже выходы глинистых сланцев, образующих небольшую выположенную площадку — подошву террасы.

2. На западной окраине с. Корман Секирянского района, в овраге «За млином», о котором речь будет идти ниже, глинистые сланцы палеозоя образуют хорошо вскрытый оврагом уступ к II террасе. Над этим уступом на высоте около 50 м овраг резко выполаживается и в стенках его наблюдаются выходы галечников небольшой мощности, видимо сильно размытых (фиг. 4). Такая же картина наблюдается и в соседних оврагах.

3. На левом берегу интересное обнажение аллювия III террасы имеется к В от с. Студеницы, в овраге, по которому идет проезжая дорога

(фиг. 5). Овраг этот прорезает всю толщу коренных пород, вплоть до палеозоя, на З спускается вниз к Студенице, а на В сливается со сравнительно невысокой поверхностью, полого спускающейся к Бакотской излучине. Овраг проходит параллельно современному руслу реки, отделяясь от него длинным высоким «островом». По-видимому, во время отложения аллювия III террасы здесь существовал рукав Днестра.



Фиг. 4. Схематический разрез правого берега Днестра у с. Корман (по оврагу «За млином»)

1 — alQ_4, аллювиальные отложения голоценовые; *2*—dlQ_{3-4}, покровные делювиальные суглинки; *3* —$alQ_{2-3(?)}$, аллювиальные отложения II надпойменной террасы; *4* — dlQ_3, делювиальные лёссовидные суглинки; *5* — dl + $prolQ_{2-3(?)}$, суглинки с редкими гальками в основании; *6*—alQ_2, размытые галечники III террасы; *7*— $al\,N_3^2$, галечники VI террасы; *8* — неолит; *9* — мадлен; *10*—мустье; *11* — костеносный горизонт

Аллювиальные отложения, представленные галечниками, вероятно, сильно размытыми, залегают здесь на палеозойских породах и имеют мощность 4—5 м. В днище оврага они перекрываются овражно-балочным аллювием, сложенным желтым грубым суглинком с беспорядочно расположенными в его толще щебнем и гальками. Мощность суглинков 1,5—2,0 м.

На правом склоне оврага галечники прикрыты 10-метровой толщей желтоватых и светло-серых лёссовидных суглинков с большим количеством наземных и редкими раковинами пресноводных моллюсков. Здесь собраны *Succinea oblonga* Drap., *Vallonia pulchella* Müll., *Fruticicola hispida* var. *terrena* Clessin, *Pupilla muscorum* Müll., *Paraspira spirorbis* L.

Цоколем III террасы во всех описанных случаях (включая упомянутые пункты выше и ниже по реке) является верхняя часть палеозойских пород.

Следующая II терраса, имеющая высоту 25—35 м и несколько более, отличается своеобразным строением. Основание ее глубоко врезано в породы палеозоя и располагается всего на 10—12 м выше современного уреза Днестра.

Здесь необходимо отметить, что высоты поверхности II и III террас бывают иногда очень близки. Однако расположение цоколя, поднимающегося у III террасы не менее чем на 35 м над рекой, дает возможность их безошибочно расчленять.

II терраса протягивается неширокой прерывистой полосой по обоим берегам Днестра. Строение ее можно видеть в уступах и в многочисленных молодых активных оврагах, вскрывающих ее толщу. Терраса хорошо выражена в районе с. Атаки, между Каниловкой и Ушицей, и в некоторых других местах, где на небольшом палеозойском цоколе залегает толща галечников, перекрываемая тонкими песчанистыми и песчано-суглинистыми отложениями. У с. Молодова галечники II террасы достигнуты шурфом в устье оврага Байлова рипа, близ стоянки Молодова I. Они, так же как и прикрывающие их отложения, будут подробнее описаны ниже.

Аллювиальные отложения II террасы залегают обычно под шлейфом делювиально-пролювиальных и делювиальных суглинков мощностью до 15 м. Толщи их образуют хорошо выраженную в рельефе покатую поверхность, повышающуюся в сторону склона и обрывающуюся крутым уступом к реке.

Первая надпойменная терраса, четко выраженная в рельефе, имеющая относительную высоту в среднем 12—15 м (Р. Р. Выржиковский выделял в этой террасе два уровня с небольшой разницей в высоте), прослеживается прерывистыми полосами по обоим берегам реки.

Толща аллювиальных отложений, представленная обычно галечниками, поднимающимися до 2—3 м выше современного уреза реки, песками, супесями и суглинками, часто приобретающими лёссовидный облик в своей верхней части, хорошо обнажается в уступах к реке в следующих местах: южнее с. Лоевцы на левом берегу Днестра, по правому берегу р. Ушица в 3 км от ее устья, у с. Корман на правом берегу Днестра, выше Старой Ушицы по левому берегу и особенно хорошо против с. Бакота, где река делает петлеобразный изгиб и в рельефе прекрасно прослеживается еще более крупная петля, оставленная современным руслом уже после образования I террасы, благодаря пропилу в палеозойских породах (фиг. 5).

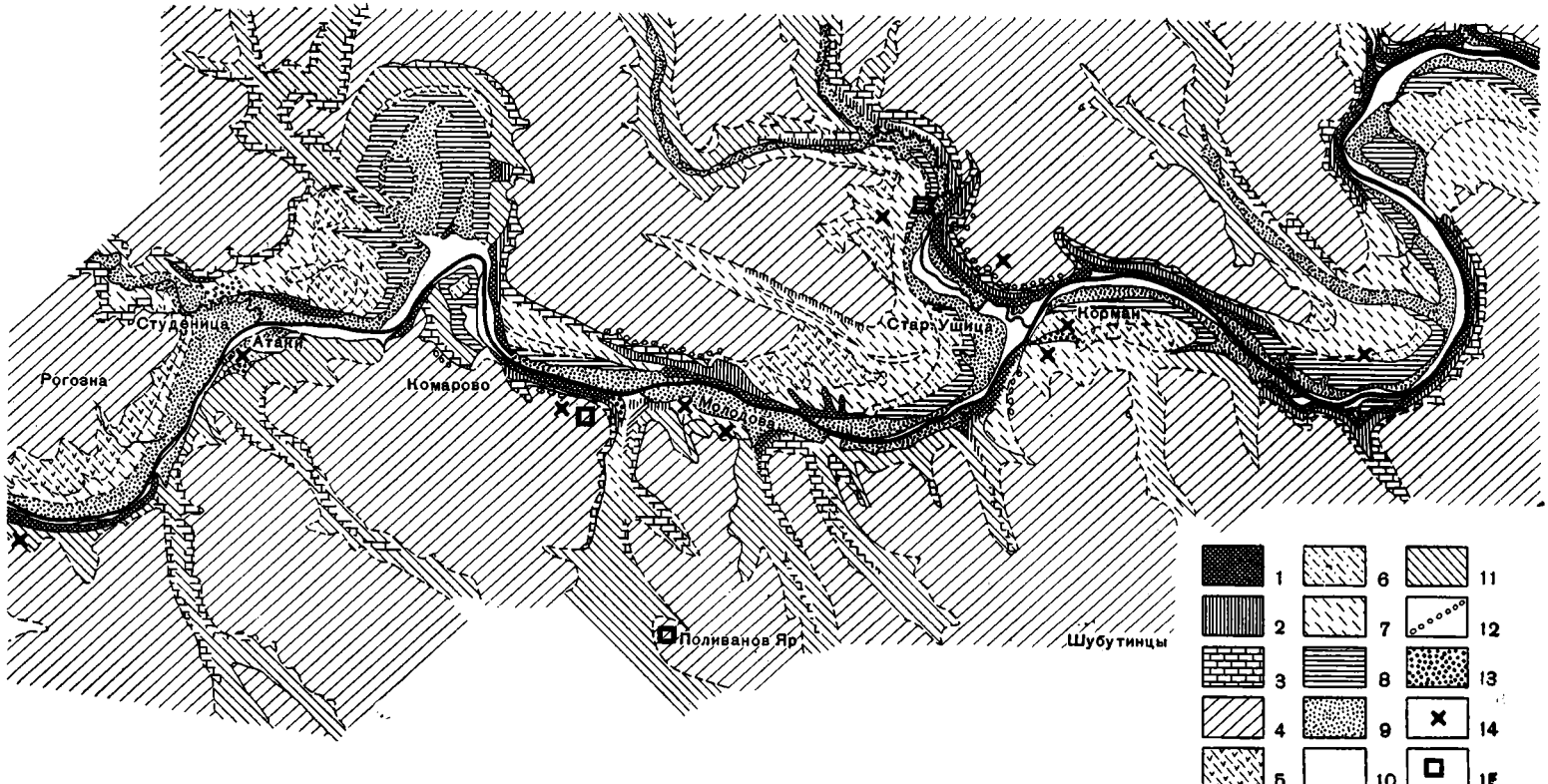
Небольшой отрезок нового русла реки вскрывает здесь вверх по правому берегу все строение I надпойменной террасы, от бровки до внутреннего края, близ места прислонения к резко размытой в настоящее время стенке палеозойских пород. При этом наблюдается как постепенное повышение поверхности террасы (от 10—12 до 20 м), так и повышение ее палеозойского цоколя, погруженного вначале и появляющегося у уреза реки во внутренней части террасы.

Изменяется также и положение кровли галечникового горизонта, расположенной у бровки на высоте до 2—3 м над водой и поднимающейся до высоты 10—12 м у внутреннего края.

Далее следует терраса, имеющая более широкое распространение. Она спускается к реке уступом высотой в 5—7 м и сложена тонкими, сильно известковистыми суглинками, содержащими наземную и пресноводную фауну современного облика с прослоями, линзами и отдельными включениями галек. Она является древней высокой поймой Днестра. В настоящее время на ней частично расположен целый ряд населенных пунктов: Молодова, Дурняковцы, Каниловка и др. Она уже давно вышла из-под влияния паводков, но в отдельные годы, при большом половодье, все же заливается водой. Бурением установлено, что эта терраса имеет общее ложе (одинаковую глубину вреза) с современной поймой.

Переход от высокой поймы к I надпойменной террасе иногда хорошо прослеживается в рельефе небольшим перегибом, иногда же почти не заметен.

Современный Днестр имеет в межень два пойменных уступа высотой 4—4,5 м и 1,5 м и несет, видимо, маломощный слой галечного и илистого аллювия, врезаясь иногда в глинистые сланцы палеозоя. Во многих



Фиг. 5. Схематическая карта четвертичных отложений бассейна Среднего Днестра (Секирянский и Кельменецкий районы Черновицкой обл., Старо-Ушицкий и Каменец-Подольский районы Хмельницкой обл. УССР). 1956 г.

1 — выходы палеозойских отложений: глинистые сланцы и песчаники нижнего кембрия и ордовика в восточной половине района; западнее с. Молодова над ними появляются отложения силура; *2* — $Cr\ {}^{m}_{c_2}$, серия кремнистых сеноманских отложений; *3* — N_1, выходы миоценовых известняков; *4* — dlQ_{3-4}, покровные суглинки, залегающие на миоценовых отложениях или на их элювии, а также на плиоценовых галечниках высоких террас Днестра; *5* — alQ_{1-2}, песчано-галечные отложения IV и V террас (местами размытые), прикрытые лёссовидными делювиальными суглинками; *6* — $alQ_{2-3(?)}$ песчано-галечные и суглинистые отложения II надпойменной террасы, прикрытые толщей лёссовидных делювиальных суглинков; *7* — dlQ_3, лёссовидные отложения склонов; *8* — alQ_3, песчано-галечные и суглинистые отложения I надпойменной террасы; *9* — alQ^{1}_{4}, супесчаные отложения высокой поймы; *10* — $alQ\ {}^{2}_{4}$, галечные и илистые современные аллювиальные отложения; *11* — Q_{3-4}, отложения склонов в местах неглубокого залегания дочетвертичных отложений; *12* — $N\ {}^{3}_{2}$, выходы галечников VI террасы; *13* — alQ_2, выходы песчано-галечных отложений III террасы *14* — палеолитические местонахождения; *15* — трипольские местонахождения

местах глинистые сланцы располагаются в русле так высоко, что образуют значительные перекаты.

Делювиальные и делювиально-пролювиальные отложения описываемого района можно подразделить на несколько типов:

1) делювиальные и делювиально-пролювиальные отложения, образующие по склонам шлейфы значительной мощности и сохранившиеся главным образом близ внутренних краев террас; обычно представлены тонкими слоистыми суглинками и супесями, обогащенными материалом дочетвертичных пород в местах, близко расположенных к коренному склону;

2) лёссовидные суглинки, плащеобразно прикрывающие склоны внутриканьонной части долины, но не спускающиеся ниже уровня II террасы;

3) овражно-балочный делювий и аллювий;

4) покровные тяжелые суглинки, залегающие на размытой поверхности высоких террас и иногда на склонах.

Делювиальные отложения первого типа находятся в самой тесной связи с конфигурацией склона и характером размываемых пород. Так, например, в овраге Байлова рипа за с. Молодова, где на перегибе склона к реке размывается кремнистый горизонт, они сильно обогащены кремневой щебенкой. Против с. Каниловки на правом берегу, где близко подходят к реке и размываются миоценовые известняки, делювиальные отложения имеют почти белый цвет и переполнены слегка окатанными обломками известняка. У с. Корман делювиальная толща содержит тонкие прослои из пластинок глинистых сланцев, а также включения галек, смытых с поверхности более высокой террасы. На левом берегу за с. Каниловка, где верхняя часть толщи дочетвертичных отложений срезана и размываются глинистые сланцы палеозоя, делювиальные отложения более глинисты, имеют коричневатый цвет и т. д.

Мощность суглинистых отложений этого типа достигает 15—20 м. Более подробно они будут описаны ниже, в разделе, посвященном результатам изучения отдельных стоянок, так как с ними связаны мустьерские находки.

Лёссовидные тонкие известковистые делювиальные суглинки, имеющие большое сходство с типичным лёссом, покрывают склоны долины Днестра ниже уровня VI террасы и достигают особого развития на уровне II террасы, ниже которой они не спускаются. Мощность их обычно не превышает 5 м. Эти суглинки также будут описаны ниже, так как с ними связано нахождение наиболее богатых остатками стоянок позднего палеолита (мадлен).

Делювиальные суглинки обоих типов разделяются ископаемой почвой, выраженной местами очень хорошо. Сами они также носят следы почвообразования, происходившего почти непрерывно в процессе их накопления. Вопрос об ископаемых почвах также будет затронут ниже, при описании стоянок.

Овражно-балочный аллювий и делювий представлены грубым рыхлым суглинистым материалом с большим количеством неотсортированного щебня и слабо окатанных галек и валунов местных пород. Здесь выделяется два типа оврагов: молодые овраги, имеющие вид щелеобразных промоин, прорезающие в основном толщи рыхлых отложений склонов и быстро затухающие вверх, и древние овраги, вскрывающие у устья всю серию коренных отложений и имеющие значительное протяжение в глубь водораздела. Интересно отметить, что у всех этих оврагов и притоков реки инсолируемый левый склон (по тальвегу) на правом берегу и правый склон на левом берегу сложены рыхлыми отложениями, тогда как в противоположных стенках обнажаются дочетвертичные породы. На уровне II надпойменной террасы, повышаясь от реки, вдоль некоторых

оврагов (Рыжок, Воронов) прослеживаются терраски, хорошо выраженные в рельефе. В некоторых случаях (овраг Рыжок) наблюдается, что современный водоток оврага прорезает толщу глинистых сланцев, оставив в стороне толщу рыхлых накоплений, развитых на той же высоте.

Приднестровские овраги активно растут. Нами прослеживался рост их верховьев, достигающий нескольких метров в год.

Покровные делювиальные суглинки, развитые на высоких участках, сильно отличаются от тонких известковистых суглинков склонов. Они более глинисты, имеют более темную (коричневатую, бурую, иногда зеленоватую) окраску, менее известковисты, содержат кремневый инвентарь только в переотложенном состоянии.

В изученном районе хорошо развиты плоские широкие конусы выноса из современных оврагов, образованные грубым щебнистым материалом, часто состоящим на 90% из кремневых желваков. Мощность их не велика и измеряется немногими метрами. Они покрывают обычно участки высокой поймы или I надпойменной террасы. В районе оврага Байлова рипа, за старым кладбищем, такой плоский конус прослеживается на уровне, соответствующем склону ко II террасе. Залегает он на голоценовой почве. Мощность щебнистых, кремневых отложений в суглинке достигает здесь 1,5 м. На поверхности, где они закреплены растительностью, происходит образование нового почвенного слоя.

Разнохарактерные отложения осыпей и обвалов широко распространены на крутых, подмываемых береговых склонах и у их подножья. Местами, например на правом берегу Днестра близ переезда на Старую Ушицу, наблюдаются значительные скопления очень крупных известняковых блоков, образующих целые «хаосы».

Вопрос о возрасте террас и четвертичных отложений долины Днестра довольно сложен. Из приведенной табл. 1 видно, какие мнения и разногласия существуют по этому вопросу, причем в этой таблице не отражена точка зрения тех ученых, которые относят галечники высоких поверхностей Приднестровья к флювиогляциальным образованиям, связанным с таянием ледника максимального оледенения. Такое мнение неоднократно высказывал В. Г. Бондарчук в своих работах широкого плана (1949, 1955, 1958 и др.). К нему присоединяются И. Л. Соколовский (1958) и М. Ф. Веклич (1958). Мнение это представляет большой интерес, но, по-видимому, не подтверждается фактическими данными.

Материалы, полученные за последние годы, как будто вносят некоторую ясность в этот вопрос.

В Молдавии у с. Бошерница, на правом берегу Днестра, при впадении в него р. Чорна, севернее г. Резина и против северной окраины г. Рыбница, А. Г. Эберзиным обнаружено и описано новое местонахождение фауны моллюсков в аллювиальных отложениях высокой террасы, соответствующей V террасе Р. Р. Выржиковского (нашей VI террасе). Здесь, на размытой поверхности фаунистически охарактеризованных среднесарматских отложений, вскрыта двухметровая толща древнего аллювия, представленного галечниками, гравием и грубыми неясно- и косослоистыми ржаво-желтыми песками. В основании этой толщи залегает полуметровый слой мелкогалечного конгломерата, переходящего в гравий и галечник, в котором наряду с окатанными среднесарматскими раковинами встречены следующие формы: *Unio sturi* M. Hörn., *U.* cf. *chasaricus* Bog., *U. emigrans* Bog., *U.* sp., причем многочисленные раковины *Unio sturi* хорошо сохранились; в отдельных случаях сохранились парностворчатые экземпляры, что говорит о залегании их in situ. На основании этой находки, отложения высокой террасы Днестра с уверенностью отнесены А. Г. Эберзиным (1956) к концу верхнего плиоцена. Аналогичные данные по Рыбницкому району приводит П. С. Самодуров (1957).

Местонахождение у с. Бошерница нами не посещалось, но в 1947 г. на правом берегу Днестра, немного южнее Бошерницы, между селами Резина, Сахарна и Стохна, наблюдалась редкая россыпь галек на высоте 140—150 м.

Описанную террасу можно, по-видимому, с достаточным основанием сопоставлять с VI террасой, развитой в изученном районе, так как это одна из наиболее хорошо выдержанных днестровских террас, в которую, собственно и врезан каньон реки ниже толтровой гряды. К сожалению несмотря на тщательные поиски, какой-либо фауны среди аллювиальных отложений с. Комарово, описанных выше, обнаружить не удалось. Косвенным подтверждением верхнеплиоценового возраста этой террасы является находка нижнечетвертичной фауны в Шутновецкой террасе, описываемой далее.

Вопрос о возрасте двух нижерасположенных террас — V и IV — представляется также более или менее определенным.

Как известно, на юге Днестровского бассейна расположено местонахождение тираспольского гравия, содержащего классический, так называемый тираспольский, комплекс нижнечетвертичной фауны млекопитающих с *Elephas wüsti* M. Pawl. и фауной моллюсков *Vivipara tiraspolitanus* A. Pavl. Местонахождение это расположено уже в области Причерноморской низменности, террасы там сильно снижены, и сопоставление их с террасами среднего течения в значительной мере условно.

Г. Ф. Лунгерсгаузен (1938а), назвавший гравий с типичной тираспольской фауной, описанный А. П. и М. В. Павловыми, колкотовским уровнем, сопоставляет его с 110—130-метровой террасой Среднего Приднестровья и относит ее к гюнцу-гюнц-минделю.

Более низкий уровень, высотой 70—80 м, на Среднем Днестре, названный им тираспольским, содержащий *Vivipara diluviana* Kunth., *El. trogontherii* Pohl., датируется в его работах как миндельский и миндель-рисский.

Большая часть других исследователей выделяла на Среднем Днестре только один уровень, высотой 80—90—100 м, и относила к нему большинство пунктов нахождения фауны пресноводных моллюсков на Днестре.

Так, Ю. Полянский (1929) для западной части Среднего Приднестровья (в окрестностях сел Пищатинцы, Стрелковцы, Борщов, Новосилка-Костюкова, Залещики) описывал фауну пресноводных моллюсков с *Vivipara fasciata* Müll., обнаруженную в галечниках 90-метровой террасы, и относил ее к миндель-рисскому межледниковью.

Р. Р. Выржиковский (1929), Л. Г. Каманин и А. Г. Эберзин (1952) описали фауну пресноводных моллюсков с палюдинами и *Corbicula fluminalis* Müll. из 80—100-метровой террасы у Великой Косницы, отнеся ее к нижнечетвертичным образованиям.

В. И. Радзиевский (1957) дал описание палюдиновой фауны (отметив при этом ее сильную окатанность) из карьера на Косоуцком меандре близ г. Сороки (высота 80 м), которую считал нижнечетвертичной и сопоставлял с указанными выше местонахождениями.

Наличие двух террас высотой 110—120 м и 70—90 м не вызывает сомнений. Оно подтверждено бурением как выше, так и ниже по Днестру и хорошо прослеживается и доказывается палеонтологически в непосредственной близости к описываемому району.

Обе террасы прекрасно развиты по обоим берегам реки, западнее толтровой гряды, служившей здесь, видимо, барьером на определенных этапах развития речной долины (см. ниже).

В 1958 г. нами собрана фауна пресноводных моллюсков из 110-метровой террасы у с. Шутновцы и 80—90-метровой террасы у сел Гавриловцы и Большая Мукша Каменец-Подольского района (сборы производились

с Э. А. Вангенгейм и Г. И. Горецким). Собрана также (вместе с Э. А. Вангенгейм и Е. В. Поповой) фауна моллюсков из Косоуцкого карьера, описанного В. И. Радзиевским, и из тираспольского гравия (колкотовский уровень).

В песчано-галечных отложениях карьера у с. Шутновцы, на левом берегу Смотрича, на расстоянии около 4,5 км от Днестра и на высоте около 110 м над его уровнем найдена следующая фауна моллюсков (определения Г. И. Попова): *Unio* ex gr. *batavus* Lmk. (около 30 экз.), *Unio sturi* M. Hörn. (один стертый обломок), *Lithoglyphus neumayri* Sabba (25 экз.), *Theodoxus danubialis* C. Pf. (5 экз.), единичные *Theodoxus transversalis* C. Pf., *Lithoglyphus neumayri* Sabba var. *gracilis* Mang., *Anodonta* sp., переотложенные тортонские *Cerithium*.

Преобладающие здесь униониды из группы *batavus* (обломок *Unio sturi* M. Hörn., по-видимому, является переотложенным), по заключению Г. И. Попова, вполне сходны с унионидами из танаисских слоев хут. Шамина на р. Сал и южного берега Таганрогского залива. Г. И. Попов считает их нижнечетвертичными (чаудинско-бакинскими) или (что, по его мнению, менее вероятно) относящимися к самым верхам верхнего плиоцена (верхний апшерон). Фауна моллюсков, собранная нами в карьерах Колкотовской балки близ Тирасполя [1], аналогична по возрасту шутновецкой фауне, хотя и представлена другими формами. Г. И. Попов считает, что широко распространенные там палюдины *Viviparus tiraspolitanus* Pavl. тождественны танаисским представителям этого вида из главной толщи танаисских слоев по южному берегу Таганрогского залива, а колкотовские *Unio* ex gr. *crassus* Retz. представлены той же формой (подвидом), что и в палюдиновых (танаисских) песках Миусского лимана.

Корреляция отложений шутновецкой и колкотовской террас подтверждается и по фауне млекопитающих. Колкотовская терраса является классическим местонахождением нижнечетвертичного, так называемого тираспольского комплекса фауны, выделенного В. И. Громовым. В шутновецком карьере известна находка одного из представителей этого комплекса — древнего носорога *Rhinoceros etruscus* Falc. (Соколовский, 1958а). Интересно, что исследование абсолютного возраста костей млекопитающих из Шутновцев и Тирасполя по методу прокаливания, проведенное И. Г. Пидопличко, также дало очень близкие показатели (Пидопличко и Габович, 1953). Выше Шутновцев у с. Кудринцы на Збруче известна наход. ка коренного зуба слона, описанного К. И. Лейбманом (1958) как *Elephas wüsti* M. Pavl., формы, наиболее характерной для тираспольского гравия.

В отложениях более низкой террасы —IV— у с. Гавриловцев на левом берегу Днестра встречена следующая фауна моллюсков: *Viviparus* ex gr. *achatinoides*, *Viviparus* sp. *indet.*, *Fagotia esperi* Fér., *Theodoxus* sp. *indet.*, *Lithoglyphus* sp. *indet.*, *Pisidium amnicum* Müll., *Valvata piscinalis* Müll. По мнению Г. И. Попова, эта фауна свидетельствует о нижне- или среднечетвертичном возрасте (чаудинско-древнеэвксинском) заключающих ее отложений.

В карьере близ с. Великая Мукша на левом берегу р. Мукши собраны следующие формы: *Unio* aff. *crassus* Retz., *Viviparus* ex gr. *fasciatus* Müll., *Fagotia esperi* Fér., *Theodoxus danubialis* C. Pf., *Sphaerium rivicola* Lmk.,

---

[1] Здесь собрано большое количество раковин *Viviparus tiraspolitanus* Pavl., *V. tiraspolitanus* Pavl. var. *crassus* Lung., *V. tiraspolitanus* Pavl. var., *V. sinzovi* Pavl., *V. tiraspolitanus* var. *azovica* nov., *V. diluvianus* Kunth. var. *gracilis* N., *V.* aff. *pseudoartesicus* Lung., *V.* ex. gr. *fasciatus* Müll., *Unio* ex. gr. *crassus* Retz., единичные *Lithoglyphus* aff. *naticoides* Fér., *L. neumayri* Sabba, *Sphaerium rivicola* Lmk., *Fagotia esperi* Fér., *Theodoxus* sp. *indet.*, *Valvata piscinalis* Müll.

Pisidium amnicum Müll., *Pisidium* sp. *indet.*, *Planorbis planorbis* L., *Anisus spirorbis* L.

Хотя приведенный список и содержит, по заключению Г. И. Попова, широко распространенные и стратиграфически нейтральные виды моллюсков, терраса у с. Великая Мукша по своему морфологическому положению сопоставляется с близрасположенной террасой у с. Гавриловцы на левом берегу реки и террасой у сел Макарьевка и Вороновица на правом берегу.

Таким образом, если рассматривать бассейн р. Днестра в целом, то террасы у Шутновцев, Тирасполя (колкотовский уровень) и, может быть, Великой Косницы относятся к более высокому уровню; другие (Гавриловцы, Великая Мукша, Старая Ушица, Косоуцкий меандр [1]) — к более низкому. Не ясно соотношение с этими террасами галечников, к которым приурочены находки фауны моллюсков в западной части бассейна Днестра.

Из всего изложенного явствует, что наиболее вероятно отнесение аллювия 110—120-метровой (V) террасы к нижнечетвертичным отложениям, а 70—90-метровой (IV) — к отложениям конца нижнечетвертичного, начала среднечетвертичного времени.

В отложениях 90-метровой террасы у Старой Ушицы нами не было обнаружено фауны моллюсков, несмотря на тщательные поиски. Однако представляется, что сопоставление этой террасы с описанными выше террасами той же высоты вполне допустимо.

Третья, 40—50-метровая терраса, слабо выраженная в изученном районе, приобретает, как уже указывалось, более широкое развитие выше и ниже по реке. Р. Р. Выржиковский (1929, стр. 55) относит отложения этой террасы к среднему плейстоцену, что вполне согласуется с ее положением в долине Днестра. Фауна пресноводных моллюсков, собранная нами в овраге Поливанов яр (стр. 226) в отложениях данной террасы, не противоречит этой датировке.

Отложения следующей (II)террасы относятся,по-видимому,либо к концу среднего, либо к началу верхнего плейстоцена. Ниже, при описании стоянок Молодова I и Молодова V, вопрос о них будет разобран подробнее.

Образование I надпойменной террасы связывается с концом верхнего плейстоцена, причем верхняя часть аллювия, сложенная песчанистыми суглинками, содержит холоднолюбивую фауну наземных моллюсков (см. стр. 270, описание разреза у с. Гнилячки).

Необходимо еще раз подчеркнуть, что делювиальные лёссовидные суглинки, перекрывающие II террасу и склоны долины и содержащие мадленскую культуру и богатый комплекс так называемой верхнепалеолитической фауны, никогда на эту террасу не спускаются, что говорит о более молодом возрасте последней.

Высокая пойма имеет голоценовый возраст, что прекрасно подтверждается наличием в ее отложениях трипольских жилищ, расположенных на значительной глубине. Наличие этих поселений позволяет датировать отложения высокой поймы не только в относительном, но и в абсолютном исчислении (Бибиков. Доклад на Всесоюзном Межведомственном Совещании в мае 1957 г., он же, 1958). Время накопления их определяется в несколько тысячелетий.

Суглинки, имеющие делювиальное и делювиально-пролювиальное происхождение, в определенной части которых обнаружены мустьерские

---

[1] В Косоуцком карьере нами собраны раковины плохой сохранности (переотложенные?), принадлежащие *Viviparus* aff. *tiraspolitanus* Pavl., *V. diluvianus* Kunth. var. *gracilis* N., *V.* ex gr. *achatinoides*, *Fagotia esperi* Fér. и ряд переотложенных сарматских форм (определения Г. И. Попова).

стоянки с многочисленными остатками мамонта раннего типа и редкими остатками северного оленя, имеют различный возраст в разных частях толщи: по-видимому, от конца среднего до начала верхнего плейстоцена. Во внутренних частях относительно высоких внутриканьонных террас возможно нахождение и более древних суглинков этого типа.

Лёссовидные делювиальные суглинки склонов со стоянками мадленской культуры и богатой фауной, в которой преобладают остатки северного оленя, образовались в верхнем плейстоцене. Их с полным правом можно назвать «мадленскими».

Покровные бурые суглинки содержат фаунистические остатки и кремневые орудия только в переотложенном состоянии. Условия их залегания говорят о том, что они являются более молодыми.

3. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВЫВОДЫ ПО ИСТОРИИ ДОЛИНЫ ДНЕСТРА

Прежде чем начать описание многослойных палеолитических стоянок Среднего Приднестровья, следует остановиться на некоторых общих вопросах истории долины Днестра. Разумеется, это может быть сделано здесь лишь очень коротко.

Характер долины Днестра, как известно, теснейшим образом связан с характером тех структурных элементов, которые пересекаются этой рекой: Восточных Карпат, Львовской мульды, Предкарпатского краевого прогиба, склона Украинского кристаллического массива и Причерноморской впадины. Наиболее длинный отрезок Днестра — его среднее течение — приурочен к склону Украинского кристаллического массива. Этот отрезок в разных частях также имеет свои особенности, тесно связанные с характером субстрата, в котором река вырабатывает свою долину.

Исследователями, изучавшими тектонику и геоморфологию Подолии и Бессарабии (Геренчук, 1949, 1950, 1956; Сухов, 1949, 1950 и др.), выделен здесь ряд тектонических структур, в частности структур, поперечно расположенных по отношению к Карпатам.

Так, И. М. Суховым в результате анализа землетрясений в Бессарабии, помимо нескольких тектонических линий, прослеживающихся в наиболее подвижной, южной части Бессарабии, намечен «перемещающийся вверх» блок, южная граница которого проходит от Прута к Днестру, по долине Реуцела, отрезку долины Реута до устья Каменки, Нападова[1].

На С блок ограничивается долиной р. Чугур, до ее истоков у пос. Окница, а затем Секирянской балкой к Днестру (Сухов, 1949).

К. И. Геренчуком (1950, 1956) отмечено поднятие типа асимметричной антиклинали с пологим восточным и крутым западным крылом, тянущееся от с. Липкан на Пруте к месту первого выхода кристаллических пород на Днестре. Далее следуют так называемые Новоселицкое понижение и новый косо приподнятый блок с крутым западным крылом на междуречье Днестра, в районе Хотинской возвышенности. Автор отмечает наличие деформации четвертичных террас и продольного профиля Прута и Днестра.

Переход от Подольской плиты к Предкарпатской впадине он считает не плавным, а ступенчатым, осложненным антиклинальными валами и синклинальными погружениями (1956 г.).

---

[1] Интересен отмеченный Р. Р. Выржиковским (1929) факт четвертичной дислокации на левом берегу Днестра южнее Кузьмина и близ Нападова. Там прослеживается резкий наклон аллювия 50-метровой террасы в соответствии с падением коренных пород (оживление древнего разлома в четвертичном периоде?).

Значительная подвижность и сложность структур на западном отрезке Среднего Днестра, где он проходит по краю Польско-литовской синеклизы и вступает в область Предкарпатского краевого прогиба, отмечались целым рядом исследователей, начиная с В. Тессейра (1893, 1903). Здесь выделено несколько тектонических структур, расположенных вдоль Карпат и в поперечном к ним направлении, и отмечено наличие разрывных дислокаций.

В настоящей работе мы не будем касаться этой части долины, нами не изучавшейся, так же как и долины р. Прут.

На основании имеющихся материалов напрашиваются некоторые общие выводы по истории долины Среднего Днестра, ниже г. Хотин. Необходимо отметить следующее. Большинство исследователей, изучавших Днестр (Выржиковский, 1929, 1936; Заморий, 1950 и др.), связывают образование террас (особенно террас, глубоко врезанных) с крупными прерывистыми поднятиями склона Украинского кристаллического массива, называемого обычно Подольской плитой. Представляется, что при определении амплитуды и скачкообразного характера этих поднятий должны быть приняты во внимание эвстатические колебания уровня Мирового океана, которые, как известно, приводили к трансгрессиям и регрессиям морских бассейнов и, в частности, Черного моря, являвшегося базисом эрозии Днестра (Лунгерсгаузен, 1935; Бондарчук, 1958). Возможно, что эти изменения уровня Черного моря в четвертичном периоде на фоне медленного, непрерывного или почти непрерывного поднятия Подольской плиты и являлись основным фактором, приводившим к образованию речных террас.

Ниже приводится табл. 2, в которой сопоставляются относительные высоты Днестровских террас и их цоколя с глубиной врезания реки на каждом этапе формирования долины, т. е. с возможной амплитудой поднятия на каждом из этих этапов.

Таблица 2

Сравнительная таблица высот террас, положения их цоколя и глубины вреза Днестра (среднее течение)

Терраса	Высота террасы над уровнем реки, м		Относительная глубина вреза, м
	высота поверхности	средняя высота цоколя	
VI	145—160	140	40
V	110—120	100	30—35
IV	80—90	65—70	25—30
III	45—50	40	25
II	25—35	15	12
I	10—15	0—3	5
Высокая пойма	7—8	—2	

Мы видим, что цифры эти невелики и закономерно убывают сверху вниз. Затронутому вопросу, которого мы здесь коснулись лишь попутно, посвящена обширная советская и зарубежная литература. В ней приводятся различные цифры, определяющие размеры гляциоэвстатических колебаний. Наиболее скромной из них является величина в 15—20 м для днепровского оледенения, даваемая Г. И. Горецким (1958б) на основании детального изучения осадков т. н. Буртасского озера (устье Дона — устье Маныча) и соответствующих ему морских трансгрессий.

Между этой минимальной величиной и цифрами, приведенными в табл. 2, нет резкой разницы (Горецкий базируется на разнице в отметках постели аллювия II и III надпойменных террас Дона).

Можно с уверенностью говорить о том, что настоящей Днестровской террасой является поверхность, располагающаяся на высоте 145—160 м выше уровня Днестра, хорошо выдержанная и не меняющая своей относительной высоты на значительном протяжении.

Вопрос о том, следует ли считать более высокие уровни нахождения пестроцветных галечников и песков древними террасами Днестра, остается для автора настоящей работы открытым.

Несомненно, что в верхнем плиоцене перед отложением аллювия VI террасы на месте современной долины Среднего Днестра существовала сглаженная, ровная, очевидно, размытая плоскими потоками, поверхность, над которой поднимались отдельные небольшие возвышенности, сложенные нижнесарматскими известняками.

На этой поверхности стала вырабатываться широкая, плоская, неглубокая (до 30—40 м) речная долина, которую Г. Ф. Лунгерсгаузен назвал позднекучурганским уровнем — «первым черновым наброском» долины Днестра. Однако Лунгерсгаузен еще не считал ее собственно речной долиной, а лишь «корытом стока», по которому текли флювиогляциальные воды. В этом отношении мы должны присоединиться к мнению Р. Р. Выржиковского (1929, 1933), Г. Ф. Мирчинка (1936) и других исследователей и считать этот уровень древней террасой Днестра. Два факта подтверждают эту точку зрения.

1. Распространение аллювия VI террасы четко приурочено к долине современного Днестра. Ширина террасы в целом не очень велика и меньше ширины террас многих крупных равнинных рек. Терраса сильно размыта и во многих местах сохранилась небольшими участками, «прижатыми» к современному Днестру.

2. Песчано-галечные отложения этой террасы (например у с. Комарово) имеют все признаки типичного руслового аллювия, отложенного при нормальном речном режиме.

Размытые остатки VI террасы, строго приуроченные к определенному уровню, прослеживаются на очень большом протяжении. Уровень этой террасы снижается в юго-восточном направлении в соответствии с общим уклоном рельефа и падением Днестра, но относительная высота хорошо сохраняется.

На правом берегу Днестра участки этой террасы (обычно очень неширокие) отмечаются во многих местах. Среди них можно упомянуть: окрестности г. Хотина, сел Линковцы, Грушевцы, Комарово, Молодова, Корман, Непоротово, Распопинцы, а также, по-видимому, Татаровки, Окланды, Галошницы, Сорок, Ваду-Рашкова, Бошерницы и Сахарны ниже г. Рыбницы. На левом берегу они слагают более широкие участки близ Днестра и на водоразделах его многочисленных левобережных притоков. Так, наличие VI террасы отмечается у Гораевки, Пыжовки, за Лоевцами. Для более восточных частей долины следы этой террасы широко описаны Р. Р. Выржиковским (1929, 1933), первым выделившим ее для Могилевского Приднестровья и встретившим ее на водоразделах между реками Жваном, Карайцем, Лядавой, Серебрией, Немией, за г. Могилев-Подольском (Озаринецкая гора), у с. Сказинцы на р. Дерло, Слышковцы на р. Бронице, в береговом обрыве к Днестру выше с. Михайловки, в низовьях р. Мурафы. Описываемая терраса на некоторых участках близко подходит к реке и является поверхностью, в которую врезан Днестровский каньон; местами, где приобретают широкое развитие более молодые террасы, она размыта или сохраняется лишь на некотором отдалении от реки.

Интересно отметить, что терраса той же высоты отмечается и в западной части Среднего Приднестровья (Поляньский, 1929; Раскатов, 1953 и др.). Описаны следы ее деформации — значительное повышение уровня в области антиклинального поднятия по линии Чернелица — Перемышляны (тектоническая линия Бердо-Нароль, по В. Тессейру, W. Teisseyre, 1893; Поляньский, 1929; Маринич, 1950 и др.).

В рассматриваемой части долины Днестра никаких следов деформации этой террасы обнаружено не было. Наоборот, отмечалось исключительное постоянство ее уровня на большом протяжении. Река, видимо, спокойно огибала отдельные нижнесарматские онкоиды или «переливалась» через них. Не создавал для нее препятствий и выступ кристаллического щита, благодаря которому современный Днестр от с. Березова резко поворачивает к югу и течет затем вдоль его краев до Каменки — Нападово. Другое положение мы имеем для более низких террас — высотой 110—120 и 70—90 м (V и IV), датируемых нижнечетвертичным временем и началом среднечетвертичного. Они также обнаруживают исключительную выдержанность на всем Среднем Днестре. Однако глубина вреза перед отложением аллювия этих террас достигла уже таких пределов, что определенные элементы дочетвертичного рельефа создавали препятствия для речного потока. Для описываемого района первым таким препятствием явилась зона нижнесарматских онкоидов, пересекающая долину Днестра между г. Каменец-Подольском и Кельменцами[1]. Подпруженная река широко разливалась здесь, размывая долину, откладывая мощную и сложную толщу аллювиальных отложений и прорезая среди миоценовых пород узкий, извилистый путь к востоку. Связь врезанных меандров этой части Днестра с толтровой зоной неоднократно отмечалась в литературе (Геренчук, 1949; Маринич, 1950). Наличие ее привело не только к образованию меандров, но и к довольно резко различному характеру долины до толтровой зоны и после нее. Однако мы не можем согласиться с К. И. Геренчуком (1949, 1956), считавшим, что здесь имеются деформации террасовых уровней. Перед толтровой зоной VI терраса размыта на значительном протяжении. Она отступает от реки и перестает играть роль «надканьонной». Широкое развитие приобретают V, IV, а отчасти и более низкие террасы. В пределах толтровой зоны и к востоку от нее мы имеем едва ли не самую узкую и глубокую часть долины Днестра. VI терраса вплотную подходит к обоим берегам. Более низкие террасы (все террасы, которые имеют развитие перед толтровой зоной) сохранились внутри каньона небольшими обрывками.

С этим же временем связан поворот Днестра к югу у с. Березова, где река окаймляет край выступа кристаллического фундамента, к которому сходятся тектонические линии, выделенные К. И. Геренчуком (1956) и И. М. Суховым (1950).

Интересно, что такая же картина намечается ниже по Днестру, где он пересекается Реуцельской тектонической линией И. М. Сухова и где проходит зона верхнесарматских рифовых образований.

Перед этой зоной также отмечаются расширение «внутриканьонной» части долины, широкое развитие V, IV и отчасти более молодых террас и сильное меандрирование речного русла. VI терраса прослеживается здесь на значительном расстоянии от реки. За пределами толтровой гряды она снова появляется у реки, и долина вновь приобретает более резко выраженный каньонообразный характер. V и IV террасы, постепенно снижаясь, имеют исключительно широкое развитие ниже по Днестру в области Причерноморской впадины. Их аллювиальные отложения с бо-

[1] Зона связывается И. К. Королюк (1952) и другими геологами с пологим антиклинальным поднятием силурийских пород.

татым комплексом фауны млекопитающих и моллюсков известны под названием тираспольского гравия, образующего (по Г. Ф. Лунгерсгаузену, 1938, 1941) два уровня: колкотовский и тираспольский.

История образования III террасы, связанной с максимальным оледенением, очень сходна, по-видимому, с историей образования IV террасы. Она также хорошо выражена на большом отрезке Днестровского бассейна, имеет развитие в местах расширения долины и сохранилась отдельными небольшими обрывками в ее узких и глубоких частях. Аллювий III террасы (например у с. Брага, против Хотина) достигает значительной мощности и содержит большое количество песчанистого материала, особенно в местах, где река подпруживалась. Вообще же следует отметить, что строение аллювиальных толщ всех высоких террас (особенно IV и V) обнаруживает исключительную сложность и непостоянство. Характер их так резко и неожиданно меняется на самых коротких расстояниях, что трудно выявить здесь какие-либо закономерности. Частое замещение и переслаивание песчаных толщ разного гранулометрического состава, степени цементации, окраски, направления и характера слоистости, с прослоями, линзами и карманами гравия, галечника и глинистого материала, наблюдается во всех крупных обнажениях аллювия этих террас. Состав галечника всех днестровских террас очень сходен. Книзу (т. е. от более высоких террас к более низким) в нем наблюдается последовательное увеличение местного материала. В аллювии VI террасы гальки некоторых местных пород (девонского песчаника, сеноманского кремня) полностью отсутствуют.

Отложению аллювия II террасы предшествовал значительный врез. Долина реки к этому времени, связываемому с концом среднего или началом верхнего плейстоцена, имела, вероятно, уже характер, близкий к современному: были выработаны все существующие притоки и крупные овраги. В отличие от более высоких террас, аллювиальные отложения II террасы прослеживаются плохо, особенно в связи с тем, что они прикрываются, как правило, мощной толщей делювиальных суглинков. И не удивительно, что многими исследователями эта терраса вообще не отмечалась.

Описание строения II террасы приводится ниже, при описании геологии многослойных палеолитических стоянок.

Первая надпойменная терраса, относимая ко второй половине верхнего плейстоцена, по мнению многих исследователей, имеет два уровня близкой величины и, возможно, образовалась в два этапа. Время отложения ее аллювия совпадает с временем отложения толщи лёссовидных суглинков склонов, описываемых далее. Терраса обычно хорошо прослеживается то по одному, то по другому берегу реки, на всем среднем течении Днестра.

Высокая пойма, образовавшаяся уже в послеледниковое время, является одной из самых выдержанных днестровских террас [1]. Высокий уровень ее (до 7—8 м) и наличие трипольских поселений на глубине до 5 м. свидетельствуют о продолжающемся медленном равномерном поднятии всего Среднего Приднестровья. Об этом же говорит и неглубокое залегание коренных пород в современном русле реки, приводящее к образованию порогов и перекатов во многих местах.

---

[1] Описанию этой террасы в верхнем течении Днестра посвящена статья И. Д. Гофштейна (1958), в которой отмечается постоянство ее уровня (около 4 м для этой части долины) и характера не только в Предкарпатской части, но и в верховьях реки в горах.

III. МНОГОСЛОЙНАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА МОЛОДОВА I (БАЙЛОВА РИПА)

Многослойная палеолитическая стоянка Молодова I находится в узкой части Днестровского каньона за центральной частью с. Молодова, близ так называемого Селищенского оврага, у старого кладбища.

Она приурочена к наклонной выположенной поверхности, круто обрывающейся к низкой террасе реки, на которой расположено с. Молодова. Поверхность эта, у уступа которой вскрыты галечники II террасы, сложена мощной толщей суглинистых и супесчаных отложений, прорезанных целой системой глубоких молодых оврагов-промоин, затухающих вверх по склону. Выположенная часть располагается на высоте 25—40 м над рекой. На высоте около 70 м толща рыхлых отложений выклинивается, причленяясь к крутому задернованному склону с очень неглубоким залеганием коренных пород. В наиболее крутой части склона и в овраге обнажаются меловые отложения с кремневыми желваками. Последние рассеяны по поверхности склона и образуют широкий плоский конус выноса на выположенной поверхности.

Высота склона долины достигает здесь 145—150 м. Высокая поверхность представляет собой VI террасу, сильно размытую.

Одной из наиболее глубоких промоин, прорезающих толщу суглинистых пород, является овраг Байлов, с которым связана описываемая стоянка Молодова I.

Стоянка была открыта в 1927 г. румынским геологом Ботезом (1930, 1933) и изучалась им, а также Н. Морошаном (1938) в течение нескольких лет.

В толще рыхлых отложений, вскрытых оврагом, Ботез обнаружил 4 культурных горизонта: 3 верхнепалеолитических, которые он относил к ориньяку, и нижний, мустьерский.

Ботез (1930) приводит следующий разрез Байловой рипы:

	Мощность, м
1. Почва со щебнем	0,35
2. Лёсс (содержит верхний культурный горизонт в правой стенке оврага)	4
3. Кремневый щебень	0,2
4. Лёсс (содержит культурный горизонт в левой стенке оврага, на расстоянии около 50 м от выхода верхнего слоя)	2
5. Кремневый щебень	0,1—0,15
6. Лёссовидный песчанистый аргиллит	1,3
7. Кремневый щебень	0,15
8. Пески (содержат на глубине 0,60 м мустьерский культурный слой)	0,80
9. Гравий I надпойменной террасы	

Ботез считал слои кремневого щебня достаточно выдержанными и верхние культурные горизонты, встреченные в разных стенках оврага, над и под кремневым щебнем,— самостоятельными. Кроме того, он предположительно выделял нижний позднепалеолитический слой на глубине 6,5 м от поверхности, подчеркивая возможность залегания обнаруженных здесь костей и кремней в переотложенном состоянии.

Лёссы Ботез считал эоловыми; в образовании лёссовидных песчанистых аргиллитов, по его мнению, основную роль играли водные процессы. Он считал, что аллювиальные отложения I надпойменной террасы, на которой расположено с. Молодова, уходят под толщу рыхлых отложений с культурными горизонтами и последняя является таким образом более молодой. Относя эту террасу к W_1, Ботез считал, что песчанисто-аргилитовая толща с мустьерским горизонтом принадлежит к интерстадиалу $W_1 — W_2$, а лёссы с «ориньякскими» культурными слоями — к W_2.

Советскими археологами, обследовавшими это местонахождение (Черниш, 1954), на дне оврага и в его стенках также были найдены отдельные обработанные кремни.

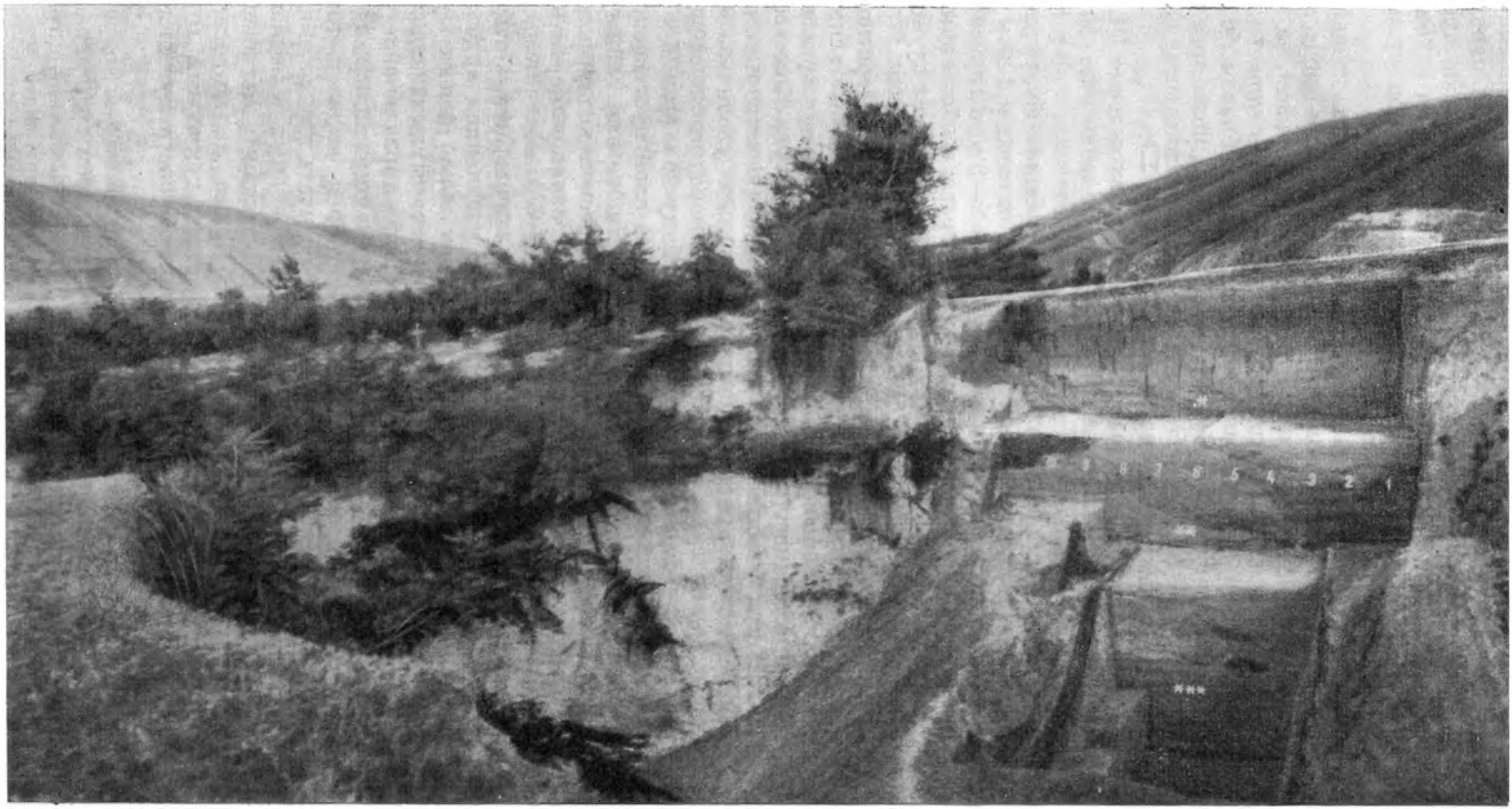
При изучении Байловой рипы в 1954 г. нами было обнаружено два культурных горизонта: один — в правой стенке оврага, в 120 м от его устья, непосредственно за кладбищем на глубине 2,8—3 м, а другой — примерно в 50 м выше этого пункта, в левой стенке оврага, в лёссовидных суглинках, располагающихся над прослоем кремневого щебня, на глубине около 2,5 м от поверхности.

В 1955 г. на правом склоне оврага за кладбищем А. П. Чернышом были проведены небольшие раскопки до глубины 3,5—4,5 м и был вскрыт культурный горизонт, относящийся к позднемадленскому времени. В 1956—1958 гг. работами Днестровской экспедиции Института общественных наук АН УССР при участии Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР площадь раскопа была значительно увеличена (до 20 м в длину, вверх по оврагу) и толща суглинистых пород при постепенном, ступенчатом сужении раскопа, вскрыта на глубину 18 м (фиг. 6 и 7). Эти раскопки дали возможность изучить культурный слой мустьерского времени, обнаруженный на глубине около 10 м, а также всю сложную толщу вмещающих его пород. Было также заложено несколько шурфов по тальвегу оврага с целью уточнения геологического строения четвертичной толщи.

В результате указанных работ подтверждено наличие всех четырех культурных горизонтов, обнаруженных Ботезом (с уточнением археологической датировки) и получены основания несколько изменить его представление о строении толщи вмещающих их рыхлых отложений и прежде всего установить, что толща суглинистых пород не залегает на гравиях I надпойменной террасы Днестра. Последняя прислонена здесь к более высокому уровню. В толще суглинистых пород выделен только один прослой кремневого щебня, который можно считать выдержанным на всем протяжении оврага. Он отделяет толщу лёссовидных делювиальных суглинков от нижележащих суглинистых и супесчаных отложений делювиально-пролювиального происхождения. Прямо над прослоем кремневого щебня прослеживается размытый местами гумусовый горизонт. Следы почвообразования имеются и в нижней части суглинков, заключающих кремневый щебень.

Два верхних культурных горизонта (в правой и левой стенках оврага) располагаются над прослоем щебня, находятся в одинаковом стратиграфическом положении и, по-видимому, синхронны или очень близки друг к другу (поздний мадлен).

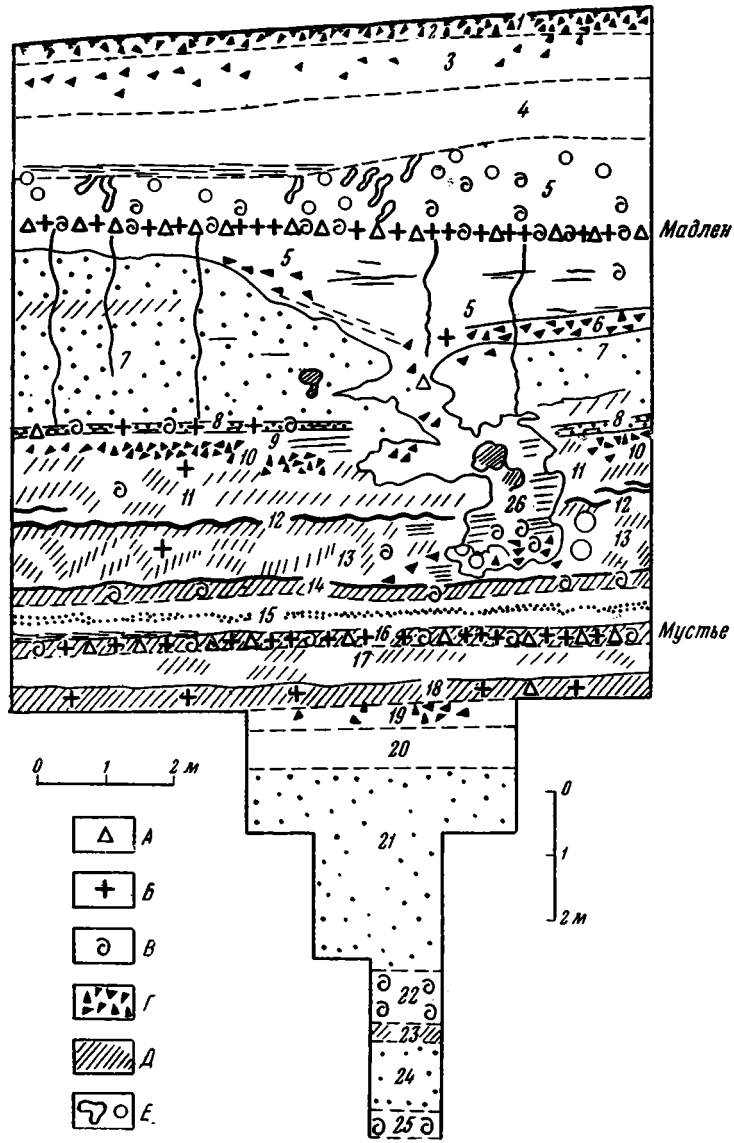
Нижний верхнепалеолитический горизонт залегает на глубине около 6 м под прослоем кремневого щебня. Ботез предполагал, что он является



Фиг. 6. Общий вид раскопа стоянки Молодова I (Байлова рипа), 1956 г.

Одной звездочкой показан позднемадленский культурный горизонт, двумя — костеносный слой зеленоватых песков (слой 8); тремя — мустьерский горизонт. Цифры на фото—номера квадратов раскопа (через 1 м)

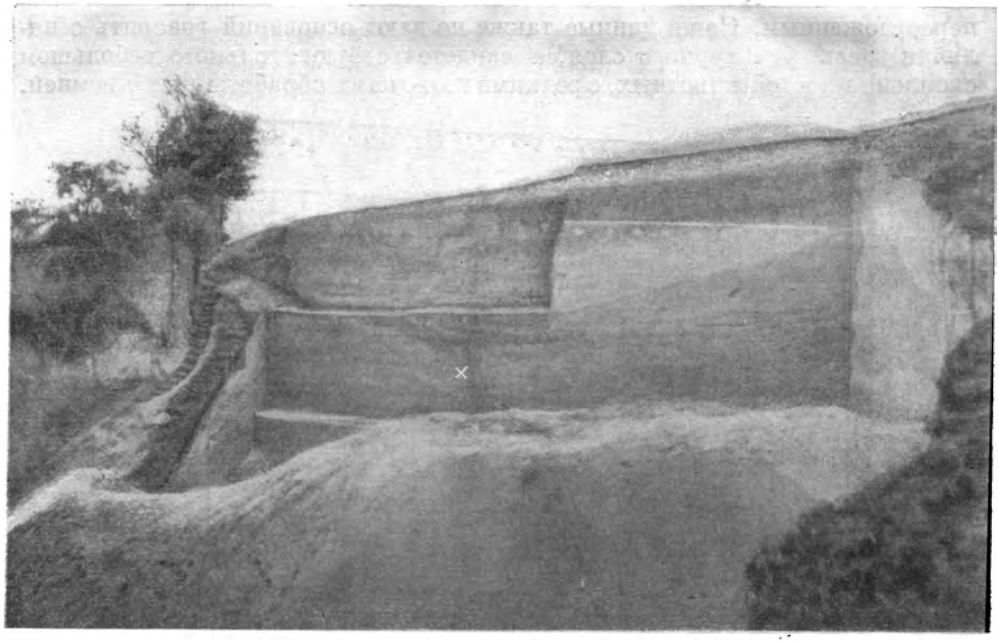
переотложенным. Наши данные также не дают оснований говорить о наличии здесь культурного слоя, а свидетельствуют только о небольшом скоплении костей животных, с редкими находками обработанных кремней.



Фиг. 7. Схематический разрез стенки раскопа стоянки Молодова I (Байлова рипа), 1956—1957 гг.

А — кремневые орудия и отщепы; *Б* — остатки фауны млекопитающих; *В* — раковины наземных моллюсков; *Г* — кремневый щебень; *Д* — участки суглинков, окрашенные в серый цвет; *Е* — кротовины.
Цифры на схеме — номера слоев

Мустьерский горизонт встречен на глубине 10 м, на расстоянии около 50 м вверх по оврагу от места раскопок И. Ботеза, и связан с прослоем серовато-сизых суглинков. Шурф глубиной 18 м остановлен в песчанистых суглинках и супесях. Шурфом, заложенным в устье оврага на глубине 3,8 м, достигнуты галечники II террасы.



Фиг. 8. Общий вид раскопа стоянки Молодова I, 1958 г. (начало работ)
Крестом отмечено положение «клина»

Выше по дну оврага, на расстоянии около 100 м от раскопа, обнажается мощный сдвоенный прослой темноокрашенных суглинков, подстилаемых темными желтовато-бурыми суглинками (погребенная почва).

Раскопками 1956—1958 гг. (фиг. 7, 9 и 10) вскрыты следующие отложения:

	Глубина, м
1. Дерновый покров	0,0—0,2
2. Кремневый щебень в суглинке (мощность увеличивается вверх по склону до 1,3 м)	0,2—0,6
3. Суглинок темноокрашенный, комковатый, с белыми примазками и редкими включениями щебня	0,6—1,4
4. Суглинок желтовато-бурый, комковатый, глинистый, с кротовинами и известковыми стяжениями	1,4—2,6
5. Суглинок лёссовидный, серовато-желтоватый, тонкий, известковистый, с включением кремневого щебня и многочисленных известковых конкреций. Содержит фауну моллюсков: *Pupilla* aff. *muscorum* Müll., *P. muscorum* var. *edentula* Slav., *Succinea oblonga* Drap., *Fruticicola hispida* L., *Vallonia pulchella* Müll., *Vallonia* sp., *Columella edentula* Drap., *Cochliocopa* sp. cf. *lubrica* Müll., *Clausilia* sp. cf., *C. bidentata* Ström., *Clausilia dubia* Drap.[1] (определения А. И. Москвитина). На глубине от 2,8 до 3,0 м здесь обнаружен культурный слой (поздний мадлен) с многочисленными кремневыми орудиями и кострищами, остатками северного оленя (много), лошади, благородного оленя, лося, быка, мамонта и волка. В верхней части толщи наблюдается много кротовин. Ниже культурного горизонта суглинки пронизаны вертикальными трещинами, заполненными известковой коркой. В верхней части раскопа суглинок обнаруживает легкую слоистость (по окраске) с падением вниз по склону. В нижней части толщи, примерно на 0.3—0,35 м, су-	

[1] Те же формы собраны в этих суглинках и за пределами раскопа, выше по оврагу.

Глубина, м

глинок содержит затемненный прослой, с округлыми уплотненными участками, окрашенными в розоватый цвет . . . . . 2,6—5,1

6. Прослой кремневого щебня. В районе раскопа выражен плохо, местами представлен только единичной щебенкой, приуроченной к определенному уровню и иногда образующей линзы и карманы. В районе кладбища, вниз по склону, выклинивается совсем. Вверх по склону на всем протяжении оврага, до места прислонения к коренным породам, прекрасно прослеживается, увеличиваясь в мощности (см. фиг. 9) . . . . . 5,1—5,2

7. Суглинок желтоватый, песчанистый, тонкий, известковистый, вниз по раскопу более мощный и без кремневой щебенки. Наблюдаются отдельные редкие прослои, окрашенные в светло-серый цвет, и ржавые полосы. На отдельных участках (за пределами раскопа), суглинки содержат значительное количество раковин *Arianta* sp. aff., *A. arbustorum* L., *Succinea oblonga* Drap., *Fruticicola hispida* L. . . . . 5,2—6,5

8. Пески глинистые зеленоватые, с ржавыми и темными прослоями и пятнами, с большим количеством моллюсков *Succinea oblonga* Drap. (очень мелкие), *Vertigo parcedentata* Sandb., *Punctum pygmaeum* Drap., *Vallonia pulchella* Müll., *Clausilia* sp., *Columella* sp. cf. *edentula* Drap. Содержат остатки северного оленя, носорога, мамонта и благородного оленя (нижний верхнепалеолитический слой И. Ботеза), появляющиеся лишь на небольшом участке в северной части раскопа. Слой залегает слегка волнисто. За пределами раскопа не прослежен, возможно, что в связи с расположением в средней, наиболее трудной для наблюдения части толщи . . . 6,5—6,65

9. Суглинок желтоватый, слегка слоистый, песчанистый, с охристыми пятнами . . . . . 6,65—6,85

10. Щебень кремневый в суглинке, прерывистый, непостоянный по мощности. Выделяется только в пределах раскопа . . . . . 6,85—6,95

11. Суглинки и супеси желтоватые, с невыдержанными, изогнутыми светло-серыми прослоями, с большим количеством кремневой щебенки, сконцентрированной главным образом в нижней части толщи. Встречены редкие раковины *Helicella striata* Müll., беспорядочно расположенные редкие кости северного оленя, лошади, челюсть хищника . . . . . 6,95—8,15

12. Суглинистая, рыхлая «сажистая» порода черного цвета, залегающая волнистым непостоянным, местами раздваивающимся прослоем мощностью в 5—7 см. Хорошо прослеживается почти по всему оврагу . . . . . 8,15—8,2

13. Частое и беспорядочное переслаивание желтоватых и светло-серых суглинков и супесей, образующих изогнутые, прерывистые прослои мощностью по 20—25 см, с редким включением кремневой щебенки. Содержат темные и охристые прослои и пятна. Встречены отдельные обработанные кремни, фрагменты костей северного оленя, благородного оленя и мамонта, а также раковины *Succinea oblonga* Drap., *Clausilia* sp. cf. *C. dubia* Drap., *Fruticicola hispida* L. . . . . 8,2—9,4

14. Суглинки светло-серые с сизым оттенком, тонкие, известковистые с многочисленными черными примазками и ржавыми прослоями и пятнами. В северной половине раскопа очень резко отделяются от вышележащего горизонта. Нижняя граница выражена слабо. Вверх по склону теряют свою выдержанность (фиг. 10), прослеживаясь вновь, однако, в боковой стенке раскопа. Встречено значительное количество *Pupilla muscorum* Müll., *Succinea oblonga* Drap., *Vallonia pulchella* Müll., единичные *Columella edentula* Drap., *Clausilia* sp. cf. *dubia* Drap., *Vitrea diaphana* Studer. В верхней, южной части

		Глубина, м
	раскопа содержат находки обработанных кремней мустьерского облика и крупные кости мамонта (верхний мустьерский горизонт А. П. Черныша)	9,4—9,65
15.	Желтоватые суглинки с темными примазками, содержащие в центральной своей части выдержанный, но прерывистый и меняющийся в мощности прослой очень мелкой кремневой щебенки, часто слегка окатанной и покрытой известковой коркой. В нижней части иногда виднеется очень тонкая слоистость. Слой выклинивается по раскопу, но наблюдается местами выше и ниже — за его пределами	9,6—10,0
16.	Суглинки светлые, серовато-сизые, с темными включениями, ржавыми пятнами и примазками (основной мустьерский культурный горизонт с остатками жилища). Содержат много моллюсков *Succinea oblonga* Drap., *Pupilla muscorum* Müll., *Vallonia pulchella* Müll., *Fruticicola hispida* L., *Clausilia dubia* Drap., *Clausilia* sp. aff., *C. parvula* Studer, *Helicellastriata* Müll., *Arianta arbustorum* L., *Vitrea diaphana* Studer, большое количество остатков животных, главным образом мамонта (ранняя форма), а также (немного) лошади, крупного оленя, северного оленя и мелких грызунов. Верхняя граница этого слоя в северной части раскопа выражена довольно четко, а нижняя сравнительно слабее. В южной части раскопа (вверх по склону) он сливается с серыми суглинками слоя 15. Культурный горизонт выклинивается в этом направлении. Слой прослежен на несколько метров вниз по склону за пределами раскопа	10,0—10,2
17.	Суглинки желтовато-серые с неправильными желтыми пятнами и разводами, большим количеством ржаво-желтых и черных примазок и пятен	10,2—10,8
18.	Суглинки серые с желтоватым оттенком, довольно светлые, рыхлые, с черными и желтыми включениями. Содержат остатки крупного слона (кости конечностей), рог очень крупного оленя, череп и позвонки лошади, находившиеся в анатомическом порядке. К этому же слою приурочена находка единичных кремневых отщепов (1956) и двух хорошо окатанных известняковых валунов (1957) размером около 30 см в диаметре.	10,8—11,0
19.	Супеси тонкие желтоватые, содержащие ржавые и темные пятна и примазки, с редкой кремневой щебенкой	11,0—11,6
20.	Суглинки желтовато-серые, пористые, однородные, с темными и ржавыми пятнами и примазками, мелкими белыми стяжениями	11,6—12,4
21.	Супеси желтоватые, слюдистые однородные[1]. Выходят на расстоянии 50—60 м вверх от раскопа у дна оврага	12,4—15,4
22.	Суглинки серовато-желтоватые, пористые, слюдистые, с большим количеством моллюсков, главным образом *Succinea oblonga* Drap., отчасти *Vallonia pulchella* Müll. и единичными *Pupilla muscorum* Müll., *Vitrea* sp., *Vitrea* sp. cf., *V. diafana* Studer или *subpiramidata* Reinh.	15,4—16,7
23.	Суглинки тонкие, плотные, серовато-желтоватые с многочисленными крупными участками, окрашенными в темный цвет, песчанистые, слюдистые	16,8—17,1
24.	Супеси желтоватые, более рыхлые, слюдистые . . .	17,1—17,8
25.	Суглинки желтовато-серые, более плотные, менее песчанистые, слюдистые, пористые, с редкими остатками фауны моллюсков *Pupilla muscorum* L., *Vallonia* sp. cf., *V. pulchella* Müll. (обломки и juv.). Пройдено	17,8—18,0

[1] В аналогичных слоях шурфа 1 с глубины около 16,5 м от поверхности собрано значительное количество раковин *Vallonia tenuilabris* Br. (мелкая форма), единичные *Vallonia pulchella* Müll., *Pupilla muscorum* Müll., *Succinea oblonga* Drap.

Все описанные породы имеют небольшой наклон в сторону реки (см. фиг. 9 и 10).

Необходимо отметить, что в центральной стенке раскопа в слои 6—13 описанного разреза вдается глубокий клин, заполненный вышележащими сероватыми суглинками, книзу более темного цвета, содержащими многочисленные темные и ржавые полосы, пятна и кремневую щебенку. Клин имеет неправильное ветвистое строение, книзу он сужается; здесь наблюдаются скопления кремневой щебенки (см. фиг. 7 и 9, слой 26).

В породе, заполняющей нижнюю часть «главного» клина, и в боковых клиньях на глубине около 9 м от поверхности собраны раковины следующих моллюсков: *Succinea oblonga* Drap., *Arianta arbustorum* L., *Pupilla muscorum* Müll. var. *edentula* Drap., *Fruticicola hispida* L., *Fruticicola hispida* var. *terrena* Clessin., *Fruticicola* sp., *Clausilia dubia* Drap., *Clausilia* sp. Выше встречены изолированные кости северного оленя.

Рядом расположены пустоты диаметром до 20—25 см, в которых встречена труха разрушенных костей. Местами наблюдается заполнение пустот тонкослоистым песчано-глинистым материалом (суффозионные промоины?).

Меньший по размеру клин виден выше по раскопу (см. фиг. 10); один из клиньев наблюдался в боковой стенке, срытой в 1958 г.

Все породы описанной толщи известковисты. В их гранулометрическом составе преобладают алевритовые фракции (табл. 3). Многие образцы сильно песчанисты, особенно в нижней части толщи. Довольно резко отличается по механическому составу верхний горизонт лёссовидных суглинков.

Таблица 3

Результаты гранулометрического анализа образцов из раскопа стоянки Молодова I

№ образца	№ слоя	Глубина взятия, м	Содержание фракций, %							Карбонатность (содержание CO_2), %
			более 0,5 мм	0,5—0,1 мм	0,1—0,056 мм	0,056—0,01 мм	менее 0,01 мм	0,01—0,005 мм	менее 0,005 мм	
24	4	1,5								0,25
25	5	2,5	Следы	1,8	8,3	55,0	34,9			
26	5	3,7								4,10
27	5	5,0[1]	2,6	4,7	9,4	40,5	42,8	9,2	33,6	4,30
28	7	5,0	0,5	11,4	10,8	56,0	21,3	2,3	19,0	4,47
29	8	6,0	0,3	14,1	40,0	27,6	18,0			
30	12	6,8—7								4,44
32	26	7,6								4,95
35	13	8,0	1,8	12,1	23,4	39,5	23,2			
34	13	8,1	0,6	2,2	9,7	53,7	33,8	6,8	27,0	6,72
33	13	8,2	0,9	7,0	16,6	49,9	23,6			3,61
39	16	10,0	0,2	4,8	18,1	51,9	25,0	4,7	21,3	1,50
41	17	10,2								3,07
42	18	11,0								2,58
43	19	11,5								5,10
44	20	13,5	0,3	15,4	25,7	35,1	23,5	18,1	4,6	4,58
46	21	15,0								4,54
47	22	16,0								3,49
48	23	17,0	0,1	13,3	18,7	37,1	38,0			3,16
49	24	17,1	0,7	16,6	23,2	29,6	29,7			4,64
50	25	18,0	0,2	10,4	18,2	34,9	36,3	6,2	30,1	2,60

[1] Образец взят над «клином».

(слой 5), содержащий много пылеватого и глинистого материала и очень мало песчанистого.

Пыльцевые анализы ряда образцов из описанного разреза дали отрицательные результаты: пыльца в них не обнаружена.

Интересные данные получены при определении абсолютного возраста костей животных из разных горизонтов раскопа, выполненные В. В. Чердынцевым методом изучения соотношения изотопов тория, продуктов распада радиоактивных рядов урана и актиния. Полученные данные составляют около 30 тысяч лет для костных материалов, взятых с глубины 3,5 м из мадленского культурного горизонта (слой 5), 52 тысяч лет для костей из костеносных зеленоватых песков с глубины 6,5 м (слой 8) и 150 тысяч лет для нижнего, мустьерского горизонта (слой 16). Хотя эти цифры представляются несколько завышенными, они свидетельствуют о разновозрастности костных остатков, а следовательно, и разном возрасте вмещающих их отложений.

Высота бровки раскопа, располагающегося на расстоянии около 120 м от устья оврага, около 33—38 м над уровнем Днестра. Высота расположения мустьерского слоя — 23—28 м над рекой. Дно раскопа (18 м), не вышедшее из толщи суглинков, имеет высоту не более 20 м над меженным уровнем Днестра.

Морфологически изученная толща суглинков находится на уровне II террасы, однако она, видимо, представляет собой более сложное образование.

Характер описываемых отложений и положение их по отношению к склону свидетельствуют о том, что накапливались они главным образом в результате смыва и сноса материала с этого склона [1].

Геологический разрез оврага Байлова рипа, составленный на большом фактическом материале и в общих чертах согласованный в полевой обстановке с Комиссией, обследовавшей стоянку в 1958 г., приводится на фиг. 9. К сожалению, некоторые важные детали разреза (например, соотношение мустьерского культурного слоя с нижней ископаемой почвой и галечниками II террасы) не вполне ясны и должны быть уточнены в будущем [2].

В описанной толще выделяются две пачки пород с четким перерывом между ними: верхняя пачка лёссовидных суглинков (*I*) и нижняя сложнопостроенная пачка песчанистых суглинков и супесей (*II*). За пределами стоянки вверх по оврагу прослеживается другая толща, представленная мощной сдвоенной погребенной почвой (*III*), залегающей стратиграфи-

---

[1] Большой интерес представляет тот факт, что в изученной толще появляются слои, отражающие характер размываемых коренных пород (прослои, обогащенные кремневым щебнем при размыве кремневой брекчии, прослои, обогащенные глауконитом при размыве слоя верхнемеловых глауконитовых песков и т. д.). Последовательность их расположения—обратная последовательности расположения в коренном разрезе.

[2] В шурфе, заложенном у устья оврага, где тальвег располагается на глубине 6,5 м и на 1,5 м ниже «сажистого» прослоя, следов палеолита встречено не было (в верхней части толщи отмечались единичные обломки костей). На глубине 4 м, т. е. 11,5 м от поверхности, были достигнуты галечники II террасы. Над галечниками пройдена толща, состоящая из тонкого переслаивания суглинков, супесей, глин и песков, содержащих остатки главным образом наземных моллюсков с редкой примесью пресноводных. В трех промытых образцах, взятых с разной глубины, обнаружены следующие формы: 1) с глубины 1,75 м из тонкой желтовато-серой супеси — *Pupilla muscorum* Müll. (58 экз.), *Succinea oblonga* Drap. (11), *Fruticicola hispida* var. *terrena* Clessin (7), *Vallonia tenuilabris* Al. Br. (2), *Vitrea* sp. cf. *diaphana* Studer (1), *Paraspira spirorbis* L. (1); 2) с глубины 2,5 м из тонко и неправильно переслаивающихся грубых супесей и тонкозернистых песков голубовато-серого и охристого цвета—*Succinea oblonga* Drap. (22), *Vallonia tenuilabris* Al. Br. (12); 3) с глубины около 3,5 м из толщи переслаивающихся тонкозернистых глинистых песков и грубых супесей с преобладающей желтой окраской *Succinea oblonga* Dr. (7), *Vallonia tenuilabris* Al. Br. (1).

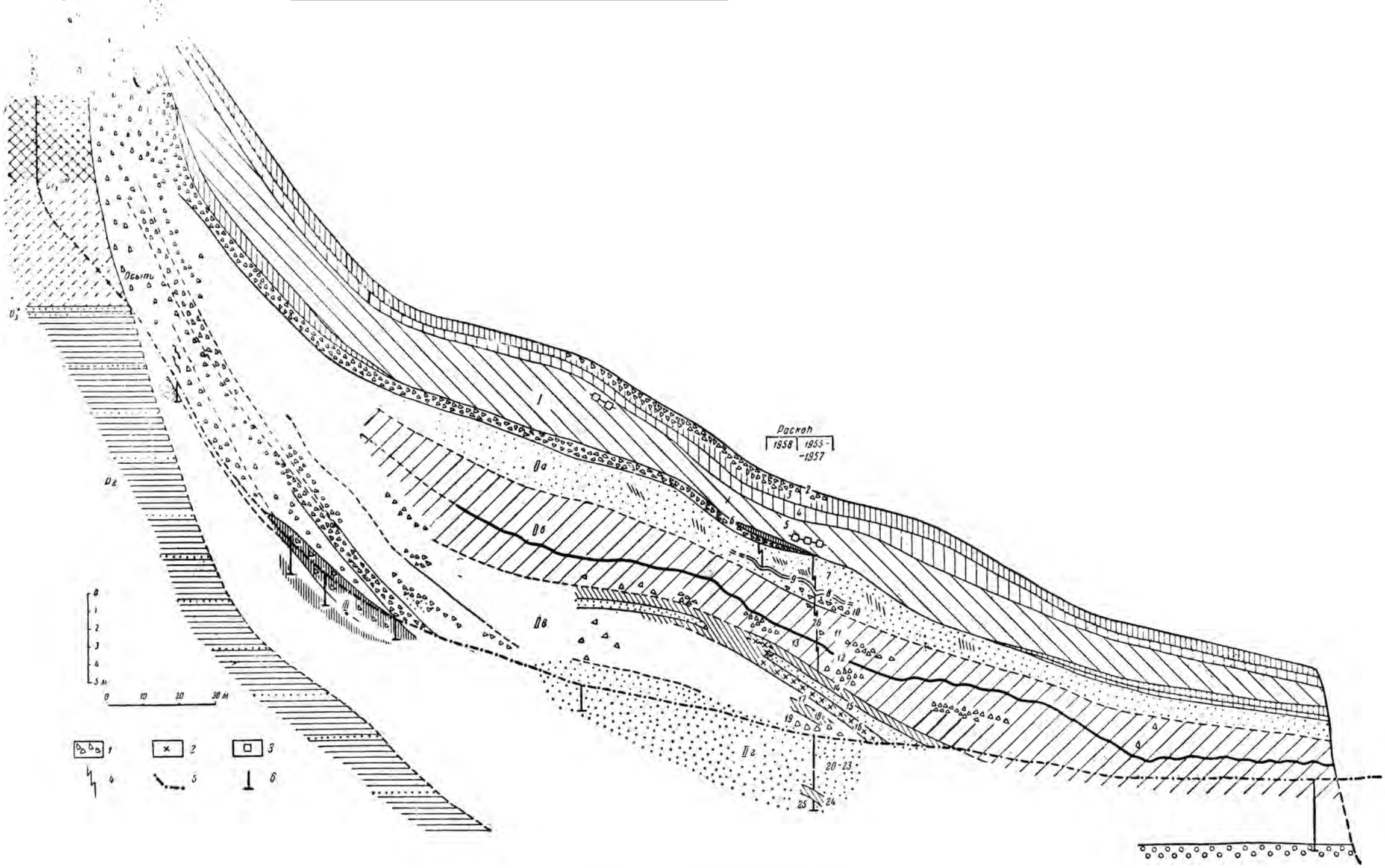
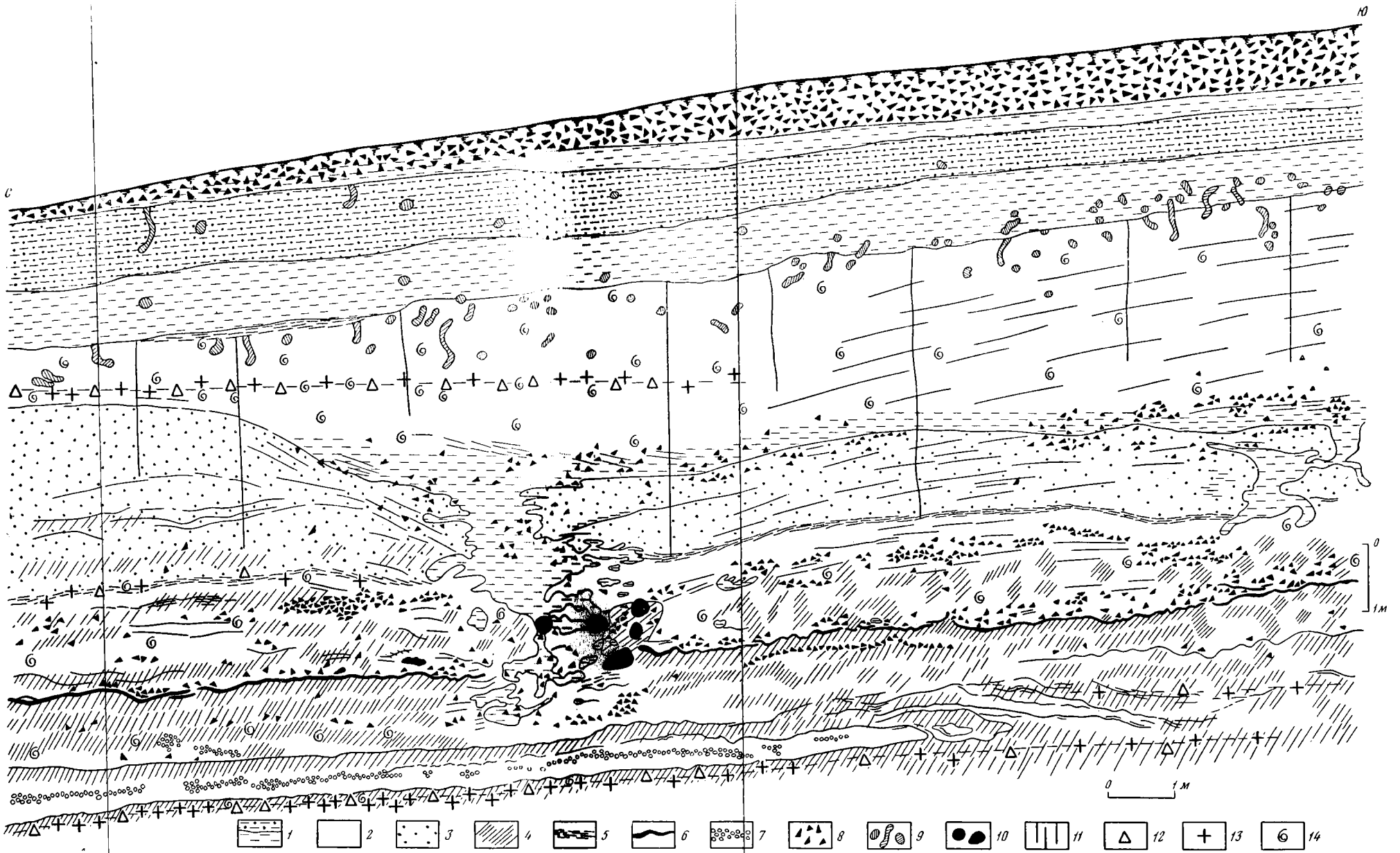


Рис. 9. Геологический разрез оврага Байлов.
Арабские цифры на разрезе соответствуют номерам слоев, описываемых в тексте.
Римские цифры обозначают номера толщ

1 — кремневый щебень; *2* — остатки мустьерского культурного слоя; *3* — остатки мадленского культурного слоя; *4* — «клинья, внедряющиеся в толщу нижележащих пород; *5* — дно оврага; *6* — шурф



Фиг. 10. Зарисовка стенки раскопа палеолитической стоянки Молодова I (Байлова рипа), 1958 г.

1 — почвенный горизонт; *2* — лёссовидные желтовато-серые суглинки; *3* — песчанистые суглинки и супеси; *4* — участки и прослои суглинков, окрашенные в серый цвет (оглеенные); *5* — прослой зеленовато-бурых глинистых песков, обогащенных глауконитом; *6* — «сажистый» прослой; *7* — мелкие окатанные кремневые включения; *8* — кремневый щебень; *9* — кротовины; *10* — суффозионные промоины *11* — вертикальные трещины с обизвествленными стенками; *12* — кремневые орудия; *13* — остатки позвоночных; *14* — раковины моллюсков. Горизонтальными и наклонными штрихами показано направление слоистости суглинков

чески ниже второй пачки. Погребенная почва была обнаружена А. И. Москвитиным, посетившим стоянку в 1958 г. При этом интересно отметить, что он обнаружил в ней единичные кремни, носящие следы оббивки (возможно, человеком?) и очень крупные раковины *Helix pomatia* L.

Такие же раковины встречены нами ниже, в шурфе 2 во втором горизонте погребенной почвы. Здесь же найден один экземпляр *Cephea* aff. *nemoralis* L. (var.).

Верхняя пачка прикрывается голоценовой ископаемой почвой черноземного типа (описанный слой 4 представляет горизонт В этой почвы, слой 3 — ее горизонт А) и (в районе раскопа) молодым конусом выноса, сложенным кремневым щебнем.

I. Толща лёссовидных суглинков, залегающая под мощной голоценовой почвой, принадлежит к делювиальным образованиям, плащеобразно прикрывающим склоны долины Днестра на разных уровнях (см. раздел «Четвертичные отложения»). Пронизана вертикальными трещинами, заполненными известью, что, по-видимому, свидетельствует о холодном и сухом климате. Суглинки описываемого местонахождения прослеживаются по всему склону до высоты около 100 м над рекой. В разрезе на фиг. 9 показано их выклинивание кверху, но выше они вновь прослеживаются на небольшом расстоянии, залегая небольшим слоем прямо на элювии коренных пород. В нижней части суглинков наблюдается присутствие затемненного горизонта — размытого почвенного слоя. Материалом этого слоя заполнены отчасти описанные выше «клинья», рассекающие толщу нижележащих пород. Интересно отметить, что во время существования позднемадленского поселения на данном участке никаких следов клиньев уже не имелось: культурный слой этого времени располагается непосредственно над клином почти горизонтально, с легким уклоном к реке.

II. Вторая толща суглинистых и супесчаных пород может быть подразделена, в свою очередь на 4 разнохарактерные части.

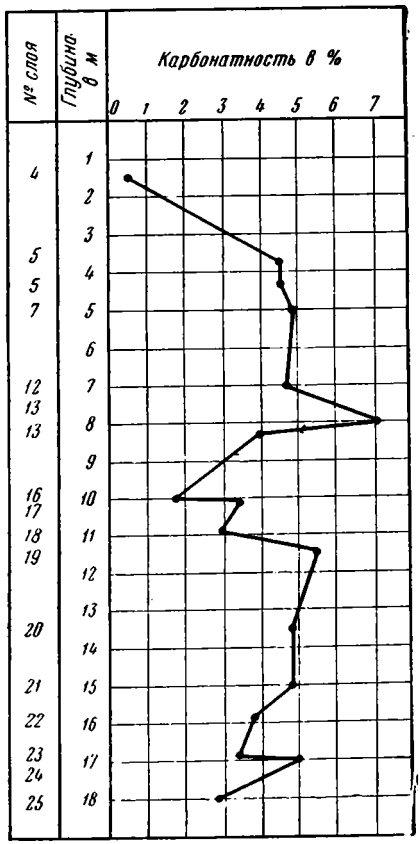
IIа (слои *7—9*) суглинки песчанистые, преимущественно желтой окраски, с тонкими черными и ржавыми полосами, залегающие спокойно, с уклоном к реке. В нижней части содержат выдержанный по всему раскопу тонкий пласт зеленоватых глинистых песков с фауной млекопитающих и моллюсков. С этой толщей связано, видимо, основное время образования клиньев, так как близ клиньев наблюдается с обеих сторон направление слоистости в их сторону. Нижележащая толща обнаруживает это падение только в своей верхней половине.

IIб (слои *10—13*) толща неравномерно переслаивающихся, беспорядочно расположенных желтых и светло-серых суглинков и супесей. Обогащена кремневым щебнем. Содержит волнистый темный «сажистый» прослой, происхождение которого не вполне ясно. По-видимому, он является результатом большого лесного или степного пожара [1], охватившего значительную территорию на правобережье Днестра. Прослой этот прослеживается не только по всему оврагу, но и на значительном расстоянии от него. Описанная толща залегает в устье оврага на галечниках II террасы и прослеживается вверх от раскопа. Она встречена во многих других местах (в оврагах против Каниловки, на стоянке Молодова V, Вороновом овраге и т. д.); образовалась она, вероятнее всего, в результате делювиально-пролювиально-солифлюкционных процессов, в условиях достаточно холодного климата.

IIв (слои *14—19*) — суглинки тонкие, серовато-желтоватые, известковистые, залегающие спокойно, с уклоном к реке. На определенном участке в них прослеживаются выдержанные довольно светлые серовато-сизые

[1] Интересно отметить, что в овраге против Каниловки, помимо «сажистого» горизонта, были встречены на том же уровне обожженные участки в щебнистой толще.

(оглеенные?) прослои мощностью по 25—30 см, к которым приурочены мустьерские орудия и остатки мамонта раннего типа. Наличие выдержанных прослоев указывает на изменение режима осадконакопления, связанного с изменением климатических условий, по-видимому, с некоторым смягчением климата. Получили развитие почвообразовательные процессы, прерывавшиеся трижды. О наличии почвообразовательных процессов говорит распределение карбонатов в разрезе (см. кривую на фиг. 11). Территория посещалась (слой 18), а затем и заселялась (слой 16) мустьерским человеком. Мустьерский культурный слой в основной своей части не носит следов размыва, но содержит следы затопления, о чем свидетельствует тонкая слоистость осадков, на 5—7 см прикрывающих культурный горизонт в нижней части склона, а также общий характер слоя 15. При новом развитии почвообразовательных процессов мустьерский человек еще оставался здесь некоторое время (слой 14 и выше), а затем покинул этот участок уже окончательно. Указанные слои встречены в северной (нижней) части раскопа и прослежены на небольшое расстояние вниз по склону.



Фиг. 11. Кривая карбонатности суглинков по раскопу стоянки Молодова I

Соотношение этих отложений с аллювием II террасы не ясно, и выяснение этого должно явиться одной из главных задач дальнейшего изучения стоянки. Синхронны ли они этому аллювию и представляли ли они склон или даже внутреннюю часть поймы во время его отложения? Или же они образовались после отложения аллювия II террасы, как вышележащая толща и, следовательно, являются более молодыми, чем этот аллювий.

IIг (слои *20—25*) — супеси и песчанистые суглинки, преимущественно желтоватой окраски, вверху содержащие редкую кремневую щебенку, ниже совершенно однородные, тонкие, известковистые, слюдистые. Образовались при прохладном климате, в основном с помощью водных потоков, прерывавшихся временами. Об этом свидетельствуют следы почвообразования (сероватая окраска, макропористость, наличие наземных моллюсков в отдельных слоях — 22, 25).

Не возникает никаких сомнений, что здесь имеются разновозрастные толщи. Это подтверждается как характером самих отложений, так и характером заключенных в них палеонтологических и археологических остатков. Прежде всего это касается остатков материальной культуры (мустье и поздний мадлен) и фауны млекопитающих (резкое преобладание северного оленя в верхних горизонтах и ранней формы мамонта — в нижних).

Известный интерес представляет также фауна моллюсков, которая сама по себе не является решающим показателем, но в комплексе с другими данными может иметь важное значение.

В самой нижней *III* толще (ископаемая почва) встречены очень крупные раковины *Helix pomatia* L., обитавшего в зоне смешанных и широколиственных лесов и в настоящее время встречаемого в этом районе. Следовательно, климат во время образования почвенного горизонта был не холоднее современного.

В следующей толще (*II г*) содержится большое количество достаточно холодолюбивых, связанных ныне с более северными широтами моллюсков *Vallonia tenuilabris* Br., которые в шурфе *1* представляют почти «чистую» культуру этой формы (заключение А. И. Москвитина).

В толще, содержащей мустьерскую культуру (*II в*), среди других широкораспространенных форм появляются снова более теплолюбивые виды — *Arianta arbustorum* L., *Helicella striata* Müll., из которых первый относится к зоне европейских смешанных и широколиственных лесов, второй — к степной зоне. Здесь же встречено много кляузилий. (Нужно учесть, что на стоянке Молодова V, описываемой далее, в аналогичном горизонте встречена и одна раковина *Helix pomatia* L.).

В вышележащих делювиально-пролювиально-солифлюкционных слоях остатки малакофауны редки, неравномерно распределены в толще (как и остатки млекопитающих) и имеют смешанный характер.

Значительное количество раковин моллюсков встречено в тонком слое зеленовато-бурых песков (*II а*, слой *8*). Они представлены мелкими и угнетенными экземплярами, среди которых в единичном количестве имеется бореальная форма *Vertigo parcedentata* Sandb.

Еще выше снова появляется теплолюбивая *Arianta arbustorum* L. Большое количество раковин этой формы встречено в породе, заполняющей дно «клина» и связанной, по-видимому, с размытой ископаемой почвой, отделяющей толщу *II* от вышележащих лёссовидных суглинков. В последних, очень богатых остатками моллюсков, преобладают мелкие широкораспространенные голарктические виды. Много кляузилий. В некоторых местах в этих суглинках (Атаки, см. стр. 267) встречена бореальная форма *Vallonia tenuilabris* Br. В верхней части толщи лёссовидных суглинков, в слоях, близких к современной почве, снова встречены (как мы увидим далее, при описании стоянки Молодова V) остатки теплолюбивых моллюсков, близких к ныне живущим в этих широтах.

Таким образом, и по фауне моллюсков здесь можно наблюдать следы неоднократных климатических колебаний.

Как известно, наличие перерывов, сопровождающихся образованием горизонтов ископаемых почв, связывается обычно с потеплением климата [1], накопление суглинистых отложений — с эпохами похолоданий. Принимая это положение, можно считать, что в описанном разрезе имеются следы двух больших потеплений и по крайней мере двух похолоданий. Характер суглинистых толщ и заключенная в них фауна млекопитающих и моллюсков не противоречат этому. Верхняя толща к тому же пронизана трещинами. Нижняя имеет следы перигляциальных явлений — солифлюкции.

Однако возникает вопрос и о разном возрасте отдельных частей нижней суглинистой и супесчаной толщи (*II*). На это указывает ряд фактов: 1) в слое *8* (*IIа*) обнаружены остатки фауны верхнепалеолитического комплекса и редкие кремневые отщепы, также имеющие верхнепалеолитический облик, а в слоях *14*, *16*, *18* (*IIв*) встречены фауна мамонта раннего типа и остатки мустьерской культуры; 2) данные определения абсолютного

[1] Следует оговориться, что автор не придает стратиграфическое значение каждой погребенной почве, встреченной среди однородных отложений. Такое значение приобретают только выдержанные, мощные ископаемые почвенные горизонты, отделяющие друг от друга толщи, различные в литологическом, фаунистическом и других отношениях, имеющие зональное распространение.

возраста костных остатков из зеленоватых песков слоя *8* и мустьерского культурного слоя *16* сильно разнятся между собой; 3) характер фауны моллюсков позволяет предполагать здесь наличие двух периодов похолоданий и одного потепления между ними.

Бассейн Среднего Днестра находится во внеледниковой области. Однако истоки его расположены в Карпатах, где имеются следы неоднократных оледенений (оледенениям Карпат посвящен целый ряд работ польских геологов; этот вопрос хорошо разобран в работе Б. Н. Иванова, изданной в 1950 г.). Край ледника максимального оледенения, по-видимому, достигал левого берега Днестра в области Прикарпатской низменности. Поэтому смена оледенений и межледниковых эпох должна была найти достаточно яркое отражение как в климатической обстановке изученной территории, так и в общем режиме Днестра.

Сопоставление климатических изменений в Приднестровье с оледенениями Русской равнины является достаточно условным и может базироваться только на соотношении изученной толщи с террасами Днестра и на фаунистических данных.

Имеющийся материал не дает еще возможности окончательно решить этот вопрос. Могут быть предложены два варианта его разрешения.

1. Мощная погребенная почва, являющаяся наиболее древним элементом четвертичного разреза в овраге Байловом, относится к одинцовскому веку. Нижняя суглинистая и супесчаная толща (*IIг*) принадлежит ко времени московского оледенения. Мустьерский слой соответствует концу последнего или началу микулинского межледниковья. Далее следуют суглинки калининского оледенения с интерстадиалом (*IIа* и *IIб*). Перерыв между двумя толщами — молого-шекснинское межледниковье. Образование лёссовидных суглинков падает главным образом на осташковское оледенение [1].

Мустье относится по этой схеме к концу московского оледенения — началу микулинского межледниковья (R_2—RW), мадленские слои — к осташковскому оледенению (W_2).

2. Ископаемая почва в верховьях оврага (*III*) является микулинской и образовалась в период существования реки на уровне II террасы. Нижняя толща суглинков связывается с калининским оледенением, причем мустьерский слой с элементами потепления может быть отнесен к верхневолжскому интерстадиалу. Перерыв между двумя толщами суглинков — молого-шекснинское межледниковье. Лёссовидные суглинки относятся к осташковскому оледенению.

Мустье относится соответственно к калининскому оледенению (W_1), мадлен, как и в первом случае,— к осташковскому оледенению (W_2).

Возможность большего удревнения культурных слоев (и, в частности, мустьерского слоя), чем это предложено в первом варианте, по-видимому, должна быть исключена. Тогда следовало бы отнести ископаемую почву в верховьях оврага Байлова рипа, расположенную не выше уровня III террасы, к лихвинскому веку (*MR*). Между тем фаунистически охарактеризованные отложения этого возраста встречены в ряде пунктов на Днестре в аллювиальных отложениях более высокой, IV террасы.

Оба предложенных варианта имеют слабые стороны.

Если следовать первому варианту, то к одинцовскому времени будет отнесена мощная, сдвоенная ископаемая почва черноземного типа, а к микулинскому — едва намечающаяся, слабо развитая оподзоленная почва мустьерского слоя (если не относить всю нижнюю толщу суглинков до верхней погребенной почвы к московскому оледенению). Между тем, принято считать, что именно в одинцовское, относительно прохладное,

[1] Применяется стратиграфическая схема А. И. Москвитина.

время развивалась подзолистая почва, а в теплое, микулинское межледниковье происходило мощное почвообразование.

Второму варианту противоречит нахождение большого количества остатков ранней формы мамонта в мустьерском горизонте, относящемся по этой схеме к калининскому веку. В калининское время обычно встречается уже поздний тип (с коренными зубами, имеющими более частые пластины с более тонкой эмалью).

Таким образом, положение здесь является, по-видимому, более сложным и стратиграфическое расчленение описываемых отложений, надежно увязанное с оледенениями Русской равнины или Карпат, пока еще сделано быть не может. Большой интерес представляет вопрос о связи днестровских террас с трансгрессиями и регрессиями Черного моря, который будет рассмотрен особо. Образование II террасы Днестра может быть по-видимому, сопоставлено, с карангатской трансгрессией Черного моря (верхний уровень). Однако, этот вопрос еще требует доработки.

На основе имеющихся данных можно прийти к одному определенному выводу: мустьерские слои молодовских стоянок относятся к последнепровскому времени. Они не древнее конца среднего, и не моложе начала верхнего плейстоцена.

На описанной многослойной стоянке были встречены лишь культурные слои, относимые к среднему палеолиту (мустье) и концу верхнего палеолита (поздний мадлен). Слои более ранней поры верхнего палеолита (солютре) обнаружены на соседней многослойной стоянке Молодова V, расположенной в близких геологических условиях, описание которой следует далее.

IV. МНОГОСЛОЙНАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА МОЛОДОВА V

Палеолитическая стоянка Молодова V, открытая А. П. Чернышом и раскапывавшаяся им в 1951 и 1953—1958 гг., расположена у западной окраины с. Молодова на мысу, имеющем форму седловины, ограниченном с востока оврагом, называемым Вороновым, вдоль которого идет проезжая дорога в с. Молодова (фиг. 12). Выположенная поверхность у раскопа стоянки имеет высоту около 50 м. По направлению от реки эта поверхность сначала постепенно, с небольшим перегибом на высоте около 100 м, затем резко увеличивается до уровня крутого цоколя 150—160-метровой сильно размытой здесь террасы. Склон задернован и над стоянкой покрыт лесом. По направлению к реке мыс, на котором расположена стоянка, снижается и обрывается к высокой пойме Днестра небольшим задернованным уступом, осложненным искусственными ступенями. На поверхности поймы, занятой посевами, виден широкий, плоский конус выноса из Воронова оврага.

Долина Днестра (ее «внутриканьонная» часть) на этом участке очень узка: она имеет ширину не более 1,5 км. Четвертичные отложения представлены здесь в основном продуктами выноса, смыва и сноса рыхлого материала по склону.

Мыс, на котором располагается раскоп, сложен мощной толщей рыхлых суглинистых песчанистых пород, прикрытых слоем известковистых лёссовидных суглинков. Описание этой толщи следует ниже.

С востока Вороновым оврагом вскрыта на 10—12 м толща четвертичных отложений, частично прикрывающих седловину, частично причлененных к ней (овражно-балочный аллювий и делювий, прикрытый лёссовидными суглинками). Эти отложения представлены в нижней части тонкими глинистыми серовато-желтыми, сильно песчанистыми суглинками с ожелезненными полосами, а выше — желтоватыми известковистыми суглинками с прослоями, линзами, карманами и отдельными включениями кремневой щебенки и слабо окатанных обломков известняка. Далее следует толща желтоватых известковистых суглинков лёссовидного типа, имеющих здесь мощность около 2,5 м и залегающих прямо под почвенным слоем. В этих суглинках найдена головка бедра *Elephas* sp. В нижней части их отмечается наличие затемненного горизонта, обогащенного гумусовым материалом. По направлению от реки мощность суглинков в этом разрезе уменьшается и в них увеличивается количество грубого щебнистого материала. На расстоянии около 250 м от начала седловины, на высоте 28—30 м над рекой, в русле оврага появляются палеозойские глинистые сланцы, непосредственно прикрываемые беспорядочно расположенным щебнистым материалом.

Раскоп стоянки Молодова V, находящийся в центральной части седловины, занимает площадь около 750 м². Глубина основной части раскопа

достигает 4—5 м (фиг. 13). Кроме того, здесь было пройдено три шурфа глубиной 14,2; 10,6 и 9,2 м. Коренных пород этими шурфами достигнуто не было. Во всех шурфах на глубине 9—10 м наблюдались следы культурного слоя. В связи с этим в 1958 г. был заложен небольшой раскоп размером 5 × 6,5 м, доведенный до глубины 11 м. В раскопе были встречены культурные остатки, тождественные мустьерским, найденным на стоянке Молодова I.

Стенки раскопа в своей верхней части слагаются однообразными, неслоистыми, желтоватыми, тонкими, плотными, известковистыми суглинками лёссовидного типа. В верхней части суглинков наблюдаются кротовины, встречаются мелкие известковые конкреции и раковины моллюсков. Иногда в них имеются горизонтальные светло-серые полосы. В центральной части седловины суглинки залегают непосредственно под маломощным дерновым покровом. Вниз по склону появляется все увеличивающийся по мощности слой темных и ниже бурых комковатых суглинков — современный почвенный горизонт.

На глубине около 4,5—5 м лёссовидные суглинки отделяются от нижележащей толщи сложным горизонтом погребенной почвы.

Суглинистые породы, располагающиеся ниже погребенной почвы, более песчанисты, слюдисты, содержат многочисленные примазки черного цвета. На определенном уровне они состоят из неравномерно расположенных, изогнутых прослоев желтого и светло-серого цвета. Здесь же наблюдается тонкий «сажистый» горизонт, аналогичный темному прослою, встреченному на раскопе стоянки Молодова I. Все описанные слои имеют падение, соответствующее рельефу местности, т. е. к реке и в сторону оврага. Ниже приводим описание разреза по раскопу 1958 г. и заложенному на этом месте ранее (1955 г.) шурфу № 1 (фиг. 14):

	Глубина, м
1. Дерновый покров и темный гумусовый горизонт . . .	0—0,30
2. Суглинок желтовато-бурый, комковатый, с кротовинами	0,30—0,78
3. Суглинок тонкий, серовато-желтого цвета, пылеватый, известковистый, в сухом состоянии очень плотный	0,78—1,40
4. То же. Суглинок несколько более рыхлый, более желтоватого оттенка	1,40—1,63
5. Суглинок серовато-желтый, известковистый, тонкий, плотный, лёссовидный, с редкими углистыми и железистыми примазками и белыми «журавчиками» . . .	1,63—2,65
6. Суглинок немного более темноокрашенный, с углистыми примазками и темными прослоями	2,65—2,85
7. Суглинок серовато-желтый, известковистый, тонкий, пылеватый, лёссовидный, с мелкими известковистыми стяжениями, книзу несколько более темно окрашенный.	2,85—3,85

Слои 3—7 содержат значительное количество раковин моллюсков, среди которых преобладают *Pupilla muscorum* Müll., затем следуют *Succinea oblonga* Drap., *Clausilia dubia* Drap., *Fruticicola hispida* L., *Vallonia pulchella* Müll., *Columella edentula* Dr., единичные *Helicella* sp., *Punctum pygmeum* L. (?)

Промывка образцов из разных частей толщи показала примерно одинаковое их соотношение.

В этих слоях располагается ряд культурных слоев (I—VI). В верхних из них встречены крупные раковины моллюсков, которые несомненно собирал палеолитический человек. Так, в I слое обнаружено большое количество раковин *Helix pomatia* L., *Helix* (*Helicogena*) sp., формы, совмещающей признаки *pomatia-lucorum*, *Eulota fruticum* (Müll.), *Arianta arbustorum* L., *Cephea nemoralis* L. Некоторые крупные раковины имеют неясные следы пронизей. Во II культурном слое обнаружены

Фиг. 12. Вид на стоянку

	Глубина, м
раковины *Eulotia* (*Helix*) sp. cf., *E. fruticum* Müll., несколько крупнее нормы.	
8. Суглинок темный шоколадного оттенка, с темными прослоями и черными примазками, более рыхлый, слегка комковатый; к нему приурочен VII культурный слой (солютре). Не содержит наземных моллюсков . . .	3,85—4,15
9. Суглинок серовато-желтый, сильно осветленный; в нижней его части прослеживается VIII культурный слой	4,15—4,75
10. Суглинок темный, довольно рыхлый, землистого сложения; в нем располагаются IX и X культурные слои	4,75—5,25
11. Суглинок темноокрашенный, но несколько светлее предыдущего, с буроватым оттенком, макропористый, с белыми выцветами и черными примазками, имеет кротовины	5,25—5,95
12. Суглинок серовато-желтоватый, осветленный, с кротовинами; сверху в него клинообразно проникают темные суглинки по трещинам, имеющим наклон, обратный уклону рельефа	5,95—6,50
13. Две хорошо выраженных полосы затемненных суглинков коричневатого цвета, мощностью верхняя — около 15 см и нижняя — 8—10 см, разделенные небольшим более светлым прослоем; ниже также довольно темные суглинки	6,50—6,90
14. Суглинки осветленные песчанистые, комковатые, желтобурого цвета, макропористые, с белыми выцветами, с очень нечеткой нижней границей	6,90—7,20
15. Суглинки темные с коричневатым оттенком, с землистым изломом, слегка песчанистые, с кротовинами	7,20—7,80
16. Суглинки желтоватые, более светлые, песчанистые, макропористые, с белыми выцветами, кротовинами и многочисленными темноокрашенными примазками и пятнами	7,80—8,50

Молодова V с востока

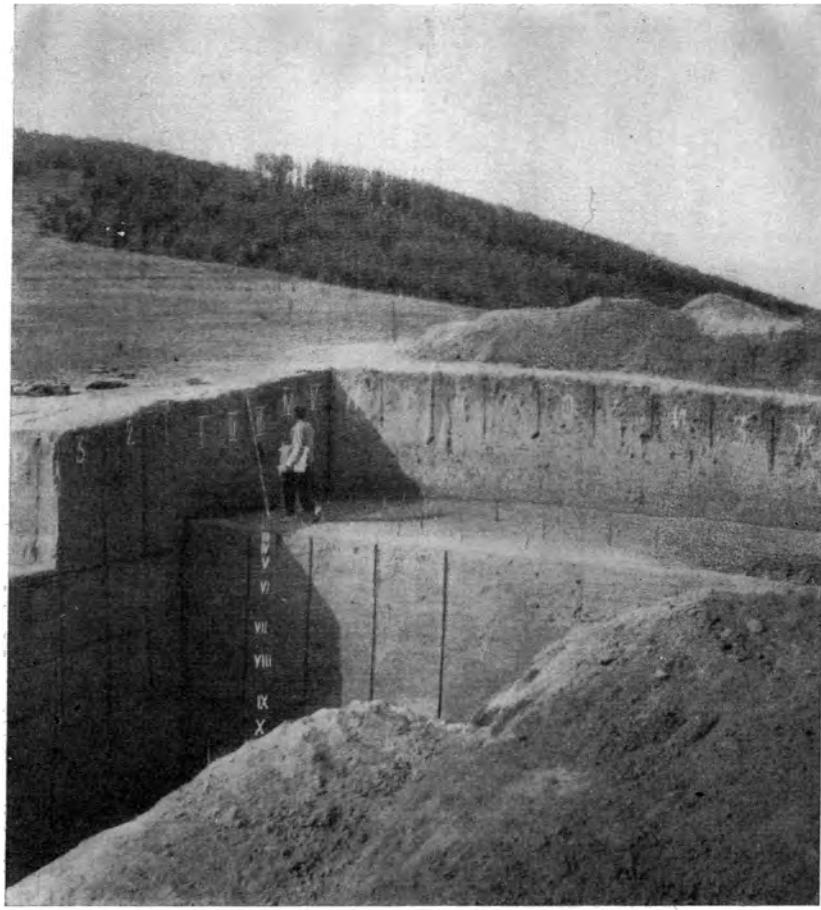
	Глубина, м
17. Толща песчанистых, слегка слюдистых суглинков, состоящая из неправильного чередования светло-серых и желтых участков, с хорошо выраженным волнистым темным, почти черным, «сажистым» прослоем мощностью от 5—8 до 10 см, имеет кротовины	8,50—9,30
18. Светло-серые, сизоватые, тонкие суглинки, образующие нечеткий, волнистый прослой, слюдистые, с ожелезненными участками и темными примазками	9,30—9,50
19. Суглинки желтовато-серые, макропористые, тонкие, местами слегка ожелезненные, с темными примазками и редкими линзообразными наклонными светло-серыми полосами; содержат два культурных мустьерских горизонта, на глубине 9,8 и 10,6 м, разделенных стерильным прослоем; в нижнем из них имеются следы кротовин. В мустьерских слоях собраны раковины моллюсков: *Vallonia pulchella* Müll., *Pupilla muscorum* Müll., *Succinea oblonga* Drap., единичные *Helicella striata* Müll., *Fruticicola hispida* L. и одна крупная раковина *Helix* cf. *pomatia* L., ...	9,50—11,10
20. Суглинок известковистый, слюдистый, слабо песчанистый, коричневатого оттенка, с черными примазками	11,10—12,70
21. Супесь тонкая, серовато-коричневатая, известковистая	12,70—13,40
22. Суглинок желтовато-серый, тонкий, известковистый, слюдистый, песчанистый, пройдено	13,40—14,20
Подошва не достигнута	

Все образцы описанного разреза сильно вскипают от HCl.

Небольшое количество образцов из шурфа № 1 подвергалось гранулометрическому анализу, который показал преобладание алевритовых и пелитовых фракций и увеличение песчанистости к низам толщи.

Установлено [1], что карбонатная часть породы представлена кальци-

[1] Минералогический состав нескольких образцов из верхней части толщи шурфа № 1 изучался В. Н. Разумовой.



Фиг. 13. Раскоп стоянки Молодова V

Цифрами на стенке раскопа по вертикали показаны места расположения культурных горизонтов.

Цифры и буквы по горизонтали — номера квадратов раскопа. Фото 1954 г.

том, присутствующим в природе в виде зерен и криптокристаллических сростков. Основную массу суглинков составляют минералы легкой фракции, представленные кварцем, микроклином и кислым плагиоклазом с примесью чешуек мусковита, биотита, хлорита и зерен глауконита.

Глинистые фракции сложены гидрослюдами с примесью минералов группы монтмориллонита.

Тяжелая фракция, составляющая 2—3% породы, образована эпидотом, роговой обманкой и лейкоксеном с примесью циркона, рутила, граната и единичными зернами турмалина, ставролита, дистена, титанита, окислов железа. Все исследованные образцы обнаруживают значительное сходство по минералогическому составу.

Пыльцевые анализы ряда образцов из шурфа № 1 не дали никаких результатов — пыльцы ни в одном из них обнаружено не было.

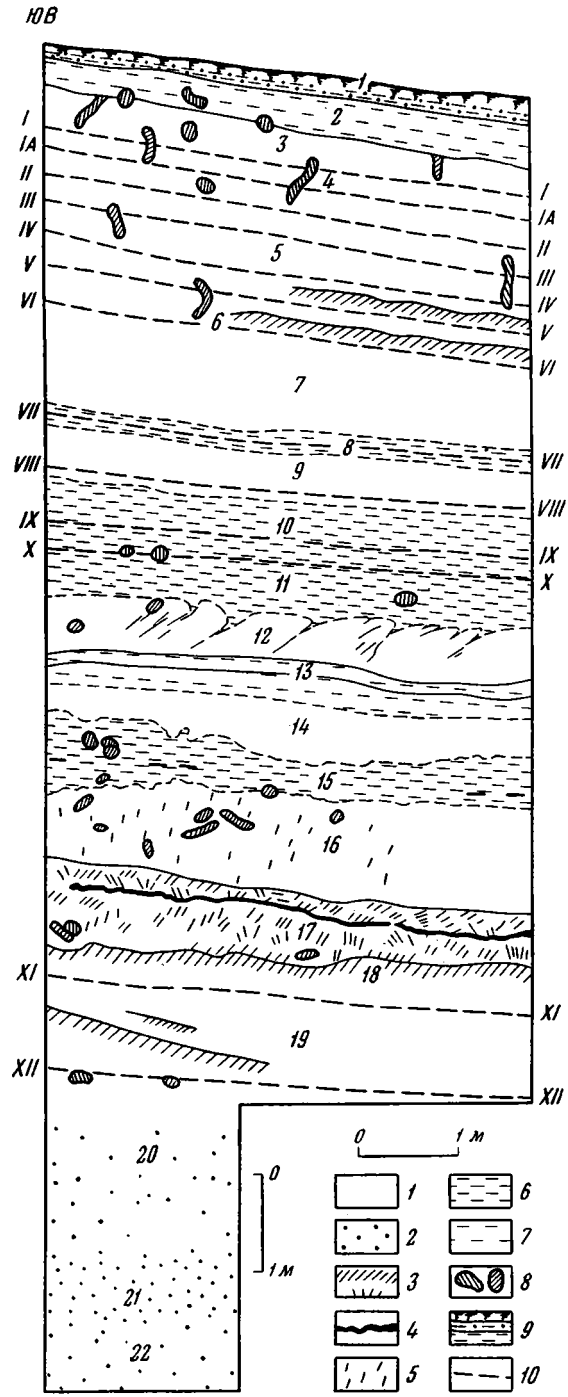
В описанных суглинках, как уже указывалось, располагается ряд культурных слоев с богатым кремневым инвентарем, остатками костяных изделий из кости и многочисленной фауной — результатом охотничьей добычи палеолитических охотников. На фиг. 14 показано расположение культурных слоев в толще суглинков. Следует отметить, что эти слои имеют падение, соответствующее падению рельефа местности.

Первый культурный слой, обнаруженный А. П. Чернышем на глубине 0,65—0,85 м, и слой IA с глубины 1,0—1,10 м отнесены им к раннему мезолиту; следующий, II слой (1,2—1,4 м) — к позднему мадлену; слои III, IV, V и VI (1,6—2,7 м) — к разным стадиям мадлена; слой VII с глубины 3,5—4,0 м, отнесен к позднему солютре и сопоставляется с культурой граветт Чехословакии. Слои VIII, IX и X, обнаруженные на глубине 4,5—5,3 м, принадлежат к более ранним этапам солютре.

Неясные следы культурных остатков найдены на глубине 7,5 м в темном прослое суглинков (слой 15 в описании разреза).

Два нижних мустьерских слоя (XI и XII) с глубины 9,8 и 10,6 м, располагаются в совершенно тех же геологических условиях, что и на стоянке Молодова I: в желтовато-серых суглинках, залегающих под толщей неравномерно переслаивающихся желтых и светло-серых суглинков и супесей с «сажистым» прослоем.

Фауна млекопитающих, собранная в верхнепалеолитических слоях стоянки Молодова V, является чрезвычайно типичной для стоянок этого возраста и принадлежит к так называемому верхнепалеолитическому комплексу, выделенному В. И. Громовым. Многочисленны остатки северного оленя, лошади, зубра. Меньше остатков мамонта, благородного оленя,



Фиг. 14. Разрез толщи суглинков раскопа палеолитической стоянки Молодова V

1 — суглинки желтовато-серые, тонкие, известковистые, лёссовидного характера; *2* — суглинки песчанистые и супеси; *3* — участки и прослои суглинков, окрашенные в серый цвет (оглеенные); *4* — «сажистый» прослой; *5* — суглинки, обогащенные темными примазками; *6* — темно-окрашенные суглинки, коричневые и темно-бурые; *7* — суглинки, несколько менее интенсивно окрашенные в темный цвет; *8* — кротовины; *9* — современная почва; *10* — культурные слои: I и IA — мезолит, II—VI — мадлен, VII—X — солютре, XI—XII — мустье. Арабские цифры на фигуре соответствуют номерам в описании разреза (см. текст)

лося, носорога, зайцев, птиц. Единичны остатки песца, крупного хищника. (Определение фаунистических сборов А. П. Черныша 1953 г. проведено И. Г. Пидопличко, сборов 1954—1958 гг. —Э. А. Вангенгейм).

Между фауной культурных слоев, имеющих разную археологическую датировку, намечаются некоторые различия.

Во всех верхних слоях (I—VI), отнесенных в основном к мадлену, мы имеем резкое преобладание северного оленя. Остатки его составляют от 60 до 90% всей фауны. В солютрейских слоях (VII—X) более 50% остатков фауны составляют кости лошади, хотя количество костей северного оленя остается значительным.

Важно отметить, что та же закономерность прослеживается и на других многослойных стоянках района — Бабин I и Вороновица I. В мадленских слоях там преобладают остатки северного оленя; в солютрейских слоях увеличивается количество остатков лошади. На стоянке Бабин I, в слое, отнесенном А. П. Чернышом к ориньяку, располагающемся стратиграфически ниже солютрейских, северный олень снова является преобладающим.

Мустьерские слои стоянки Молодова V содержат исключительно остатки мамонта, по-видимому, той же ранней формы, что и на стоянке Молодова I. Остатков северного оленя, крупного оленя и лошади, встреченных, хотя и в очень небольшом количестве, среди фауны мустьерских слоев стоянки Молодова I, здесь не отмечалось. Вероятнее всего, это связано с тем, что раскопанная здесь площадь еще очень незначительна и фауны на ней встречено вообще немного.

Весь комплекс фауны приднестровских верхнепалеолитических стоянок принадлежит к степной и лесостепной зоне.

Обычно принято считать, что увеличение остатков северного оленя свидетельствует о похолодании климата, а преобладание лошади говорит о широком развитии степных пространств с богатой травянистой растительностью. Однако существует мнение, что здесь должен быть принят во внимание и характер охоты, так как фауна является остатками охотничьей добычи палеолитического человека.

Учитывая, что солютрейские слои стоянки Молодова V приурочены непосредственно к зоне перерыва (интенсивного почвообразования), можно предполагать, что преобладание лошади в этих слоях связано не только с изменением характера охоты, но и с известным потеплением климата в период их существования.

Фауна моллюсков имеет в разрезе стоянки Молодова V примерно тот же характер, что и на стоянке Молодова I. Интересна находка крупной раковины *Helix* cf. *pomatia* L. в мустьерском культурном слое, подтверждающая высказанное ранее предположение о некотором смягчении климата в период образования данного слоя.

Следует еще раз подчеркнуть поразительное сходство отложений на обеих описанных стоянках, хотя они и расположены на разной высоте (50 и 33—38 м).

Несомненно, что здесь имеет развитие единый, сложно построенный делювиальный шлейф, опирающийся на II террасу Днестра.

В обоих случаях разрез начинается (сверху) слоем лёссовидных суглинков, отделенных перерывом от нижележащей толщи. Ниже следуют беспорядочно переслаивающиеся серые и желтоватые суглинки, разделенные тонким «сажистым» прослоем; далее — серовато-желтоватые, однородные суглинки с мустьерским культурным слоем. В обоих разрезах наблюдается увеличение песчанистости суглинков книзу.

Различной является пограничная часть между двумя толщами: мощная почвенная зона на стоянке Молодова V и размытая почва над выдержанным кремневым горизонтом в овраге Байлова рипа, а также присутстви-

значительного количества кремневого щебня в толще суглинков последнего пункта. Это обусловливается различным положением стоянок по отношению к склону, разницей в крутизне склона и характере размыва коренных пород.

На стоянке Молодова V не обнаружена (возможно, что не достигнута) нижняя погребенная почва, встреченная в глубине оврага Байлова рипа.

В лёссовидных суглинках, аналогичных лёссовидным суглинкам стоянки Молодова I, располагаются один над другим мадленские культурные слои, относимые археологами к разным этапам развития этой культуры. Нужно оговориться, что при их выделении следует базироваться в основном на археологических данных, т. к. в геологическом отношении слои находятся в очень близких условиях. Разница в высоте в 20—30 см сама по себе может и не иметь здесь сколько-нибудь существенного стратиграфического значения. Все зависит от скорости накопления делювиальных суглинков, которая могла быть очень различной в разные моменты.

Чрезвычайно важным является то обстоятельство, что в разрезе стоянки Молодова V хорошо представлены солютрейские слои, не встреченные в Байловой рипе. Они непосредственно связаны с зоной почвообразования (фиг. 14), что говорит об их «межледниковом» возрасте.

V. ДРУГИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ И НЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ОПИСЫВАЕМОГО РАЙОНА

1. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ

Число верхнепалеолитических местонахождений описываемого района, как это явствует из работы А. П. Черныша, очень велико. Не перечисляя их все, мы остановимся лишь на наиболее интересных из тех, которые нам удалось обследовать [1].

1. К о р м а н. Местонахождение Корман расположено на правом берегу Днестра в окрестностях с. Корман Секирянского района Черновицкой области, в 5 км к В от с. Молодова (см. карту, фиг. 5).

Днестр подмывает здесь на левом берегу крутой склон 150—160-метровой террасы. На правобережье бровка этой террасы отступает от реки. Относительно пологий задернованный склон, по-видимому, с остатками почти всех «внутриканьонных» террас, прикрыт сверху шлейфом делювиальных суглинков. Толща суглинков и аллювиальных отложений вскрыта целой системой оврагов-промоин. Здесь известен ряд палеолитических местонахождений, открытых Ч. Амброжевичем, И. Ботезом, Н. Морошаном и А. Чернышом.

Нам представляется, что наиболее интересным из них является местонахождение «За млином» (Корман IV А. П. Черныша). Оно расположено у западной окраины с. Корман против впадения в Днестр р. Ушицы, в овраге (см. фиг. 4). Ранее у устья этого оврага находилась мельница, отнесенная сейчас в сторону.

Здесь развита 25—35-метровая терраса, подходящая к самой реке и подмываемая ею. Терраса с галечниками в основании сложена песчанистыми суглинками, содержащими отдельные гальки и галечниковые прослои и прикрытыми толщей лёссовидных делювиальных суглинков. В этом пункте отмечено несогласное залегание двух толщ суглинков и хорошо прослеживаются взаимоотношения II и III террас.

Культурные слои, отнесенные к позднему ориньяку, были обнаружены Морошаном и Ботезом (1933) у устья оврага на глубине 4,5 и 3,5 м.

Нижний слой, наиболее богатый, находился в песчанистом лёссовидном суглинке, верхний — в «типичном» лёссе. В нижнем слое обнаружено

[1] При этом следует оговориться, что интересные многослойные стоянки Бабин I и Вороновица I здесь не описываются, так как раскопки их проводились до того, как автор стал принимать участие в работах Днестровской археологической экспедиции. Они расположены на поверхности высоких террас, старые раскопки здесь совершенно «заплыли», естественных обнажений, кроме очень неглубоких промоин, нет. Общее положение этих стоянок в долине Днестра иллюстрируется на фиг. 15. Некоторые данные о стоянке Бабин I приводятся в заключительном разделе. Последняя стоянка входит в пределы закартированной области и отмечена на крайнем западе (фиг. 5). Стоянка Вороновица I расположена еще западнее.

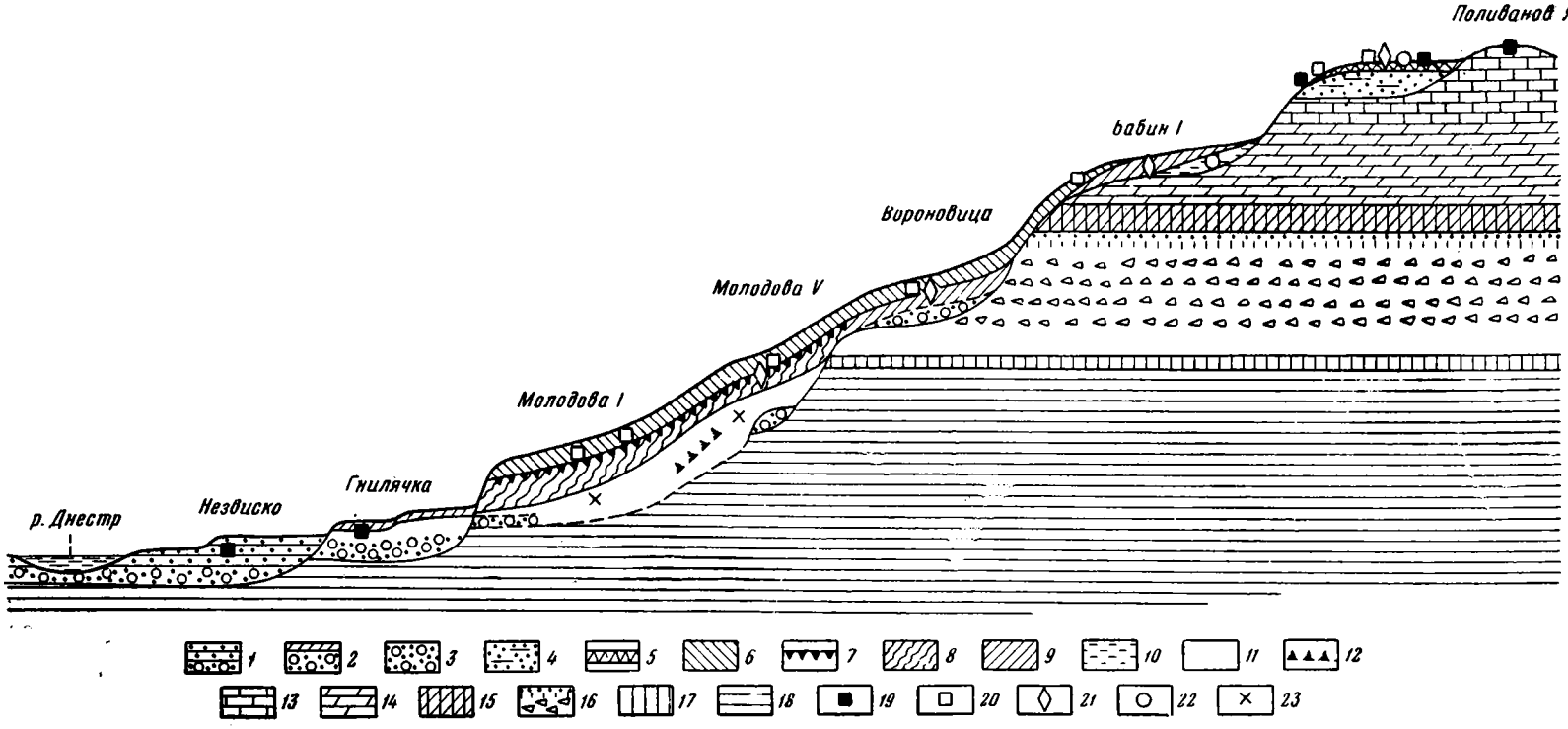


Рис. 15. Схема строения долины Днестра и расположения стоянок каменного века в изученном районе

1 — alQ_4, илистые супеси, суглинки и галечники высокой и низкой поймы; *2* — alQ_3, аллювиальные песчано-галечные отложения I надпойменной террасы; *3* — alQ_{4-2-3}, песчано-галечные отложения II, III и IV надпойменных террас; *4* — alN_2^3, песчано-гравийные отложения VI террасы; *5* — dlQ_{3-4}, делювиальные «покровные» тяжелые суглинки; *6* — dlQ_3^2, лёссовидные делювиальные суглинки склонов; *7* — pdQ_3, ископаемый почвенный горизонт, местами размытый; *8* — dl—prol— $solQ_3^1$, делювиально-пролювиальные отложения со следами солифлюкции; *9* — dl— prol. Q_3^1 делювиально-пролювиальные суглинки; *10* — dlQ_3^1, глины песчанистые, делювиальные; *11* — dl — prol Q_{2-3} (?), делювиально-пролювиальные суглинки и супеси; *12* — pdQ_{2-3} (?), ископаемый почвенный горизонт; *13*— N_1^3 srm, известняки нижнего сармата; *14* — N_1, нерасчлененные отложения среднего и верхнего миоцена; *15* — Cr_2^2(?), N_1 (?), кремневая «брекчия»; *16* — Cr $_2^{cm}$, кремнисто-мергелистая толща верхнего мела; *17* — O_3^1, песчаники Молодовы; *18* — Pz, глинистые сланцы и песчаники (палеозойские породы показаны применительно к району с. Молодова; в районе стоянок Бабин и Вороновица они замещены известняками силура); *19* — триполье; *20* — мадлен; *21* — солютре; *22* — ориньяк; *23* — мустье

большое количество обработанных кремней, костяных орудий, угли, обгорелые кости. Отсюда происходит известная находка humerus'а человека.

Фауна млекопитающих нижнего горизонта, по данным Ботеза, состоит из остатков мамонта, носорога, мускусного быка, лошади, северного оленя, каменного барана, серны, волка и оленя. Фауна верхнего горизонта несколько беднее. Орудия обоих горизонтов близки по своему характеру. А. Чернышом в 1949—1950 гг. здесь были собраны кремневые изделия, угольки. Им отмечены следы двух культурных слоев в ближайшем овраге.

Нами также было отмечено на небольшом, сползшем к Днестру, участке, у левого края оврага, наличие тонкого культурного слоя с кремневыми орудиями и неопределимыми остатками фауны под толщей песчанистых суглинков с железистыми примазками, мощностью в 1,5 м.

Далее вглубь этот овраг имеет пологое неширокое дно, отвесные стенки, на 8—10 м сложенные суглинками с песчаными прослоями и многочисленными линзочками, отдельными включениями и прослойками галечника, обогащенного местными породами.

Здесь, на расстоянии 85 м от устья оврага, на высоте около 20 м над рекой и в 1,5—2 м над дном оврага, нами было обнаружено в 1955 г. большое скопление костей животных (главным образом крупных трубчатых костей *Elephas*).

Разрез в этой части оврага следующий:

	Глубина, м
1. Дерновый покров, почвенный слой	0,0—0,85
2. Суглинок желтовато-серый, тонкий, лёссовидный, макропористый, известковистый, с большим количеством наземных моллюсков *Succinea oblonga* Drap., *Fruticicola hispida* L. (частью var. *terrena* Clessin.), *Vitrea diaphana* Studer	0,85—3,35
3. Прослой плиток глинистых сланцев, с редкими гальками в суглинке	3,35—3,50
4. Суглинок желтоватый, песчанистый, с очень редкими гальками и большим количеством мелких наземных моллюсков (те же формы, что и в слое 2)	3,50—3,90
5. Прослой плиток палеозойского щебня с галькой, в суглинке	3,90—4,20
6. Суглинок желтоватый, песчанистый, с редкой галькой и наземными моллюсками	4,20—4,55
7. Прослой палеозойского щебня с галькой, плохо выдержанный	4,55—4,60
8. Суглинок желтоватый, песчанистый, с мелкими наземными моллюсками (те же формы, что и в слоях 2, 4, 6)	4,60—5,0

Далее задернованно на глубину около 3 м и ниже вскрыто нашей расчисткой:

9. Неравномерное переслаивание серых песчанистых глин и светлых, желтоватых, рыхлых песков; найдены обломки костей лошади, редкие раковины *Helicella* sp. aff., *H. striata* Müll.	8,0—9,1
10. Щебень с галькой в песке с глинистыми зеленоватыми ржавыми примазками. Залегает неправильным, изогнутым выклинивающимся прослоем мощностью до 30 см; содержит остатки мамонта, благородного оленя, крупной лошади; галька представлена главным образом немного окатанными кремневыми желваками, плитками глинистых сланцев и более редкой, хорошо окатанной, галькой других пород	9,1—9,3
11. Песок коричневато-желтый, рыхлый, с галькой преимущественно кремня и песчаника; содержит редкие неопределимые обломки костей животных; пройденная мощность	9,3—10,1

На дне оврага выходят палеозойские глинистые сланцы. Среди многочисленной, собранной здесь кремневой щебенки достоверных орудий не обнаружено, но, по-видимому, здесь имеются несомненные размытые остатки палеолитической стоянки.

Далее в глубь того же оврага пологое дно его нарушается крупным перепадом, образующим большую ступень, сложенную палеозойскими, глинистыми сланцами (см. фиг. 4). Выше перепада дно оврага резко выполаживается. Овраг становится более мелким, относительно широким. В его задернованных дне и склонах на высоте около 45 м наблюдаются выходы размытых галечников III террасы.

Обнажения палеозойских пород и галечников III террасы являются тем источником, который обогатил описанную выше делювиальную толщу прослоями сгруженных плиток глинистых сланцев с гальками.

В самых верховьях оврага на высоте около 70 м над рекой обнажаются желтые делювиальные суглинки склонов, в которых на глубине 2,5 м от поверхности в обеих стенках прослеживается тонкий культурный слой, содержащий обработанные кремни, кости животных, известковые конкреции и зольные пятна.

Суглинки содержат раковины моллюсков: *Succinea oblonga* Drap. (много), *Vallonia pulchella* Müll., *Fruticicola hispida* L. *var terrena* Clessin., встречен один экземпляр *Columella edentula* Drap. (?). Собранные здесь костные остатки принадлежат главным образом северному оленю. Обработанные кремни, по-видимому, являются позднемадленскими.

Из осмотренных, известных по литературе, других местонахождений окрестностей с. Корман часть приурочена к поверхности 150—160-метровой террасы и ее склонам, где собран подъемный материал (Корман I и Корман III — А. Черныша, Дильница и «На хрестах» — Ч. Амброжевича), часть располагается в толще делювиальных суглинков склона. Характерным является позднемадленское местонахождение Корман II, открытое А. П. Чернышом. Оно находится на склоне, на высоте около 100 м над рекой, в одном из неглубоких ответвлений многочисленных оврагов-промоин, где коренные породы располагаются уже неглубоко от поверхности.

Разрез здесь следующий:

	Мощность, м
1. Почва	0,45
2. Суглинок коричневато-желтый	0,4
3. Суглинок более тонкий, сероватый, плотный, известковистый, с белыми примазками и выдержанным по обеим стенкам оврага небольшим культурным горизонтом, падающим соответственно падению склона; культурный горизонт содержит большое количество кремневых отщепов и орудий (мадлен), костей животных (лошадь, северный олень), угольки; общая мощность суглинков	1,4
4. Суглинок, переполненный кремневой щебенкой, в которой найден окатанный отщеп ранней фазы верхнего палеолита	0,8
5. Ржаво-желтый суглинок с включением кремневой щебенки; видимая мощность	1,0

Подъемный палеолитический материал распространен в окрестностях Кормана исключительно широко.

Известно, что в крутом обрыве 150—160-метровой террасы, располагающемся к З от описанной излучины, против Старой Ушицы, где обнажается мощная толща сарматских известняков, имеются глубокие пещеры и ниши, труднодоступные для изучения. Было бы очень важно подвергнуть их обследованию.

2. Комарово. А. П. Чернышом открыто и описано в окрестностях с. Комарово Кельменецкого района три палеолитических местонахождения (Черниш, 1954).

Одно из них (Комарово III) расположено на высокой поверхности правого берега, у самой реки, в 2 км к В от с. Комарово, между оврагом Поливанов яр и повышенным участком, сложенным сарматскими известняками, выходящими на дневную поверхность на высоте около 175—185 м (см. фиг. 3). Это одно из наиболее эффектных в описываемом районе обнажений известняков, образующих причудливые навесы и карнизы, напоминающие стены и развалины старого замка. Мощность известняков достигает 65 м.

Высокая часть правого берега к З от оврага Поливанов яр, в склонах которого известняки появляются на высоте 115 м, имеет слабоволнистую размытую поверхность, постепенно повышающуюся к З. Она вскрыта неглубокими (до 0,8 м) промоинами, в которых обнажаются плотные, серовато-желтые, тонкие суглинки, залегающие прямо на сарматских известняках. На высоте около 140 м на поверхности появляется россыпь некрупной пестроцветной гальки (размытая поверхность VI террасы, описанной выше).

На поверхности склона, несколько ниже и восточнее выхода галечников, отмечен значительный участок распространения подъемного кремневого материала (см. карту, фиг. 5). Основное количество находок относится к позднему палеолиту. Встречены также хорошие орудия, принадлежащие к трипольской культуре. Культурного горизонта здесь до сих пор обнаружено не было.

Местонахождение это представляет особый интерес в связи с расположением его близ выхода известняков, ниши и навесы которых могли служить убежищем для палеолитического человека.

3. Атаки. Село Атаки Кельменецкого района расположено на правом берегу Днестра в 8 км выше с. Молодова, против впадения в Днестр р. Студеницы. Здесь имеют четкое развитие небольшие участки высокой поймы и двух надпойменных террас, на которых располагается само селение. Далее к западу террасы срезаются рекой, поворачивающей к югу против студенецких островов. Выше по реке подмывается уже крутой склон, сложенный дочетвертичными отложениями. В районе села склон имеет относительно мягкие очертания и покрыт толщей лёссовидных делювиальных суглинков, аналогичных толще суглинков, развитых близ сел Молодова и Корман.

В этом районе нами было обследовано два местонахождения.

1. Первое располагается в 1 км выше деревни, в первом от деревни овраге, прорезающем толщу аллювиальных и делювиально-пролювиальных отложений, прикрытых лёссовидными суглинками. Длина оврага — всего около 100 м, ширина очень невелика, глубина достигает 15 м.

В этом овраге Ботезом в конце 20-х годов на глубине 3,5 м в лёссовидных суглинках (глинистый прослой) был выявлен культурный слой с обломками костей мамонта, быка, лошади, кремневыми орудиями (200 экз.) и следами кострищ. Археологический возраст слоя Ботезом уточнен не был. Позже местонахождение обследовалось А. П. Чернышом. На карте палеолита УССР А. П. Черныша (1954) это местонахождение, датируемое мадленом, значится как Атаки I.

В центральной части оврага, в его правой стенке, прослежен следующий разрез:

	Глубина, м
1. Серо-бурый суглинок землистого сложения	0,0—0,3
2. Желто-бурый, комковатый, макропористый суглинок	0,3—0,6

	Глубина, м
3. Серовато-желтоватый лёссовидный, тонкий, макропористый известковистый суглинок, с большим количеством наземных моллюсков [1]	0,6—2,1
4. Следы тонкого культурного слоя с небольшими неопределимыми косточками, кремневым щебнем, угольками; в 1954 г. на этом уровне было обнаружено несколько кремневых отщепов и зубы *Bison* sp.	2,1—2,15
5. Желтовато-серые лёссовидные суглинки, слегка песчанистые, с наземными моллюсками *Succinea oblonga* Drap., *Fruticicola hispida* L., *Pupilla muscorum* var. *edentula* Drap.	2,15—2,6
6. Темно-бурые, комковатые суглинки, с псевдомицелиями	2,6—2,9
7. Коричневато-бурые, слегка комковатые, довольно рыхлые суглинки с кротовинами	2,9—3,3
8. Желтовато-серые песчанистые, тонкие, известковистые суглинки с большим количеством раковин *Helicella* sp. aff., *H. striata* Müll., *Succinea oblonga* Drap., *Fruticicola hispida* var. *terrena* Clessin. в верхних частях толщи	3,3—9,3
Осыпь	

В устье оврага обнажаются галечники II террасы, залегающие на цоколе из глинистых сланцев, поднимающемся на высоту 12—14 м над рекой.

Культурный слой позднего палеолита залегает здесь в лёссовидных делювиальных суглинках над прослоем погребенной почвы (слои 6, 7), т. е. в тех же условиях, что и мадленские слои Молодова I и Молодова V. Земляных работ здесь не производилось. Между тем интересно было бы обследовать самые нижние горизонты в глубине оврага для нахождения здесь более древних культурных слоев.

2. Второе обследованное местонахождение было открыто в 1949 г. А. П. Чернышом и упоминается им в описании к его карте (Черниш, 1954) как Атаки V и описывается в данном томе. Оно расположено у самого бичевника, в 2 км к З от деревни. Река подмывает здесь толщу делювиальных отложений, образованную плотными желтовато-серыми суглинками с прослоями щебнистого материала, мощностью по 25—30 см. Обнажающаяся толща имеет около 15 м мощности (фиг. 16). Нижняя часть толщи на несколько метров в осыпи и местами задернована. В этой осыпи собраны кремневые орудия, зуб и ребра *Cervus tarandus* L. А. П. Чернышом на глубине 10—12 м здесь был обнаружен тонкий культурный слой с кремневыми находками (призматический нуклеус, скребки, пластины и отщепы мадленского облика), остатки фауны (северный олень, лошадь).

В 1954 г. нами был прослежен тонкий костеносный слой на глубине около 8 м. Здесь собраны зубы и лопатка *Canis lupus* L., часть челюсти северного оленя с зубами.

Судя по характеру развитых здесь отложений, культурные остатки находятся в переотложенном или по крайней мере смещенном положении.

4. Левобережные пункты находок кремневого материала. Не касаясь издавна известных в литературе палеолитических местонахождений левобережья р. Днестра в пределах рассматриваемой территории (таких например, как Студеница — Белая гора), мы упомянем здесь лишь несколько новых пунктов, расположенных в Старо-Ушицком районе Хмельницкой области, на которых был собран подъемный кремневый материал.

[1] Отсюда определены *Pupilla muscorum* Müll. (много), *Succinea oblonga* Drap. (много), *Fruticicola hispida* L. var. *terrena* Clessin. (значительное количество), *Vallonia tenuilabris* Al. Br. (значительное количество), *Vallonia pulchella* Müll., *Columella edentula* Drap. (?) и единичные *Clausilia* sp., *Arianta* sp. cf. *A. arbustorum* L. (мелкая форма).

Фиг. 16. Правый берег Днестра за с. Атаки (местонахождение Атаки V)

а) *Правый берег р. Ушицы к С от пос. Старая Ушица.* Долина Ушицы в своих низовьях имеет небольшую ширину и врезана, как и Днестр, в цоколь 150—160-метровой террасы. В левом, более крутом, склоне обнажается вся серия коренных пород района. Правый склон прикрыт толщей делювиальных лёссовидных суглинков, прорезанных системой узких оврагов-промоин. Несколько отщепов и орудий верхнепалеолитического облика собрано на дне этих оврагов. Культурного слоя в стенках оврагов обнаружить не удалось.

б) *Пыжевская гора* представляет собой великолепно выраженный участок 150—160-метровой террасы Днестра, круто обрывающейся к долине Ушицы (ее левобережье) и к Днестру против с. Корман (см. карту, фиг. 5). В части, прилегающей к реке, здесь прямо под почвой выходит маломощный слой пестроцветных галечников, залегающих непосредственно на сарматских известняках. В центральной части Пыжевской горы над галечниками располагается толща покровных суглинков.

В объяснительной записке к карте палеолита УССР А. П. Черныша (1954) имеется указание, что М. Я. Рудинским в 1927 г. была открыта палеолитическая стоянка на северном склоне Пыжевской горы. П. П. Ефименко датирует сборы Рудинского мадленом.

Нами собрано значительное количество кремневых отщепов на южном

склоне горы. Принадлежность их к верхнему палеолиту не вполне ясна. Возможно, что часть отщепов принадлежит уже к более позднему времени.

в) *В 5 км вниз по Днестру от Старой Ушицы* по направлению к Лоевцам расположены ферма и молочное хозяйство. До этого пункта на левой стороне Днестром подмывался крутой обрыв 150—160-метровой террасы.

На противоположном берегу ниже с. Корман наблюдалось развитие более низких террас — край высокой террасы отступил от реки на расстояние около 1 км.

За фермой река меняет свое направление, подмывает высокую террасу правого берега, а на левом берегу появляются, кроме поймы, две четко выраженные в рельефе надпойменные террасы. Нижняя 12—15-метровая терраса местами подходит к самому бичевнику. В уступе ее обнажаются залегающие под почвой лёссовидные песчанистые суглинки мощностью 4—4,5 м. Ниже идет горизонтальное переслаивание тонких песчанистых суглинков с песками, содержащими отдельные включения и линзочки галек. Эта терраса связывается перегибом с более высокой террасовой поверхностью высотой в 25—35 м. По направлению от реки эта высота увеличивается. Склоны к более высокой террасе мягкие, задернованные. В развитых здесь оврагах-промоинах обнажаются лёссовидные суглинки с линзами и отдельными обломками кремневой щебенки. В первом от фермы овраге, на глубине 1 м от поверхности собрано несколько кремневых отщепов, несомненно несущих следы обработки человеком. Остатков фауны и других следов культурного слоя здесь не обнаружено.

2. ОБСЛЕДОВАННЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ

В целях сравнения и уточнения стратиграфического положения послепалеолитических стоянок, нами было обследовано три трипольских местонахождения, расположенных в различных геологических условиях, частью в описываемом районе, а частью (Незвиско) за его пределами.

1. Поливанов яр. Местонахождение расположено в Кельменецком районе на правом берегу Днестра, в 5 км к Ю от с. Молодова, между с. Топорово и оврагом Поливанов яр. В 1949—1951 гг. Т. С. Пассек здесь было раскопано большое трипольское поселение.

Поселение находится на высоком (около 155 м над рекой) мысу, ограниченном небольшими балками, над глубоким оврагом Поливанов яр. Поверхность мыса сложена сарматскими известняками, расположенными непосредственно под почвой. Ямы и зернохранилища поселения были устроены непосредственно в рыхлых, выветрелых с поверхности, известняках.

2. Гнилячка (Старо-Ушицкий район). Следы трипольской (?) культуры известны на правом берегу р. Ушицы, в 3 км к С от Старой Ушицы и дер. Гнилячки. Здесь, против так называемого Девьего оврага, ограничивающего с С Пыжевскую гору, р. Ушица интенсивно подмывает с правой стороны свою надпойменную террасу, образуя небольшую излучину. На всем протяжении в свежеподмытой стенке обнажаются (1955 г.) снизу вверх:

	Мощность, м
1. Пески светлые, почти белые, чистые, кварцевые, слоистые, местами замещающиеся галечниками; поднимаются над урезом реки на	0,3—0,5, иногда до 0,8
2. Переслаивание песков желтоватых, глинистых, с песчанистыми суглинками, иногда содержащими гальку . .	0,5

3. Суглинки, тонкие, пористые, известковистые, светло-желтого цвета с большим количеством известковых стяжений и кротовинами в верхней части толщи. В средней и нижней части суглинков много отдельных, беспорядочно расположенных костей млекопитающих. Здесь найдены позвонок и несколько обломков конечностей мамонта, нижняя челюсть благородного оленя, ряд других костей крупных млекопитающих и зубы мелких грызунов *Microtus oeconomus* Pall. Местами суглинки переполнены раковинами наземных и пресноводных моллюсков. Они представлены следующими формами: *Succinea oblonga* Drap., (очень много), *Pupilla muscorum* Müll. (очень много), *Fruticicola hispida* var. *terrena* Clessin (много), *Columella edentula* var. *columella* Martens (aut — *gredleri* Clessin), *Vallonia tenuilabris* Al. Br., *Paraspira spirorbis* L., *Giraulus laevis* Alder., *Stagnicola palustris* var., *Succinea* aff. *putris* L.	3,5—4,0
4. Темные, вверху почти черные, ниже буроватые, комковатые суглинки, иногда образующие карманы (землянки?) вдающиеся в толщу лёссовидных суглинков. Здесь в 1955 г. собраны обработанные кремни (среди них хороший отбойник), обломки керамики; в толще много угольков, мелких косточек животных. Находки приурочены к нижней части толщи	1,5—2,5

Как видно из приведенного разреза, следы трипольского культурного слоя приурочены к нижней части современного почвенного горизонта, развитого на отложениях I надпойменной террасы.

Можно добавить, что трипольские культурные остатки наблюдались в близких геологических условиях и в других местах, например в обрыве I надпойменной террасы правого берега Днестра против Бакоты.

3. Незвиско. Местонахождение расположено на значительном расстоянии вверх по Днестру от описанных ранее пунктов, в Обертинском районе Станиславской области.

На правом берегу Днестра в течение нескольких лет здесь проводились большие раскопки Е. К. Черныш. В 1954 г. раскапывался участок высокой поймы (5—6 м над рекой), у самого уступа террасы к Днестру, на правом берегу речки, впадающей в Днестр в центре с. Незвиско. Разрез стенки раскопа:

	Мощность, м
1. Почва.	0,5
2. Темноокрашенный, сероватый, пористый суглинок с большим количеством беспорядочно расположенной щебенки, обломков керамики, костей, кусочков угля. Вдается большими ямами в нижележащий слой	0,5—1,5
3. Более светло окрашенный горизонт суглинков с желтоватым оттенком. Содержит щебенку, редкие обломки керамики	1—1,2
4. Более плотный суглинок с большим количеством костей и керамики	0,35
5. Темный, желтовато-коричневый суглинок с углистыми и известковыми примазками, с очень редкими обломками керамики. Видимая мощность	0,4

Слой 4 является культурным слоем трипольского поселения, слой 2 содержит археологический материал времени, граничащего с нашей эрой.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании накопившихся материалов о геологических условиях нахождения палеолитических стоянок в Среднем Приднестровье можно прийти к следующим выводам.

Бассейн Днестра, к которому приурочено огромное количество разновременных палеолитических местонахождений, является одним из наиболее богатых и интересных районов распространения палеолита в СССР. Природные условия и геологическое строение создавали, видимо, особенно благоприятные условия для обитания человека в долине этой реки.

Самые древние орудия и отщепы, имеющие раннепалеолитический облик, известны здесь лишь как подъемный материал. В основном они подняты на поверхности высоких террас. Лишь в районе с. Луки Врублевецкой, в 20 км от г. Каменец-Подольска, на левом берегу Днестра, обработанные, слегка окатанные кремни собраны П. И. Борисковским на бичевнике. Орудия эти, отнесенные им к шелльской культуре, приурочены к определенному отрезку бичевника длиной в 400 м и шириной 20—30 м. Тщательное изучение кремневого галечного материала этой площади позволило выявить всего 50 кремней, носящих несомненные следы деятельности человека, и среди них 3 хороших ручных рубила с двусторонней обработкой (Борисковский, 1953, стр. 52—53). Исследование бичевника за пределами этой полосы не дало никаких результатов. Бичевник располагается у подножия надпойменной террасы (высокой поймы, имеющей голоценовый возраст. — *И. И.*) высотой 2—4 м, увеличивающейся по направлению от реки. В обрезе уступа залегает раннетрипольский культурный слой, а над ним — культурный слой первых веков нашей эры (Борисковский, 1953, стр. 40).

По-видимому, обработанные кремни Луки Врублевецкой либо снесены сверху, из отложений, связанных с высокими террасами, либо вынесены р. Суршей, впадающей в Днестр с противоположного берега, непосредственно против местонахождения обработанных камней.

Следует упомянуть также о данных, приведенных Г. И. Раскатовым (1954) для с. Букивна Станиславской области, расположенного значительно выше изученного района. Здесь «среди сильно разубоженных галечников высокой днестровской террасы (аналога так называемого Лоевского уровня), залегающих на меловых мергелях и, по-видимому, находящихся в несколько смещенном состоянии» (Раскатов, 1954, стр. 73) найдено 4 примитивно обработанных отщепа. Автор придает этой находке стратиграфическое значение и высказывает предположение о том, что она отвечает времени образования склона этой (V) террасы к более низкой (IV) террасе Днестра. Связывая ранний палеолит с древнечетвертичной эпохой, он датирует на этом основании V террасу (наша VI) самыми верхами верхнего плиоцена. Возражений против такой датировки не имеется, но нам представляется, что стратиграфическое значение находки у с. Букив-

на преувеличено. Галечники верхних днестровских террас сильно размыты и на склонах к реке продолжают размываться. Описанные отщепы, сами по себе не являющиеся уже столь характерными, могли находиться среди этих перемытых и смещенных отложений во вторичном залегании. Вряд ли следует придавать этой находке большее стратиграфическое значение, чем обычно придается подъемному материалу, найденному на поверхности высоких террас.

Следы среднего палеолита — мустьерской культуры — известны на Среднем Днестре в нескольких местах; однако это главным образом подъемный материал. Большой интерес в связи с этим представляют описанные выше богатые мустьерские культурные слои стоянок Молодова I и Молодова V. Эти слои развитого мустье, сопровождающиеся фауной мамонта раннего типа, соответствуют концу среднего или началу верхнего плейстоцена (подлежит дальнейшему уточнению).

Интересно упомянуть об условиях нахождения мустьерской стоянки, расположенной южнее описываемого района, у с. Выхватинцы в Молдавии, осмотренной нами в 1947 г.

Здесь, на левом берегу реки в небольшом овраге, прорезающем днестровскую террасу высотой около 50 м, выходят сарматские известняки, образующие цоколь этой террасы. В известняках, на 10 м ниже горизонта террасовых галечников [1], имеется небольшой навес, под которым на глубине около 1 м обнаружен культурный слой с обработанными кремнями. Кремневые орудия, отнесенные первоначально к ашелю (Сергеев, 1950), датируются в последнее время как раннемустьерские (Борисковский, 1953). Поблизости, в узкой нише в известняках, обнаружены многочисленные остатки фауны, среди которой отмечено наличие нескольких молодых особей мамонта раннего типа.

Не возникает никаких сомнений в том, что культурный горизонт образовался здесь после отложения галечников 50-метровой террасы. Если сопоставить эту террасу с III, 40—50-метровой террасой Среднего Приднестровья (есть данные хорошей выдержанности террас на Среднем Днестре) можно предположить, что по времени культурный слой Выхватинцев в той или иной мере соответствует нижним горизонтам стоянок Молодова I и Молодова V или является немного более древним. Находки в обоих случаях остатков мамонта раннего типа подкрепляют это предположение. Но все же следует оговориться, что это предположение может быть сделано только предварительно.

Позднепалеолитические местонахождения Среднего Приднестровья, насчитываемые, как это видно из данных, приведенных в работе А. П. Черныша, многими десятками, приурочены в основном к делювиальным отложениям, развитым на склонах к реке и на поверхности террас.

Неясным остается вопрос о положении остатков так называемого ориньяка. Бóльшая часть стоянок, датировавшихся прежними исследователями ориньяком, при дальнейших исследованиях «омоложена» и отнесена главным образом к мадлену. В изученном районе известно лишь одно ориньякское местонахождение, где культурные остатки этого времени встречены in situ, — это Бабин I (см. фиг. 5 и 15).

Раскопками А. П. Черныша (1951—1953 гг.) ориньякские орудия встречены здесь в урочище Яма, представляющем собой выположенную покатую к реке поверхность высотой около 120 м (размытая V терраса?), прислоненную на Ю к толтровому известняковому массиву (170 м). В южной части урочища близ известнякового массива на глубине 1,7—2,5 м в серо-

[1] В этих галечниках А. П. Чернышом встречены кремневые находки ашельского облика (устное сообщение).

вато-коричневых суглинках, подстилаемых меловыми отложениями, встречен наиболее древний культурный горизонт. Суглинки, имеющие мощность около 1 м, перекрываются слоем известнякового делювия (0,5 м) и выше — толщей бурых глин (около 1 м). На других участках того же урочища ниже по склону на небольшой глубине обнаружены более поздние стоянки, относимые к солютре и мадлену, приуроченные к более высоким слоям разреза делювиальных отложений (см. фиг. 15). Уточнить возраст четвертичных суглинков, включающих ориньякский горизонт, очень трудно. Несомненно одно, что ориньякские слои залегают стратиграфически ниже солютрейских и мадленских, среди наиболее ранних имеющихся здесь делювиальных слоев, сохранившихся у подножия возвышенности. Судя по фауне, сопровождающей находки ориньякских кремневых изделий (северный олень, лошадь, волк, мамонт), они относятся к верхнему плейстоцену.

Яснее вопрос о положении более поздних культур позднего палеолита. В этом отношении стратиграфическим эталоном могут служить многослойные стоянки Вороновица I и особенно Молодова V. Горизонты с солютрейской культурой разных стадий встречены здесь в одном разрезе верхнеплейстоценовых отложений, в слое погребенной почвы, отделяющей толщу лёссовидных суглинков от нижележащих суглинков и супесей с остатками мустьерской культуры. Они образовались, видимо, в условиях сравнительно теплого, «межледникового» климата.

Многочисленные мадленские стоянки Среднего Приднестровья связаны с толщей описанных выше лёссовидных делювиальных суглинков, накопление которых происходило длительное время во второй половине верхнего плейстоцена. Судя по данным стоянки Молодова V, позднемадленские слои и слои, отнесенные А. П. Чернышом уже к раннему мезолиту, залегают последовательно один над другим, но в очень близких геологических условиях с весьма маломощной стерильной прослойкой между ними. Однако это единственное мезолитическое местонахождение, известное здесь, и делать какие-либо выводы общего порядка по этим данным не представляется возможным.

В связи с условиями нахождения позднего палеолита на Среднем Днестре следует сделать небольшое отступление. Подавляющее большинство позднепалеолитических стоянок связано с делювиальными отложениями. Существует мнение, что материал, найденный в делювиальных отложениях, всегда является переотложенным и не может иметь стратиграфического значения. Разумеется, большое количество находок в делювиальных отложениях находится во вторичном залегании. Но вместе с тем теоретически вполне допустимо, а фактически доказано, что на пологих склонах и выступах террас, где отлагались делювиальные осадки, могли существовать в какой-то период стойбища палеолитических охотников, главным образом недолговременные. Следы почти непрерывных процессов почвообразования, наблюдающиеся в делювиальных суглинках, свидетельствуют о том, что поверхность, существовавшая тогда, покрывалась растительностью. Нам представляется, что нахождение непереотложенного культурного слоя наименее вероятно для аллювиальных отложений в их русловой фации. В пойменных же отложениях, как и в делювии, сохранение культурного слоя возможно, и такого типа стоянки известны достаточно широко. Что касается стоянок Молодова V и Молодова I, то они могут служить хорошим примером местонахождений, связанных с делювиальными и делювиально-пролювиальными образованиями. Развитые здесь культурные слои (во всяком случае основные), несомненно, находятся in situ. Может быть, имеющийся в них материал и смещен немного местами, но смещение это незначительно. Об этом наиболее ярко говорят остатки очагов, в которых сохранились обожженные стенки

и выложенные камнем поды. В работе А. П. Черныша с большой точностью и детальностью приведены описания всех этих данных (стр. 14—115 данного тома).

Остатки трипольской культуры в Приднестровье встречены: 1) на высоких участках, на известняках сармата, непосредственно под почвой (Поливанов яр); 2) в нижней части почвенного горизонта, развитого на аллювии I надпойменной террасы (Гнилячка на р. Ушице, против Бакоты на Днестре); 3) в отложениях высокой поймы (Незвиско, Лука Врублевецкая, Журы и др.).

Особый интерес представляет местонахождение у с. Журы, расположенное за пределами изученного района ниже по Днестру. С. Н. Бибиковым (1958) открыто здесь в уступе 7-метровой высокой поймы, на глубине 5,5 м от поверхности трипольское глинобитное жилище, возраст которого определяется примерно в 5500—6000 лет. На 1,40 м выше остатков трипольской культуры встречены остатки поселения первых веков нашей эры. Выше следуют переслаивающиеся пески и супеси — аллювий Днестра.

Положение стоянок каменного века в долине Среднего Днестра (Кельменецкий район) иллюстрируется прилагаемой схемой (см. фиг. 15).

Ко всему изложенному следует добавить, что каньонообразный характер строения долины Днестра в изученном районе и связанное с этим сильное развитие делювиальных, пролювиальных, оползневых и обвальных процессов способствуют тому, что значительное количество палеолитического материала оказывается расположенным на большой глубине и не может быть обнаружено без соответствующих земляных работ. Нам представляется, что дальнейшее производство раскопок в бассейне Днестра имеет в перспективе много новых открытий. При этом для обнаружения древних культурных горизонтов наибольший интерес представляют остатки относительно древних делювиальных отложений, погребенных под лёссовидными суглинками. Отложения эти сохранились лучше всего у внутренних краев террас, где они и могут быть встречены на разной высоте. Лёссовидные суглинки содержат много стоянок мадленской эпохи; это количество, несомненно, будет еще сильно приумножено.

Необходимо также отметить, что многие пункты, где собран обильный подъемный материал, располагаются близ мощных выходов сарматских известняков, в которых имеются пещеры и ниши. Такое положение наблюдается в районе с. Корман, у местонахождения Комарово и в других местах. В районе с. Молодова, между стоянками Молодова I и Молодова V и в непосредственной близости к последней, также выходит небольшой известняковый массив. Выход этот сейчас сильно размыт и разрушен, но сохранившиеся остатки массива на вершине и большое количество крупных известковых блоков (до размеров небольшого сарая), рассеянных по склону, говорят о том, что в эпоху позднего палеолита выход этот мог быть значительно обширнее и служить укрытием для человека.

Исследование днестровских пещер в связи с изучением палеолита (Непоротово, Студеница и др.) дало пока отрицательные результаты. В Непоротово были найдены следы неолита (Botez, 1933). Пещеры Кормана и Комарово труднодоступны для изучения по своему положению на склоне. Тем не менее нам представляется, что археологическое изучение днестровских пещер не должно быть совсем оставлено.

Анализируя приведенные данные, можно прийти к следующему общему заключению.

Палеолитические культуры на стоянках Среднего Приднестровья (принимая даваемую археологами датировку орудий) располагаются в последовательности, близкой к схеме периодизации, принятой для Франции и Чехословакии (хотя они и имеют своеобразные черты).

Геологические условия нахождения многослойных стоянок — ясная и бесспорная последовательная смена культур в одном разрезе — подтверждают это во всех случаях.

Режим развития долины Среднего Днестра, связанный с почти непрерывными поднятиями области в четвертичном периоде, обусловил отсутствие наложенных комплексов аллювиальных отложений, часто усложняющих общую стратиграфическую картину.

Палеолитические стоянки являются надежным элементом стратиграфии при изучении четвертичных отложений Среднего Приднестровья. Они по-видимому, могут быть в той или иной мере использованы также для корреляции четвертичных отложений этой области с четвертичными отложениями ряда других областей Центральной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

Алферьев Г. П. Некоторые соображения о молодых движениях Карпат. Тр. Львовск. геол. об-ва при Гос. ун-те им. Франко, геол. сер., вып. 1, 1948.

Бібіков С. М. Верхнепалеолітичні знаходища на Середньому Подністровьї. Арх. памятки УРСР, т. II, Київ, 1949.

Бибиков С. Н. О времени образования надпойменного уступа в долине среднего течения Днестра. Сов. археология, 1958, № 3.

Бондарчук В. Г. Об ископаемых моллюсках из четвертичных отложений УССР. Тр. II междунар. ассоц. по изуч. четверт. периода, 1937, вып. 1.

Бондарчук В. Г. О лёссе южной части Русской равнины. Сов. геология, 1939а, № 8.

Бондарчук В. Г. Еще о неогеновых и четвертичных террасах Украины. Сов. геология, 1939б, № 10—11.

Бондарчук В. Г. Геологична будова УРСР. Київ, 1947.

Бондарчук В. Г. Геоморфология УРСР. Київ, 1949.

Бондарчук В. Г. Нарис тектонічної будови території Української РСР. Геол. журнал, 1955а, вип. 3.

Бондарчук В. Г. Стратиграфічний поділ четвертинних відкладів південно-західної частини Російської рівнини. Допов. АН УРСР, 1955б, № 3.

Бондарчук В. Г. Генетичні типи та стратиграфія четвертинних відкладів Української РСР. Геол. журнал, 1958, № 1.

Бондарчук В. Г., Веклич М. Ф., Заморий П. К., Пидопличко И. Г., Соколовский И. Л. Путеводитель экскурсий совещания по лёссовым породам УССР. Киев, изд-во АН УССР, 1955.

Борисковский П. И. Работа на Среднем Днестре по изучению палеолита. КСИИМК, XXI, 1947.

Борисковский П. И. Древнепалеолитические местонахождения Среднего Подностровья. Сов. археология, XI, 1949.

Борисковский П. И. Палеолит Украины. Мат. и исслед. по археологии СССР, вып. 40, 1953.

Веклич М. Ф. Моллюски четвертичных континентальных отложений Украинской ССР. Тезисы докл. Всес. междувед. совещ. по изуч. четверт. периода. М., 1957.

Веклич М. Ф. Четвертинні відклади правобережжя Середнього Дніпра. Тр. ін-ту геол. наук АН УРСР, сер. геоморф. та четверт. геол., вип. 3, 1958.

Величко А. А. К вопросу о геологическом возрасте и стратиграфическом значении верхнего палеолита. Изв. АН СССР, сер. геогр., № 2, 1957.

Выржиковский Р. Р. Геологический путеводитель по Западной Подолии. Киев. 1926.

Выржиковский Р. Р. Краткий геологический очерк Могилевского Приднестровья. Вісн. Укр. район. ГР Управи., вип. 14, 1929.

Виржиківський Р. Р. Геологічна мапа України (Наддністрянщина: Могилів—Ямпіль). Укр. геол. розв. тр., Київ, 1933.

Выржиковский Р. Р. Новейшие движения земной коры на Украине. Пробл. сов. геол., т. VI, № 5, 1936.

Герасимов И. П. Общая схема истории развития западной части СССР. Тр. II Всес. геогр. съезда, т. 2, 1948.

Геренчук К. И. Подольские толтры. Изв. ВГО, 1949, № 5.

Геренчук К. И. Геоморфология Подолии. Наукові записки Чернівецького університету, т. VIII, вип. 2, 1950а.

Геренчук К. И. Об асимметрии речных долин Подольского плато. Изв. ВГО, 1950б, № 1.

Геренчук К. И. Опыт тектонической интерпретации общего орогидрографического плана Русской равнины. Наукові записки Чернівецького університету, т. VIII, вип. 2, 1950в.
Геренчук К. И. Ортотектоника Украинской ССР. Наукові записки Чернівецького університету, т. X, вип. 3, 1953.
Геренчук К. И. Опыт геоморфологического анализа тектоники Предкарпатья. Изв. ВГО, 1956, № 1.
Горецкий Г. И. О перигляциальной формации. Бюлл. Ком. по изуч. четверт. периода, № 22, 1958а.
Горецкий Г. И. Буртасское среднеантропогеновое озеро и проблема колебания уровня мирового океана в связи с оледенениями. Бюлл. МОИП, т. XXXIII, вып. 2, 1958б.
Гофштейн И. Д. О некоторых неотектонических явлениях в Приднестровье. Тезисы докл. Всес. междувед. совещ. по изуч. четверт. периода, М., 1957.
Гофштейн И. Д. К истории долины верхнего Днестра. Докл. АН СССР, т. 120, № 1, 1958.
Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Тр. Ин-та геол. наук АН СССР, вып. 64, 1948.
Громов В. И. Геологический возраст палеолита на территории СССР. Мат. по четверт. периоду СССР, вып. 2, 1950.
Громов В. И., И. И. Краснов и К. В. Никифорова. Основные принципы стратиграфического подразделения четвертичной системы и ее нижняя граница. Изв. АН СССР, сер. геол., № 5, 1958.
Дикенштейн Г. Х. Палеозойские отложения юго-запада Русской платформы. Изд. ВНИГНИ, 1957.
Заморий П. К. Неотектоника УССР. Мат. по четверт. периоду СССР, вып. 2, 1950.
Заморий П. К. Четвертичные отложения Украинской ССР. Изд. АН УССР, 1954.
Иванов А. П. Исследования Приднестровской полосы Подольской губ. Bul. Soc. Imp. d. Nat. de Mosc., n. s., t. XI, M., 1897.
Иванов Б. Н. Следы оледенения Украинских Карпат. Наукові записки Чернівецького університету, т. VIII, вип. 2, 1950.
Иванова И. К. О геологических условиях нахождения палеолитических стоянок Среднего Приднестровья. Тезисы докл. Всес. междувед. сов. по изуч. четверт. периода. М., 1957.
Иванова И. К. О геологических условия нахождения стоянки Молодова I (Байлова рипа). Бюлл. Ком. по изуч. четверт. периода, № 22, 1958.
Каманин Л. Г. и Эберзин А. Г. К вопросу о возрасте террас Днестра. Тр. Ин-та геогр. АН СССР, вып. 51, 1952.
Королюк И. К. Подольские толтры и условия их образования. Тр. Ин-та геол. наук АН СССР, вып. 110, геол. сер., № 56, 1952.
Красівський Л. Геологічні досліди в Північній Бесарабії. Каменец-Подольск, 1924.
Ласкарев В. Д. Исследования в Северной Бессарабии в области 18-го листа. Изв. Геол. ком., т. XXXI, № 1, 1912.
Лейбман К. И. Новые находки Elephas на территории Подолии. Рукопись, 1958.
Лунгерсгаузен Л. Ф. Деякі риси четвертинної геоморфології УРСР Наукові записки Київського держ. університету, Геол. збірник, т. I, 1935.
Лунгерсгаузен Л. Ф. Террасы Днестра. Докл. АН СССР, т. XIX, № 4, 1938а.
Лунгерсгаузен Л. Ф. Фауна Днестровских террас. Геол. журнал, т. V, вып. IV, Киев, 1938б.
Лунгерсгаузен Л. Ф. Плиоценовая гидрография юга Украины. Докл. АН СССР, т. XIX, № 4, 1938в.
Лунгерсгаузен Л. Ф. Этапы развития Подольской платформы и ее причерноморского склона. Тр. Нефт. конференции 1938, М.— Л., 1939.
Лунгерсгаузен Л. Ф. Геологічна еволюція Поділля и Південного Наддністров'я. Тр. мол. учених Укр., Київ, вид. АН УРСР, 1941.
Маринич О. М. Про похождения врізаних меандрів р. Дністра. Наукові записки Київського держ. університету, т. 9, вип. 1, 1950, стр. 19—23.
Мирчинк Г. Ф. Четвертичные движения правобережной части украинской кристаллической полосы. Изв. АН СССР, сер. геол., № 1, 1936.
Москвитин А. И. Стратиграфическая схема четвертичного периода в СССР и ее принципиальное и краткое фактическое обоснование. Тр. Ком. по изуч. четверт. периода, XIII, 1957а.

Москвитин А. И. О лёссовых горизонтах и причинах захоронения межледниковых почв. Сб. «Лёссовые породы Украины». Тр. Ін-ту геол. наук АН УРСР, сер. геоморф. та четверт. геол., вип. 1, 1957б.
Москвитин А. И. Современные представления о стратиграфическом делении и длительности плейстоцена. Бюл. Ком. по изуч. четверт. периода, № 23, 1959.
Никифорова О. И. Стратиграфия и брахиоподы силурийских отложений Подолии. Тр. ВСЕГЕИ, Госгеолтехиздат, 1954.
Пидопличко И. Г. и Габович Р. Д. Визначення геол. віку викопних кісток фторовим методом и методом прожарювання. Геол. журнал, т. XIII, вип. 1, 1953.
Полянський Ю. Подільскі этюди. Збірн. прир. мат. лікарск. секції наукового т-ва им. Шевченко, т. XX, 1929.
Радзіевський В. І. Геоморфологічне районування Вінницького Придністров'я. Геол. журнал, т. XVI, вип. 2, 1956.
Радзіевський В. І. Нова знахідка древньочетвертинних молюсків на Середньому Дністрі. Допов. АН УРСР, № 6, 1957а.
Радзіевський В. І. Геоморфологія та четвертинні відклади району будівництва Кам'янской ГЕС на Дністрі. Допов. АН УРСР, № 1, 1957б.
Раскатов Г. И. К вопросу о четвертичной фауне, флоре и палеолите Восточных Карпат, Предкарпатья и Закарпатья. Бюлл. Ком. по изуч. четверт. периода, № 18, 1953.
Раскатов Г. И. О находке древнепалеолитических орудий у с. Букивна на Днестре и о ее стратиграфическом значении. Геол. сборник Львовск. геол. об-ва, т. I, 1954.
Раскатов Г. И. О генезисе лёссов Предкарпатской равнины. Тр. Геол. ф-ка Воронежск. гос. ун-та, вып. 39, 1955.
Рогачев А. Н. Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита Восточно-Европейской равнины. Мат. и исслед. по археологии СССР, вып. 39, 1953.
Родионов С. П. Пегматиты чарнокитовой серии Подолии. Геол. журнал, т. XVIII, вып. 2, 1958.
Ромоданова А. П. Геоморфология и четвертичные отложения междуречий Южный Буг—Днестр в пределах Причерноморской впадины. Автореферат диссертации, Киев, 1951.
Ромоданова А. П. Лёссовые породы Причерноморья. Сб. «Лёссовые породы Украины». Тр. Ин-та геол. наук АН УССР, сер. геоморф. и четверт. геол., вып. 1, 1957.
Рудницький Ст. Знадоби до морфології Подільского сточища Дністра. Збірн. прир. мат. лікарск. секц. наукова т-ва им. Шевченко, т. XII, 1913.
Самодуров П. С. Минералогия и генезис лёссовых и красноцветных пород юго-западных областей СССР, ч. I—III, Якутск, 1957.
Сергеев Г. П. Позднеашельская стоянка в гроте у с. Выхватинцы. Сов. археология, XII, 1950.
Синцов И. Ф. Геологическое строение Бессарабской области. Зап. Новоросс. об-ва ест., т. I, Одесса, 1872—1873.
Соколовский И. Л. Лёссовые породы Западной части УССР. Тр. Ин-та геол. наук АН УССР, сер. геоморф. и черверт. геол. вып. 2, 1958а.
Соколовский І. Л. Викопні грунти в лесових породах західної частини УРСР. Геол. журнал, т. XVIII, вип. 3, 1958б.
Стащук М. Ф. До стратиграфії німої теригенної товщі нижньопалеозойських вкладів Середнього Придністров'я. Геол. журнал, т. XVII, вип. 2, 1957.
Сухов И. М. Землетрясения в Молдавской ССР и их возможная связь с тектоникой. Уч. зап. Кишеневского гос. ун-та, т. I, вып. 1, 1949.
Сухов И. М. Опыт геоморфологического деления Бессарабии. Докл. АН СССР, нов. сер., т. XXIII, № 3, 1950а.
Сухов И. М. Некоторые данные о стратиграфическом положении «подольского яруса». Докл. АН СССР, нов. сер., т. 71 (LXXI), № 2, 1950б.
Тимофеев Б. В. Древнепалеозойские отложения в Молдавии. Докл. АН СССР, т. 86, № 6, 1952.
Утробин В. Н. До геології долини р. Дністра. Геол. журнал, т. XVIII, вип. 4, 1958.
Фаткин К. И. Увеличение поемности плавней Днестра как одно из доказательств современного опускания прилежащих частей Северного Причерноморья. Изв. АН СССР, сер. геогр., № 1, 1957.
Цысь П. Н. Схема геоморфологического районирования западных областей Украинской ССР. Уч. зап. Львовского гос. ун-та, геол. сб., т. 18, вып. 1, 1951.
Чернышь А. П. Мустьерские местонахождения Среднего Поднестровья. КСИИМК, АН СССР, вып. XLVIII, 1952.
Черниш О. П. Звіт про дослідження палеоліту на Середньому Дністрі у 1949 р. Наукові записки ін-ту суспільн. наук, т. I, Київ, 1953.

Черныш А. П. Палеолитическая стоянка Бабин I по материалам раскопок 1949—1950 гг. КСИИМК АН СССР, XLIX, 1953б.
Черниш О. П. Карта палеоліту УРСР. Мат. і досл. по археол. УРСР. Наукові записки Львовск. Філ. АН УРСР, т. II. Київ, 1954.
Черныш А. П. Палеолитическая стоянка Молодова I. Бюлл. Ком. по изуч. четверт. периода, № 22, 1958.
Эберзин А. Г. Об отложениях с Unio sturi и его значении для стратиграфии плиоцена Украины и Молдавии. Докл. АН СССР, т. 108, № 4, 1956, стр. 723—725.
Яковлев С. А. Основы геологии четвертичных отложений Русской равнины (стратиграфия). Тр. ВСЕГЕИ, нов. сер., т. 17, 1956.
Ambrojevici C. Les traces de l'homme diluvial en Bessarabie. Bull. Mus. Nat. Chisinau, fasc. 1, 1926.
Botez J. G. Date paleolitice pentru stratigrafia loessului in Nordul Basarabiei. Acad. Rom. Mem., Sec. stiint., ser. III, t. VII, mem. 5, Bucureşti, 1930.
Botez J. Recherches de paléontologie humaine au Nord de la Bessarabie. Ann. sci. Univ. Jassy, t. XVII, 1933.
Czyżewski J. Z historyi doliny Dnestru. Prace geograficzne, z. X, Lwow, 1928.
Florow N. Die Quartärformation in Bessarabien. Bull. Mus. Nat. Chisinau, fasc. 1, 1926.
Moroşan N. N. Le moustérien dans le Nord de la Moldavie. L'Anthropologie, t. XLI, № 1—2, Paris, 1931.
Moroşan N. N. Le pléistocène et la paléolithique de la Roumanie du Nord-Est. An. Inst. Geol. al Romaniei, vol. XIX, Bukureşti, 1938.
Polanskyi G. Posttertiäre Krustbewegungen im Südpodolien. Sitz. d. Mat.-Nat. Sect., Ševčenko-Ges. in Lemberg, H. 10, 1929.
Polanskyi G. Reconstruction der geographischen Verhältnisse des Jungpaläolithikums der podolisch-bessarabischen Provinz. Праци Геогр. ком. наукове т-ва им. Шевченко, Львов, вып. 1, 1935, стр. 3—23.
Teisseyre W. Grzbiet Gologorsko — Krzemienieceki jako zjawisko orotektoniczne. Kosmos, Lwów, 1893.
Teisseyre W. Der paläozoische Horst von Podolien und die ihn umgebende Senkungsfelder. Beitr. z. Paläont. und Geologie, Bd. 15, 1903.
Teisseyre H. Spraczenia teras wschodniopolskiego Podkarpacia w stosunku do kulminacyi fliszu obwodowego. Geologia i statystyka naftowa Polski, 1933, № 3
Vascauţanu Th. Urmele Omului preistoric in Romania. Revista stintifica V, Adamache, Jasi, 1925, vol. XI, № 3.
Vascauţanu Th. Asupra formatiunilor mediteraniene din Nordul Basarabiei. Acad. Rom. Mem., Sect. ştiint., ser. III, t. III, Bucureşti, 1925.
Vascauţanu Th. Les formations silurienns de la rive Roumanie du Dniester. Extr. d. An. Inst. Geol. al. Rom., vol. XV, 1931.

СОДЕРЖАНИЕ

А. П. Черныш. *Поздний палеолит Среднего Приднестровья* 5

Глава I. История исследования палеолита Среднего Приднестровья 5
Глава II. Многослойные стоянки Среднего Приднестровья по данным исследований 1949—1958 гг. 14
Глава III. Обзор позднепалеолитических памятников Среднего Приднестьяров 116
Глава IV. Заключение 164
Литература 196
Приложение. Алфавитный указатель позднепалеолитических стоянок и местонахождений Приднестровья 209

И. К. Иванова. *Геологические условия нахождения палеолитических стоянок Среднего Приднестровья* 215

I. Введение 215
II. Геологическое строение района 216
III. Многослойная палеолитическая стоянка Молодова I (Байлова рипа) 240
IV. Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V 254
V. Другие палеолитические и неолитические местонахождения описываемого района 262
VI. Заключение 271
Литература 275

Палеолит Среднего Приднестровья

Труды Комиссии
по изучению четвертичного периода, XV

*

Утверждено к печати
Комиссией по изучению четвертичного периода
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Б. С. Шохет*
Технический редактор *Ю. В. Рылина*

*

РИСО АН СССР № 100-32В Сдано в набор 14/VIII 1959 г.
Подписано к печати 26/XI 1959 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Печ. л. 17,5+9 вкл. Усл. л. 23,97. Уч.-изд. л. 24,60+9 вклеек
Т-12288 Тираж 1200 Изд. № 3980. Тип. зак. № 2187

Цена 16 р. 25 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
16	2 св.	Эти оледенения	Это оледенение
67	Фиг. 30		
	2 св.	геологических	археологических
94	20 сн.	210×13×12 мм	210×13×12 мм (фиг. 45, № 33)
161	14 св.	прокалывания	прокаливания
183	29—30 св.	каспийской	капсийской
192	1 св.	Приднепровья	Приднестровья
197	1—2 св.	позднепалеолитических общин	позднепалеолитического общества
203	2 сн.	Revue préhistorique, Paris, 1929	Revue anthropoloqigue, Paris, 1920
204	6 св.	à Vantés	Avantès (Ariège)
204	30 св.	Paris, 1911, № 22	Paris, 1912, № 12
227	24 сн.	al N_3^2	al N_2^3
229	4 св.	$Cr\,{}^{m}_{c2}$	Cr_2^{cm}
258	19 сн.	в природе	в породе
263	3 св.	*3*—alQ_{4-2-3}	*3*—alQ_{1-2-3}
271	14 сн.	камней	кремней
279	6—7 св.	Приднестьяров	Приднестровья